

ВЕСТНИК

САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1995 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 6 (149) • 2022

ISSN 2227-7315

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Учредитель — Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия». 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

Адрес редакции и издателя — 410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия».
Тел.: (8452) 29-90-87
E-mail: vestnik2@ssla.ru

Распространяется по подписке.
Подписной индекс 46490. Подписка на печатные издания на сайте «Объединенного каталога „Пресса России”» www.pressa-rf.ru и интернет-магазина «Пресса по подписке» <https://www.akc.ru>

Цена свободная.

Электронная версия размещена на официальном сайте Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» по адресу:
<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) 28 сентября 2018 г. ПИ № ФС77-73750.

Главный редактор **В.В. Нырков**
Редактор, корректор **М.В. Седова**

Верстка **Е.С. Сидоровой**

Подписано в печать 25.12.2022 г. Дата выхода в свет 30.12.2022 г. Формат 70×108¹/₁₆.
Усл. печ. л. 26,6. Уч.-изд. л. 22,1. Тираж 950 экз. Заказ № 2.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.В. Нырков	кандидат юридических наук, доцент (гл. редактор) (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Б. Аникин	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
А.П. Анисимов	доктор юридических наук, профессор (Волгоградский институт управления – (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
С.Ф. Афанасьев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Т. Аширбекова	доктор юридических наук, доцент (Волгоградский институт управления (филиал) ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»)
В.М. Баранов	доктор юридических наук, профессор (Нижегородская академия МВД России)
С.А. Белоусов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Бит-Шабо	доктор юридических наук, доцент (Российский государственный университет правосудия)
А.Л. Благодир	доктор юридических наук, доцент (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
А.Г. Блинов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Д.С. Боклан	доктор юридических наук (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»)
Н.Л. Бондаренко	доктор юридических наук, профессор (Международный университет «МИТСО» (Республика Беларусь))
Д.Х. Валеев	доктор юридических наук, профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
А.Н. Варыгин	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Н.Д. Вершило	доктор юридических наук, профессор (Российский государственный университет правосудия)
А.Ю. Винокуров	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
Н.И. Грачев	доктор юридических наук, профессор (Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации)
Р.Ш. Давлетгильдеев	доктор юридических наук, доцент (Казанский (Приволжский) федеральный университет)
Т.В. Заметина	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Иванчин	доктор юридических наук, доцент (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова)
О.В. Исаенкова	доктор юридических наук, профессор (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
А.М. Каминский	доктор юридических наук, профессор (Удмуртский государственный университет)

Н.Н. Карпов	доктор юридических наук, профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
А.И. Клименко	доктор юридических наук, профессор (Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)
Н.Н. Ковалева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
Г.Н. Комкова	доктор юридических наук, профессор (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)
Н.С. Манова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
А.В. Минбалеев	доктор юридических наук, доцент (Южно-Уральский государственный университет)
П.Е. Морозов	доктор юридических наук, доцент (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
Н.А. Подольный	доктор юридических наук, доцент (Средне-Волжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский университет юстиции» (РПА Минюста России)
Е.В. Покачалова	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.Т. Разгильдиев	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
М.Б. Разгильдиева	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
О.С. Рогачева	доктор юридических наук, доцент (Воронежский государственный университет)
О.М. Родионова	доктор юридических наук, профессор (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина)
А.Ю. Соколов	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Ж. Соловых	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
Ю.В. Францифоров	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
В.С. Хижняк	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
З.И. Цыбуленко	доктор юридических наук, профессор (Саратовская государственная юридическая академия)
С.Е. Чаннов	доктор юридических наук, профессор (Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС)
Л.Г. Шапиро	доктор юридических наук, доцент (Саратовская государственная юридическая академия)
И.В. Шестерякова	доктор юридических наук, доцент (зам. главного редактора) (Саратовская государственная юридическая академия)
Б.С. Эбзеев	доктор юридических наук, профессор (Центральная избирательная комиссия РФ)

SARATOV
STATE
LAW ACADEMY

BULLETIN

ACADEMY JOURNAL
ESTABLISHED IN JANUARY, 1995
PUBLISHED SIX (6) TIMES A YEAR

САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

№ 6 (149) • 2022

ISSN 2227-7315

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the List of Russian peer-reviewed scientific journals in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor and Candidate of Sciences should be published

The founder is the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy". 410056, Saratov, Volskaya str., 1.

The address of the editorial office and publisher is 410056, Saratov, Volskaya str., 1. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy".

Phone: (8452) 29-90-87

E-mail: vestnik2@ssla.ru

Distributed by subscription.

The subscription index is 46490. Subscription to printed publications on the website of the "United Catalog "Press of Russia"" www.pressa-rf.ru and the online store "Subscription Press" <https://www.akc.ru>

The price is free.

The electronic version is available on the official website of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Saratov State Law Academy" at:

<http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>

The journal is registered by the Permitting Department in the Field of Mass Communications of the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor) September 28, 2018 PI No. FS77-73750.

Chief Editor ***V.V. Nyrkov***

Editor, proofreader ***M.V. Sedova***

Layout by ***E.S. Sidorova***

Signed in print 25.12.2022. Date of publication 30.12.2022. Format 70×1081/16.

Pr. sheet. 26,6. Ed. print. 22,1. The circulation is 950 copies. Order № 2.

Printed in the printing house of the publishing house
Saratov State Law Academy. 410056, Saratov, ul. Volskaya, 1.

© FSBEE HE Saratov State
Law Academy, 2022

EDITORIAL BOARD

V.V. Nyrkov	candidate of Legal Sciences, Associate Professor (Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
S.B. Anikin	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
A.P. Anisimov	doctor of law, Professor ((Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
S.F. Afanasiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.T. Ashirbekova	doctor of law, Associate professor (Volgograd Institute of Management (branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)
V.M. Baranov	doctor of law, Professor (Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs)
S.A. Belousov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Bit-Shabo	doctor of law, Associate professor (Russian State University of Justice)
A.L. Blagodir	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
A.G. Blinov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
D.S. Boklan	doctor of law, Associate professor (National research University "Higher school of Economics")
N.L. Bondarenko	doctor of law, Professor (International University «MITSO» (Republic of Belarus))
D.K. Valeev	doctor of law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
A. N. Varygin	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
N.D. Vershilo	doctor of law (Russian State University of Justice (Moscow))
A.Yu. Vinokurov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
N.I. Grachev	doctor of law, Professor (Volgograd Academy of the Ministry of the Interior Russian Federation)
R.S. Davletgildeev	doctor of law, Associate professor (Kazan (Volga region) Federal University)
T.V. Zametina	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Ivanchin	doctor of law, Associate professor (Yaroslavl State University named after him. P. G. Demidov)
O.V. Isaenkova	doctor of law, Professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
A.M. Kaminsky	doctor of law, Professor (Udmurt State University)
N.N. Karpov	doctor of law, Professor (Prosecutor University of the Russian Federation)
A.I. Klimenko	doctor of Law, Professor (V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)
N.N. Kovaleva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
G.N. Komkova	doctor of law, Professor (Saratov national research state University named after N. G. Chernyshevsky)
N.S. Manova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
A.V. Minbaleev	doctor of law, Associate professor (South Ural State University)
P.E. Morozov	doctor of law, Associate professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
N.A. Podolnyi	doctor of law, Associate professor (Srednevolzhsky Institute (branch) All-Russian University of Justice (RPA) of the Ministry of justice)

E.V. Pokachalova	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
B.T. Razgildiev	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
M.B. Razgildieva	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
O.S. Rogacheva	doctor of law, Associate professor (Voronezh State University)
O.M. Rodionova	doctor of law, Professor (Moscow State Law University named after O. E. Kutafin)
A.Yu. Sokolov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.Zh. Solovykh	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
Yu.V. Frantsiforov	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
V.S. Khizhnyak	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
Z.I. Tsybulenko	doctor of law, Professor (Saratov State Law Academy)
S.E. Channov	doctor of law, Professor (Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of RANE SM)
L.G. Shapiro	doctor of law, Associate professor (Saratov State Law Academy)
I.V. Shesteryakova	doctor of law, Associate professor (Deputy Chief Editor) (Saratov State Law Academy)
B.S. Ebzeev	doctor of law, Professor (Central electoral Commission)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- 15 **Т.А. Дураев, Н.В. Тюменева**
Правовая природа как категория правоведения
- 23 **Е.С. Лебедева**
Правовые основы деятельности государственных кредитных учреждений в Российской империи первой трети XIX века: историко-правовой аспект
- 31 **Е.П. Рысина, А.А. Леонкин**
Общие и специальные нормативные предписания в процессуальном праве: диалектика взаимосвязи и проблема баланса
- 38 **А.А. Свистунов**
Понятие инноваций в российском законодательстве
- 44 **О.С. Сурков**
Преемственность дискурса националистической интеллигенции Российской империи начала XX века консервативной европейской традиции на примере исторической школы права
- 53 **А.В. Зенкина, Е.С. Гречкина**
Процессуальный юридический факт как общетеоретическое понятие: сопоставление позиций и необходимость продолжения разработки

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

- 59 **И.О. Кузнецова, В.Ф. Борисова, Н.В. Спесивов**
Актуальные проблемы эффективности межведомственного взаимодействия в системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в свете новых вызовов
- 68 **И.О. Кузнецова, В.Ф. Борисова, Н.В. Спесивов**
Эффективность деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в аспекте новейших тенденций защиты прав детей
- 75 **С.Б. Пашенько**
Административные акты: признаки, сущность, правовое определение
- 84 **А.А. Стародубов, Е.С. Архипова**
Перспективы формирования единого информационного пространства в целях профилактики правонарушений в молодежной среде
- 94 **А.А. Краснощеков**
Процедура аккредитации как разновидность административных процедур в сфере высшего образования
- 99 **Е.С. Архипова**
Основные направления взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в сфере профилактики жестокого обращения в отношении несовершеннолетних

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- 111 **О.Ю. Ситкова**
Право на жилище в контексте реализации права ребенка на защиту и заботу, необходимые для его благополучия

- 117 **А.А. Очкина**
Особенности возникновения отцовских правоотношений

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

- 124 **Т.А. Григорьева, Ю.В. Эргюева**
К вопросу об арбитражной процессуальной правоспособности в контексте применения технологий искусственного интеллекта
- 133 **О.А. Бахарева**
Некоторые вопросы, возникающие при использовании электронных технологий в гражданском судопроизводстве
- 139 **Г.И. Вершинина**
О правовом регулировании завершения предварительного судебного заседания и открытия судебного заседания по гражданским делам
- 146 **Е.М. Кобзаренко**
Установление надлежащего ответчика при распространении диффамационных сведений в сети Интернет
- 156 **М.С. Береговский**
Перспективы расширения категории гражданских дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

- 166 **О.В. Зайцева**
Способы профилактико-правового регулирования отношений в сфере защиты законности и правопорядка
- 176 **В.С. Уманец, Е.С. Комиссаренко**
Влияние общественной опасности преступления на назначение наказания и постановление законного, обоснованного и справедливого приговора как высшего акта правосудия

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- 183 **Н.А. Кирдина, Г.Б. Петрова**
Обоснованность решений об избрании мер пресечения как гарантия исключительности ограничений конституционных прав личности
- 193 **Н.О. Овчинникова**
Пробелы правового регулирования производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц
- 202 **М.С. Ремизова**
К вопросу о процессуальной форме собирания доказательств адвокатом в уголовном судопроизводстве

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

- 211 **Е.В. Богатова, А.В. Шмелев**
Проблемы прокурорского надзора в сфере защиты объектов культурного наследия
- 217 **Е.Л. Никитин, Г.В. Дытченко**
Проблемы обеспечения законности мер государственного принуждения в оперативно-разыскном процессе
- 226 **В.Ю. Шобухин**
К дискуссии о функциях прокуратуры Российской Федерации и некоторых проблемах их правового регулирования

КРИМИНАЛИСТИКА

- 233 Т.М. Бараев, Л.Г. Шапиро, В.С. Чесноков**
Повторная судебно-медицинская экспертиза и заключение специалиста-медика как средства доказывания по уголовным делам
- 243 Д.А. Ефремов**
Отдельные направления структурно-содержательной трансформации криминалистической науки в условиях цифровизации
- 250 А.Б. Смушкин**
Цифровая трансформация криминалистики. Часть I (цифровая трансформация общей теории криминалистики и криминалистической техники)
- 257 И.В. Усанов**
Гибель П.А. Столыпина (криминалистический анализ)

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

- 263 Д.В. Марков**
Генезис источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей
- 271 А.Ю. Сафонов**
Критерии оценки налоговых расходов в Российской Федерации

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

- 279 Н.Н. Ковалева**
Структурирование данных, обрабатываемых субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних
- 283 Л.Н. Бокова**
Организационно-правовые аспекты интегрирования электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в образовательный процесс
- 289 В.А. Зоз, А.С. Лагуточкина**
Об отдельных направлениях правового регулирования сетевой безопасности цифровой среды в условиях противодействия подростковой преступности
- 298 И.А. Силантьева**
Нормативное регулирование цифровизации бюджетной сферы: современное состояние и перспективы

ИНФОРМАЦИЯ

- 303 В диссертационных советах**

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

- 16 **T.A. Duraev, N.V. Tyumeneva**
Legal Nature as a Category of Law
- 23 **E.S. Lebedeva**
Legal Bases of State Credit Institutions Activity in the Russian Empire in the First Third of the XIX Century: Historical and Legal Aspect
- 31 **E.P. Rysina, A.A. Leonkin**
General and Special Normative Prescriptions in Procedural Law: the Dialectic of Interrelation and the Problem of Balance
- 38 **A.A. Svistunov**
The Concept of Innovation in Russian Legislation
- 45 **O.S. Surkov**
The Continuity of the Discourse of the Nationalist Intelligentsia of the Russian Empire in the Early 20th Century with the Conservative European Tradition on the Example of the Historical School of Law
- 53 **A.V. Zenkina, E.S. Grechkina**
Procedural Legal Fact as a General Theoretical Concept: Comparison of Positions and the Need to Continue Development

ADMINISTRATIVE AND MUNICIPAL LAW

- 60 **I.O. Kuznetsova, V.F. Borisova, N.V. Spesivov**
Actual Problems of Effectiveness of Inter-Agency Interaction in the System of Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency in the Light of New Challenges
- 69 **I.O. Kuznetsova, V.F. Borisova, N.V. Spesivov**
The Efficiency of Commissions for Juvenile Affairs and Protection of Minors' Rights in the Context of the Latest Trends in the Protection of Children's Rights
- 75 **S.B. Pashenko**
Administrative Acts: Features, Essence, Legal Definition
- 85 **A.A. Starodubov, E.S. Arkhipova**
Prospects for the Formation of a Common Information Space for Preventing Delinquency Among Young People
- 94 **A.A. Krasnoshchekov**
The Accreditation Procedure as a Kind of Administrative Procedures in Higher Education
- 100 **E.S. Arkhipova**
Main Directions of Interaction Between the Subjects of the System of Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency in the Prevention of Abuse Against Minors

CIVIL LAW

- 12 111 **O.Yu. Sitkova**
The Right to Housing in the Context of the Child's Right to Protection and Care Necessary for His or Her Well-Being

- 117 **A.A. Ochkina**
Peculiarities of the Emergence of Parental Legal Relations

CIVIL PROCEDURE. ARBITRATION PROCESS

- 125 **T.A. Grigorieva, Yu.V. Ergyueva**
On the Issue of Arbitral Procedural Standing in the Context of Application of Artificial Intelligence Technologies
- 134 **O.A. Bakhareva**
Some Issues Arising from the Use of Electronic Technologies in Civil Proceedings
- 140 **G.I. Vershinina**
On the Legal Regulation of the Completion of the Preliminary Hearing and Opening of the Court Session in Civil Cases
- 146 **E.M. Kobzarenko**
Establishing a Proper Defendant for Defamation on the Internet
- 156 **M.S. Beregovskiy**
Prospects for Expanding the Category of Civil Cases Dealt with through Simplified Proceedings

CRIMINAL AND PENAL ENFORCEMENT LAW

- 167 **O.V. Zaitseva**
Ways of Preventive Legal Regulation of Relations In the field of Law and Order Protection
- 177 **V.S. Umanets, E.S. Komissarenko**
Influence of Public Danger of a Crime on Sentencing and the Imposition of a Lawful, Reasonable and Fair Sentence as the Highest Act of Justice

CRIMINAL PROCEEDINGS

- 184 **N.A. Kirdina, G.B. Petrova**
Reasonableness of Decisions on the Imposition of Preventive Measures as a Guarantee of Exclusivity of Restrictions on the Constitutional Rights of the Individual
- 193 **N.O. Ovchinnikova**
Gaps in Legal Regulation of Criminal Proceedings Against Certain Categories of Persons
- 202 **M.S. Remizova**
On the Procedural Form of the Collection of Evidence by an Advocate in Criminal Proceedings

PROSECUTOR'S SUPERVISION AND CRIMINOLOGY

- 211 **E.V. Bogatova, A.V. Shmelev**
Problems of Prosecutorial Oversight in the Protection of Cultural Heritage
- 218 **E.L. Nikitin, G.V. Dytchenko**
Problems of Ensuring the Legality of Measures of State Coercion in the Operational and Investigative Process
- 226 **V.Yu. Shobukhin**
To the Discussion of the Functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and Some Problems of Their Legal Regulation

CRIMINALISTICS

- 234 T.M. Baraev, L.G. Shapiro, V.S. Chesnokov**
Repeated Forensic Medical Examination and Conclusion of a Medical Specialist as a Means of Proof in Criminal Cases
- 243 D.A. Efremov**
Certain Directions of Structural and Content Transformation of Forensic Science Under Conditions of Digitalization
- 250 A.B. Smushkin**
The Digital Transformation of Forensic Science. Part I (digital Transformation of General Forensic Theory and Forensic Technology)
- 257 I.V. Usanov**
P.A. Stolypin's Death (Forensic Analysis)

FINANCIAL, BANKING AND CUSTOMS LAW

- 263 D.V. Markov**
Genesis of the Sources of Financial and Legal Regulation of the Customs Payments Establishment
- 271 A.Yu. Safonov**
Criteria for Assessing Tax Expenditures in the Russian Federation
- 290 V.A. Zoz, A.S. Lagutochkina**
On Certain Directions of Legal Regulation of Network Security of the Digital Environment in the Context of Countering Juvenile Delinquency

OTHER BRANCHES OF LAW

- 279 N.N. Kovaleva**
Structuring of Data Processed by the Subjects of the System of Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency
- 283 L.N. Bokova**
Organizational and Legal Aspects of Integrating E-learning and Distance Learning Technologies in the Educational Process
- 298 I.A. Silantieva**
Regulatory Regulation of Digitalization of the Public Sector: Current State and Prospects

INFORMATION

- 303** In Dissertation Councils

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-15-22
УДК 340

Т.А. Дураев, Н.В. Тюменева

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КАК КАТЕГОРИЯ ПРАВОВЕДЕНИЯ

Введение: обращается внимание на частое использование и многооборотность термина «правовая природа», что свидетельствует о его востребованности при характеристике правовых явлений и процессов. Вместе с тем отмечается, что исследователи вкладывают различный смысл в понимание правовой природы, что порождает неопределенность в вопросе о том, какие признаки, аспекты и значения необходимо проанализировать, чтобы охарактеризовать и раскрыть ее. **Цель:** обосновать синтетический характер термина «правовая природа», что позволяет в целостном, обобщенном виде представить характеристику того или иного правового явления или социального феномена, имеющего правовой смысл (аспект), связывать и логично сочетать весь набор его характеристик, и тем самым очертить видимый предел объектно-предметной области познания. **Методологическая основа:** теоретический и эмпирический анализ. **Результаты:** проанализированы сложившиеся подходы к характеристике термина «правовая природа»: узкий — в соответствии с которым правовая природа отождествляется с сущностью и сущностными признаками явления, и широкий — согласно которому установление правовой природы явления порождает необходимость в исследовании разнообразных признаков явления. Отмечается предпочтительность второго подхода, но указывается на необходимость его доработки. **Выводы:** правовая природа — это термин правоведения, имеющий самостоятельное методологическое значение, имеющий научный потенциал для построения обобщений на уровне категориального строя, необходимого для формирования метауровня правовой науки.

Ключевые слова: правовая природа, объектно-предметная область познания, сущность, пределы познания, категориальный комплекс.

© Дураев Таулан Азреталиевич, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры таможенного, административного и финансового права (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского), доцент кафедры конституционного права имени профессора И.Е. Фарбера (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: taulan-d@yandex.ru

© Тюменева Наталия Владимировна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского); e-mail: tumeneva82@mail.ru

© Duraev Taulan Azretalievich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Customs, Administrative and Financial Law (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky), Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I.E. Farber (Saratov State Law Academy)

© Tyumeneva Natalia Vladimirovna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law (Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevskiy)

Т.А. Duraev, N.V. Tyumeneva

LEGAL NATURE AS A CATEGORY OF LAW

Background: attention is drawn to the frequent use and reusability of the term “legal nature”, which indicates its relevance in the characterization of legal phenomena and processes. However, it is noted that researchers put different meanings into the understanding of legal nature, which creates uncertainty in the question of what signs, aspects and meanings should be analyzed in order to characterize and disclose it. **Objective:** to substantiate the synthetic nature of the term “legal nature”, which allows in a holistic, generalized form to present a characteristic of a legal phenomenon or social phenomenon that has legal meaning (aspect), to interconnect and logically combine the whole set of its characteristics, and thus outline the visible limit of the object and subject area of knowledge. **Methodology:** theoretical and empirical analysis. **Results:** the existing approaches to the characterization of the term “legal nature” are analyzed: narrow, according to which the legal nature is identified with the essence and essential features of the phenomenon, and broad, according to which the establishment of the legal nature of the phenomenon generates the need to study a variety of features of the phenomenon. The preference of the second approach is noted, but the need to refine it is pointed out. **Conclusions:** the authors came to the conclusion that legal nature is a term of jurisprudence, which has an independent methodological meaning, which has the scientific potential to build generalizations at the level of the categorical structure necessary for the formation of the meta-level of legal science.

Key-words: legal nature, object and subject area of cognition, essence, limits of cognition, categorical complex.

В юридической литературе и судебной практике термин «правовая природа» довольно часто встречается и его определяющее значение состоит в познании предмета исследования. Это далеко не бессодержательная фигура речи, не метафора, не образ. За ним стоит определенный правовой смысл. Правовую природу ученые определяют у различных правовых феноменов: у давно известных и только появившихся; у распространенных и уникальных; существующих в правовой доктрине и законодательно закрепленных; у российских, зарубежных, международных институтов и процессов. Очень часто исследователи видят необходимость в раскрытии правовой природы у тех явлений, которые изначально не были правовыми, но после их закрепления в законодательстве, приобрели правовой смысл и значение.

Таким образом, термин «правовая природа» обладает многооборотностью, востребованностью и является часто употребляемым в юридическом лексиконе. Однако его содержание нельзя считать до конца сформированным, а сущность — до конца познанной; ученым только предстоит встроить его в систему терминов и понятий юридической науки [1, с. 159]. Без этого использование термина «правовая природа» будет сопровождаться многовариативностью его смыслов и интерпретаций.

Выявить правовую природу явления — это значит охарактеризовать явление определенным образом. А вот каким? Какие аспекты, признаки, характеристики необходимо раскрыть, чтобы познать правовую природу явления? Этот вопрос

является камнем преткновения, порождающим разночтения среди ученых по набору признаков, характеризующих правовую природу и пределы ее исследования у изучаемого явления.

Сложно сказать, кто первым из правоведов ввел в юридический лексикон термин «правовая природа», но он стал неотъемлемой составляющей научных работ различного уровня: диссертационных исследований и монографий, бесчисленного множества научных публикаций как по общей теории права, так и по отраслевым юридическим наукам, которые публиковались в разные временные периоды.

Наиболее активно термин «правовая природа» стал использоваться советскими учеными и выноситься в наименование научных работ, но не как самостоятельный предмет научного анализа, а как своеобразный контекст, внутри которого изучается соответствующий феномен. Однако исследований, непосредственно посвященных самостоятельному изучению категории «правовая природа», в советской науке не проводилось. Как указывал О.А. Красавчиков в 50–60-е гг. XX века, при частой употребляемости термина «юридическая природа», отсутствуют работы, в которых высказались бы суждения относительно его понятия и содержания» [2, с. 171]. Следовательно, использование этого термина в советском правоведении, было скорее интуитивным, иногда — даже декоративным, но в меньшей степени научно обоснованным.

Ситуация кардинально не изменилась и теперь. Термин «правовая природа» очень востребован, но, как и прежде, продолжает оставаться зачастую лишь «украшением» названий работ по юридической проблематике. Однако в последнее время стали появляться немногочисленные исследования, авторы которых делают попытки обосновать самостоятельный категориальный статус термина «правовая природа».

Вектор исследований в указанном направлении был задан в 90-е гг. XX века видным теоретиком права, авторитетным ученым, профессором С.С. Алексеевым. Он высказал суждение о том, что при уяснении правовой природы необходимо выявлять «сущностные признаки определяемого правового явления, позволяющие увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений» [3, с. 227].

Это суждение стало своеобразной «отправной точкой» в современных немногочисленных трудах, самостоятельным предметом изучения которых выступает термин «правовая природа». Например, в исследовании Е.Г. Комисаровой рассмотрены его формально-логические основания и, соглашаясь с профессором С.С. Алексеевым, автор приходит к выводу о том, что раскрытие правовой природы позволяет уяснить не только сущность, но и «правовой корень» исследуемого вопроса» [4, с. 27]. Но что указывает на «правовой корень вопроса», какого его содержание, в работе не уточняется.

В работе С.В. Малюгина сформулировано определение понятия «правовая природа», под которой он понимает «набор постоянных существенных характеристик юридического объекта, проявляющихся в процессе его познания, позволяющих определить смысловое значение правового явления, а также установить принадлежность юридического факта гипотезе нормы права или иного объекта, связанного с правом, соответствующей юридической категории» [5, с. 47].

Следует признать, что сформулированная С.В. Малюгиным дефиниция правовой природы едва ли не единственная в современной научной литературе. И, конечно, ее появление свидетельствует о стремлении научного сообщества к

ясности, полноте и точности категориального аппарата правоведения, что, безусловно, положительно и свидетельствует о росте технологического аспекта права.

Вместе с тем не вдаваясь в скрупулезный анализ сформулированного понятия, позволим себе обратить внимание на один, на наш взгляд, уязвимый момент. С.В. Малюгин указывает, что при выявлении правовой природы необходимо устанавливать существенные характеристики исследуемого феномена, среди которых называет «принадлежность юридического факта гипотезе нормы права». Однако не все правовые явления формализованы в законодательстве, многие существуют лишь на уровне правовой доктрины. Следовательно, говорить о том, что неотъемлемой, постоянной, существенной характеристикой правовой природы не закрепленных в законодательстве понятий выступает «принадлежность юридического факта гипотезе нормы права» не приходится. Например, большинство категорий общей теории права (такие, например, как «право», «норма права», «правоотношение», «законность», «правопорядок» и пр.) законодательно не закреплены, но ни один ученый не усомнится в наличии у них правовой природы, более того, она активно исследуется.

В свете сказанного приходим к выводу, что, во-первых, не все признаки, содержащиеся в сформулированной С.В. Малюгиным дефиниции «правовая природа», можно отнести к существенным, во-вторых, не у всех правовых явлений набор существенных признаков будет таким, какой перечислен в представленном определении. По этой причине сформулированное понятие «правовая природа» применимо не ко всем явлениям, а лишь к тем, которые формализованы в законодательстве; он не является универсальным. Таким образом, авторское определение С.В. Малюгина не сняло проблему терминологической неопределенности категории «правовая природа» в юридической науке.

Анализ теоретических работ, в которых исследуется понятие «правовая природа», позволяет сделать некоторые обобщения: авторы либо отождествляют правовую природу с сущностью явления, либо анализируют некоторую совокупность признаков, совершенно произвольно или даже случайно объединенных, и полученный результат выдают за его раскрытую правовую природу.

Первый подход, согласно которому правовая природа отождествляется или соотносится с сущностью явления, на наш взгляд, слишком узок. Следовать ему, значит совершать методологическую ошибку, заключающуюся в неправомерном отождествлении категорий «сущность» и «правовая природа». В этом случае обоснование самостоятельности термина «правовая природа» вообще бессмысленно и бесперспективно. Такая синонимизация обедняет содержание этого термина, а скорее вообще нивелирует его значимость в системе категорий права.

Полагаем, что правовую природу нельзя сводить к сущности, поскольку объемы этих категорий различны. В этой связи второй подход, в котором правовая природа рассматривается как некий набор характеристик явления, наиболее предпочтителен, но и он не безупречен. В нем обобщены различные признаки явления, при чем достаточно хаотично, без опоры на законы диалектики или иных методологий. Это приводит к разночтениям в наполнении содержания категории «правовая природа». Не случайно в литературе встречаются отождествления правовой природы с различными категориями: «содержанием», «правовым режимом», «правовой оценкой (квалификацией)» и пр. Согласимся, что такая синонимизация снижает научный потенциал термина «правовая природа», и

не отражает его специфики [4, с. 27]. Действительно, если есть устоявшиеся категории диалектики, нет смысла умножать сущности [6, с. 73].

Хотя мы не ставим под сомнение то, что некоторые или даже многие из анализируемых признаков (а тем более признаки сущностные), действительно способствуют раскрытию правовой природы явления, хотим лишь обратить внимание на то, что их сочетание и последовательность раскрытия признаков в характеристике правовой природы должно опираться на методологические законы. Без учета этого важного обстоятельства единой научной позиции в вопросе «наполняемости» содержания термина «правовая природа» не будет.

На наш взгляд, исследовательская перспектива в выяснении содержания термина «правовая природа» имеется в работе Н.П. Асланян и Т.В. Новиковой [7]. Во-первых, согласимся с позицией авторов в том, что отождествление понятия «правовая природа» с различными категориями, например, с сущностью, содержанием, правовым режимом, правовой оценкой и пр. (большинство авторов, рассматривающих правовую природу различных правовых явлений, очень часто допускают такое отождествление) лишает обедняет содержание термина «правовая природа» или вовсе лишает его смысла существования.

Во-вторых, термин «правовая природа» имеет теоретическое и методологическое значение и на этом основании должен занять свое полноправное место в юридической терминосистеме [7], в противном случае, безобъектными можно признать многочисленные научные работы, посвященные выявлению правовой природы тех или иных юридических феноменов.

Наконец, обоснование самостоятельного категориального статуса правовой природы важно еще и потому, что «современную действительность стало трудно отражать с помощью ... слишком узких конструкций. Требуются более широкие построения (комплексы), позволяющие достигать более высоких уровней обобщений, абстракций [8, с. 94]...», возрастает роль концептуального мышления, комплексных категорий, широких социальных обобщений» [8, с. 107], что ведет к формированию метауровня правовой науки [1, с. 161]. Для формирования системы категорий права и понятийных рядов в правоведении науке, перспективно введение категориальных комплексов, одним из которых мог бы вполне стать комплекс «правовая природа». Полагаем, что умышленное или интуитивное стремление исследователей к большему обобщению, обусловило то обстоятельство, что научных работ по правоведению, в которых исследуется правовая природа тех или иных феноменов, в современный период стало значительно больше, по сравнению с советской наукой. Синтетический характер термина «правовая природа» позволяет в целостном, обобщенном виде представить характеристику того или иного правового явления или социального феномена, имеющего правовой смысл (аспект), увязать и логично сочетать весь набор его характеристик, и тем самым очертить видимый предел объектно-предметной области познания.

В этой связи необходимо раскрыть лексическое содержание термина «правовая природа», определяющим в котором является слово «природа». Природа — термин многозначный, он имеет широкий и узкий смысл, а также обширный диапазон сфер использования, начиная от философии и заканчивая естественными науками.

В широком смысле под природой понимается окружающий нас нерукотворный мир. Этот аспект не имеет отношения к нашему анализу.

В узком смысле природа — это объект науки, а точнее — совокупный объект познания. Природа в целом выступает как общее понятие об объекте, задающее принципиальную схему понимания и объяснения того или иного конкретного предмета изучения (например, представления о пространстве и времени, движении, причинности и др.)¹. Частью этого объекта — природы, выступает предмет — конкретное явление, подлежащее изучению. Объект и предмет однородны, но не тождественны, они связаны логической связью целого, общего (объект) и части, особенного (предмет).

Применительно к нашему исследованию, сказанное означает, что правовая природа формирует объективный контекст исследования предмета — конкретного правового феномена, чья природа должна быть определена. Такое соотношение дает возможность выявить общие и специфические черты объектно-предметной области познания, определить исследовательские пределы для более четкого формулирования закономерностей возникновения, развития и функционирования познаваемого явления.

Раскрытие сущности и сущностных признаков явления выступает исходным и необходимым для познания явления как «вещи в себе», что неизбежно «приводит к формулированию дефиниции, в которой перечисляются ... понятие образующие признаки, т.е. сущностные [8, с. 157]». Критериями, которые позволяют отличить существенные признаки явления (то есть его сущность) от несущественных признаков, являются необходимость каждого признака и достаточность их в совокупности для определения явления, что логически соответствует наполнению содержания соответствующего понятия.

Поскольку сущность — это важнейшая характеристика явления, она уникальна и неповторима (нет двух явлений с одинаковой сущностью [9, с. 157]), следовательно, ее установление позволит исследователю продолжать познание — расширять и углублять характеристику явления, т.е. «увидеть его структуру, место и роль среди других правовых явлений» [10, с. 227]. В этой связи особенно важно обратить внимание на то, что изучение природы феномена задает «принципиальную схему понимания и объяснения того или иного конкретного предмета изучения», что позволяет «рассматривать объект познания во всех его связях и отношениях» [11, с. 229].

В свете сказанного, убеждены, что правовая природа складывается из различных признаков явления, взятых в единстве и раскрытых в логической последовательности. Следовательно, диапазон признаков, входящих в содержание правовой природы, весьма широк: раскрыв сущностные признаки предмета — его ядро, исследователю открывается другая группа признаков — содержательных (основных) признаков, далее — исследователь может перейти к изучению структурных признаков, затем — функциональных, проанализировав которые исследователь может определить место и роль явления в системе (или, например, правовой категории — в категориальном ряду), а также взаимосвязи с другими правовыми явлениями.

Так, используя категорию «правовая природа», исследователь охватывает весь спектр характеристик явления в системном единстве в качестве предмета познания, что позволяет, во-первых, раскрыть внутреннюю характеристику

¹См.: *Философская энциклопедия*. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3085/ПРИРОДА (дата обращения: 02.07.2022).

явления, а, во-вторых, выявить и охарактеризовать его связи с другими явлениями, т.е. провести его комплексный анализ. Таким образом, раскрытие правовой природы явления позволяет провести комплексную характеристику предмета, т.е. такую, которая в методологическом плане дает более высокий уровень научной абстракции; научного обобщения его существенных, содержательных, структурных, функциональных и прочих признаков, что позволяет широко и всесторонне охарактеризовать явление, определить его место в системе правовых категорий, институтов и пр. Это важно, поскольку «познание любого правового явления должно исходить из того, что это явление — составная часть, компонент, элемент целостной системы, которая определяет его свойства, особенности, социальное назначение, характер функционирования» [12, с. 209]. Следовательно, категория «правовая природа» имеет методологическое значение.

Таким образом, правовая природа — это не узкая характеристика явления, ограниченная уяснением лишь его сущности или существенных признаков, а, напротив, широкая по объему комплексная категория, которой охватывается набор признаков явления, обусловленных сущностью предмета познания: существенных, содержательных, структурных, функциональных, факультативных, (дополнительных) и пр., раскрывающихся в определенной логической (диалектической) последовательности, явление в качестве предмета познания с разных сторон, а также позволяющих установить его взаимосвязь с другими явлениями и определить его место в системе.

Проведенный анализ указывает на эвристичность категории «правовая природа»: степень ее наполняемости может быть различной, в зависимости от того, какие признаки явления уже раскрыты, а какие требуют уточнения, дополнения и пр. Эта динамика всегда будет сохранять исследовательскую перспективу, особенно в познании неюридических феноменов, которые, являясь социальными объектами (например, политическими, экономическими, культурными и пр.), будучи закрепленными в законодательстве, обретают новый для себя смысл — правовой. Но этот срез в характеристике правовой природы следует изучать отдельно.

Таким образом, полагаем, что категория «правовая природа» имеет самостоятельное методологическое значение и широкое содержание. Это позволяет охарактеризовать изучаемый предмет комплексно, последовательно раскрывая его признаки; установить его связи с объектом и иными однородными явлениями; уяснить его место в системе категорий. Следовательно, правовая природа имеет научный потенциал для построения обобщений на уровне категориального строя необходимого для формирования метауровня правовой науки.

Библиографический список

1. *Петров К.В.* Понятие «правовая реформа» и «реформа» в юридической науке // Государство и право. 2020. № 4. С. 156–161.
2. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 182 с.
3. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1998. 286 с.
4. *Комиссарова Е.Г.* Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (16). С. 23–27.

5. *Малюгин С.В.* Категория «правовая категория»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // *Российский юридический журнал*. 2016. № 3 (108). С. 46–58.
6. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 2004. 512 с.
7. *Асланян Н.П., Новикова Т.В.* Прологомены к интерпретации термина «правовая природа» // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8. № 4.
8. *Власенко Н.А.* Проблемы точности выражения формы права (лингвологический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1997. 71 с.
9. *Диалектическая логика* / под ред. З.М. Оруждева, А.П. Шептулина. М.: МГУ, 1986. 300 с.
10. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1998. 286 с.
11. *Диалектический и исторический материализм* / под ред. А.Г. Мысливченко, А.П. Шептулина. М.: Политиздат, 1988. 445 с.
12. *Керимов Д.А.* Философские основания политико-правовых исследований. М.: Мысль, 1986. 330 с.

References

1. *Petrov K.V.* The Concept of “Legal Reform” and “Reform” in Legal Science // *State and Law*. 2020. No. 4. P. 156–161.
2. *Krasavchikov O.A.* Legal Facts in Soviet Civil Law. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 182 p.
3. *Alekseev S.S.* General Permits and Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Legal Literature, 1998. 286 p.
4. *Komissarova E.G.* Formal-Logical Aspects of the Concept of “Legal Nature” // *Bulletin of Perm University*. 2012. Issue 2 (16). P. 23–27.
5. *Malyugin S.V.* Category “Legal Category”: Concept, Determinants, Main Characteristics and Approaches to Definition // *Russian Law Journal*. 2016. No. 3 (108). P. 46–58.
6. *Matuzov N.I.* Actual Problems of the Theory of Law. Saratov: Publishing house of SGAP, 2004. 512 p.
7. *Aslanyan N.P., Novikova T.V.* Prolegomena to the Interpretation of the Term “Legal Nature” // *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8. No. 4.
8. *Vlasenko N.A.* Problems of the Accuracy of the Expression of the Form of Law (linguistic analysis): dis. ... doc. of law. Yekaterinburg, 1997. 71 p.
9. *Dialectical Logic* / Edited by Z.M. Oruzhdev, A.P. Sheptulin. Moscow: MSU, 1986. 300 p.
10. *Alekseev S.S.* General Permits and Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Legal Literature, 1998. 286 p.
11. *Dialectical and Historical Materialism* / Edited by A.G. Myslivchenko, A.P. Sheptulin. M.: Politizdat, 1988. 445 p.
12. *Kerimov D.A.* Philosophical Foundations of Political and Legal Research. Moscow: Mysl, 1986. 330 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-23-30
УДК 655

Е.С. Лебедева

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕДИТНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА:
ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Введение: историко-правовое исследование особенностей деятельности государственных кредитных учреждений в Российской империи в первой трети XIX в. основано на осмыслении законодательных актов 1786–1831 гг. изложенных чиновниками Второго отделения с.е.и.в. канцелярии на основе системного анализа в «Своде учреждений и уставов государственных кредитных установлений» 1832 г. **Цель:** реконструкция процесса становления правовых основ деятельности государственных кредитных учреждений в Российской империи первой трети XIX в. **Методологическая основа:** решение исследовательских задач основано на принципах историзма и объективности, а также сочетании системного, историко-правового и формально-догматического методов. **Результаты:** в ходе исследования процесса становления правовых основ деятельности государственных кредитных учреждений первой трети XIX века просматривается идея преемственности в государственной политике Императоров. **Выводы:** историко-правовой анализ «Свода учреждений и уставов государственных кредитных установлений» 1832 г. предполагает осмысление соответствующих законодательных актов, взятых за его основу и систематизированных в форме инкорпорации в Полном собрании законов Российской империи в 1830 и 1832 гг.

Ключевые слова: государственные кредитные установления, учреждения и уставы кредитных установлений, история банковского законодательства, банковская система, банковская деятельность.

E.S. Lebedeva

LEGAL BASES OF STATE CREDIT INSTITUTIONS
ACTIVITY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE FIRST THIRD
OF THE XIX CENTURY: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Background: historical-legal research of features of activity of state credit institutions in the Russian Empire in the first third of the XIX-th century is based on comprehension of acts 1786–1831 stated by officials of the Second branch of State Office on the basis of the system analysis in “the Code of state credit institutions and charters of the state credit institutions” of 1832. **Objective:** reconstruction of the process of formation of the legal foundations of state credit institutions in the Russian Empire in the first third of the

© Лебедева Елена Сергеевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: elebedeva25@yandex.ru
© Lebedeva Elena Sergeevna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law (Saratov State Law Academy)

19th century. Methodology: the solution of research problems is based on the principles of historicism and objectivity, as well as a combination of systemic, historical-legal and formal-dogmatic methods. Results: during the study of the process of formation of the legal foundations of state credit institutions in the first third of the XIX century, the idea of continuity in public policy is reviewed. Conclusions: historical and legal analysis of the “Code of Institutions and Charters of State Credit Institutions” of 1832 involves understanding the relevant legislative acts taken as its basis and systematized in the form of incorporation in the Complete Collection of Laws of the Russian Empire in 1830 and 1832.

Key-words: state credit institutions, institutions and statutes of credit institutions, history of banking legislation, banking system, banking activity.

Актуальность историко-правового исследования правовых основ деятельности государственных кредитных учреждений в Российской империи первой трети XIX в. сохраняется под влиянием факторов, особенностей и закономерностей становления и развития банковского законодательства.

В процессе правового регулирования банковской деятельности в Российской империи прослеживалось становление системы банковского права. Основным источником (формой) банковского права являлся закон, а основной формой закона, регламентировавшего банковскую деятельность — учреждения и уставы кредитных установлений. Манифест как правило им предшествовал, т.к. был призван определить перспективы преобразований в сфере общественных отношений. Дополнения к ним, Указы Императора и Сената, а также Высочайше утвержденное мнение Государственного совета были призваны разъяснить правовые нормы, содержащиеся в манифестах, учреждениях и уставах.

В конце XIX – начале XX вв. вопрос о государственном кредитовании в Российской империи первой трети XIX века затрагивался на основе исторического, догматического и критического методов в работах П.П. Мигулина [1], А. Гуляева [2, с. 2–11, 12–24, 25–39], Я.И. Печерина [3, с. 1].

В современной историко-правовой научной литературе исследованы особенности правового регулирования, факторы и особенностей становления банковской системы и банковской деятельности, а также государственно-финансового контроля в Российской империи (О.Е. Финогентова [4, с. 2], Р.Х. Мажатдинов [5, с. 2], О.Ш. Рашидов [6], Н.Е. Гулящих [7], Г.Ю. Атаян, О.Н. Амвросова [8], Н.Б. Топорнин [9, с. 139–142], И.Б. Лагутин [10, с. 2] и др.). И все же в историко-правовой науке сохраняется интерес к исследованию становления и развития источников банковского права в первой трети XIX в.

В 1832 г. к «государственным кредитным установлениям» в Российской империи относились: Комиссия погашения государственных долгов, а также Заемный, Коммерческий и Ассигнационный банки (ст. 1–5)¹.

Для постоянного наблюдения за точным исполнением «уставов и их правил» с 1817 г.² действовал «Совет государственных кредитных установлений». Государственные кредитные учреждения постепенно становились единой системой,

¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 1–5.

² См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26834. Манифест. Положение о Совете государственных кредитных установлений. 7 мая 1817 г. С. 259–260.

направленной на «подкрепление общественного и частного кредита». Совет был призван осуществлять ежегодную ревизию их деятельности. Результаты ревизии предоставлялись в форме отчетов Императору, за которым следовало их обнародование (ст. 6).

Главным предметом его деятельности являлась проверка ежегодных отчетов кредитных установлений, и строгое наблюдение за исполнением соответствующих учреждений, уставов и правил. Исправления, дополнения и отмены положений в правилах должны были производиться в целях высшего ограждения общественного кредита, и в установленном для этого порядке (ст. 12). Совет обращал внимание на количество и порядок поступающих сумм, направленных на платежи государственных долгов, на порядок и точность платежей из этих сумм произведенных, на действия Ассигнационного банка, на благонадежность в оборотах Коммерческого банка, на правильность в движении капиталов Заемного банка, а также на неприкосновенность капиталов этим банкам вверенных (ст. 13). Объемы капиталов, вверенных банкам, определялись верховной властью Императора¹.

«Государственная комиссия погашения долгов» состояла из правления и трех отделений (ст. 25). Его первое отделение занималось: 1) составлением и содержанием частных книг по срочным и бессрочным долгам; 2) трансфертами и другими подобными операциями по внутренним долгам; 3) распоряжением по платежам: процентов по внешним и внутренним срочным долгам, непрерывным доходам по долгам бессрочным (ст. 32).

Второе отделение комиссии осуществляло: 1) платеж капиталов по всем срочным долгам внутренним и внешним займам; 2) выкуп капитала всех бессрочных долгов; 3) ведение книг по всем указанным предметам (ст. 33).

Третье отделение занималось приемом, хранением и выдачей денежных сумм (ст. 34)².

Для постепенного погашения государственных долгов, ежегодно в распоряжение Комиссии отдельно и независимо от других расходов государства выделялась сумма, призванная обеспечивать уплату как процентов, так и капитала (ст. 77). Закон разграничивал срочное обеспечение долгов по внешним и внутренним займам (ст. 79) и бессрочные долги (ст. 82). Комиссия не должна была никому объявлять имена кредиторов, внесенных в Государственную долговую книгу (ст. 89).

Для наблюдения порядка в платежах, ясности и точности в счетах и для охранения прав каждого в Комиссии велась общая книга всех обеспеченных Государственных долгов: срочных и бессрочных (ст. 98).

Каждое лицо, на имя которого был записан бессрочный капитал, имело право отчуждать его в пользу другого. Иностранным вкладчикам, пребывающим за границей, дозволялось передавать билеты Комиссии, не раскрывая имени приобретателя, но с засвидетельствованием Российского Консула (ст. 108–109, 115)³.

¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 6, 12–13.

² См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26791. Устав Государственной комиссии погашения долгов. 16 апреля 1817 г. С. 192–193; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. 1820–1821. № 28169. Именной, данный Сенату. О прибавке Директора в Комиссию погашения долгов. 27 февраля 1820 г. С. 70; Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 25, 32, 33, 34.

³ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26791. Устав Государственной комиссии погашения долгов. 16 апреля 1817 г. С. 192–193; ПСЗ РИ-1. Т. XXXV. 1818. № 27385. Именной, данный

Свод определял правила о трансферте капиталов (ст. 116–128), которые осуществлялись только в соответствии с «Государственной долговой книгой» через Комиссию и предоставление билета по установленной форме (ст. 116). Законодатель стремился обеспечить соответствующее право каждого лица в строго установленном порядке (ст. 117–121).

Кроме того, трансферт предполагал передачу капиталов вкладчиком, находившимся в другом городе Империи или за границей. В этих случаях вкладчик подавал в Гражданскую палату Губернии или в Уездный суд по месту жительства, или Российскому министру, пребывающему в той земле, где вкладчик находился, или консулу, свое желание о том, чтобы на имя конкретного лица была переведена по Государственной долговой книге вся или часть суммы, ему принадлежавшей (ст. 122).

Каждому лицу предоставлялось право через своего поверенного уступать и приобретать внесенные в «Государственную долговую книгу» капиталы (ст. 125–128).

Кроме того, в Своде содержались правила о предоставлении в залог билетов Комиссии и разрешение споров по праву владения ими (ст. 129–141), порядке возобновления утраченных билетов (ст. 142–148) и платежей срочных капиталов, процентов и непрерывных доходов (ст. 149–160)¹.

В Разделе «О Государственном заемном банке» был определен порядок его образования (ст. 161–169), «определения и увольнения чиновников банка» (ст. 170–174), производство банковских дел, обязанности и ответственность чиновников (ст. 175–227), банковских операций (ст. 228–239), положения о вкладах (ст. 240–269) и о ссудах (ст. 270–377), о платежах (ст. 378–387), о продаже просроченных залогов (ст. 388–459), «о обращении просроченных залогов в число арендных имений банка» (ст. 460–487), «о переложении банковских займов, произведенных с 1824 по 1830 год», «о просрочке банковских займов, произведенных до 1824 года» (ст. 488–516). В основу этого раздела положены законо-

Сенату. О опубликовании Положения о приеме вкладов в Государственную комиссию погашения долгов. 16 июня 1818 г. С. 317–318; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. 1819. № 27871. Высочайше утвержденные дополнительные статьи к Уставу Государственного коммерческого банка. 9 июля 1819 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. 1820–1821. № 28541. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О дополнительных статьях к Уставу комиссии погашения долгов. 2 февраля 1821 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVIII. 1822–1823. № 28884. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О правилах передачи внутри России от одного лица другому билетов комиссии погашения долгов. 24 января 1822 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXIX. 1824. № 29894. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. Об оставлении выдачи денег из казны подрядчикам, когда претензии кредиторов их призваны по суду принадлежащими к удовлетворению и когда подряды совершенно закончены. 3 мая 1824 г. Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. ст. 77, 79, 82, 89, 98, 108–109, 115.

¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26791. Манифест. Устав Государственной комиссии погашения долгов. 16 апреля 1817 г. С. 192–193; ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26927. Сенатский. О правилах на принятие в залог имений для обеспечения казны при винных поставках. 14 июня 1817 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. 1819. № 27871. Высочайше утвержденные дополнительные статьи к Уставу Государственного коммерческого банка. 9 июля 1819 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVIII. 1822. № 8884. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О правилах передачи внутри России от одного лица другому билетов комиссии погашения долгов. 24 января 1822 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVIII. 1822–1823. № 29474. Сенатский. Об истреблении от владельцев объявлений о представленных ими в залог билетов Комиссии погашения долгов. 21 мая 1823 г.; ПСЗ РИ-2. Т. IV. 1829. № 2776. Сенатский. О доставлении в комиссию погашения долгов из Гражданских палат, Главных, Генеральных и Губернских судов, копий с актов, до дел оной относящихся. 28 марта 1829 г.; Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 116–128, 125–160.

дательные акты, изданные Императрицей Екатериной II в 1786 г., дополненные Павлом I в 1799 г.¹, а затем подтвержденные и вновь изданные Александром I² и Николаем I³ в первой трети XIX в.

В государственный заемный банк дозволялось вносить капиталы как Российским подданным, без различия их состояний, так и иностранцам, а также казенным местам и публичным установлениям (ст. 240). Казенным местам и установлениям запрещалось вносить в банк деньги на имя частных лиц, или на имя неизвестного, под ответственность управляющих (ст. 241)⁴.

Раздел «О Государственном коммерческом банке» содержал положения о его образовании, составе, предмете деятельности правления и отделений (ст. 517–533), о специальном правовом статусе чиновников (ст. 534–594) и операциях банка (ст. 595–604), о вкладах (ст. 605–651), об учете векселей (ст. 652–688), о ссуде под товары (ст. 689–741)⁵.

¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXII. 1784–1788. № 16407. Манифест. Об учреждении Государственного заемного банка. 28 июня 1786 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXII. 1784–1788. № 16481. Устав заемного банка. 23 декабря 1786 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXV. 1798–1799. № 19120. Именной, данный сенату. О платеже из государственного заемного банка вкладчикам капиталов по 5%, и о взимании с должников по 6%. 19 сентября 1799 г.

² См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXVI. 1800–1801. № 19834. Именной, данный главному директору государственного заемного банка Князю Гагарину. О подтверждении прав и преимуществ, Заемному банку присвоенных. 13 апреля 1801 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXIX. 1806–1807. № 22194. Сенатский. О не наложении секвестра на денежные капиталы, в Государственном заемном банке хранящихся. 30 июня 1806 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXII. 1812–1814. № 25080. Манифест. О введении повсеместно единообразного обращения Государственных банковских ассигнаций. 9 апреля 1812 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXII. 1812–1814. № 25399. Сенатский. Об обязанности Гражданских палат уведомлять Заемный банк о содержании купчих на заложенные в оном имении. 12 июня 1813 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26834. Манифест. Положение о Совете Государственных кредитных установлений. 7 мая 1817 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26927. Сенатский. О правилах на принятие в залог имений для обеспечения казны при винных поставках. 14 июня 1817 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 27045. Сенатский. О немедленном выполнении требований Правления Заемного банка. 6 сентября 1817 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXIX. 1824. № 29940. Высочайше утвержденное положение об открытии вновь займов из Государственного заемного банка, с приложением штата сему банку. 4 июня 1824 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XL. 1825. № 30496. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. «О выдаче дополнительных свидетельств на каменные дома в Санкт-Петербурге для перезаложения их Опекунского совета в Заемный банк. 20 сентября 1825 г. и др.

³ См.: ПСЗ РИ-2. Т. II. 1827. № 1070. Сенатский. О выполнении Губернским и областным правлением требований Заемного банка на сет взыскания с разных лиц банковского долга, без промедления времени». 30 апреля 1827 г.; ПСЗ РИ-2. Т. III. 1828. № 1710. Высочайше утвержденные дополнительные правила к положению о ссудах из заемного банка. 16 января 1828 г.; ПСЗ РИ-2. Т. III. 1828. № 2342. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О правилах для арендного управления заложенных в Заемном банке и просроченных имениях. 15 октября 1828 г.; ПСЗ РИ-2. Т. V. 1830. Ч. 1. № 3399. Манифест. О вкладах и ссудах в банковских установлениях. 1 января 1830 г.; ПСЗ РИ-2. Т. VI. 1831. № 4537. Именной, данный Комитету министров. О сокращении дел по оному комитету. 6 мая 1831 г. и др.

⁴ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXII. 1784–1788. № 16407. Манифест. Об учреждении Государственного заемного банка. 28 июня 1786 г.; ПСЗ РИ-2. Т. III. 1828. № 2382. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О поступании по вкладам монашествующих лиц в Государственный Заемный банк на основании манифеста 1786 года. 27 октября 1828 г.; Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 240–241.

⁵ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXIV. 1817. № 26837. Манифест. Устав Государственного коммерческого банка. 7 мая 1817 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. 1819. № 27870. Высочайше утвержденные дополнительные статьи к Уставу Государственной комиссии погашения долгов. 9 июля 1819 г. С. 274–275; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. 1819. № 27871. Высочайше утвержденная дополнительная статья к Уставу Государственной комиссии погашения долгов. 9 июля 1819 г. С. 276–277; ПСЗ РИ-2. Т. IV. 1829. № 3063. Высочайше утвержденный штат Временного отделения при Государственном коммерческом банке, для взыскания по опротестованным векселям, с временным прибавлением несколько чиновников при Канцелярии правления банка. 3 августа 1829 г.; ПСЗ РИ-2. Т. VI. 1831. № 4796. Сенатский. О поступании в принятие билетов Коммерческого банка в залог по разным контрагентам с казною обязательством, на точном основании указа 23 января 1828 г. 11 сентября 1831 г. и др.; Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уста-

Правила, закрепленные в разделе «О конторах Коммерческого банка» указывали на то, что они были созданы на постоянной основе в Москве, Архангельске, Одессе и Риге, временная в Нижнем Новгороде и Астрахани (ст. 742–743). Так, в законе закреплялись состав конторы, специальный правовой статус чиновников и операции с капиталом в «Московской конторе коммерческого банка» (ст. 744–786).

«Архангельская контора Коммерческого банка» работала на основе правил о ее образовании, о операциях конторы и о ссуде под залог товаров (ст. 787–803).

«Одесская контора Коммерческого банка» так же действовала согласно положениям о ее образовании, об операциях конторы, о учете векселей, о ссуде под товар, о покупке золота и серебра (ст. 804–841).

«Рижская контора Коммерческого банка» работала на основе положений о ее образовании и операциях с капиталом (ст. 842–868).

«Временная Нижегородская контора Коммерческого банка», начинала свою деятельность ежегодно для обеспечения коммерческого оборота ярмарки с 15 июля по 25 августа (ст. 869–894). Начало и завершение деятельности подобных учреждений утверждалось Императором¹.

Раздел «О Государственном ассигнационном банке» также регламентировал состав его правления и отделений, предметы их деятельности и обязанности (ст. 895–912). Статьи указанного раздела Свода были созданы на основе законодательных актов 1771, 1886–1823 гг.²

В Разделе «Об Экспедиции заготовления Государственных бумаг» были правила, также определявшие процесс образования и предметы ее деятельности,

вов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 517–741.

¹ См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXV. 1818. № 27451. Высочайше утвержденное учреждение Московской конторы Коммерческого банка. 5 августа 1818 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. 1819. № 27943. Высочайше утвержденное учреждение Архангельской конторы коммерческого банка. 20 октября 1819 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVI. 1819. № 27950. Именной, данный Сенату. Об утверждении учреждения и штата Одесской конторы Коммерческого банка. 24 октября 1819 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. 1820-1821. № 28457. Высочайше утвержденное учреждение Рижской конторы Государственного коммерческого банка. 7 ноября 1820 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. 1820-1821. № 28288. Высочайше утвержденное учреждение Рижской конторы Государственного коммерческого банка в Нижнем Новгороде, на время бывающей там ежегодно ярмарки. 27 мая 1820 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVII. 1820-1821. № 28683. Высочайше утвержденное учреждение и штат Астраханской конторы Государственного коммерческого банка. 11 июля 1821 г.; ПСЗ РИ-2. Т. VI. 1831. Ч.1. № 4912. Высочайше утвержденное положение комитета Министров, прописанное в указе Сената 16 декабря. О закрытии Астраханской конторы Коммерческого банка. 5 ноября 1831 г.; Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 742–894.

² См.: ПСЗ РИ-1. Т. XIX. 1770–1774. № 13705. Сенатский. О нечинении никому на Государственных ассигнациях не только никаких надписей, ниже каких-либо малых отметок. 23 ноября 1771 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXII. 1784–1788. № 16479. Устав Ассигнационного банка. 23 декабря 1786.; ПСЗ РИ-1. Т. XXIII. 1789–6 ноября 1796 г. № 16779. Именной, данный Правлению Государственного Ассигнационного банка. О ежегодной промене ассигнаций и денег, не исключая и праздничных дней. 15 июня 1789 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXVIII. 1804–1805. № 21413. Именной, данный Министру финансов. О заседании Директорам и Советникам государственных банков по первенству служения их в оных. 27 июля 1804 г.; ПСЗ РИ-1. Т. XXXVIII. 1822–1823 гг. № 29692. Высочайше утвержденное дополнительное Положение о Государственном Ассигнационном банке. 18 декабря 1823 г.; Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 895–912.

порядок назначения на должности чиновников, их обязанности и ответственность (ст. 913–946)¹.

Таким образом, правовые основы деятельности государственного кредитования в Российской империи первой трети XIX в. определялись сущностью публичной власти принадлежавшей Императору, особенностями организации государственного управления, что позволяло определить в законе систему государственных кредитных учреждений, установить их цель, задачи, принципы, предмет и порядок деятельности, обеспечение и защиту прав субъектов кредитных правоотношений, а также контроль и надзор за их работой.

Библиографический список

1. *Мигулин П.П.* Русский государственный кредит (1769–1899). Опыт историко-критического обзора: в 3-х т. Харьков: типо-литография «Печатное дело», 1899. Т. 1. 606 с., XII с.
2. *Гурьев А.* Очерки развития кредитных учреждений в России. СПб.: типо-литография «Якорь», 1904. 254 с.
3. Исторический очерк правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России / сост. Я.И. Печерин. СПб.: тип. В.Ф. Киришваума, д. Министерства финансов, 1904. 142 с.
4. *Финогентова О.Е.* Законодательное регулирование банковской деятельности в России: первая половина XVIII – начало XX вв. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 330 с.
5. *Минажетдинова Р.Х.* Правовые основы деятельности кредитно-банковской системы России в XVIII – начале XX вв.: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 207 с.
6. *Рашидов О.Ш.* Государственно-правовое регулирование деятельности кредитных учреждений в досоветской России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 25 с.
7. *Гулящих Н.Е.* Правовое регулирование создания и ликвидации кредитных учреждений в Российской империи: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 22 с.
8. *Атаян Г.Ю., Амвросова О.Н.* Эволюция отечественной банковской деятельности и ее правовой регламентации в XVII–XX вв. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. С. 137–145.
9. *Топорнин Н.Б.* Особенности институционального развития и правового регулирования банковской системы Российской империи // Журнал российского права. № 6. 2018. С. 136–146.
10. *Лагутин И.Б.* Государственный финансовый контроль в Российской империи в первой половине XIX века (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 172 с.

¹См.: ПСЗ РИ-1. Т. XXXV. 1818. № 27496. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. Об учреждении Экспедиции заготовления государственных бумаг. 21 августа 1818 г.; ПСЗ РИ-2. Т. III. 1828. № 2129. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. О дополнительных правилах на выдачу подорожен. 4 июля 1828 г.; ПСЗ РИ-2. Т. VI. 1831. № 4537. Именной, данный Комитету министров. О сокращении дел по оному комитету. 6 мая 1831 г.; Свод законов Российской империи. Т. XI Свод уставов государственного благоустройства. Часть первая. Свод учреждений и уставов кредитных установлений. СПб., 1832. Ст. 913–946.

References

1. *Migulin P.P.* Russian State Credit (1769–1899). Experience of Historical and Critical Review: in 3 volumes. Kharkov: type-lithography “Printing”, 1899. Vol. 1. 606 p., XII p.
2. *Guriev A.* Essays on the Development of Credit Institutions in Russia. St. Petersburg: type-lithography “Anchor”, 1904. 254 p.
3. Historical Sketch of Government, Public and Private Credit Institutions in Russia / Compound. Ya.I. Pecherin. St. Petersburg: type. V.F. Kirshvauma, Department of the Ministry of Finance, 1904. 142 p.
4. *Finogentova O.E.* Legislative Regulation of Banking Activity in Russia: the First Half of the 18th – Early 20th Centuries. dis. ... doctor of law. Saratov, 2004. 330 p.
5. *Minazhetdinova R.Kh.* Legal Foundations of the Activity of the Credit and Banking System of Russia in the 18th – Early 20th Centuries: Historical and Legal Aspect: dis. ... cand. of law. M., 2006. 207 p.
6. *Rashidov O.Sh.* State-Legal Regulation of the Activities of Credit Institutions in Pre-Soviet Russia: extended abstract dis. ... cand. of law. Nizhny Novgorod, 2007. 25 p.
7. *Gulyashchikh N.E.* Legal Regulation of the Creation and Liquidation of Credit Institutions in the Russian Empire: extended abstract dis. ... cand. of law. M., 2011. 22 p.
8. *Atayan G.Yu., Amvrosova O.N.* The Evolution of Domestic Banking and Its Legal Regulation in the XVII–XX Centuries // Humanitarian and Legal Research. 2016. P. 137–145.
9. *Topornin N.B.* Features of Institutional Development and Legal Regulation of the Banking System of the Russian Empire // Journal of Russian law. No. 6. 2018. P. 136–146.
10. *Lagutin I.B.* State Financial Control in the Russian Empire in the First Half of the 19th Century (Historical and Legal Research): dis. ... cand. of law. M., 2005. 172 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-31-37
УДК 340.13

Е.П. Рысина, А.А. Леонкин

ОБЩИЕ И СПЕЦИАЛЬНЫЕ НОРМАТИВНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ В ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ПРАВЕ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ И ПРОБЛЕМА БАЛАНСА

Введение: обозначается проблемный характер сбалансированности общих и специальных норм в содержании и структуре российского процессуального права. Констатируется недостаточная проработанность отмеченного вопроса на уровне общей теории права. **Цель:** обобщение накопленного в отраслевых юридических науках знания по вопросу диалектики взаимосвязи общих и специальных нормативных предписаний в российском процессуальном законодательстве. **Методологическая основа:** мировоззренческой платформой познания специфики взаимосвязи общих и специальных норм права выступила материалистическая диалектика, наряду с которой нашли свое применение системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования. **Выводы:** в общей теории государства и права назрела настоятельная необходимость в обобщении отраслевого юридического знания по проблеме соотношения и диалектики взаимосвязи общих и специальных процессуальных норм. Отсутствие общетеоретических наработок по указанному вопросу не позволяет в отраслевых процессуальных науках выстроить завершённую сбалансированную модель соотношения общих и специальных норм, а также определить пределы унификации и специализации как всей системы процессуального законодательства, так и ее отдельных отраслей.

Ключевые слова: общие нормы права, специальные нормативные правовые предписания, конкуренция норм права.

E.P. Rysina, A.A. Leonkin

GENERAL AND SPECIAL NORMATIVE PRESCRIPTIONS IN PROCEDURAL LAW: THE DIALECTIC OF INTERRELATION AND THE PROBLEM OF BALANCE

Background: the problematic nature of the balance of general and special norms in the content and structure of Russian procedural law is indicated. Insufficient elaboration of the marked issue at the level of the general theory of law is stated. **Objective:** generalization of the knowledge accumulated in the branch legal sciences on the issue of

© Рысина Евгения Павловна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru
© Леонкин Александр Александрович, 2022
Соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Rysina Evgeniya Pavlovna, 2022
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

© Leonkin Alexander Alexandrovich, 2022
Candidate of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

the relationship of general and special regulatory prescriptions in the Russian procedural legislation. Methodology: the materialistic dialectic acted as the ideological platform for cognition of the specifics of the interrelation of general and special norms of law, along with which systemic, formal-legal and comparative-legal research methods found their application. Conclusions: in the general theory of state and law, there is an urgent need to generalize the branch of legal knowledge on the problem of correlation and dialectics of the relationship of general and special procedural norms. The absence of general theoretical developments on this issue does not allow in the branch procedural sciences to build a complete balanced model of the ratio of general and special norms, as well as to determine the limits of unification and specialization of both the entire system of procedural legislation and its individual branches.

Key-words: *general rules of law, special regulatory legal prescriptions, competition of legal norms.*

По настоящий момент полагаем справедливым утверждение о том, что ни в правотворческой практике, ни в накопленном правоприменительном опыте, ни в отечественной юридической доктрине не найдена выверенная, сбалансированная модель соотношения и взаимосвязи общих и специальных нормативных правовых предписаний в системе российского права. В отечественной юридической литературе и на практике множатся споры о трактовке самого соотношения общих и специальных норм права, поскольку часть исследователей и практиков понимают его как возможное состояние коллизии, подлежащее устранению или преодолению, другие же предлагают рассматривать его как конкуренцию указанных видов нормативных правовых предписаний, которая преодолевается посредством соответствующей правоинтерпретационной деятельности.

Однако с позиции системного подхода возможным полагаем и третий взгляд на проблему, согласно которому речь может идти и о состояниях баланса и дисбаланса не отдельно взятых пар общих и специальных норм, а о целых их массивах в рамках отдельных отраслей российского права или в отношении всей его системы. В частности, подобная вполне обоснованная точка зрения высказана в работе С.А. Белоусова [1, с. 145]. Нам представляются продуктивными все три указанных подхода в рассмотрении проблемы соотношения и диалектического взаимодействия общих и специальных норм права, поскольку они раскрывают относительно самостоятельные, но тесно связанные стороны общей проблемной познавательной ситуации.

Следует оговориться, что в настоящей статье мы не затрагиваем различия понятий «норма права» и «нормативные правовые предписания», позволяя в целях настоящего исследования абстрагироваться от подобного рода отличий и используя данные термины как синонимичные, но не в ущерб заявленной цели исследования. В качестве отправного определения понятия «общие нормативные предписания права» воспользуемся уже ранее выведенной его дефиницией следующего содержания: «Общие нормативные правовые предписания есть особый вид нормативных установлений в праве, обладающих двойственной юридической природы в силу их дифференциации на два основных типа в виде общих норм-правил поведения, диалектически увязанных со специальными нормами права, и отправных, учредительных отправных предписаний (норм-принципов, норм-начал, учредительных положений, общезакрепительных предписаний и т.д.), выполняющих как специализированную функцию в виде интеграции и

обеспечения системного единства содержания и структуры отдельных правовых общностей и всей системы права в целом, так и функции, свойственные иным видам норм — регулятивную, охранительную, поощрительную, ограничительную и иные» [2, с. 73–74]. Специальные же нормативные правовые предписания, выступающие парной понятийной конструкцией к вышеобозначенному понятию, можно определить как особый вид нормативных установлений в праве, включающий в себя нормы-изъятия, нормы-дополнения и конкретизационные нормы, являющиеся таковыми по отношению к соответствующим общим нормативным правовым предписаниями и выполняющие функции дифференциации нормативного правового регулирования и специализации законодательства.

Вопросы соотношения и диалектической взаимосвязи общих и специальных норм становились предметом внимания целого ряда автора в рамках науки теории государства и права. В числе подобных работ можно назвать труды С.С. Алексеева, М.И. Байтина, В.К. Бабаева, В.М. Горшенева, И.Н. Сенякина, Д.Е. Петрова [3; 4; 5; 6; 7] и др. Однако в большинстве своих работ теории права не рассматривали специфику взаимодействия общих и специальных норм в процессуальном праве, ограничиваясь лишь общими выводами и положениями без относительно дихотомии данных видов норм на материальные и процессуальные. В следствие этого в теории государства и права образовался своеобразные познавательный пробел в отношении проблемы сущности и специфики диалектического взаимодействия общих и специальных норм в подсистеме процессуального права. Нам представляется, что обозначенная проблема требует специального исследования еще и потому, что специалистами отраслевых юридических наук накоплен немалый объем знаний по вопросам диалектики взаимодействия, конкуренции, коллизии и баланса общих и специальных нормативных предписаний в отдельных отраслях российского процессуального права.

Кроме того, отмеченная гносеологическая проблема имеет не только чисто теоретическое, но и практическое значение, о чем нередко заявляют представители наук процессуально-правового блока. Так, например, Д.А. Плотников весьма точно определяет актуальность и теоретико-практическую значимость анализируемой проблематики: «Одной из проблем теоретического и практического характера как в теории права, так и в отдельных отраслях права выступает соотношение общих и специальных норм, определение способов преодоления коллизий между равными по юридической силе нормативными правовыми актами, кодифицированными и некодифицированными актами. Предпосылками для научного обсуждения указанных вопросов является отсутствие явно выраженной позиции законодателя о том, какие нормы гражданского процессуального права считать общими, а какие — специальными, а также об их признаках. Более того, законодатель так и не определил правовой механизм преодоления конфликта как между нормами ГПК РФ, так и между нормами ГПК РФ и иных нормативных правовых актов (в частности, СК РФ, ТК РФ, ГК РФ и т.д.)» [8, с. 27]. Схожую позицию высказывают и другие авторы, акцентируя внимание на комплексном и сложно-системном характере поиска оптимальной модели установления в процессуальном праве России общих и специальных предписаний [9; 10].

«Молчание» законодателя в ряде вопросов соотношения общих и специальных норм процессуального права побуждает Конституционный Суд РФ преодолевать подобные ситуации посредством выработки соответствующих правовых позиций. К примеру, в своих решениях Конституционный Суд РФ, изложил такие

правила, как: «в случае коллизии между законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регламентации соответствующих правоотношений»¹; нормы кодифицированного закона не обладают приоритетом по отношению к нормам иных нормативных правовых актах, за исключением случаев когда в первом прямо об этом сказано². Однако в целом судебная практика не в состоянии исправить системную рассогласованность общих и специальных предписаний в процессуальном праве, что свидетельствует о возможном дисбалансе в системе процессуального законодательства. Правовые позиции высших судебных инстанций призваны преодолеть отдельные пробелы в праве, предложить пути разрешения отдельных видов коллизий между общими и специальными процессуальными нормами. Системные нарушения в соотношении общих и специальных норм требуют более комплексного подхода и прямого участия законодателя посредством соответствующей правотворческой деятельности. Наряду с этим системная разбалансированность в процессуальном законе имеет более серьезные негативные последствия в сравнении с отдельными противоречиями в рамках конкретных пар общих и специальных предписаний.

Системные проблемы порождаются зачастую рассогласованностью между двумя важнейшими тенденциями развития процессуального законодательства в виде его унификации и специализации. В этой связи полагаем уместным сослаться на следующее мнение: «В настоящее время в теории права и отраслевых юридических науках не выработаны четкие критерии по необходимому количеству процессуальных отраслей в системе права, а также по-прежнему не решена задача по выявлению пределов дифференциации процессуального права. Не находит ответа и вопрос о допустимости унификации арбитражного и гражданского процесса. Принятие Кодекса административного судопроизводства РФ, несмотря на некоторые положительные стороны, также сопряжено с усложнением ситуации и внутренним дублированием одной процессуальной отрасли другой процессуальной отраслью права. В юридической литературе и на практике высказывается позиция об избыточности в выделении отрасли административного процессуального права. Еще более запутывает существо рассматриваемой проблемы природа норм, устанавливающих порядок рассмотрения дел Конституционным Судом РФ» [11, с. 148–149]. Согласимся с тем, что отечественная юридическая наука не предоставляет четко выверенной модели соотношения и взаимосвязи общих и специальных норм в процессуальном праве, что лишь умножает дефекты в системе российского процессуального законодательства на практике.

Искусственная, избыточная унификация процессуальных нормативных предписаний посредством формирования избыточного числа общих норм равно

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 2015 г. № 9-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 4.

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О по жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 2; Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.

губительна, как и неоправданная специализация в системе процессуального законодательства. Поиск баланса между рассматриваемыми тенденциями в развитии российского процессуального права следует искать в объективных потребностях регулируемых правом общественных отношений, а также в увязке с уровнем развития самого процессуального законодательства. К примеру, объективная потребность внедрения электронно-информационных технологий в процесс отправления правосудия диктует соответствующие условия для дальнейшей дифференциации нормативных процессуальных предписаний, но предел подобной специализации задается уровнем развития электронных технологий, пригодных для отмеченного внедрения в судопроизводственную деятельность.

Отмеченные трудности не остаются незамеченными представителями наук процессуального права, и они все чаще обращаются к идее разделения процессуального закона на общую и особенную части. В частности, Е.В. Слепченко предлагает четкую структурную организацию Гражданского процессуального кодекса РФ на соответствующие части, но не предлагает при этом конкретных технико-юридических правил должной разработки общих и специальных нормативных процессуальных предписаний [12, с. 15–16]. Осложняет ситуацию и тот факт, что определенная часть процессуальных предписаний располагается в материальных законах.

Следует согласиться с мнением в целом о недостаточности общих предписаний в ряде кодифицированных процессуальных актах. В частности, недостаток таковых обнаруживает в себя в отсутствии либо неполноте изложения принципов процессуального законодательства, в нечеткой структурной организации общих положений процессуальных законов, в недостаточном количестве общих коллизионных норм, направленных на разрешение противоречий между общими и специальными процессуальными нормами и др. В этой связи заслуживает внимания и поддержки суждения Д.А. Плотникова о тщательной проработке общих норм-принципов гражданского процессуального законодательства: «До тех пор, пока законодателем не будет закреплено понятие принципов гражданского процессуального права, не будут раскрыты сущностные характеристики каждого из них, доктрина и законодатель будут испытывать сложности при разрешении внутренних и внешних коллизий. При этом нужно исходить из необходимости не просто введения в ГПК РФ отдельной главы, посвященной принципам гражданского процессуального права, но и включения положений, определяющих соотношение принципов и иных норм гражданского процессуального права, способы толкования иных норм посредством принципов гражданского процессуального права, а также юридические последствия неверного применения таких принципов. Следовательно, принципы гражданского процессуального права выступают ядрообразующим фактором преодоления коллизий гражданских процессуальных норм и определения структуры гражданского процессуального права» [8, с. 30–31].

С учетом изложенного можно сделать следующий вывод. В общей теории государства и права назрела необходимость в обобщении отраслевого юридического знания по проблеме соотношения и диалектики взаимосвязи общих и специальных процессуальных норм. Отсутствие общетеоретических наработок по указанному вопросу не позволяет в отраслевых процессуальных науках выстроить завершенную сбалансированную модель соотношения общих и специальных норм, а также определить пределы унификации и специализации как всей системы процессуального законодательства, так и ее отдельных отраслей.

Библиографический список

1. Белоусов С.А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 501 с.
2. Леонкин А.А. К вопросу о понятии, содержании и структуре общих нормативных предписаний в российском праве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 70–74.
3. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юридическая литература, 1975. 264 с.
4. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.
5. Нормы советского права. Проблемы теории / под ред. М.И. Байтина, В.К. Бабаева. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. 248 с.
6. Петров Д.Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. 505 с.
7. Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права / под ред. М.И. Байтина. Саратов, 1987. 96 с.
8. Плотников Д.А. Коллизии между общими и специальными гражданскими процессуальными нормами как предпосылка совершенствования системы гражданского процессуального права // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2021. № 2. С. 27–36.
9. Потапенко Е.Г. Общие нормы в системе цивилистического процессуального права: элементарный срез // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 9. С. 3–6.
10. Семякин М.Н. Интеграция и дифференциация норм российского гражданского законодательства как важнейшие тенденции его реформирования // Российский юридический журнал. 2020. № 4. С. 60–61.
11. Иващенко К.Б. Соотношение материального и процессуального права в Российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 176 с.
12. Слепченко Е.В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. 29 с.

References

1. Belousov S.A. Legislative imbalance (doctrine, theory, practice): dis. ...Dr. jurid. sciences'. Saratov, 2015. 501 p.
2. Leonkin A.A. On the question of the concept, content and structure of general regulations in Russian law // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 5 (148). P. 70–74.
3. Alekseev S.S. Structure of Soviet law. M.: Legal Literature, 1975. 264 p.
4. Gorshenev V.M. Atypical normative prescriptions in law // Soviet State and law. 1978. No. 3. P. 113–118.
5. Norms of Soviet law. Problems of theory / edited by M.I. Baytin, V.K. Babayev. Saratov: Publishing House of the Saratov University, 1987. 248 p.
6. Petrov D.E. Differentiation and integration of structural formations of the system of Russian law: dis. ...Dr. jurid. sciences'. Saratov, 2015. 505 p.
7. Senyakin I.N. Special norms of Soviet law / ed. by M.I. Baytin. Saratov, 1987. 96 p.
8. Plotnikov D.A. Collisions between general and special civil procedural norms as a prerequisite for the perfection of the system of civil procedural law // Electronic application to the Russian Law Journal. 2021. No. 2. P. 27–36.
9. Potapenko E.G. General norms in the system of civil procedural law: elementary section // Arbitration and civil process. 2020. No. 9. P. 3–6.
10. Semyakin M.N. Integration and differentiation of the norms of Russian civil legislation as the most important trends of its reform // Russian Law Journal. 2020. No. 4. P. 60–61.

11. *Ivashchenko K.B.* Correlation of substantive and procedural law in the Russian state: dis. ... cand. jurid. sciences?. Saratov, 2018. 176 p.

12. *Slepchenko E.V.* Civil proceedings: problems of unity and differentiation: abstract of the dissertation of Dr. Yurid. Nauk. SPb., 2011. 29 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-38-43

УДК 342.922

А.А. Свистунов

ПОНЯТИЕ ИННОВАЦИЙ
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Введение: инновации как продукт инновационной деятельности выступают одним из ключевых условий научно-технического прогресса и достижения целей общественного развития в современной России. Будучи тесно связанной с научно-исследовательской деятельностью, данная категория требует осмысления с точки зрения теории права и действующего российского законодательства. **Цель:** исследование нормативных положений, устанавливающих статус инноваций и инновационной деятельности в Российской Федерации с целью выявления уязвимых аспектов легальных дефиниций и формирования авторского определения явления инноваций. **Методологическая основа:** формально-правовой анализ положений действующего российского законодательства, а также исследование мнений исследователей относительно содержания и особенностей категорий «инновации» и «инновационная деятельность» в условиях современности. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно обоснованности корректировки понятия «инновации» в действующем российском законодательстве. **Выводы:** инновационная деятельность требует специального правового регулирования, в рамках которого очевидна взаимосвязь, но некорректно слияние с научно-исследовательской деятельностью.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, научно-исследовательская деятельность, научно-технический прогресс, национальные проекты.

A.A. Svistunov

THE CONCEPT OF INNOVATION IN RUSSIAN LEGISLATION

Background: innovations as a product of innovation activity act as one of the key conditions of scientific and technological progress and achievement of the goals of social development in modern Russia. Being closely related to the research activity, this category requires comprehension from the point of view of the theory of law and current Russian legislation. **Objective:** study of normative provisions establishing the status of innovation and innovation activities in the Russian Federation in order to identify vulnerable aspects of legal definitions and the formation of the author's definition of the phenomenon of innovation. **Methodology:** formal-legal analysis of the provisions of the current Russian legislation, as well as the study of the opinions of researchers regarding the content and characteristics of the categories of "innovation" and "innovative activity" in the conditions of the current Russian legislation. **Results:** the author's position on the validity of the adjustment of the concept of "innovation" in the current Russian

© Свистунов Алексей Александрович, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры частного права (Российский новый университет); e-mail: kozhevinaaaa@minobrnauki.gov.ru

© Svistunov Aleksey Aleksandrovich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private Law (Russian New University)

legislation is argued. Conclusions: innovative activity requires special legal regulation, in which the relationship is obvious, but it is incorrect to merge with research activities.

Key-words: innovations, innovative activity, scientific activity, progress in science and technology, national projects.

Необходимость роста в научно-технической сфере, обусловленная новыми внешними и внутренними вызовами, рождает определенный запрос к инновационной деятельности в РФ. Для регулирования данной сферы существует потребность в разработке актуальных правоприменительных решений и практик. В период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 особую значимость приобрели новые методы и способы цифровизации целых отраслей (технической, услуг, педагогики и др.). Данные факторы, помимо прочих, обусловили объявление в 2022 г. Президентом Российской Федерации Десятилетия науки и технологий вплоть до 2031 г.¹ К числу задач данного периода времени относится, в частности, содействие вовлечению исследователей и разработчиков в решение важнейших задач развития общества и страны, что, безусловно, на всех этапах требует научной методологии и направленности на получение инноваций. Вместе с тем выработка и реализация эффективной государственной политики в данном направлении требует четкой, структурированной нормативно-правовой базы, основой которой выступает универсальный, прозрачный понятийный аппарат. И одним из основных понятий здесь выступает термин «инновационная деятельность» во взаимосвязи с термином «научная деятельность».

Обозначенные категории призван раскрыть Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»² (далее — ФЗ № 127). В ст. 2 документ определяет инновационную деятельность (данное понятие включает в себя научную, технологическую, организационную, финансовую, коммерческую и другие ее виды), как деятельность, направленную на реализацию инновационных проектов и инфраструктуры. Научно-техническое функционирование характеризуется направленностью на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы. В свою очередь, под инновациями понимается введенный в употребление новый или значительно улучшенный продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях. При этом инновационный проект, согласно положениям названного закона, — комплекс направленных на достижение экономического эффекта мероприятий по осуществлению инноваций, в том числе, по коммерциализации научных и (или) научно-технических результатов. Инновационный проект характеризуется высоким уровнем риска, возможностью недостижения запланированного результата, а именно экономического эффекта от реализации такого проекта.

¹ См.: Указ Президента РФ от 25 апреля 2022 г. № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» (вместе с «Положением о Координационном комитете по проведению в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 18, ст. 3052; 2022. № 31, ст. 5694.

² См.: Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137; 2003. № 52 (ч. I), ст. 5038.

Содержание данных понятий даже при поверхностном анализе характеризуется неоднозначной взаимосвязью. Прежде всего, учитывая, что инновационная деятельность направлена на реализацию инновационных проектов, то есть комплекс мероприятий по осуществлению инноваций, фактически, такая деятельность имеет цель реализацию разработки, введения в употребление нового или значительно улучшенного продукта (товара, услуги) или процесса, метода продаж или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях. Не будет ошибочным краткое сведение данных тезисов к основной цели инновационной деятельности в виде нового решения некоей проблемы. С этой точки зрения остается открытым вопрос об отличии данной категории от научной деятельности, которая, очевидно, а также, следуя логике приведенных ранее положений закона, направлена на достижение той же самой цели в виде получения нового знания для решения проблемы. Ответ на данный вопрос законодатель предлагает тут же, делая акцент на том, что к инновационной деятельности относится и научная деятельность. Не отрицая очевидную взаимосвязь данных категорий, но принимая во внимание значительную роль инновационной деятельности в жизни общества, а также особые правовые условия создания инноваций, включающие, помимо прочего, специальные механизмы финансирования, существующий подход к определению названных ключевых понятий представляется не лишенным внутренних противоречий и несущим в себе риски ошибочного толкования и злоупотреблений правом. В этой связи заслуживает поддержки позиция И.П. Кожокаря, который указывает: «...одним из главных принципов юридической техники является единство и согласованность терминологической и понятийной систем. Игнорирование этого принципа в инновационной сфере привело к беспорядочному наполнению нормативных правовых и программных документов инновационной терминологией, из которых субъектам отношений трудно квалифицировать себя в качестве участников особых инновационных отношений и строителей инновационного общества» [1, с. 181].

Следует согласиться с исследователями, что основы современного регулирования инновационной деятельности в России были заложены в СССР [2, с. 573]. Закон СССР от 31 мая 1991 г. № 2213–1 «Об изобретениях в СССР»¹ закреплял понятие изобретения, принципиально нашедшее отражение в действующем гражданском кодексе², как некое техническое решение, способ, процесс, характеризующиеся новизной (не будучи известным из уровня техники), изобретательским уровнем (если для специалиста оно явным образом не следует из уровня техники) и промышленной применимостью. Несмотря на различные акценты, усматривается смысловая связь данной категории с инновациями в части признаков новизны и практической применимости.

Кроме того, понятие инновационной деятельности раскрывается в Федеральном законе от 26 июля 2006 г. № 135 «О защите конкуренции», в ч. 2 ст. 6 которого характерным признаком такой деятельности указывается создание нового невзаимозаменяемого товара или нового взаимозаменяемого товара при

¹ См.: Закон СССР от 31 мая 1991 года № 2213–1 «Об изобретениях в СССР» // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 25, ст. 703.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 52 (ч. 1), ст. 5496; 2022. № 26, ст. 4584.

снижении расходов на его производство и (или) улучшение его качества¹. В этой связи выглядит справедливым довод Р.В. Комисарука об отсутствии гармонизации действующего российского законодательства в области инновационной деятельности [3, с. 85].

Следует отметить, что законодателем неоднократно предпринимались попытки регулирования инновационной деятельности на уровне специального Федерального закона², однако ни одна из них не прошла все необходимые стадии законотворческого процесса. В то же время подход к определению в целом схож с ныне закрепленным в ФЗ № 127 — инновационная деятельность определяется как выполнение работ и (или) оказание услуг по созданию, освоению в производстве и (или) практическому применению новой или усовершенствованной продукции, нового или усовершенствованного технологического процесса.

Некоторые исследователи в целом разделяют такой подход российского законодателя к определению инноваций [4, с. 458], рассматривая данную категорию преимущественно как экономическую, требующую дополнительной организационной работы, направленную на инновационное развитие предприятий, чья заинтересованность в развитии инноваций оценивается как низкая [5], в том числе, на уровне документов стратегического планирования³. Представляется, что отчасти это можно объяснить позициями России на глобальном энергетическом рынке. В этой связи можно привести в пример такие европейские государства, как Германия и Швейцария — страны, которые не могут конкурировать на данном рынке с Россией, но обеспечившие себе высокий уровень развития экономики за счет активного внедрения инноваций, в том числе, в автомобилестроительной и часовой промышленности соответственно.

В то же время в международно-правовых документах можно найти более широкий подход к определению инноваций. Так, к примеру, в Руководстве Осло под инновациями понимается новый или улучшенный продукт или процесс (либо их комбинация), значительно отличающийся от предыдущих продуктов или процессов предприятия и который предоставляется потенциальным пользователям (продукт) или введён в эксплуатацию предприятием (процесс) [6]. Данное определение представляется более точным с точки зрения соотношения с результатом научных исследований, так как, помимо научной новизны, здесь обращает на себя внимание критерий значительного отличия от предыдущих результатов.

На основании изложенного представляется верным скорректировать подход к определению инноваций и инновационной деятельности, закрепленный в настоящее время в ФЗ № 127. Как уже было отмечено ранее, смешение понятий научной и инновационной деятельности выглядит методологически некорректным и потенциально рискованным в правоприменении. Но вместе с тем в основе

¹ См.: Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135 «О защите конкуренции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3434; 2022. № 24, ст. 3928.

² См.: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 16 июня 1999 г. № 4125-II ГД «О проекте Федерального закона „Об инновационной деятельности и государственной инновационной политике”» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 27, ст. 3269; Проект Федерального закона № 99029071-2 «Об инновационной деятельности и о государственной инновационной политике» (окончательная ред., принятая Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 1 декабря 1999 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 1, ст. 216; 2018. № 44, ст. 6772.

возможного разграничения данных категорий может быть уровень научной новизны продукта, его влияние на сферу внедрения, что неизбежно обречено на оценочность понимания.

Кроме того, наука призвана не только решать новые задачи, но также служить основой для выполнения повседневных текущих задач. К примеру, учебная дисциплина в вузе не всецело построена на новых знаниях, полученных научным путем, но всецело требует научно выверенной методологии, структуры и мастерства преподнесения обучающимся.

В связи с этим возможный разграничительный критерий может быть основан на способности инновации внести вклад в решение глобальных задач, влияя на формирование нового уклада общественных отношений. Примером может послужить реализация национального проекта «Цифровая экономика»¹.

Если рассмотреть одну из задач проекта в виде компьютеризации населения, обеспечения скоростным доступом к сети Интернет и современным программным обеспечением, их общим признаком представляется цифровизация, но не инновации. Иначе говоря, это то, что должно быть у российских граждан уже сегодня и даже вчера. При этом речь идет о развитии реестровой модели предоставления государственных услуг, технологий искусственного интеллекта в государственном управлении, обеспечения портала «Государственные услуги» новыми возможностями и снабжении населения реальными условиями и компетенциями для реализации этих возможностей — здесь уже говорить о переходе в то самое «завтра», который намечен в многочисленных стратегических документах. И такую деятельность уже корректнее называть инновационной.

Таким образом, под инновациями предлагается понимать введенный в употребление новый невазимозаменяемый или значительно улучшенный взаимозаменяемый продукт (товар, услуга) или процесс, новый метод продаж или новый организационный метод в деловой практике, организации рабочих мест или во внешних связях при снижении расходов на его производство. Критерием, отличающим инновацию от результата научных исследований, является прямое влияние на решение задач национальных проектов России и значительный вклад в повышение уровня жизни населения России на основе новейших достижений науки и техники.

Библиографический список

1. *Канарейкин И.А.* Понятие инновационной деятельности // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 3 (37). С. 573–575.
2. *Кожокарь И.П.* Труды Института государства и права Российской академии наук. 2020. Т. 15. № 3. С. 141–187.
3. *Комисарук Р.В.* Понятие «инновационная деятельность» в международных правовых актах и в национальном законодательстве // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 82–85.
4. *Таирова М.М.* Сущность и понятие инновационной деятельности // Мировая наука. 2019. № 4 (25). С. 457–460.

¹ См.: Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. *Шепелев Г.В.* Предмет и понятие инновационной деятельности (проекция на российскую специфику) // *Управление наукой: теория и практика*. 2021. Т. 3. № 4. С. 165–178.

6. Oslo Manual 2018: Guidelines for Collecting, Reporting and Using Data on Innovation. The Measurement of Scientific, Technological and Innovation Activities. 4-th ed. Paris/Eurostat, Luxembourg: OECD Publishing, 2018. 256 p.

References

1. *Kanareikin I.A.* The Concept of Innovation Activity // *Scientific Electronic Journal Meridian*. 2020. Vol. 3 (37). P. 573–575.

2. *Kozhokar I.P.* Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2020. P. 15. Vol. 3. P. 141–187.

3. *Komisaruk R.V.* The Concept of «Innovative Activity» in International Legal Acts and Disclosure // *Law and State: Theory and Practice*. 2019. Vol. 12 (180). P. 82–85.

4. *Tairova M.M.* Essence and Innovative Activity // *World Science*. 2019. Vol. 4 (25). P. 457–460.

5. *Shepelev G.V.* Subject and Term of Innovative Activity (Projection on Russian Specifics) // *Management of Science: Theory and Practice*. 2021. P. 3. Vol. 4. P. 165–178.

6. Oslo Manual 2018: A Guide to Collecting, Reporting and Using Innovation Data. Measurement of Scientific, Technological and Innovative Activities. 4th ed. Paris/Eurostat, Luxembourg: OECD Publishing, 2018. 256 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-44-52

УДК 340.12

О.С. Сурков

**ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ДИСКУРСА
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА
КОНСЕРВАТИВНОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАДИЦИИ
НА ПРИМЕРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА**

Введение: особенности эволюции концепций и представлений различных исторических периодов об основаниях государства и права часто ставят перед нами проблему выявления их истоков. Без исследования преемственности невозможно понять смысл многих понятий и, следовательно, дать адекватную оценку значимости интеллектуального наследия. **Цель:** поиск преемственности в дискурсе между различными разновидностями холистического консервативного направления. В данном случае необходимость состояла в том, что проследить зависимость националистической риторики и концептуальных построений интеллигенции Российской империи начала XX века и исторической школы права как образца фундаментальной, правовой и социальной консервативной европейской мысли, оказавшей влияние на множество школ и направлений политической и правовой теории. **Методологическая основа:** выявление связи между двумя направления политико-правовой мысли основывается на дискурс-анализе, то есть приемах выявления исторической обусловленности при описании окружающего мира и роли в нем государства и права как феноменов социальности и культуры. Дополнением послужили традиционные аналитические приемы сравнения в синхронном и диахронном аспекте основных элементов сравниваемых концепций. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно существования неоспоримых свидетельств преемственности между холистическими концепциями представителей исторической школы права и националистической интеллигенцией Российской империи начала XX в. **Выводы:** вопреки декларируемой националистической интеллигенцией позиции о разрыве с практикой и европейским интеллектуальным наследием и утверждением самобытности прослеживается четкая линия их концептуальной преемственности. Так, при анализе можно наблюдать регулярное семантическое соответствие при использовании терминов, обозначающих и описывающих различные формы коллективной субъективности.

Ключевые слова: национализм, холизм, консерватизм, историческая школа права, Российская империя.

O.S. Surkov

THE CONTINUITY OF THE DISCOURSE
OF THE NATIONALIST INTELLIGENTSIA
OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY 20TH CENTURY
WITH THE CONSERVATIVE EUROPEAN TRADITION
ON THE EXAMPLE OF THE HISTORICAL SCHOOL OF LAW

Background: the peculiarities of the evolution of concepts and perceptions of different historical periods about the foundations of state and law often raise the problem of identifying their origins. Without a study of continuity, it is impossible to understand the meaning of many concepts and, consequently, to make an adequate assessment of the significance of intellectual heritage. **Objective:** the search for continuity in the discourse between the different varieties of the holistic conservative trend. In this case, the need was to trace the dependence between the nationalist rhetoric and conceptual constructions of the intellectuals of the Russian Empire in the early 20th century and the historical school of law as a model of fundamental, legal and social conservative European thought, which influenced many schools and directions of political and legal theory. **Methodology:** the identification of the connection between the two areas of political and legal thought is based on discourse analysis, that is, the techniques of revealing the historical conditioning in describing the surrounding world and the role of the state and law in it as phenomena of sociality and culture. The traditional analytical techniques of comparison in the synchronous and diachronic aspect of the main elements of the compared concepts served as a supplement. **Results:** the author's position on the existence of indisputable evidence of continuity between the holistic concepts of representatives of the historical school of law and the nationalist intelligentsia of the Russian Empire in the early twentieth century is argued. **Conclusions:** contrary to the position declared by the nationalist intelligentsia about the break with practice and the European intellectual heritage and assertion of identity, there is a clear line of their conceptual continuity. Thus, in the analysis we can observe a regular semantic correspondence in the use of terms denoting and describing various forms of collective subjectivity.

Key-words: nationalism, holism, conservatism, historical school of law, Russian empire.

В исследованиях посвященных эволюции идей всегда имеет значение изучение преемственности в образцах дискурса, так как именно с их помощью можно проследить истоки и скрытые связи различных школ и направлений. Так, русская националистическая интеллигенция в конце XIX – начале XX вв., зачастую отмежевывалась от культуры Западной Европы, постулировала идеалы самобытности и уникальности отечественной культуры и государственно-правовых практик. Но исследуя параллели в суждениях об обществе, праве и государстве можно обнаружить интересный дискурсивный изоморфизм между русской националистической интеллигенцией и европейскими консервативными мыслителями. Примером могут послужить работы представителей исторической школы права.

Так, уверенность в силе естественнонаучного знания, стиль мышления которого должна была бы заимствовать и юриспруденция, породил, согласно Ф.К. фон Савиньи, неоправданные ожидания о достижении совершенства во

всех сферах человеческой жизни в ближайшее время. Отсюда и возникла тяга к универсальному, которая выгодна лишь коммерсантам, которых не интересует ничего кроме прибыли. В данном пассаже интересна враждебность Ф. Савиньи капиталистическому типу мышления, присущему основной массе консервативных мыслителей XIX в.

Он констатирует наличие двух подходов к формированию современного ему гражданского права после эпохи наполеоновских войн и восстановления политической независимости Германских государств. Первый способ — это вернуться к довоенной ситуации. Второй — создать новый универсальный кодекс. Ф. Савиньи сомневается во втором способе, так как утверждает, что источником права, в основном является законодательство, а следовательно, содержание позитивного права исторически случайно. Данный факт по Ф. Савиньи опровергает мнение, что в основе государственного законотворчества должны лежать рациональное универсальное естественное право.

Ф. Савиньи постулирует неразрывное единство всех основных сфер народной жизни и самосознания, таких как: язык, религия, культура и право. Он иронизирует над тем, что многие не замечают этого, и оказываясь во Франции, удивляются тому, что там даже простой народ свободно говорит по-французски. Он утверждает, что при изучении права можно обойтись без изучения дописменной эпохи, так как для права важной вехой становления является обретение письменной формы.

Далее Савиньи предполагает, что первичным способом существования права была структура формализованных ритуалов. Именно в совокупности этих ритуальных действий и зародилось первоначальное правопонимание. Таким образом, у Ф. Савиньи язык тела был изначально неотделим от слова. Тело говорило через слово и наоборот. Поэтому, любое изначальное право имеет уникальный смысл и содержание, которое по определению не может быть универсальным и внеисторичным. Потом, со временем, из первоначальной формы возникает наука юриспруденция. Она представляет собой первоначальное право, трансформированное в письменную форму при помощи лингвистической абстракции. А, так как данные операции совершаются на уникальном исторически развивающемся народном языке, то и научная юриспруденция иногда порывает с исходными формами права.

Основанием описанного выше процесса эволюции права является присущее народу чувство целесообразности и необходимости, развивающееся благодаря его вере и духу, которые отражают историческое окружение того или иного народа [1, с. 128–130].

Таким образом, констатируется, что все право возникает из обычая (хотя Ф. Савиньи считает этот термин неудачным, так как он не отражает все тонкости процесса первоначального становления народного духа). После стадии спокойного локального развития, может наступить стадия контакта с кардинально иными народами. И может иметь место заимствование некоторых положений или категорий из других правовых систем. Это может иметь как положительные, так и отрицательные стороны.

При этом Ф. Савиньи разграничивает понятия племени и народа. Он констатирует, что один народ может разветвляться на множество племен, поэтому часто возникает ситуация, когда у двух государств одно право, или у одного государства в разных его частях действуют разные правовые системы. При этом

на стадии развития письменного права может возникать потребность в кодификации многочисленных норм.

Сама философия Просвещения была для Савиньи олицетворением современности, от одностороннего унифицирующего воздействия которой надо было защищаться путем обращения к истории Германии. Необходимо было вернуться к истокам правовой системы немецкого народа, отбраковать и отфильтровать накопившие за века юридические инновации и тогда возможно будет в будущем создать право немецкого народа, которое сохранит духовные основы Германии. Это спасет от деградации порожденное надеждой на естественное право.

Вообще само естественное право, согласно Савиньи, представляет собой заблуждение присущее всем развитым народам с долгой историей развития правовой системы. Оно возникает тогда, когда тот или иной народ настолько усовершенствует свою правовую систему для своих потребностей, что она начинает казаться ведущим интеллектуалам нации не просто плодом исторического развития, возникшим в результате вековой череды проб и ошибок, а отражением законов самой природы в человеческом разуме. Отсюда вытекает убеждение в том, что основные постулаты правовой системы народа — это выраженные в суждениях разума естественные начала справедливости, исходящие от природы или от бога. Тогда возникает искушение придать своей народной системе права свойство универсальности, и распространить ее на другие народы и государства.

Это заблуждение, согласно Савиньи, не приведет ни к чему кроме тирании. Спасением в данной ситуации служит применение исторического метода, который позволяет отделить устаревшие нормы имеющегося права от еще актуальных, и обеспечить поступательное развитие без разрывов с прошлым. Поэтому необходимо по возможности не только использовать римское право, но и возрождать германские средневековые и возрожденческие правовые институты (не формальную их трактовку, но дух и смысл), чтобы обеспечить такое направление правового развития, которое сохранит немецкий народный дух, обеспечивающий, в свою очередь, дальнейшее существование народов Германии.

Суть метода также заключается и в том, чтобы любой институт или норма права были рассмотрены ретроспективно до самой ранней из доступных науке эпох. Затем должны быть воссозданы все стадии его эволюции в контексте тех исторических периодов, сквозь которые можно проследить его существование. Полученные данные должны помочь выявить характерные особенности нормы или института права пригодные и необходимые для конкретного народа. И уже на этой основе формулируются конкретные правила, которые подвергаются дальнейшей проверке в деятельности судов. Соответственно, исторический метод — это продукт совместной деятельности судей и ученых [2, с. 284–292].

При этом изучение новых кодексов и сводов законов ни в коем случае не может заменить изучение исторической цепочки состояний, через которые во времени проходит исследуемая норма или институт. Если такое случится, это приведет к непрерывной череде упрощений в образовательном процессе, что с неизбежностью приведет к отсутствию адекватного понимания не только прошлых состояний правовой системы, но и современных. Савиньи сравнивает такое состояние юридического образования с лестницей, у которой при переходе на следующую ступень разрушается предыдущая. Естественно, он полагал, что подобная участь уже постигла современное Савиньи французское образование. А Кодекс Наполеона есть болезнь, поразившая заблудшие французские умы.

Забавно, как в своем призыве изучать римское право Савиньи впадал в патетический гротеск. Он полагал, что три часа лекций в день по римскому праву недостаточно, можно довести и до пяти. То есть, если бы план Савиньи был реализован, то молодой юрист первой трети XIX в. более половины своего учебного времени изучал бы римское и средневековое право. В этом он не видел ничего страшного, так как полагал, что на большинстве курсов, например, в Пруссии, современное право вообще можно не преподавать, а ограничиться его изучение с помощью практических упражнений ближе к концу обучения.

Само собой разумеется, что не все в Европе в целом, и в Германии, в частности, разделяли восторги Савиньи по данному поводу. При этом Савиньи каким-то образом умудрялся сочетать панегирики свободному творчеству суда в римском республиканском стиле со славословиями в адрес прусского правительства, явно абсолютистского по духу и своей бюрократией напоминавшем суд из «Процесса» Кафки.

Стоит отметить, что в данных рассуждениях Савиньи присутствует несомненный образец консервативного стиля мышления. Он состоит в том, что Савиньи предполагает, во-первых, наличие многомиллионного коллективного сознания, во-вторых наличие в нем устойчивого исконно присутствующего семантического ядра, которое остается неизменным в течение веков и поддерживает существование группы в качестве народа. А, в-третьих, Савиньи, как и большинство европейских консерваторов XIX в., враждебно относился к коммерции и капитализму, полагая, что экономическая выгода не может быть аргументом в пользу кодификации. Торговый интерес не может заменить дух народа и государственный интерес, который понимался Савиньи в сословно-корпоративном ключе. Он полагал, что унифицирующая сила денег убивает уникальное и неповторимое. Соответственно, право должно отражать все основные нормативные константы, постулированные данным культурным ядром, то есть право должно свято оберегать обычаи и традиции, а к инновациям относиться с предельной осторожностью. Все лучшее — враг проверенного и хорошего. Это самый что ни на есть консервативный принцип.

Способ реализации своей программы Савиньи видит в трансформации юриспруденции в Германии. Он видит недостаток не в отсутствии кодексов, а неэффективности судебного процесса. Он полагает, что судья должен стать исследователем права и принимать творческие решения. Для этого корпус судей должен находиться в тесном сотрудничестве с юридическими факультетами немецких университетов. В идеале наукой и судебными разбирательствами должны заниматься одни и те же люди.

Объектом законодательства должна стать запись обычного права, в результате чего должна появиться практика наподобие преторских эдиктов, что в понимании Савиньи, является синонимом живого права, то есть вытекающего из реальной практики, а не абстрактной кодификации. Свод законов может возникнуть как результат деятельности юристов, ученых и судей в отдаленном будущем, но он ни в коем случае не должен выступать самоцелью.

Преждевременная кодификация может только испортить дело объединения Германии (например, вызвать отторжение Австрии и Баварии), к чему Савиньи, как он сам заявлял, стремился. Однако темпы, которыми он предлагал это делать, сомневаясь в способностях человеческого разума к целенаправленной систематизации, могли затянуть любое дело на неопределенный срок, вплоть до бесконечности.

Свобода, на которой строится право, есть свобода человеческая. Она подчинена свободе божественной и является ее составной частью. Человеческая свобода ограничена всеобъемлющей божественной свободой, но абсолютно не предопределена в своих собственных пределах. Такое соотношение не делает человеческую свободу чем-то иным. Она использует разум в своих целях, но не тождественна ему и не предопределена им. Разум лишь указывает цель, которая является добровольным стремлением к божественному. То есть божественная свобода служит самоограничением для свободы человеческой. Стремление к божеству представляет собой акт свободного выбора между добром и злом, который и выступает основанием любой возможной правовой системы [2, с. 292–298].

Другой представитель исторической школы права — Пухта, выводит определение права из понятия субъекта, то есть его концепция близка антропософским христианским идеям. Человек, в силу обладания им способности к этическому самоопределению (наличие свободной воли, реализующейся в добре или зле), является субъектом права. Для Пухты именно сам факт обладания такой способностью и отличает мораль от права.

Для морали важен не только сам факт этического выбора, но и движение в сторону добра. Напротив, право фиксирует саму возможность такого свободного выбора. Не важно, какую сторону ты выбираешь, темную или светлую, твой поступок подлежит квалификации как правовой. Пухта считает, что первопричиной отделения права от морали было человеческое грехопадение. Именно после изгнания из рая фактическое состояние дел стало отделено от юридического, как должное от сущего. До грехопадения человек следовал этическому императиву, естественно и не задумываясь. Его помыслы и деяния были слиты воедино и осуществлялись в одном этически безупречном акте. Только после грехопадения стало возможно существование права и не права [3, с. 425–429].

Исходя из этого, люди, как носители свободной воли, не должны иметь отличий в возможности ее реализации. Отсюда вытекает основной принцип права — принцип равенства. Поэтому, сфера права — это процесс регулирования человеческой свободы в отношениях между людьми. Регулирование пересечений свободы субъектов должно осуществляться беспристрастно, поэтому юридическое правило остается самим собой, независимо от того морально оно или нет.

Свобода может проявляться как в характеристике самих субъектов, так и их действий. Под первым понимается способность лица обладать юридической волей как признаком дееспособности, а под вторым понимается воля как оценка способности осознанно действовать в отношении вещей объективного мира. Господство над вещью описывается как свободное, но не как моральное. Например, собственник может использовать вещь, принадлежащую ему во вред себе, но пока это не касается свободы других — это не может быть предметом правового воздействия и отношения.

Право, согласно Пухте, это признание юридической свободы, которая проявляется в субъектах и их воле в процессе воздействия на объекты объективного мира.

Субъектами (носителями) воли могут выступать Бог, группы людей разного размера, имеющих, согласно Пухте, коллективную волю, а также отдельные лица, в их стремлении к самореализации и господству. Соответственно, существует коллективная воля и воля индивида, и последняя имеет легитимность ровно до тех пор, пока нее вступает в противоречие с первой, то есть коллективная воля, всегда имеет приоритет над первой.

Здесь имеет место философская спекуляция, основанная на допущении, что индивид при правильном формировании никогда не может вступать в принципиальное противоречие с обществом. В народе предполагается постоянная корреляция воли индивида в соответствии с волей коллектива. Расхождение возможно только по пустякам, а более серьезные отклонения вызваны пороком индивидуальной воли, которые требуют коррекции в форме правосудия. Эти рассуждения выступают основой такой основополагающей для исторической школы права категории, как народный дух, представляющий собой не что иное, как эволюционирующую коллективную волю.

Поэтому право существует в двух формах. Первая — это право как воля группы лиц, формирующая правила для регулирования свободы. Право в данном смысле представляет собой совокупность юридических предписаний или законов, то есть позитивное право народа. Пухта утверждает, что данные юридические предписания группируются в систему и образуют правовые институты (например, собственность). В свою очередь, институты подразделяются на отдельные нормы — это и есть правовая система народа, существующая в виде системы предписаний [3, с. 432–441].

Вторая форма права — это воля отдельного лица, притязающая на господство над какой-либо составляющей окружающего мира. Главное, чтобы воля отдельного лица не вступала в противоречие с общей волей. Такие притязания Пухта называет правомочиями, из которых складываются правоотношения.

Данные рассуждения позитивист назвал бы банальным утверждением о том, что поведение индивида должно опираться на закон, и не противоречить ему. Но для Пухты, как представителя исторической школы права, важно объяснить и определить сущность позитивного законодательства как производной от народного духа. Простой констатации того, что предписание исходит от государства в его концепции недостаточно. Мало того, если норма, исходящая от государства, противоречит народному духу, она не может называться правом. Правда четких критериев как определить: представляет ли государство народный дух или нет, Пухта в своих трудах не дает. История Германии XIX в. показывает, что в подавляющем большинстве представители исторической школы права занимали консервативно-монархические позиции и оправдывали практически любое действие королевского правительства, определяя эти поступки как соответствующие народному духу немцев. Потенциально концепции представителей исторической школы права в целом и Пухты в частности можно интерпретировать в либеральном ключе, но исторически их идеи носили охранительный характер.

Аналогично рассуждая о путях эволюции Российской империи в начале XX в., М.О. Меньшиков выражал озабоченность отсутствием дальнейших шагов в реформах государственности в русле народного духа. На этом базировалась его негативная оценка манифеста от 17 октября 1905 г. и конкретизирующего его законодательства. Он полагал что реформы не поколебали господствующего положения бюрократии, которая мешает построить справедливую государственную систему, отражающую коллективные чаяния нации. Следовательно, препятствующую структурированию народного духа в государстве [4; 5].

М.О. Меньшиков говорил, что формы государственного устройства, чуждые духу русской нации, лишь усилят раскол между властью и обществом [6, с. 528]. Революция, в таком случае, писал он позднее, была закономерной [7; 8].

Он полагал, что народное представительство, выражающее коллективное сознание нации будет высшей точкой развития русского народа. Система законодательства должна иметь своим источником образцы народного поведения и учитывать формы коллективной организации [9; 10; 11, с. 180–183; 12, с. 330–350].

Еще один крупный представитель русской националистической интеллигенции П.И. Ковалевский также выдвигал идею иерархии воли, аналогичную концепции Пухты, в которой воля индивида и отдельных коллективов, последовательно включалась во всеобщую государственную волю, наподобие матрешки [13, с. 65–86].

Таким образом, вопреки собственным декларациям о фундаментальном разрыве между русской национальной мыслью и интеллектуальной традицией Западной Европе, представляется возможным утверждать, что политико-правовая мысль русской националистической интеллигенции имела одним из своих важнейших источников консервативную мысль Германии в лице представителей исторической школы. Преимущество проявляется в изоморфизме дискурса при употреблении таких понятий как коллективная воля, народный дух, сила нации и т.д. Также прослеживается систематическое сходство в структуре суждений об иерархии субъектности в рамках государства.

Библиографический список

1. *Савиньи Ф.К. фон* О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Система современного римского права. М.: Статут, 2011. Т. 1. 510 с.
2. *Савиньи Ф.К. фон* Источники современного римского права // Система современного римского права. М.: Статут, 2011. Т. 1. 510 с.
3. *Пухта Г.Ф.* Энциклопедия права // Немецкая историческая школа права. Челябинск: Социум, 2010. 528 с.
4. *Меньшиков М.О.* Стража общества // Новое время. 1905. 12 нояб.
5. *Меньшиков М.О.* Третья оппозиция // Новое время. 1913. 12 нояб.
6. *Меньшиков М.О.* В предрассветных сумерках // Письма к русской нации. М.: журнал «Москва», 2005. 560 с.
7. *Меньшиков М.О.* Три опасности // Новое время. 1917. 9 марта.
8. *Меньшиков М.О.* Речи к народу // Новое время. 1917. 14 марта.
9. *Меньшиков М.О.* Что мы выиграли // Новое время. 1905. 5 июня.
10. *Меньшиков М.О.* Объект истории // Новое время. 1907. 5 марта.
11. *Меньшиков М.О.* Великорусская партия // Национальная империя. М.: Имперская традиция, 2004. 505 с.
12. *Меньшиков М.О.* Кого выбирать в парламент // Письма к русской нации. М.: журнал «Москва», 2005. 560 с.
13. *Ковалевский П.И.* Национализм и национальное воспитание в России. СПб., 1912. 334 с.

References

1. *Savigny F.K.* On the Calling of Our Time to Legislation and Jurisprudence // System of Modern Roman Law. M.: Statute, 2011. V. 1. 510 p.
2. *Savigny F.K.* Sources of Modern Roman Law // System of Modern Roman Law. M.: Statute, 2011. V. 1. 510 p.
3. *Pukhta G.F.* Encyclopedia of Law // German Historical School of Law. Chelyabinsk: Sotsium, 2010. 528 p.

4. *Menshikov M.O.* Guard of Society // *New Time*. 1905. November 12.
5. *Menshikov M.O.* The Third Opposition // *New Time*. 1913. November 12.
6. *Menshikov M.O.* In Predawn Twilight // *Letters to the Russian Nation*. M.: magazine "Moscow", 2005. 560 p.
7. *Menshikov M.O.* Three Dangers // *New Time*. 1917. March 9.
8. *Menshikov M.O.* Speeches to the People // *New Time*. 1917. March 14.
9. *Menshikov M.O.* What We Have Won // *New Time*. 1905. June 5.
10. *Menshikov M.O.* Object of History // *New Time*. 1907. March 5.
11. *Menshikov M.O.* Great Russian Party // *National Empire*. M.: Imperial Tradition, 2004. 505 p.
12. *Menshikov M.O.* Whom to Elect to Parliament // *Letters to the Russian Nation*. M.: magazine "Moscow", 2005. 560 p.
13. *Kovalevsky P.I.* Nationalism and National Education in Russia. St. Petersburg, 1912. 334 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-53-58

УДК 340.13

А.В. Зенкина, Е.С. Гречкина

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОНЯТИЕ: СОПОСТАВЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ И НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОДОЛЖЕНИЯ РАЗРАБОТКИ

Введение: обозначается проблемный характер трактовки понятия, содержания и специфики юридических фактов в процессуальном праве. Констатируется отсутствие единства взглядов по указанной проблеме в отечественной юридической доктрине и на практике. **Цель:** обобщение накопленного в отечественной юридической литературе знания по вопросам понятия и значения процессуальных юридических фактов. **Методологическая основа:** в качестве мировоззренческой основы исследования использованы принципы и категории материалистической диалектики. Нашли применение также такие общенаучные методы, как логический и системно-структурный. Наряду с ними были использованы частноправовые методы — сравнительно-правовой и формально-юридический. **Результаты:** процессуальные факты и их фактический состав достаточны для постановки проблемы об относительно самостоятельном характере данной группы фактов в механизме правового регулирования и в фактической системе. **Выводы:** процессуальные юридические факты обладают относительной самостоятельностью и собственной юридической природой в фактической системе правового регулирования наряду с фактами материального права, что позволяет в общей теории права выделять соответствующее понятие и продолжать его дальнейшую разработку.

Ключевые слова: юридические факты, процессуальное право, фактический состав, процессуальные юридические факты и их составы.

A. V. Zenkina, E. S. Grechkina

PROCEDURAL LEGAL FACT AS A GENERAL THEORETICAL CONCEPT: COMPARISON OF POSITIONS AND THE NEED TO CONTINUE DEVELOPMENT

Background: the problematic nature of the interpretation of the concept, content and specifics of legal facts in procedural law is indicated. It is stated that there is no unity of views on this problem in the domestic legal doctrine and in practice. **Objective:** generalization of the knowledge accumulated in the domestic legal literature on the concept and meaning of procedural legal facts. **Methodology:** the principles and categories of

© Зенкина Анна Владимировна, 2022
Аспирант кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: k_tgp@ssla.ru
© Гречкина Елена Сергеевна, 2022
Соискатель кафедры теории государства и права (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: k_tgp@ssla.ru

© Zenkina Anna Vladimirovna, 2022
Postgraduate student of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)
© Grechkina Elena Sergeevna, 2022
Candidate of the Department of Theory of State and Law (Saratov State Law Academy)

materialistic dialectics are used as the ideological basis of the research. Such general scientific methods as logical and system-structural have also found application. Along with them, private legal methods were used — comparative legal and formal legal. Results: procedural facts and their actual composition are sufficient to raise the problem of the relatively independent nature of this group of facts in the mechanism of legal regulation and in the actual system. Conclusions: procedural legal facts have relative independence and their own legal nature in the factual system of legal regulation along with the facts of material law, which allows us to distinguish the corresponding concept in the general theory of law and continue its further development.

Key-words: *legal facts, procedural law, factual composition, procedural legal facts and their compositions.*

Актуальность общетеоретического осмысления проблемы понятия и юридической природы фактов процессуального права обусловлена рядом факторов и обстоятельств, в числе которых: динамизм развития процессуального законодательства и качественное усложнение процессуальных отношений; внедрение так называемого «электронного правосудия» и как следствие электронной формы документооборота в процессуальной деятельности, а также наличие специфики в оценке доказательств, имеющих электронно-цифровой вид; дисбаланс между двумя важнейшими тенденциями развития процессуального законодательства в виде его унификации и специализации; повышение организационно-обеспечительной роли процессуального права в деле реализации и охраны материальных нормативных правовых предписаний и др.

Значимость теоретического осмысления на отраслевом уровне проблемы процессуальных юридических фактов можно проиллюстрировать следующей цитатой из работы В.В. Яркова, не утратившей со временем своей актуальности: «Исследование гражданского процесса как сложного комплексного фактического состава позволяет выявить основные процессуальные факты — процессуальные действия суда и судьи и подчеркивает главную задачу суда по каждому конкретному делу: найти тот оптимум юридических фактов — процессуальных действий, совершение которых привело бы к правильному разрешению гражданского дела, установлению истины. Ведь большинство причин отмен судебных актов связаны с несовершенством или ненадлежащим совершением судом конкретных процессуальных действий, например, ввиду не привлечения кого-либо из участников процесса, не истребования конкретных доказательств, ввиду неназначения экспертизы, неправильной фиксации юридических фактов в процессуальных документах и т.д. Таким образом, юридические факты выступают в качестве одной из гарантий соблюдения гражданской процессуальной формы, вся их система может рассматриваться как стабилизирующий фактор судопроизводства» [1, с. 28].

Отдельно следует указать на недостаточную проработанность вопросов понятия, специфической природы, классификации и системных связей процессуальных юридических фактов именно на уровне общей теории права. Однако следует признать, что отмеченные вопросы все же привлекли внимание теоретиков права, и в ряде публикаций они подверглись рассмотрению. Одним из первых обратил пристальное внимание на процедурно-процессуальные факты сквозь призму их системного объединения в фактические составы В.Б. Исаков. При этом именитый правовед не только подчеркнул столь важную черту процессуальных фактов

как последовательность и системность их накопления в рамках фактических составов, но и представил их развернутую классификацию, обобщив отраслевые юридические знания, осветил проблему структуры и содержания фактических составов [2; 3].

В своих работах В.Б. Исаков преимущественно оперирует понятиями «процедурно-процессуальная форма», «процедурно-процессуальные факты», «процедурно-процессуальные фактические составы», что связано с его достаточно широким подходом в исследовании, объединяющим как факты отраслей процессуального права, так и факты материального права, вызывающие возникновение, изменение и прекращение процедурных отношений (например, заключение брака, нотариальное удостоверение сделки, процедура зачисления студента в вуз и т.п.). Одновременно можно найти в его работе и упоминание термина «процессуальный факт» в следующем контексте: «Взаимоотношение материальных и процессуальных фактов может быть рассмотрено с точки зрения координации и субординации фактических обстоятельств» [2, с. 79]. Исходя из данной цитаты можно заключить, что В.Б. Исаков не только отдельно выделил группу процессуальных фактов, но и подчеркнул наличие у них собственной специфики в диалектическом противопоставлении фактам материального права, указав на системные связи координации и субординации между ними.

В отечественной литературе можно встретить отличную позицию, отрицающую какую-либо специфику фактов процессуального права в сравнении с фактами материального права. К примеру, И.Д. Назаров вовсе не допускает выделения в качестве особой группы процессуальных юридических фактов, полагая подобную классификацию избыточной и не отражающей реальных различий между рассматриваемыми двумя типами юридических фактов. В этой связи автор утверждает, что «...к процессуальным обстоятельствам в полной мере применимо понятие „юридический факт“, а введение дополнительного понятия „процессуальный факт“ является излишним» [4, с. 113]. Высказав подобного рода сомнение в необходимости формирования и развития самостоятельного понятия «процессуальный факт», И.Д. Назаров не приводит дополнительной аргументации, указывая лишь на отсутствие специфических характерных черт у процессуальных фактов в сравнении с иными юридическими фактами. В ходе своих рассуждений исследователь делает вывод: «Таким образом, к процессуальным обстоятельствам в полной мере применимо понятие „юридический факт“, а введение дополнительного понятия „процессуальный факт“ является излишним» [4, с. 113].

Критичный взгляд на саму возможность формирования процессуального факта как относительно самостоятельной понятийной конструкции не нашел поддержки и продолжения в отечественной юридической литературе. Нам не только не удалось найти других сторонников отмеченной точки зрения, но и, напротив, были обнаружены многочисленные работы, в которых отстаивается, порой весьма развернуто, противоположная позиция о специфическом характере процессуальных фактов и категориальном статусе соответствующего понятия как в общей теории права [5; 6; 7; 8 и др.], так и в отраслевых юридических науках [1; 9; 10; 11 и др.].

Исследователи, ратующие за относительно самостоятельный характер процессуальных фактов и наличие у них особой правовой природы, в качестве одних

из сущностных их особенностей называют системность и последовательность (алгоритмичность).

В частности, на уровне общей теории права В.Б. Исаков обращает на этот аспект понимания процедурно-процессуальных фактов особое внимание. Правовед, вслед за представителями отраслевых процессуальных наук, предложил рассматривать фактический состав как единую систему фактов, одновременно высказав мысль о существовании единой фактической системы в правовом регулировании в целом. В этой связи приведем его важный вывод о системности и различиях материальных и процессуальных фактов: «В процессе правового регулирования материальные и процедурно-процессуальные факты выступают как единая фактическая система. Вместе с тем, они функционально-различные части системы, можно сказать, ее подсистемы. Представляется, что рассмотрение фактического состава как единства материальной и процедурно-процессуальной подсистем позволяет, с одной стороны, четко разграничить материальные и процедурно-процессуальные элементы состава, которые действительно неоднородны, а с другой стороны, показывает их реальную взаимосвязь в процессе правового регулирования» [2, с. 64–65].

В.Б. Исаков, в зависимости от степени сложности, градировал процедурно-процессуальные формы составов на две группы — простые и сложные. К первой группе относятся, по его мнению, отдельные процедурно-процессуальные действия, а к сложным (или развитым формам) — целые комплексы процедурно-процессуальных действий. Одновременно автор подчеркнул обеспечительную функцию процессуальных фактов по отношению к материальным. Ситуацию он представил следующим образом: «Движение материального состава зависит от развертывания обслуживающей его процедурно-процессуальной подсистемы. Невозникновение процессуального отношения препятствует дальнейшему развитию состава. В ряде случаев, правонарушение, затрагивающее процедурно-процессуальную форму состава, вызывает не наступление правовых последствий всего состава в целом» [2, с. 66–67]. Таким образом, специфика процессуальных фактов сопряжена с их функциональной ролью в виде обеспечения беспрепятственной реализации норм материального права, содействия дальнейшему движению материального фактического состава. Следуя вполне обоснованной логике рассмотрения процедурно-процессуальных фактов, можно выделить такие специфические их черты как:

системность как внутри самих процессуально-процедурных составов, так в их взаимодействии с фактами материального права (такое диалектическое взаимодействие может порождать факты смешанной материально-процессуальной природы — например, решение суда);

установленная законом последовательность возникновения, накопления и движения процедурно-процессуальных составов;

наличие у процедурно-процессуальных фактов обеспечительной и организационной функций по отношению к фактам материального права.

Нам представляется, что уже выделенных сущностных особенностей процессуальных фактов и их фактических составов достаточно для постановки проблемы об относительно самостоятельном характере данной группы фактов в механизме правового регулирования и в фактической системе в целом. Наличие общих черт между фактами материального и процессуального права не отменяет существования и весьма важных различий, что и обуславливает саму возмож-

ность их диалектического взаимодействия. Однако в понимании процессуальных фактов нет единства среди теоретиков права и представителей отраслевых юридических наук по вопросам выделения среди них, в качестве относительно самостоятельных фактов, сроков, состояний, подведомственности, подсудности и других правовых феноменов; отнесения процессуальных правоотношений к числу процессуальных фактов; взаимного перехода материальных фактов в процессуальные и, наоборот, ряду других. Полагаем, что для разрешения отмеченных вопросов требуются общетеоретические изыскания, обобщение и уточнение накопленных отраслевыми процессуальными науками знаний в области процессуальных фактов и их фактических составов.

Библиографический список

1. *Ярков В.В.* Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права: дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1992. 523 с.
2. *Исаков В.В.* Фактический состав в механизме правового регулирования. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1980. 128 с.
3. *Исаков В.В.* Юридические факты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1984. 144 с.
4. *Назаров И.Д.* Значение юридического и процессуального факта для целей правосудия // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Право. 2015. № 1 (20). С. 109–113.
5. *Белюсов В.А.* Соотношение и взаимосвязь юридических фактов материального и процессуального права // Вестник Пензенского государственного университета. 2017. № 2 (18). С. 31–36.
6. *Лукьянова Е.Г.* Юридические факты, опосредующие процессуальные правоотношения // Право и политика. 2001. № 11. С. 14–19.
7. *Рокотьянская Я.А.* Классификация процессуальных юридических фактов // Юридическая наука. 2022. № 6. С. 161–163.
8. *Цуканова Е.Ю.* Юридические факты процессуального права как единая фактическая система // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление 2020. № 10 (125). С. 73–767.
9. *Кутюхин И.В.* Юридические факты в механизме уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2004. 183 с.
10. *Леонов С.Г.* Процессуальные решения как юридические факты в досудебном производстве российского уголовного процесса: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 28 с.
11. *Рожкова М.А.* Теории юридических фактов гражданского и процессуального права: понятия, классификации, основы взаимодействия: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 418 с.

References

1. *Yarkov V.V.* Legal facts in the mechanism of implementation of norms of civil procedural law: dis. ...Dr. jurid. sciences'. Sverd-lovsk, 1992. 523 p.
2. *Isakov V.B.* The actual composition in the mechanism of legal regulation. Saratov: Publishing House of Saratov University, 1980. 128 p.
3. *Isakov V.B.* Legal facts in Soviet law. Moscow: Legal literature, 1984. 144 p.
4. *Nazarov I.D.* The significance of legal and procedural fact for the purposes of justice // Bulletin of the Voronezh State University. Ser.: Pravo. 2015. No. 1 (20). P. 109–113.
5. *Belousov V.A.* Correlation and interrelation of legal facts of substantive and procedural law // Bulletin of the Penza State University. 2017. No. 2(18). P. 31–36.

6. *Lukyanova E.G.* Legal facts mediating procedural legal relations // Law and politics. 2001. No. 11. P. 14–19.
7. *Rokotyanskaya Ya.A.* Classification of procedural legal facts // Legal Science. 2022. No. 6. P. 161–163.
8. *Tsukanova E.Yu.* Legal facts of procedural law as a single factual system // Science and education: economy and economics; entrepreneurship; law and management 2020. No. 10 (125). P. 73–767.
9. *Kutyukhin I.V.* Legal facts in the mechanism of criminal procedural regulation: dis. ... cand. jurid. sciences?. Vladivostok, 2004. 183 p.
10. *Leonov S.G.* Procedural decisions as legal facts in the pre-trial proceedings of the Russian criminal process: autoref. ... dis. cand. jurid. sciences?. Krasnodar, 2011. 28 p.
11. *Rozhkova M.A.* Theories of legal facts of civil and procedural law: concepts, classifications, fundamentals of interaction: dis. ...Dr. yurid. M., 2010. 418 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-59-67

УДК 342

И.О. Кузнецова, В.Ф. Борисова, Н.В. Спесивов

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖВЕДОМСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СВЕТЕ НОВЫХ ВЫЗОВОВ*

Введение: новые вызовы, стоящие перед государством в целом, и органами государственной власти в частности обуславливают необходимость повышения эффективности форм и методов межведомственного взаимодействия с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основным координирующим звеном которой являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. **Цель:** анализ проблематики конструктивного межведомственного взаимодействия на основе данных социологических исследований, а также предложение критериев, позволяющих оценить их эффективность. **Методологическая основа:** общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучные (логико-юридический) методы познания, позволяющие раскрыть некоторые тенденции реформирования органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Эмпирическую базу исследования составили результаты социологической практики: опроса представителей образовательных организаций высшего образования, экспресс интервью с представителями региональных и территориальных (муниципальных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. **Результаты:** анализ регионального законодательства, ре-

© Кузнецова Ирина Олеговна, 2022

Кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kuznetsova5555@yandex.ru

© Борисова Виктория Федоровна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vfb2709@yandex.ru

© Спесивов Никита Владимирович, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

© Kuznetsova Irina Olegovna, 2022

Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Center for Socio-Political Research (Saratov State Law Academy)

© Borisova Viktoria Fedorovna, 2022

Candidate of Law, Associate professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

© Spesivov Nikita Vladimirovich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Prosecution (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00686.

зультаты анкетирования показали, что несмотря на реализующиеся во многих субъектах Российской Федерации формы межведомственного взаимодействия, существуют определенные проблемные моменты, связанные, в том числе, с его эффективностью. Существенным обстоятельством, кардинально влияющим на системность, обязательность совместной профилактической работы, является правовая неопределенность статуса комиссий, отсутствие надлежащей системы информирования и обмена информацией в системе профилактики, отсутствие четко обозначенных направлений взаимодействия и критериев его эффективности. **Выводы:** сформулирован конкретный перечень предложений рекомендательного характера по совершенствованию функционирования системы межведомственного взаимодействия в части сотрудничества образовательных организаций с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Ключевые слова: комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, межведомственное взаимодействие, критерии эффективности, административные правонарушения.

I.O. Kuznetsova, V.F. Borisova, N.V. Spesivov

ACTUAL PROBLEMS OF EFFECTIVENESS OF INTER-AGENCY INTERACTION IN THE SYSTEM OF PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY IN THE LIGHT OF NEW CHALLENGES

Background: new challenges facing the state as a whole, and public authorities in particular, make it necessary to increase the effectiveness of forms and methods of interagency cooperation with agencies and institutions of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency, the main coordinating link of which is the Commission on Minors' Affairs and Protection of their Rights. **Objective:** analysis of the problems of constructive interdepartmental interaction on the basis of sociological research data, as well as the proposal of criteria to evaluate their effectiveness. **Methodology:** general scientific (analysis, synthesis, system-structural) and particular scientific (logical-legal, survey method) methods of cognition, which allow revealing some trends in the reform of bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency. The empirical base of the study was the results of sociological practice: a survey of representatives of educational institutions of higher education, express interviews with representatives of regional and territorial (municipal) commissions for minors and the protection of their rights. **Results:** analysis of regional legislation and the results of the survey showed that despite the forms of interagency cooperation implemented in many constituent entities of the Russian Federation, there are certain problematic aspects related, among other things, to its effectiveness. A significant circumstance that cardinally affects the systemic, obligatory joint prevention work is the legal uncertainty of the status of commissions, the lack of an appropriate system of information and information exchange in the prevention system, the lack of clearly defined areas of interaction and criteria for its effectiveness. **Conclusions:** a specific list of recommendations for improving the functioning of the system of interagency cooperation in terms of cooperation between educational institutions and commissions on minors' affairs and protection of their rights was formulated.

Key-words: commission on juvenile affairs and protection of their rights, interdepartmental interaction, performance criteria, administrative offenses.

Приоритетная задача Российской Федерации — формирование новых поколений, обладающих знаниями и умениями, которые отвечают требованиям XXI в., разделяющих традиционные нравственные ценности, готовых к мирному созиданию и защите Родины. Ключевым инструментом решения этой задачи является воспитание детей и молодежи. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г. определяет комплекс действий, адекватных динамике социальных, экономических и политических изменений в жизни страны, учитывающих особенности и потребности современных молодых людей, социальные и психологические реалии их развития. В системе воспитания межведомственное взаимодействие, его эффективная организация, определяется как один из ключевых правовых механизмов реализации Стратегии¹.

В своем обращении к участникам и гостям Всероссийского форума «Здоровье нации — основа процветания России» Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал заботу о молодом поколении приоритетной общенациональной задачей, особо подчеркнув, что добиться ощутимых результатов в этом направлении возможно только совместными усилиями всех институтов социализации, субъектов межведомственного взаимодействия².

Необходимость реализации и совершенствования, в соответствии с новыми вызовами современной реальности, воспитательной политики в образовательной системе обуславливает потребность обновления и совершенствования форм и методов взаимодействия с органами и учреждениями межведомственной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основным координирующим звеном которой являются комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — Комиссии, КДН и ЗП) [1, с. 1874].

Рассмотрим существующие в настоящее время формы и методы межведомственного сотрудничества на примере организации работы Комиссий и образовательных организаций высшего образования, в структуру которых включены колледжи, отделения (факультеты) среднего профессионального образования, которые в своем составе насчитывают до 42% несовершеннолетних обучающихся³.

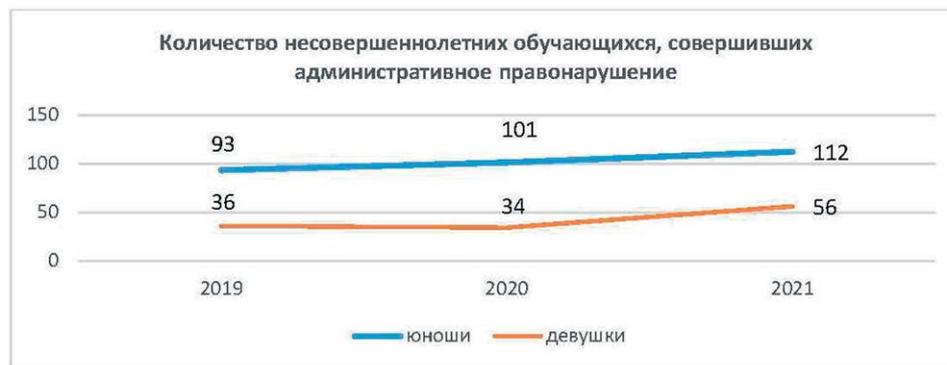
Проблематика выстраивания конструктивных форм взаимодействия актуализируется и выявленными в ходе опроса фактами совершения административных правонарушений несовершеннолетних, обучающихся по программам среднего профессионального образования за период с 2019 по 2021 гг. Сравнение за рассматриваемый период ежегодных показателей количества несовершеннолетних обучающихся образовательных организаций высшего образования, совершивших административные правонарушения, показывает увеличение показателей в 2020/2021 гг. в сравнении с 2019 г. (рис. 1).

¹ См.: Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <https://static.government.ru/media/files/...pdf> (дата обращения: 11.10.2022).

² См.: Путин назвал заботу о молодом поколении приоритетной общенациональной задачей. URL: <https://ria.ru/20220511/pokolenie-1787842424.html> (дата обращения: 11.10.2022).

³ В работе приводятся результаты социологического опроса представителей образовательных организаций высшего образования проведенного сотрудниками Центра научно-методического обеспечения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Института законодательства ФГБОУ ВО «СГЮА» в период с 1 по 15 июня 2022 г. с целью выявления фактов деструктивного поведения молодежи, в том числе несовершеннолетних, обучающихся в образовательных организациях высшего образования, а также совершенствования системы профилактической работы. В исследовании приняли участие представители 99 образовательных организаций высшего образования из 54 субъектов Российской Федерации.

Рисунок 1

Итак, относительно форм взаимодействия образовательных организаций с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав были собраны следующие сведения:

56% участников опроса сообщили, что в их образовательных организациях взаимодействие с представителями Комиссий осуществляется путем проведения таких совместных мероприятий, как участие в разработке и реализации целевых программ, направленных на защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, профилактику их безнадзорности и правонарушений;

оперативный обмен информацией, совместные рейды, проведение дополнительной профилактической работы по обращению комиссии;

ежегодное оформление запросов в муниципальные комиссии относительно студентов, прибывших на обучение;

постановка на учет и снятие с учета обучающихся, совершивших правонарушения;

проведение совместных мероприятий для обучающихся по профилактике деструктивного, антиобщественного поведения;

организация индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними обучающимися, совершившими административные правонарушения и/или оказавшимися в социально опасном положении;

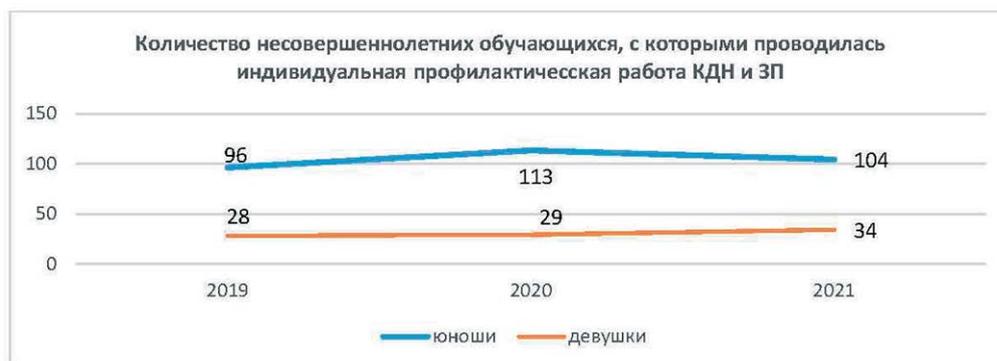
работа по индивидуальным программам реабилитации и адаптации несовершеннолетних, признанных находящимися в социально опасном положении;

оказание помощи в трудовом и бытовом устройстве несовершеннолетних, содействие в определении форм устройства, нуждающихся в помощи.

42% участников опроса сообщили, что их образовательные организации взаимодействуют с представителями Комиссий на основании направляемых в их адрес поручений (рекомендаций) по проведению индивидуальной профилактической работы с отдельными обучающимися.

Так, доля несовершеннолетних, обучающихся в организациях высшего образования, в отношении которых по поручениям КДН и ЗП за период с 2019 по 2021 гг. была организована индивидуальная профилактическая работа, от общего количества несовершеннолетних, обучающихся в организациях высшего образования, колеблется в пределах 0,1–0,2% (рис. 2).

Рисунок 2

При этом в ходе проведения опроса была выявлена и группа образовательных организаций, где взаимодействие с органами и учреждениями системы профилактики, в том числе, с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, отсутствует. На это обстоятельство косвенно указывает и то, что 21% представителей образовательных организаций на вопрос: «Обучаются ли в Вашей образовательной организации несовершеннолетние, в отношении которых различными органами и учреждениями системы профилактики проводится индивидуальная профилактическая работа?», дают следующий ответ: «Информация отсутствует». Отсутствие взаимодействия по данному вопросу можно объяснить тем, что для образовательных организаций выполнение задач по профилактике правонарушающего поведения несовершеннолетних является не основным, а лишь дополнительным видом деятельности. При этом КДНиЗП не имеет управленческих механизмов влияния на формы индивидуальной профилактической работы, их актуальность и востребованность.

Таким образом, несмотря на обозначенные ранее формы сотрудничества большей части образовательных организаций — участников опроса как с региональными, так и с территориальными (муниципальными) комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, в организации межведомственного взаимодействия существуют определенные проблемные моменты.

В том числе представители образовательных организаций отмечают, что существенным обстоятельством, кардинально влияющим на системность, обязательность совместной профилактической работы, является правовая неопределенность статуса комиссий, отсутствие четко обозначенных направлений взаимодействия [2, с. 122].

Основные проблемные вопросы, возникающие при организации межведомственного взаимодействия

Проблемные направления	Конкретизация проблемных вопросов
Правовой статус КДНиЗП	Неясность, размытость правового статуса комиссий не только внутри системы профилактики, но и с точки зрения их взаимодействия с образовательными учреждениями, общественными объединениями и иными организациями; Отсутствие единых нормативно-правовых основ организации и деятельности комиссий влечет за собой отсутствие совместных подходов и методов профилактики нарушений в молодежной среде
Обмен информацией	Отсутствие единого реестра (базы данных) КДНиЗП в свободном доступе, в связи с чем желательна рассылка информации или предоставление ссылки на данную информацию для совместной эффективной работы; Отсутствие в общем доступе информации о методах работы с правонарушителями; Отсутствие информации об убытии несовершеннолетних, в том числе состоящих на учете, в другой субъект РФ; Несвоевременное предоставление информации о постановке несовершеннолетних обучающихся на учет в КДНиЗП
Организация совместной деятельности	Недостаточно совместных мероприятий с сотрудниками УМВД, ОДН, направленных на пропаганду навыков здорового образа жизни, пропаганду культурно-семейных ценностей, также требуется специалисты для оказания обучающимся превентивной помощи в решении проблем и трудностей социального, психологического и личного характера; Желательно, чтобы комиссии предоставляли информационную продукцию (социальная реклама, позитивный контент) для размещения на официальных сайтах вузов
Иные	Медленное реагирование на запросы образовательных организаций; Бюрократизация всех действий.

Организацию оперативного сотрудничества, своевременного обмена информацией затрудняет и отсутствие в свободном доступе единого реестра (базы данных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Схожего мнения придерживаются и представители Комиссий, ставших участниками экспресс-интервью, проведенного сотрудниками Центра научно-методического обеспечения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Института законодательства ФГБОУ ВО «СГЮА»¹.

Существующая на настоящий момент единая межведомственная информационно-статистическая система содержит данные о количестве выявленных несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, однако не отражает сведения о видах административных правонарушений, в совершении которых принимали участие несовершеннолетние, примененных к ним административных наказаний, о роде занятий и половой принадлежности подростка, о повторно совершенном правонарушении.

В связи с чем предлагается обновить централизованную базу посредством детализации данных о видах административных правонарушений и категориях несовершеннолетних лиц, участвовавших в их совершении. Претворение в жизнь настоящего предложения будет способствовать установлению: объекта,

¹Экспресс интервью по вопросам совершенствования межведомственного взаимодействия по профилактике правонарушений несовершеннолетних проведено в период с 20–25 июня 2022 г. Участники опроса: 21 представитель региональных и территориальных (муниципальных) комиссий Республики Башкортостан, Забайкальского, Ставропольского края, Воронежской, Курской, Челябинской, Оренбургской, Тюменской, Курганской, Пензенской областей.

который чаще всего претерпевает урон от неправомерных действий несовершеннолетнего лица; мотивов, побуждающих подрастающее поколение к выбору противоправной линии поведения; формированию социального портрета несовершеннолетнего лица, нарушившего установленный административным законодательством порядок (пол, возраст, род занятий и т.д.) [3, с. 105]. Систематизация информации об административных правонарушениях и несовершеннолетних правонарушителях поможет купировать детерминанты, побуждающие подростков к неправомерному поведению, и организовать адресную профилактическую работу с ними [4, с. 125].

Далее рассмотрим предложения по совершенствованию совместной с образовательными организациями профилактической работы представителей Комиссий — участников интервью. Так, в качестве конструктивного предложения по налаживанию сотрудничества с образовательными организациями высшего образования представители комиссий Ставропольского края предлагают разработать и принять дополнительные нормативные правовые акты, направленные на усиление роли образовательных организаций высшего образования в проведении индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними обучающимися, что, по их мнению, приведет к повышению эффективности работы по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также к их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий.

Участники интервью из Тюменской области считают, что регулировать взаимодействие образовательных организаций и комиссий можно посредством создания локальных нормативных актов, либо на уровне субъекта, либо на уровне образовательной организации.

Новаторской формой межведомственного взаимодействия, по мнению представителей Комиссий, является привлечение к работе по индивидуальному шефству над подростками, состоящих на профилактическом учете, общественно активных студентов-волонтеров, а также преподавателей образовательных организаций высшего образования, которые могли бы осуществлять контроль за учебной, досуговой занятостью детей, что, в конечном итоге, должно привести к положительному изменению ситуации с трудными подростками.

Предложение актуально и в связи с тем, что в отдельных субъектах уже накоплен положительный опыт реализации такой формы сотрудничества. Так, комиссии Забайкальского края привлекают к участию в массовых профилактических мероприятиях, а также мероприятиях по работе с трудными подростками в качестве волонтеров обучающихся образовательных организаций высшего образования. В Тюмени также имеется позитивный опыт привлечения к индивидуальной профилактической работе с несовершеннолетними и их семьями студентов, в качестве наставников. Между юридической клиникой Челябинского государственного университета и МКДН и ЗП при Правительстве Челябинской области заключено Соглашение о сотрудничестве, в рамках которой юридической клиникой с участием студентов в течение учебного года был организован цикл уроков правовых для несовершеннолетних, состоящих на учете в ОВД, за пятнадцатью подростками закреплен наставник из числа студентов.

Исходя из имеющегося позитивного опыта, предложение по привлечению к работе по индивидуальному шефству над подростками, состоящих на профи-

лактическом учете, общественно активных волонтеров из числа обучающихся, а также преподавателей образовательных организаций высшего образования, может стать одной из инновационных конструктивных форм взаимодействия в рамках межведомственной системы

Рассмотренные проблемные вопросы функционирования системы межведомственного взаимодействия в части сотрудничества образовательных организаций с основным звеном системы профилактики комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, позволяют высказать ряд предложений рекомендательного характера:

1) рассмотреть возможность внедрения автоматизированной информационной системы для межведомственного взаимодействия с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в том числе обеспечить доступ к базам данных представителей образовательных организаций, в целях систематизации проводимой работы, своевременного обмена информацией между субъектами профилактики;

2) инициировать нормативное закрепление основных обязательных направлений взаимодействия образовательных организаций с органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

3) активно использовать опыт Комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав субъектов Российской Федерации по организации комплексной профилактической работы среди несовершеннолетних обучающихся в образовательных организациях;

4) определить и закрепить в ведомственных правовых актах критерии оценки эффективности деятельности органов, осуществляющих управление в сфере образования. В частности:

4.1) Доля исполненных в полном объеме поручений (рекомендаций), зафиксированных в постановлениях территориальных (муниципальных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав,

4.2) Участие в межведомственных мероприятиях проводимых органами или учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, не считая заседания комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (например, совместные рейды, выезд на место правонарушения, обучающий семинар, проведение просветительской, консультативной работы как с обучающимися, так и их родителями (законными представителями) и т.д.).

Библиографический список

1. *Spesivov N.V., Morkovskaya K.S.* Legal status and authority of juvenile commissions in Russia // *Man. Society. communication*, Veliky Novgorod, 23–24 april 2020. Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED — European Publisher, 2021. P. 1873–1880.

2. *Аржанов В.В.* Вызовы, стоящие перед комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2022. № 5(148). С. 114–124.

3. *Ермолаева Т.А., Ильгова Е.В., Зайкова С.Н.* Четные функции субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации как элемент их информационного взаимодействия // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2020. № 4. С. 100–108.

4. *Зайкова С.Н., Стародубов А.А.* Информационная открытость территориальных (муниципальных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав // *Дружественное к ребенку правосудие и восстановительные технологии: материалы*

VII Международной научно-практической конференции в рамках Байкальской юридической декады, посвященной 90-летию БГПИ-БГУ им. Доржи Банзарова (г. Улан-Удэ, 2–3 декабря 2021 г.). Улан-Удэ: Бурятский государственный ун-т имени Доржи Банзарова, 2022. С. 121–126.

References

1. *Spesivov N.V., Morkovskaya K.S.* Legal Status and Authority of Juvenile Commissions in Russia // Man. Society. communication, Veliky Novgorod, 23–24 april 2020. Veliky Novgorod: ISO LONDON LIMITED — European Publisher, 2021. P. 1873–1880.

2. *Arzhanov V.V.* Challenges Facing the Commissions for Minors and the Protection of Their Rights // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 5 (148). P. 114–124.

3. *Ermolaeva T.A., Ilgova E.V., Zaykova S.N.* Even Functions of the Subjects of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency in the Russian Federation as an Element of Their Information Interaction // Legal Policy and Legal Life. 2020. No. 4. P. 100–108.

4. *Zaikova S.N., Starodubov A.A.* Information Openness of Territorial (Municipal) Commissions for Minors and Protection of Their Rights // Child-Friendly Justice and Restorative Technologies: Proceedings of the VII International scientific and practical conference within the framework of the Baikal legal decade dedicated to the 90th anniversary of BSPI-BSU named after A.I. Dorzhi Banzarova (Ulan-Ude, 2–3 December 2021). Ulan-Ude: Buryat State University named after Dorji Banzarov, 2022. P. 121–126.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-68-74
УДК 342

И.О. Кузнецова, В.Ф. Борисова, Н.В. Спесивов

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМИССИЙ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И ЗАЩИТЕ ИХ ПРАВ В АСПЕКТЕ НОВЕЙШИХ ТЕНДЕНЦИЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ*

Введение: современные вызовы в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав, диктуют направления совершенствования государственной политики, а также определяют разработку и внедрение новых эффективных форм работы органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, направленных на защиту и охрану прав детей, их ресоциализацию. **Цель:** анализ полномочий комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в свете новейших тенденций защиты прав детей, а также выработка критериев эффективности их деятельности в вопросах межведомственного взаимодействия с субъектами системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. **Методологическая основа:** общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный) и частнонаучные (логико-юридический, сравнительно-правовой) методы познания, позволяющие раскрыть некоторые тенденции совершенствования деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. **Результаты:** расширение круга антиобщественных и деструктивных действий несовершеннолетних повлекло создание новых форм работы не только комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, но и всех органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Достаточность, соответствие современной реальности принимаемых профилактических и правозащитных мер возможно определить путем создания единой системы показателей критериев оценки эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также всех субъектов системы межведомственной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. **Выводы:** сформулирован конкретный перечень современных вызовов и новейших тенденций в защите прав

© Кузнецова Ирина Олеговна, 2022

Кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социально-политических исследований (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kuznetsova5555@yandex.ru

© Борисова Виктория Федоровна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: vfb2709@yandex.ru

© Спесивов Никита Владимирович, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, директор Института прокуратуры (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nikita_spesivov@bk.ru

© Kuznetsova Irina Olegovna, 2022

Candidate of Sociological Sciences, Leading Research Fellow, Center for Socio-Political Research (Saratov State Law Academy)

© Borisova Viktoria Fedorovna, 2022

Candidate of Law, Associate professor of the Department of Civil Procedure (Saratov State Law Academy)

© Spesivov Nikita Vladimirovich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Prosecution (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00686.

несовершеннолетних, а также предложены универсальные критерии эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав в целях получения комплексного представления о результатах функционирования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также о процессе управления ею, как итогу координирующей деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Ключевые слова: комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, новейшие тенденции защиты прав детей, несовершеннолетние, профилактика правонарушений несовершеннолетних, эффективность деятельности системы профилактики.

I.O. Kuznetsova, V.F. Borisova, N.V. Spesivov

THE EFFICIENCY OF COMMISSIONS FOR JUVENILE
AFFAIRS AND PROTECTION OF MINORS' RIGHTS
IN THE CONTEXT OF THE LATEST TRENDS
IN THE PROTECTION OF CHILDREN'S RIGHTS

Background: modern challenges in the field of prevention of child neglect and juvenile delinquency and protection of their rights dictate directions for improving state policy, as well as predetermine the development and implementation of new effective forms of work of bodies and institutions of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency, aimed at the protection and protection of children's rights, their resocialization. **Objective:** analysis of the powers of commissions for cases of minors and protection of their rights in the light of the latest trends in the protection of children's rights, as well as the development of criteria for the effectiveness of their activities in matters of interagency cooperation with the subjects of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency. **Methodology:** general scientific (analysis, synthesis, system-structural) and particular scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition, which make it possible to reveal some trends in improving the activities of the commission on juvenile affairs and protecting their rights. **Results:** the expansion of the range of antisocial and destructive actions of minors entailed the creation of new forms of work not only of commissions for minors' affairs and protection of their rights, but also of all bodies of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency. Sufficiency and correspondence of the current reality of preventive and protective measures can be determined by creating a unified system of criteria for evaluating the effectiveness of the commissions for minors' affairs and protection of their rights, as well as all the subjects of the system of interagency prevention of child neglect and juvenile delinquency. **Conclusions:** a specific list of modern challenges and the latest trends in the protection of juvenile rights has been formulated, and universal criteria for the effectiveness of the activities of commissions on juvenile affairs and the protection of their rights have been proposed in order to obtain a comprehensive understanding of the results of the functioning of the system for preventing neglect and juvenile delinquency, and also about the process of managing it as a result of the coordinating activities of the commissions on juvenile affairs and the protection of their rights.

Key-words: commission on juvenile affairs and the protection of their rights, the latest trends in the protection of children's rights, minors, prevention of juvenile delinquency, the effectiveness of the prevention system.

Деятельность комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав регулируется Федеральным законом от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, а также Постановлением Правительства РФ от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав»². Правовые основы деятельности Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав закреплены в Постановлении Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав».³

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав являются коллегиальными органами, в компетенцию которых входит широкий круг вопросов, касающихся профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, осуществления мер по защите прав детей, ресоциализации правонарушителей, достигших и не достигших возраста уголовной ответственности, применения мер воздействия в отношении детей и их законных представителей. Вопросы, входящие в компетенцию комиссий по делам несовершеннолетних, в зависимости от ее уровня, очерчены в ст. 11 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также в региональных нормативно-правовых актах.

Современные вызовы в сфере защиты прав несовершеннолетних, профилактике безнадзорности и совершаемых ими и в отношении них правонарушений обусловили принятие ряда программных документов, содержащих направления совершенствования государственной политики в этой сфере.

Однако программные документы содержат совокупность мероприятий и направлений деятельности органов, вовлеченных защиту и охрану прав детей, а также профилактику правонарушений несовершеннолетних, их ресоциализацию, предопределяющих разработку и внедрение новых эффективных форм работы.

Снижение роли института семьи в обществе, девальвация социальных ценностей, алкоголизация и наркотизация общества, распространение маргинального образа жизни и общий рост преступности негативно влияют на процесс воспитания молодого поколения. Под влиянием названных и ряда других факторов (таких как ослабление социального контроля, неэффективная индивидуально-профилактическая работа, слабые механизмы профилактики безнадзорности, наркомании, жесткого обращения с детьми, отсутствие системы работы с детьми в каникулярное время, неблагоприятное социальное воздействие) видоизменяются правонарушения, совершаемые несовершеннолетними и в отношении них, а также появляются новые виды таких правонарушений. Отмечается увеличение количества групповых правонарушений (в составе несовершеннолетних, либо взрослых с привлечением несовершеннолетних), правонарушений, совершаемых несовершеннолетними лицами женского пола [1, с. 242]. Ряд правонарушений, в совершение которых вовлекаются несовершеннолетние, носят «завуалиро-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 45, ст. 5829.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 6 мая 2006 г. № 272 «О Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 19, ст. 2093.

ванный» характер — привлечение внимания молодежи предложениями заработать, внешней безбидностью и безопасностью совершаемых противоправных действий, и др.

С.В. Кудрявцев и А.В. Дмитриев к наиболее распространенным среди несовершеннолетних правонарушениям относят: мелкое хищение, мелкое хулиганство, распитие алкогольных напитков, употребление наркотических, психотропных веществ в общественных местах и в транспорте, появление в состоянии опьянения в общественных местах; вандализм (порча имущества, повреждение подвижного состава транспорта, нанесение на стены рисунков, надписей) [1, с. 242].

К новым видам антиобщественных и деструктивных действий несовершеннолетних следует отнести: буллинг, кибербуллинг, «игру в закладки», скулшутинг, «детский рэкет». Некоторые из перечисленных действий не закреплены в законодательстве в качестве составов административных или уголовных правонарушений, что осложняет работу с детьми в рамках межведомственного взаимодействия комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав с другими компетентными органами.

Помимо собственно правонарушений, у подростков повысилась склонность к девиантному, деструктивному и психически нестабильному поведению — суицидальные наклонности, игромания, аутоагрессия, активное использование электронных систем курения, sniffing, зацепинг, ружинг.

Дерзкий современный вызов обществу — это вовлечение несовершеннолетних в неформальные экстремистские объединения, пропагандирующие расизм, фашизм, терроризм; движения, направленные на криминализацию молодежи (АУЕ, ОФФ, секты и др.). Решением Верховного суда Российской Федерации от 17 августа 2020 г. общественное движение «Арестантское уголовное единство» признано экстремистским и его деятельность на территории России запрещена, в связи с чем за распространение информации об этом движении без указания на то, что его деятельность запрещена, виновное лицо подлежит привлечению к административной ответственности. Организация деятельности указанного криминального объединения, склонение, вербовка, иное вовлечение лица в его деятельность, участие в нем, предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг, предназначенных для обеспечения деятельности движения, образуют признаки составов преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом РФ¹.

Таким образом, количество правонарушений не просто увеличивается, они качественно изменяются, имеют более глубокие психологические причины и требуют применения соответствующих мер профилактики. Такая потребность обуславливает изменение подхода к формам работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, моделям организации деятельности комиссий, формам межведомственного взаимодействия.

Профилактические мероприятия должны базироваться на общих началах, закрепленных в Концепции развития системы профилактики безнадзорности и

¹ См.: Международное общественное движение «АУЕ» признано экстремистским и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена // Прокурор разъясняет. Прокуратура Приморского края. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_25/activity/legal-education/explain (дата обращения: 19.09.2022).

правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года¹ с особенностями, обусловленными видом антиобщественного поведения, на которое они направлены, и категорией лиц, в отношении которых ведется профилактическая работа.

Наряду с классическими формами работы комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, такими как: воспитательные беседы; рейды; заседания комиссий; консультирование; организация и ведение индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, — возникают новые формы работы, отвечающие требованиям времени. Среди них следующие: вебинары; выступления в СМИ; мероприятия в рамках восстановительных технологий; ведение регионального банка данных семей и несовершеннолетних «группы особого внимания»; размещение видеоматериалов на сайтах; наставничество; проектная деятельность; мониторинг социальных сетей; разработка межведомственных программ профилактики правонарушений, социальной адаптации и реабилитации несовершеннолетних, вернувшихся из СУВУЗТ, из мест лишения свободы и др. Выбор конкретной формы работы должен быть обусловлен ее эффективностью применительно к определенным условиям.

Очевидно, что расширение круга антиобщественных и деструктивных действий несовершеннолетних повлекло создание новых форм работы не только комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, но и всех органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Помимо них расширяется сеть служб, осуществляющих инновационные формы деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних. «К таким службам относятся отделения социального сопровождения несовершеннолетних, находящихся в конфликте с законом, кабинеты социально-психологического сопровождения несовершеннолетних, службы „кейс-менеджмент“ для несовершеннолетних, совершивших уголовно-наказуемые деяния; кризисные отделения для оказания экстренной психологической и социальной помощи; социальные гостиные, и др.» [2, с. 2].

Активное внедрение инноваций в разных регионах привело, с одной стороны, к распространению позитивного опыта применения новых форм работы, с другой стороны, к хаотичному, нерегулярному проведению мероприятий, препятствующему анализу их эффективности и эффективности деятельности органа (органов), их осуществляющих. В связи с этим актуализируется необходимость структурирования инновационных технологий, используемых наряду с традиционными мерами профилактики.

Достаточность и соответствие современной реальности принимаемых профилактических и правозащитных мер, возможно определить путем создания единой системы показателей критериев оценки эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также всех субъектов системы межведомственной профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» (вместе с «Планом мероприятий на 2021–2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года») (в ред. от 18 марта 2021 г.). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214734/c39306692cdf8b26eb2bddc8f43cec6be1c87f7/ (дата обращения: 17.09.2022).

Как верно отмечают ученые Е.В. Ильгова и В.Ф. Борисова: «На настоящий момент законодатель не закрепляет каких-либо ориентиров, позволяющих оценить качество работы комиссий по делам несовершеннолетних. Предпринимаемые в различных регионах попытки самостоятельно разработать такие критерии приводят к разрозненности, отсутствию единой методологической базы, применению различных показателей для оценки эффективности, использованию различных индикаторов и единиц измерения показателей» [3, с. 30].

В числе универсальных критериев эффективности деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав возможно предложить следующие. Так, первый из критериев, определяющий эффективность организации профилактической работы с отдельными категориями несовершеннолетних и семей, должен объединить в себе три показателя:

доля несовершеннолетних, в отношении которых продлена индивидуальная профилактическая работа, в общей численности несовершеннолетних, в отношении которых органами и учреждениями системы профилактики проводилась индивидуальная профилактическая работа;

доля несовершеннолетних, совершивших в течение отчетного периода преступления в период проведения с ними различными органами и учреждениями системы профилактики индивидуальной профилактической работы, от общей численности несовершеннолетних, в отношении которых в течение отчетного периода органами и учреждениями системы профилактики проводилась индивидуальная профилактическая работа;

доля семей, имевших статус признанных находящимися в социально опасном положении, снятых с учета в течение отчетного периода, но затем вновь поставленных на учет, от общей численности семей, имевших статус признанных находящимися в социально опасном положении, снятых с учета в течение отчетного периода.

Второй критерий направлен на определение эффективности реализованных мер по защите прав и законных интересов несовершеннолетних и может быть рассчитан, исходя из следующих количественных показателей:

Доля исковых заявлений по ограничению либо лишению родительских прав, направленных в интересах несовершеннолетних в суд по постановлениям комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, удовлетворенных судом в полном объеме, в общем числе исковых заявлений по ограничению либо лишению родительских прав, рассмотренных в интересах несовершеннолетних судом по постановлениям комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав;

Доля несовершеннолетних, в отношении которых органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних проводилась индивидуальная профилактическая работа, охваченных организованными формами оздоровления и занятости в летний период, от общей численности несовершеннолетних, в отношении которых органами и учреждениями системы профилактики в течение летнего периода проводилась индивидуальная профилактическая работа.

В условиях изменяющейся современной реальности актуальность приобретает критерий эффективности, определяющий качество кадрового обеспечения деятельности комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, где показательным является количество специалистов, обеспечивающих деятельность комиссии, прошедших в течение отчетного периода повышение квалификации

или профессиональную переподготовку по программам, касающимся основ, состояния, деятельности системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

В целях осуществления конструктивного взаимодействия по профилактике антиобщественного и деструктивного поведения, правонарушений несовершеннолетних в перечень критериев оценки эффективности деятельности субъектов межведомственного взаимодействия предлагается включение оценочных показателей, единых для всех участников системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних:

доля исполненных в полном объеме поручений (рекомендаций), зафиксированных в постановлениях территориальных (муниципальных) комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, срок исполнения которых наступил в отчетный период;

участие в межведомственных мероприятиях, проводимых органами или учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, не считая заседаний комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (например, совместные рейды, выезд на место правонарушения, обучающий семинар, беседы и т.д.).

Таким образом, оценка эффективности позволит получить комплексное представление о результатах функционирования системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также о процессе управления ею, как итогу координирующей деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Библиографический список

1. *Кудрявцев С.В., Дмитриев А.В.* Правонарушения несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 241–245.
2. *Болелова А.Г.* Современные методы и технологии профилактики правонарушений несовершеннолетних. Электронный справочник специалиста системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Профилактика зависимостей. 2016. № 1 (5). С. 1–37.
3. *Ильгова Е.В., Борисова В.Ф.* Проблемы правового регулирования деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Право. Законодательство. Личность. 2015. № 1(20). С. 26–33.

References

1. *Kudryavtsev S.V., Dmitriev A.V.* Juvenile Delinquency at the Present Stage of Development of Russian Society // Bulletin of economic security. 2017. No. 4. P. 241–245.
2. *Bolelova A.G.* Modern Methods and Technologies for the Prevention of Juvenile Delinquency. Electronic Reference Book of a Specialist in the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency // Prevention of addictions. 2016. No. 1(5). P. 1–37.
3. *Ilgova E.V., Borisova V.F.* Problems of Legal Regulation of the Activities of Bodies and Institutions of the System for the Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency // Law. Legislation. Personality. 2015. No. 1(20). P. 26–33.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-75-83

УДК 342.924

С.Б. Пашенько

**АДМИНИСТРАТИВНЫЕ АКТЫ: ПРИЗНАКИ,
СУЩНОСТЬ, ПРАВОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ**

Введение: актуальность статьи обусловлена важной ролью административных актов в реализации процедур публичного управления. В настоящее время в российском административном праве отсутствуют законодательные основы процедур принятия административных актов, а также нормативное определение понятия «административный акт». Вопросы принятия административных актов, реализации административных процедур, регламентированы значительным числом федеральных законов, административных регламентов, однако основополагающий закон в данной сфере отсутствует. Данное положение не способствует обеспечению необходимых гарантий правовой защиты граждан и организаций от неправомерных действий субъектов публичного управления. **Цель:** выявить характерные черты административных актов и определить пути совершенствования их правового регулирования. **Методологическая основа:** анализ, синтез, аналогия, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** вопросы сущности и признаков административного акта раскрываются через исследование предъявляемых к нему требований, а также классификации административных актов, оснований их принятия. Опыт зарубежных государств свидетельствует о возможности правового закрепления определения понятия «административный акт» и общих принципов процедур принятия таких актов. Данный опыт может служить ориентиром для совершенствования российского законодательства в рассматриваемой сфере. **Выводы:** нормативный акт об административном процессе по типу существующих в зарубежных государствах законов должен закрепить легальное определение административного акта; общую модель административной процедуры принятия, обжалования и исполнения административных актов; универсальные требования к их форме, содержанию, условиям действительности.

Ключевые слова: административный акт, административные процедуры, индивидуальный правовой акт, нормативный правовой акт, государственное управление.

S.B. Pashenko

**ADMINISTRATIVE ACTS: FEATURES,
ESSENCE, LEGAL DEFINITION**

Background: relevance of the article is due to the important role of administrative acts in the implementation of public administration procedures. At the present time in the Russian administrative law there is no legislative basis of the procedures for adopting administrative acts, as well as normative definition of the concept of “administrative act”.

© Пашенько Сергей Борисович, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: sergei150674@mail.ru
© Pashenko Sergey Borisovich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor of Administrative and Municipal Law Department (Saratov State Law Academy)

The issues of adoption administrative acts, implementation of administrative procedures are regulated by a significant number of federal laws, administrative regulations, but the fundamental law in this area is absent. This situation does not contribute to providing the necessary guarantees of legal protection of citizens and organizations from unlawful actions of the subjects of public administration. Objective: to identify the characteristic features of administrative acts and determine ways to improve their legal regulation. Methodology: both general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, analogy) and private scientific methods of jurisprudence used: formal legal, comparative legal methods. Results: the issues of the essence and features of an administrative act revealed through the study of the requirements for it, as well as the classification of administrative acts, the grounds for their adoption. The experience of foreign states indicates the possibility of legal consolidation of the definition of the concept of “administrative act” and the general principles of the procedures for adopting such acts. This experience can serve as a guideline for improving Russian legislation in this area. Conclusions: a normative act on the administrative process on the type of existing in foreign countries laws should enshrine a legal definition of an administrative act; a general model of the administrative procedure for adoption, appeal and execution of administrative acts; universal requirements for their form, content, conditions of validity.

Key-words: administrative act, administrative procedures, individual legal act, normative legal act, public administration.

Теме административных актов в отечественном праве не уделяется достаточного внимания. В России отсутствует целостная система правовых норм, закрепляющих принципы процедур принятия административных актов. Многочисленные административные регламенты, определяя перечень документов, необходимых для рассмотрения различных дел в сфере публичного управления, порядок совершения юридически значимых действий, являются по своей сущности подзаконными нормативными актами. Вместе с тем важность правовой регламентации административных актов свидетельствует о необходимости построения данной сферы на законодательном фундаменте.

Отмечается, что «современные управленцы не видят в правовой регламентации процедур принятия административных актов практической значимости, поскольку их подготовка и издание всегда являлись делом простым, аппаратным и лишены вовлечения в этот процесс посторонних лиц, требующих соблюдения принципов административных процедур» [1, с. 12]. Данное положение не способствует обеспечению необходимых гарантий правовой защиты граждан и организаций от неправомερных действий и решений субъектов публичного управления.

Помимо термина «административный акт», в юридической науке встречаются такие, как «акт управления» [2, с. 139–140]; «правовой акт управления» [3, с. 269], «акт государственной администрации» [4, с. 272–273]. Все они используются для обозначения внешнего выражения деятельности субъектов публичного управления. Однако наличие множества терминов и их определений не способствует четкому пониманию сущности административного акта. Множественность доктринальных определений является закономерным следствием неразработанности нормативного определения. И такое определение необходимо для разграничения административных актов от иных форм управления.

Отдельные авторы предлагают нормативное определение административного акта. Проект Федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации», предложенный К.В. Давыдовым, определяет административный акт как «правовой акт, принимаемый административным органом, должностным лицом по итогам административной процедуры в соответствии с Федеральным законом по конкретному случаю, порождающий правовые последствия для определенного лица или индивидуально определенного круга лиц» [5, с. 51].

В Проекте Федерального закона «Об административных процедурах»¹ приведено легальное определение административного акта. Такой акт рассматривается в качестве правоприменительной формы разрешения коллегиальным органом или должностным лицом отдельных вопросов, которые возникают в рамках рассмотрения конкретного административного дела.

Определение «административный акт» раскрыто в Законе Федеративной Республики Германия «Об административном процессе»². Под ним понимается любое распоряжение, решение или другая властная мера. Такие акты ориентированы вовне. Данная мера принимается органом управления в сфере публичного права в целях регулирования конкретного случая, обладает прямой юридической силой.

В указанном определении подчеркивается внешний характер административного акта. Таким образом, достоинством рассматриваемого законодательного определения является разграничение административных актов от внутриаппаратной деятельности органа управления, которая не связана с регулированием внешне организационных общественных отношений.

Общими чертами вышеприведенных определений административных актов является их рассмотрение как индивидуальных актов управления, а не нормативных. Вместе с тем с данной позицией сложно согласиться, поскольку управленческое воздействие не ограничивается разрешением конкретных ситуаций. Субъекты управления наделены полномочиями по самостоятельному нормативному регулированию. В связи с этим к административным актам следует относить как индивидуальные правовые, так и нормативные правовые (подзаконные), регулирующие общественные отношения, связанные с реализацией компетенции субъектов публичного управления.

Для определения сущности административного акта требуется выявить и охарактеризовать его признаки.

Административный акт — это всегда публичный акт, направленный на организацию общественных отношений. Следует отметить, что в российской правовой системе широко распространено наделение государственно-властными полномочиями по принятию административно-правовых актов иных, помимо органов исполнительной власти, субъектов. В частности, такими полномочиями наделены Центральный банк РФ, Счетная Палата РФ, органы прокуратуры, государственные корпорации. Таким образом, помимо органов исполнительной власти, принимать административные акты могут иные субъекты, если

¹ См.: Проект Федерального закона № 64090-3 «Об административных процедурах». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/64090-3> (дата обращения: 16.08.2022).

² См.: *Verwaltungsverfahrensgesetz vom 25.05.1976* (Закон об административном процессе). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg/BJNR012530976.html> (дата обращения: 16.08.2022).

они наделены в установленном законом порядке государственно-властными полномочиями [6, с. 41]. При определении круга субъектов административного акта следует согласиться с позицией Д.С. Андреева, предлагающего понятия централизованной и децентрализованной публичной администрации. Первое понятие охватывает субъектов, специально созданных для осуществления публичной (государственной и муниципальной) исполнительно-распорядительной деятельности — государственные органы исполнительной власти (федеральные и субъектов) и исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления [7]. Однако следует отметить, что административные акты вправе принимать не только органы исполнительной власти, но и иные субъекты, обладающие властными полномочиями — Президент РФ, органы прокуратуры, Центральный банк РФ, Счетная Палата РФ.

Второе понятие охватывает всю совокупность субъектов, не входящих в состав централизованной публичной администрации, однако осуществляющих публичную исполнительно-распорядительную деятельность — Центральный банк РФ, государственные внебюджетные фонды, государственные корпорации саморегулируемые организации [7]. В целях обобщающей характеристики указанных субъектов необходимо использовать термин «субъект публичного управления».

От имени субъекта публичного управления действует конкретное должностное лицо, либо группа лиц, осуществляющих свои полномочия коллегиально. Следует решить проблему авторства административного акта в том случае, когда процедура его принятия обусловлена внесением предложений, осуществлением согласований. Возникает вопрос: может ли лицо, которое участвует в процедуре принятия административного акта, рассматриваться как его соавтор? Представляется, что в данном случае автором административного акта может в полной мере признаваться лишь тот субъект, за которым нормативно закреплены полномочия по его принятию.

Административный акт принимается по итогам административной процедуры. В качестве таковой следует понимать урегулированную нормами административного права правоприменительную деятельность субъектов публичного управления, направленную на реализацию предоставленных им полномочий во взаимоотношениях с не подчиненными им гражданами и их организациями в целях осуществления прав и законных интересов этих лиц.

Административный акт — это одностороннее и целенаправленное воздействие субъекта управления на общественные отношения. Требуется отметить, что в современную эпоху происходит трансформация привычных представлений о формах такого воздействия. В большинстве случаев принятие акта невозможно без непосредственного участия субъекта управления. Однако возможны и исключения. Так, использование технических средств позволяет принимать отдельные административные акты в автоматизированном режиме. Например, в Эстонии и Австрии без участия человека, посредством технических средств, административный акт принимается в таких сферах, как продление срока действия различного рода удостоверений, или продление срока реализации выплат социального характера [8, с. 759].

Субъект, издавший административный акт, всегда преследует определенную цель, то есть, имеет мысленное представление о необходимом правовом результате, который будет достигнут в результате реализации акта.

Целевая направленность административного акта может быть различной. Она может заключаться в предотвращении нарушения общественного порядка, прав и законных интересов граждан или организаций; обеспечении нормального функционирования аппарата управления; реализации прав заявителей.

В юридической литературе отмечается, что административные акты следует разграничивать на позитивные и негативные. Основанием разграничения служит то, вносят они или не вносят изменения в правоотношения. Так, позитивные административные акты имеют своей целью внесение изменений в существующие правоотношения. В свою очередь, негативные административные акты имеют целью отклонение требований о признании за субъектом права или удовлетворении его правового интереса. Такие акты обеспечивают сохранение существующих прав и обязанностей субъектов правоотношений [9, с. 323–324].

Давыдов К.В. предлагает легально закрепить определения благоприятного и обременяющего административного акта. Благоприятный акт направлен на подтверждение права; предоставление адресату новых прав. Благоприятный акт может отменять ту или иную обязанность адресата, либо иным образом улучшать его положение. Таким образом, обременяющий административный акт имеет своей целью отказ адресату в предоставлении права. Посредством обременяющего акта осуществляется лишение или ограничение права адресата, либо возложение на него определенной обязанности, либо ухудшение положения адресата иным образом [5, с. 52].

Предметом административного акта могут выступать общественные отношения, которые возникают после вступления административного акта в силу. Вместе с тем юрисдикционные административные акты регулируют общественные отношения, юридическим фактом возникновения которых выступают правовые конфликты, нарушения норм права.

Общественные отношения, регулируемые административным актом, не связаны с внутриорганизационной деятельностью. Они складываются между организационно не подчиненными субъектами. Адресатом административного акта выступает любое физическое или юридическое лицо. Такое лицо может как само обратиться к субъекту управления для принятия административного акта, так и выступать в качестве субъекта, без инициативы в отношении которого принят административный акт. Важным признаком индивидуального административного акта является определенность его адресата. Данный признак отличает такой акт от нормативного правового, действие которого распространяется на неопределенный круг лиц. Действие нормативного правового административного акта происходит в каждом случае вступления какого-либо субъекта в правоотношения, регулируемые таким актом.

Административный акт реализуется лишь посредством действия, предполагая активное волеизъявление, однако действие без надлежащей формы не может рассматриваться как административный акт. То есть, административный акт всегда должен быть выражен в определенной форме.

Формы управления можно разделить на правовые и неправовые. Если у формы управления есть юридическое содержание, это правовая форма, а если форма управления не закрепляется юридически, это неправовая форма управления [6, с. 156]. Административный акт всегда представляет собой правовую форму управления. Действия организационно-инструкционного характера и материально-технические действия, которые осуществляются внутри аппарата органа

управления, непосредственно не связаны с реализацией властных полномочий и не влекут юридических последствий, поэтому не могут рассматриваться как административные акты.

Понятие «форма акта» является многозначным. Под ним понимается способ внешнего выражения предписаний субъектов управления. В случае выбора письменной формы административного акта должна быть соблюдена его форма, структура, то есть, способ изложения правового материала [10, с. 61], а также обязательные реквизиты формы: наименование субъекта, издавшего акт, наименование вида акта и его название, дата подписания (утверждения) акта и его номер, наименование должности и фамилия лица, его подписавшего с соответствующими подписями.

Формы индивидуальных административных актов, порядок их принятия, обусловлены положениями нормативных правовых актов. Опыт зарубежных государств свидетельствует о возможности правового закрепления общих правил разработки, принятия, отмены, а также иных процедур, связанных с реализацией административных актов. Так, достоинством Закона Федеративной республики Германия «Об административном процессе»¹ является наличие отдельных разделов, которые подробно регламентируют порядок принятия административного акта (ст. 35–42а гл. 1), действительность административного акта (ст. 43–52 гл. 2), срок действия административного акта (ст. 53 гл. 3).

Кодекс административного судопроизводства Федеративной Республики Германия² установил гарантии обжалования в административном порядке любых действий субъектов государственного управления. При этом нормативно закреплено, что обжаловать можно как индивидуальные административные акты, так и нормативные правовые акты. Разграничение индивидуальных административных актов и нормативных правовых актов имеет значение для определения вида жалобы, а также сроков ее подачи, установления перечня необходимых процессуальных действий. Из этого следует, что определение сущности административного акта является важным как для материального, так и для процессуального права.

Нормативное регулирование административных актов содержится в законодательстве отдельных стран СНГ. Так, Закон об административных процедурах Республики Узбекистан³ закрепляет правила о форме и содержании административного акта (ст. 52, 53), правила об обосновании административного акта (ст. 54), порядок вступления в силу административного акта (ст. 55), порядок внесения в него исправлений (ст. 56), основания и порядок прекращения действия административного акта (ст. 58 Закона), порядок отмены, изменения или признания административного акта недействительным (ст. 59).

Отмечается, что «подобный уровень юридического закрепления административных процедур подготовки, принятия и реализации административных актов, обусловлен необходимостью охраны и защиты общественных отношений от не-

¹ См.: *Verwaltungsverfahrensgesetz vom 25.05.1976* (Закон об административном процессе). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vwvfg/BJNR012530976.html> (дата обращения: 16.08.2022).

² См.: *Verwaltungsgerichtsordnung vom 21.01.1960* (Кодекс административного судопроизводства). URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/vwgo/BJNR000170960.html> (дата обращения: 16.08.2022).

³ См.: Закон об административных процедурах Республики Узбекистан от 8 января 2018 г. URL: <https://lex.uz/docs/3492203> (дата обращения: 16.08.2022).

правомерных решений субъектов управления. В этом смысле административные процедуры выступают в роли фундамента для построения юридической системы охраны прав, свобод и законных интересов граждан в сфере административных и иных публичных правоотношений [1, с. 11].

Административный акт может быть принят в различных формах: в письменной, электронной, устной или иной (например, жест регулировщика). Письменный или электронный административный акт должен содержать наименование и подпись субъекта, принявшего его, подпись (имя) руководителя административного органа, заместителя или иного уполномоченного лица. Адресат административного акта должен быть в достаточной степени конкретизирован путем указания на его фамилию, имя, отчество, место жительства, место пребывания. В случае, если адресат — юридическое лицо, следует указать его наименование и юридический адрес. Письменный или электронный административный акт должен сопровождаться разъяснениями о порядке подачи жалобы, в том числе о том, как можно подать жалобу на административный акт, в какой административный орган или суд следует подать жалобу, местонахождение административного органа или суда, срок и порядок подачи жалобы. В случае, если административный акт включает приложение, оно не может рассматриваться как самостоятельный административный акт.

Административный акт должен быть обоснованным. Это обусловлено сущностью регулирования, которое выступает элементом административного акта. Обстоятельства, наличие которых обеспечивает принятие административных актов, могут быть предусмотрены в нормативных правовых актах. Процесс принятия административного акта подразумевает определение наличия связи фактических обстоятельств с нормой права, которая подлежит применению, а также юридической квалификации таких обстоятельств. Результат юридической квалификации отражается в управленческих предписаниях.

Административный акт в письменной или электронной форме должен содержать его обоснование, в котором приведены обстоятельства, повлекшие за собой его принятие. Требуется правовое закрепление запрета принятия различных по содержанию административных актов в случае наличия одинаковых существенных фактических обстоятельств. По различным существенным фактическим обстоятельствам не следует принимать одинаковые административные акты. При этом само обоснование должно быть раскрыто в административном акте.

В случае, если административный акт принят при реализации дискреционных полномочий субъекта управления, необходимо указание мотивов его принятия. Представляется, что исключение из правил обоснования следует сделать для административных актов, которые являются благоприятными для их адресатов, при этом не затрагивают прав и интересов иных лиц.

Характерным признаком нормативных правовых актов является невозможность их оспаривания в судебном порядке по причине необоснованности. Однако все административные акты должны соответствовать фактической ситуации, которая существует в той или иной сфере жизни общества. В противном случае сделать вывод о том, что административный акт не целесообразен, поскольку не соответствует обстоятельствам, имеющимся в действительности. Нецелесообразные административные акты подлежат отмене.

Подводя итог исследованию сущности административного акта, следует сформулировать его определение. Административный акт — это правовой акт, принимаемый субъектами публичного управления, по итогам административной процедуры, порождающий правовые последствия для определенного лица, индивидуально определенного круга лиц или неопределенного круга лиц. Данное определение представляется возможным закрепить в основополагающем для административных процедур законодательном акте, по типу существующих в зарубежных государствах законов об административном процессе. Поскольку административный процесс — это деятельность, направленная на применение правовых норм, реализацию управленческих функций в процедурной форме, в том числе, функций по принятию правовых актов, то требуется нормативное закрепление положения, что административные акты принимаются при разрешении дел, возникающих из административных и иных публичных правоотношений. Законодательный акт об административном процессе должен закрепить общую модель административной процедуры принятия, обжалования и исполнения административных актов, универсальные требования к их форме, содержанию, условиям действительности.

Библиографический список

1. *Старилов Ю.Н.* От многолетней дискуссии к принятию Федерального закона «Об административных процедурах» // Вестник ВГУ. Сер.: Право. 2017. № 4. С. 8–21.
2. *Васильев Р.Ф.* Акты управления. М.: Изд-во МГУ, 1987. 140 с.
3. Административное право: учебник / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. М.: Юрист, 1999. 320 с.
4. *Бахрах Д.Н.* Административное право России: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. М.: ЭКСМО, 2011. 622 с.
5. *Давыдов К.В.* Современное состояние и перспективы развития российского законодательства об административных процедурах. Проект федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации» // Журнал административного судопроизводства. 2017. № 1. С. 47–69.
6. Административное право Российской Федерации: учебник / под ред. А.Ю. Соколова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2018. 352 с.
7. *Андреев Д.С.* Субъекты, совершающие административно-правовые акты: основы структурно-функционального подхода // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2010. № 1. С. 53–65.
8. *Крамер У., Мицкевич Л.А., Васильева А.Ф.* Электронные формы в административном процессе России и Германии // Вестник СПбГУ. Право. 2019. Т. 10. Вып. 4. С. 756–780.
9. *Попович С.* Административное право. Общая часть. М.: Прогресс, 1968. 540 с.
10. *Новоселов В.И.* Законность актов органов управления. М.: Юридическая литература, 1968. 108 с.

References

1. *Starilov Yu.N.* From Many Years of Discussion to the Adoption of the Federal Law “On Administrative Procedures” // Bulletin of the VSU. Series: Law. 2017. No. 4. P. 8–21.
2. *Vasiliev R.F.* Management Acts. M.: Publishing House of Moscow State University, 1987. 140 p.

3. Administrative Law: textbook / ed. Yu.M. Kozlova, L.L. Popov. Moscow: Yurist, 1999. 320 p.

4. *Bahrakh D.N.* Administrative Law of Russia: textbook. 6th ed., revised. and add. M.: EKSMO, 2011. 622 p.

5. *Davydov K.V.* The Current State and Prospects for the Development of Russian Legislation on Administrative Procedures. Draft federal law “On Administrative Procedures and Administrative Acts in the Russian Federation” // Journal of Administrative Court Proceedings. 2017. No. 1. P 47–69.

6. Administrative Law of the Russian Federation: Textbook / ed. A.Yu. Sokolov. 2nd ed., revised. and add. M.: Norma: Infra-M, 2018. 352 p.

7. *Andreev D.S.* Subjects Making Administrative-Legal Acts: Fundamentals of the Structural-Functional Approach // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 1. P. 53–65.

8. *Kramer U., Mitskevich L.A., Vasilieva A.F.* Electronic Forms in the Administrative Process in Russia and Germany // Bulletin of St. Petersburg State University. Right. 2019. Vol. 10. Issue. 4. P. 756–780.

9. *Popovich S.* Administrative Law. A common part. M.: Progress, 1968. 540 p.

10. *Novoselov V.I.* Legitimacy of Acts of Governing Bodies. M.: Yurid. lit., 1968. 108 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-84-93

УДК 342.951:351.82

А.А. Стародубов, Е.С. Архипова

ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЕДИНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА В ЦЕЛЯХ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ*

Введение: в Российской Федерации активно проводится государственная молодежная политика, принимаются нормативно-правовые акты, регламентирующие данную сферу общественных отношений. Неотъемлемой составляющей государственной молодежной политики признается ее информационное обеспечение, для чего создаются соответствующие автоматизированные информационные системы. При этом в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних единое информационное пространство обеспечивающих ее органов и учреждений до настоящего времени отсутствует. В работе рассматривается вопрос о том, насколько действующее регулирование молодежной политики способно повлиять на информационное обеспечение профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних как смежной сферы. **Цель:** выявить проблемные вопросы информационного обеспечения молодежной политики в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. **Методологическая основа:** для решения данного вопроса использовались как общие (анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-логический метод), так и специальные методы познания: метод анализа документов, сравнительно-правовой метод. **Результаты:** были проанализированы положения федеральных законов и распоряжений Правительства Российской Федерации, регулирующие использование информационных систем в сфере государственной молодежной политики, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. **Выводы:** были выявлены признаки формирования единого информационного пространства субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, рассмотрены отдельные

© Стародубов Арсений Александрович, 2022

Ведущий научный сотрудник Центра научно-методического обеспечения системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних Института законодательства (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kdn@ssla.ru

© Архипова Елена Сергеевна, 2022

Соискатель, преподаватель кафедры административного и муниципального права, заместитель руководителя Центра научно-методического обеспечения системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних Института законодательства (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: arhipovaelena06@yandex.ru

© Starodubov Arseniy Aleksandrovich, 2022

Leading Researcher of the Center for Scientific and Methodological Support of the System of Prevention and Neglect of Minors of the Institute of Lawmaking (Saratov State Law Academy)

© Arkhipova Elena Sergeevna, 2022

Degree seeker, Lecturer of the Department of Administrative and Municipal Law, Deputy Head of the Center for Scientific and Methodological Support of the System of Prevention and Neglect of Minors of the Institute of Lawmaking (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00656.

вопросы взаимодействия с ним ведомственных информационных баз, а также информационных систем в сфере молодежной политики.

Ключевые слова: молодежная политика, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, информационные системы, взаимодействие субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, единое информационное пространство.

A.A. Starodubov, E.S. Arkhipova

PROSPECTS FOR THE FORMATION OF A COMMON INFORMATION SPACE FOR PREVENTING DELINQUENCY AMONG YOUNG PEOPLE

Background: in the Russian Federation the state youth policy is actively carried out, normative legal acts regulating this sphere of public relations are adopted. An integral component of the state youth policy is its information support, for which the corresponding automated information systems are created. At the same time in the sphere of prevention of child neglect and juvenile delinquency there is no unified information space of the bodies and institutions providing it so far. The paper considers the extent to which the existing regulation of youth policy is able to influence the information support of the prevention of child neglect and juvenile delinquency as a related sphere. **Objective:** to identify problematic issues of information support of youth policy in the field of prevention of neglect and juvenile delinquency. **Methodology:** to solve this issue, both general (analysis, synthesis, induction, deduction, formal logical method) and special methods of cognition were used: the method of analyzing documents, the comparative legal method. **Results:** the provisions of federal laws and orders of the Government of the Russian Federation regulating the use of information systems in the field of state youth policy, prevention of neglect and juvenile delinquency were analyzed. **Conclusions:** the signs of the formation of a unified information space of the subjects of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency were identified, certain issues of interaction with departmental information bases, as well as information systems in the field of youth policy were considered.

Key-words: youth policy, prevention of neglect and juvenile delinquency, information systems, interaction of subjects of the system of prevention of neglect and juvenile delinquency, unified information space.

В последние годы органами государственной власти Российской Федерации уделяется пристальное внимание вопросам социализации и организации молодого поколения, проведение государственной молодежной политики. В стране было объявлено Десятилетие детства, разработан и утвержден план по развитию системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Дальнейшими шагами в указанном направлении стало принятие законов о молодежной политике, о российском движении детей и молодежи, других нормативных правовых актов. Государство стремится вовлечь детей и молодежь в организованную деятельность, а одним из следствий выполнения данной задачи станет снижение числа преступлений, правонарушений, проявлений антиобщественного поведения как со стороны несовершеннолетних, так и в отношении них. Таким образом, успехи в реализации молодежной политики будут одно-

временно способствовать достижению целей деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Другой особенностью современного периода развития является широкое внедрение информационных технологий и систем обработки данных в различные сферы деятельности, не являющиеся исключением и сферы государственной молодежной политики, а также деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. При этом в информационном обеспечении деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации (далее — системы профилактики) сложилась уникальная ситуация. Во-первых, в силу особенностей архитектуры системы профилактики сама она является достаточно сложно организованной: в нее входят девять групп субъектов, осуществляющих свою деятельность на федеральном, региональном и территориальном (муниципальном) уровнях, а некоторые представлены органами управления (как правило, органами государственной власти и органами местного самоуправления), а также подведомственными им организациями (как правило, государственными или муниципальными автономными, бюджетными и казенными учреждениями).

Во-вторых, к настоящему времени многие субъекты системы профилактики внедрили в свою деятельность различные автоматизированные информационные системы. При проектировании, внедрении и эксплуатации информационных систем субъекты в первую очередь стремились к оптимизации процессов выполнения ведомственных функций, таким образом, особенности этих систем лишь в ограниченной, а иногда незначительной степени позволяют обеспечить взаимодействие внедривших их органов и учреждений как субъектов системы профилактики. Дополнительную сложность формирования единого информационного пространства системы профилактики представляет множественность и автономность используемых информационных систем, что в ряде случаев приводит к практической (технической) невозможности оперативного обмена данными без существенных финансовых и трудовых затрат.

Таким образом, единого информационного пространства субъектов системы профилактики к настоящему времени не сформировано, что не способствует повышению эффективности деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. С другой стороны, предпринимаемые государством усилия по реализации молодежной политики могут выступить катализатором формирования такого пространства: ускорить процесс разработки и внедрения федеральной государственной информационной системы для нужд системы профилактики (далее — ФГИССП), способствовать ее интеграции с информационным пространством молодежной политики. Настоящая работа стремится внести вклад в изучение данного вопроса на основе анализа новейших нормативно-правовых актов федерального уровня, регламентирующих молодежную политику в Российской Федерации, и некоторых других.

Вопросы информационного обеспечения молодежной политики нашли весьма скромное отражение в научной литературе. Представленные в открытом доступе исследования касаются преимущественно анализа интернет-сайтов органов государственной власти и местного самоуправления, в компетенцию которых входит реализация молодежной политики, а сами работы носят локальный характер. Так, А.В. Тупаев [1] на основе материалов интернет-сайтов государственных учреждений анализирует процессы информатизации в сфере

государственного управления и молодежной политики на примере программ гражданско-патриотического воспитания в молодежной среде. Анализ информатизации молодежной политики на уровне местного самоуправления на примере Екатеринбурга предпринят в работе Д.А. Калугиной и Г.Г. Климовой [2]. На основе применения комплексной системы критериев оценки сайтов органов местного самоуправления авторы приходят к выводу о недостаточном внимании органов государственной власти и местного самоуправления к информационному обеспечению государственной молодежной политики. Н.Г. Кирилец [3] рассматривает использование единого информационного пространства в сфере реализации молодежной политики на региональном уровне. Е.Е. Ковалев [4] обращается к проблеме подготовленности специалистов органов управления молодежной политикой для работы с информационными системами.

Немного более обширна литература, посвященная вопросам информатизации деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Обычно вопросы использования информационных технологий и решений рассматриваются авторами в контексте оптимизации межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики. Например, М.Н. Чабан [5] анализирует данный вопрос применительно к предупреждению безнадзорности, преступлений и правонарушений среди школьников. М.В. Сидоренко [6] исследует проблемы взаимодействия в условиях отсутствия единого информационного пространства на локальном уровне в городе Благовещенске. В работе А.А. Луговской и О.С. Борисенко [7] внедрение информационных систем рассматривается в качестве решения проблемы разобщенности субъектов системы профилактики в своей деятельности. Е.О. Винниченко [8] анализирует опыт отдельных российских регионов, которые в той или иной степени внедрили информационные системы и банки данных для учета семей и несовершеннолетних из групп риска. Пристальное внимание проблематике межведомственного взаимодействия субъектов системы профилактики и внедрения современных информационных технологий уделено в ряде работ начальника кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России А.А. Беженцева [9; 10; 11; 12; 13]. С 2010 г. автор последовательно аргументирует необходимость внедрения передовых информационных технологий в деятельность субъектов системы профилактики, в том числе комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее — комиссии), подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, а также рассматривает проблемы эффективного использования различных технических решений.

Как показал проведенный анализ, большинство исследований, посвященных информатизации молодежной политики, профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, были проведены до принятия федеральных законов о молодежной политике, о российском движении детей и молодежи; в них не нашли отражения вопросы взаимного влияния процессов внедрения и использования информационных технологий в обеих рассматриваемых сферах. В настоящей работе предпринимается попытка частично восполнить данный пробел.

Методологической базой исследования является комплексный подход, включающий общие и специальные методы познания. В числе общенаучных методов были использованы анализ, синтез, индукция, дедукция, а также формально-

логический метод. Среди специальных методов предпочтение было отдано методу анализа документов, сравнительно-правовому методу.

Эмпирическую базу исследования составили тексты нормативно-правовых актов федерального уровня, регулирующие вопросы осуществления государственной молодежной политики, деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних:

Федеральный закон № 120-ФЗ от 24 июня 1999 г. «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 14 июля 2022 г.)¹ (далее — Федеральный закон № 120-ФЗ);

Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»² (далее — Федеральный закон № 489-ФЗ);

Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи»³ (далее — Федеральный закон № 261-ФЗ);

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. № 520-р «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» (в ред. от 18 марта 2021 г.)⁴ (далее — Распоряжение № 520-р);

Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 января 2021 г. № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» (в ред. от 25 мая 2022 г.)⁵ (далее — Распоряжение № 122-р).

В настоящее время Федеральный закон № 120-ФЗ не содержит положений, обязывающих или наделяющих субъекты системы профилактики правом использовать какие-либо автоматизированные информационные системы в своей деятельности. Взаимодействию органов и учреждений системы профилактики посвящена ч. 2 ст. 9 данного закона, которая устанавливает обязанность незамедлительно информировать тот или иной субъект системы профилактики в зависимости от вида выявленных признаков нарушения прав несовершеннолетних. Необходимость использования автоматизированной информационной системы для нужд системы профилактики не содержится также ни в примерном положении о комиссиях⁶ как органах, координирующих деятельность субъектов системы профилактики, ни в других нормативно-правовых документах федерального уровня.

В разделе IV «Основные принципы развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года, утвержденной Распоряжением № 520-р (далее — Концепция развития), среди принципов развития системы профилактики провозглашается принцип интеграции, который заключается в объединении действий различных ведомств и организаций на основе создания единого в том числе информационного пространства. Пунктом 1 разд. I «Совершенствование нормативно-право-

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; 2022, № 29 (ч. II), ст. 5229.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 1 (ч. I), ст. 28.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 29 (ч. II), ст. 5228.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 14, ст. 2088; 2021, № 12, ст. 2102.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 5, ст. 914; 2022. № 23, ст. 3849.

⁶ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 6 ноября 2013 г. № 995 «Об утверждении Примерного положения о комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» (в ред. от 10 февраля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 45, ст. 5829; 2020. № 7, ст. 847.

вого регулирования в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» Плана мероприятий на 2021–2025 годы по реализации Концепции развития предусмотрено совершенствование законодательства Российской Федерации в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в том числе в части регулирования вопросов электронного обмена информацией между органами и учреждениями системы профилактики.

В настоящее время в открытом доступе находится мало информации о совершенствовании законодательства в заявленном направлении. Анализ отдельных сообщений органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации¹ позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время в нескольких субъектах Российской Федерации в рамках реализации Федерального проекта «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» стартовал пилотный проект по апробации автоматизированной информационной системы «Профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Проект курируется Министерством просвещения Российской Федерации, а также автономной некоммерческой организацией «Центр изучения и сетевого мониторинга молодежной среды». Можно предположить, что по окончании апробации данная информационная система будет усовершенствована, в том числе в части правовых оснований использования, ее статус будет повышен до уровня федеральной государственной информационной системы, после чего она будет введена в эксплуатацию. Таким образом, будет создано единое информационное пространство работы субъектов системы профилактики.

30 декабря 2020 г. был принят Федеральный закон № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». Из определения молодежной политики, приведенной в ст. 2 Федерального закона № 489-ФЗ, следует понимание законодателем важности проведения в том числе информационно-аналитической работы для ее реализации, а также необходимости взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления для проведения молодежной политики. Часть 2 ст. 11 Федерального закона № 489-ФЗ указывает на необходимость создания федеральной государственной автоматизированной информационной системы для информационного обеспечения реализации молодежной политики (далее — АИСМП), а ч. 3 и 4 указанной статьи определяют состав сведений АИСМП и их поставщиков: федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, а также организации, осуществляющие деятельность в сфере молодежной политики.

Эта формулировка позволяет утверждать, что речь идет в первую очередь о тех же субъектах, которые указаны в ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 120-ФЗ как органы по делам молодежи. В таком случае Федеральный закон № 489-ФЗ вводит для органов по делам молодежи обязанность поставлять информацию в АИСМП. Примечательно, что данная информация может иметь прямое отношение к проводимой этими органами деятельности по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Таким образом, в дальнейшем

¹ См.: Министерство социальной защиты населения Республики Бурятия. Создается общероссийская база данных семей, находящихся в социально опасном положении. 2021. 14 дек. URL: https://egov-buryatia.ru/minsoc/press_center/news/detail.php?ID=121222 (дата обращения: 15.09.2022).

необходимо предусмотреть как правовую, так и техническую возможность взаимного обмена сведениями между АИСМП и ФГИССП.

Продолжение усилий законодателей в сфере молодежной политики нашло отражение в принятии Федерального закона № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи». В п. 5 ч. 1 ст. 4 Федерального закона № 261-ФЗ закреплено право российского движения детей и молодежи (далее — Движение) создавать собственные информационные системы для достижения целей своей деятельности в порядке, предусмотренном уставом Движения. С учетом ч. 6 ст. 5 Федерального закона № 261-ФЗ получается, что Движение обязано реализовать вышеуказанное право путем создания автоматизированной информационной системы Движения (далее — АИСД) для обеспечения своей деятельности, в том числе взаимодействия между его участниками. Порядок функционирования АИСД, включая требования к технологическим, программным, лингвистическим, правовым и организационным средствам обеспечения ее использования, порядку включения в нее сведений и составу включаемых в нее сведений, условиям и порядку предоставления доступа к информации, содержащейся в АИСД, должен определяться внутренними документами Движения и не противоречить законодательству.

В ч. 2 ст. 10 Федерального закона № 261-ФЗ указано, что учет участников-обучающихся осуществляется в первичных отделениях Движения, создаваемых в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации основных общеобразовательных программ и (или) образовательных программ среднего профессионального образования, с использованием федеральной государственной информационной системы, определенной Правительством Российской Федерации. При этом не вполне ясно, подразумевает ли данная норма использование АИСД для вышеназванных целей, поскольку АИСД определена как автоматизированная информационная система, а в рассматриваемой норме речь идет о федеральной государственной информационной системе, определяемой Правительством Российской Федерации.

Несмотря на некоторую неясность, в целом можно сказать, что вопросы использования информационных систем нашли в Федеральном законе № 261-ФЗ гораздо более детальное отражение, чем в положениях Федерального закона № 489-ФЗ, несмотря на то, что последний регулирует гораздо более широкую сферу общественных отношений. Кроме того, необходимо отметить, что организации, осуществляющие образовательную деятельность, в которых создаются первичные отделения Движения, выполняющие функцию учета участников-обучающихся, являются субъектами системы профилактики. Однако учитывая зафиксированный в ст. 3 Федерального закона № 261-ФЗ принцип добровольности участия в Движении представляется неправомерным рассматривать вопрос об организации информационного взаимодействия между АИСД и ФГИС: образовательные организации, являясь субъектами системы профилактики и одновременно площадками для создания первичных отделений Движения, выполняют различные функции, несмотря на то, что в каждом случае призваны действовать в интересах детей и защиты их прав.

План основных мероприятий, проводимых в рамках десятилетия детства, на период до 2027 г., утвержденный Распоряжением № 122-р (далее — План основных мероприятий), в малой степени затрагивает вопросы совершенствования информационного взаимодействия субъектов системы профилактики и иных органов, реализующих молодежную политику. Лишь п. 82 разд. V «Защита де-

тей, оставшихся без попечения родителей» Плана основных мероприятий предусмотрена модернизация государственного банка данных о детях, оставшихся без попечения родителей (далее — Государственный банк данных), в том числе с возможностью передачи данных в другие государственные информационные системы с учетом современных информационных технологий.

Государственный банк данных в соответствии со ст. 1 Закона¹ является специализированной информационной системой, созданной и используемой для учета и организации устройства детей, оставшихся без попечения родителей. Принимая во внимание, что в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 9 Федерального закона № 120-ФЗ о выявлении несовершеннолетних, оставшихся без попечения родителей или иных законных представителей, органам и учреждениям системы профилактики необходимо незамедлительно информировать органы опеки и попечительства, сведения о таких несовершеннолетних будут первоначально вноситься во ФГИССП. Таким образом, целесообразно регламентировать в нормативно-правовых актах не только возможность передачи сведений из Государственного банка данных в другие государственные информационные системы, как это зафиксировано в Плана основных мероприятий, но и обратную возможность: передачу сведений в Государственный банк данных из ФГИССП. В то же время представляется требующим дальнейшего изучения вопрос о целесообразности поглощения Государственного банка данных путем его интеграции во ФГИССП.

Анализ основных нормативно-правовых документов федерального уровня, регламентирующих деятельность по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, реализацию молодежной политики в Российской Федерации позволяет сделать следующие выводы. Использование автоматизированных информационных систем в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних до настоящего времени не предусматривается, однако предпринимаются шаги в направлении создания единого информационного пространства субъектов системы профилактики, которые могут завершиться внедрением ФГИССП. В сфере государственной молодежной политики признается важность скоординированного оперативного взаимодействия реализующих ее органов, а также указывается на необходимость использования автоматизированных информационных систем как одного из условий успешной работы. В целях оптимизации информационного взаимодействия, дальнейшего повышения уровня оперативности и согласованности функционирования государственных органов и их учреждений проведенный анализ позволил предложить создать правовые и технические условия для взаимодействия информационных систем в сфере молодежной политики и в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Дополнительно необходимо рассматривать проблемы взаимодействия ФГИССП и ведомственных информационных систем субъектов системы профилактики. Так, исследование показало целесообразность обеспечения возможности двустороннего обмена данными ФГИССП и Государственного банка данных. В то же время вопросы более глубокой интеграции ведомственных систем, их поглощения путем слияния с ФГИССП требуют более детального изучения.

¹См.: Федеральный закон от 16 апреля 2001 года № 44-ФЗ «О государственном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей» (в ред. от 2 августа 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 17, ст. 1643; 2019, № 31, ст. 4478.

Особую категорию анализа представляет информационное обеспечение деятельности общероссийских общественно-государственных движений, которые в настоящее время представлены российским движением детей и молодежи. Возможность взаимодействия общественных и государственных информационных систем требует дополнительной правовой регламентации.

Библиографический список

1. *Тураев А.В.* Стратегии информатизации в сфере молодежной политики: практики современной России // Социальная работа: современные проблемы и технологии. 2020. № 1. С. 201–207.
2. *Калугина Д.А., Климова Г.Г.* Информатизация реализации государственной молодежной политики в городе Екатеринбург: анализ официальных сайтов администраций // Вопросы управления. 2016. № 6 (43). С. 82–89.
3. *Кирилец Н.Г.* Использование единого информационного пространства в сфере реализации молодежной политики на региональном уровне // Цифровая экономика, информационное общество и информационная безопасность: основные социально-экономические аспекты. СПб.: Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, 2021. С. 97–105.
4. *Ковалев Е.Е.* Подготовка кадров муниципальных органов управления молодежной политикой в области информационных технологий // Наука, технологии, инновации для развития экономики и общества. Омск: Многопрофильная Академия непрерывного образования, 2020. С. 19–23.
5. *Чабан М.Н.* Эффективность межведомственного взаимодействия школы и субъектов системы профилактики по предупреждению безнадзорности, преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних // Право. Экономика. Безопасность. 2017. № 3. С. 137–139.
6. *Сидоренко М.В.* Осуществление межведомственного взаимодействия органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних в г. Благовещенске // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2014. № 1. С. 151–154.
7. *Луговская А.А., Борисенко О.С.* Проблема реализации взаимодействия органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Ученые заметки ТОГУ. 2017. Т. 8. № 3. С. 249–254.
8. *Винниченко Е.О.* Проблемы информационного обеспечения профилактики правонарушений несовершеннолетних // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 98–104.
9. *Беженцев А.А.* О необходимости внедрения передовых информационных технологий в деятельность субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних // Региональная информатика РИ-2010. 2010. С. 154–155.
10. *Беженцев А.А.* О применении информационной системы «Автоматизация деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Региональная информатика РИ-2014. 2014. С. 173–173.
11. *Беженцев А.А.* Банки данных по вопросам защиты прав несовершеннолетних и профилактики их преступлений: проблемы эффективного использования // Актуальные вопросы организации и правового регулирования деятельности оперативных подразделений МВД России (посвящается памяти профессора Д.В. Ривмана). 2016. С. 44–48.

12. *Беженцев А.А.* Инноватизация административной деятельности подразделений полиции по делам несовершеннолетних // *Полицейская деятельность*. 2017. № 5. С. 9–15.

13. *Беженцев А.А.* Инноватизация правоохранительной административной деятельности линейных подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел на транспорте // *Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика*. 2017. С. 69–72.

References

1. *Тураев А.В.* Strategies of Informatization in the Field of Youth Policy: Practices of Modern Russia // *Social Work: Modern Problems and Technologies*. 2020. No. 1. P. 201–207.

2. *Kalugina D.A., Klimova G.G.* Informatization of the Implementation of the State Youth Policy in the City of Yekaterinburg: Analysis of the Official Websites of Administrations // *Management Issues*. 2016. No. 6 (43). P. 82–89.

3. *Kirilets N.G.* The Use of a Unified Information Space in the Implementation of Youth Policy at the Regional Level // *Digital Economy, Information Society and Information Security: Basic Socio-Economic Aspects*. St. Petersburg: St. Petersburg University of Management and Economics Technologies, 2021. P. 97–105.

4. *Kovalev E.E.* Training of Personnel of Municipal Youth Policy Management Bodies in the Field of Information Technologies // *Science, Technologies, Innovations for the Development of Economy and Society*. Omsk: Multidisciplinary Academy of Continuing Education, 2020. P. 19–23.

5. *Chaban M.N.* The Effectiveness of Interdepartmental Interaction Between Schools and Subjects of the Prevention System for the Prevention of Neglect, Crimes and Offenses Among Minors // *Pravo. Economy. Safety*. 2017. No. 3. P. 137–139.

6. *Sidorenko M.V.* Implementation of Interdepartmental Interaction Between Bodies and Institutions of the System of Prevention of Neglect, Homelessness and Juvenile Delinquency in Blagoveshchensk // *Vector of Science of Togliatti State University*. 2014. No. 1. P. 151–154.

7. *Lugovskaya A.A., Borisenko O.S.* The Problem of Implementing the Interaction of Bodies of the System of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency // *Scientific Notes of TOGU*. 2017. Vol. 8. No. 3. P. 249–254.

8. *Vinnichenko E.O.* Problems of Information Support for the Prevention of Juvenile Delinquency // *Bulletin of the Tyumen State University*. 2013. No. 3. P. 98–104.

9. *Bezhentsev A.A.* On the Need to Introduce Advanced Information Technologies into the Activities of Subjects of Prevention of Juvenile Delinquency // *Regional informatics RI-2010*. 2010. P. 154–155.

10. *Bezhentsev A.A.* On the Application of the Information System “Automation of the Activities of Commissions on Juvenile Affairs and Protection of Their Rights” // *Regional informatics RI-2014*. 2014. P. 173–173.

11. *Bezhentsev A.A.* Data Banks on the Protection of the Rights of Minors and the Prevention of Their Crimes: Problems of Effective Use // *Topical Issues of Organization and Legal Regulation of the Activities of Operational Units of the Ministry of Internal Affairs of Russia (dedicated to the memory of Professor D.V. Rivman)*. 2016. P. 44–48.

12. *Bezhentsev A.A.* Innovatization of Administrative Activities of Police Units for minors // *Police Activity*. 2017. No. 5. P. 9–15.

13. *Bezhentsev A.A.* Innovatization of Law Enforcement Administrative Activity of Linear Departments for Minors of Internal Affairs Bodies on Transport // *Administrative-Legal Regulation of Law Enforcement: Theory and Practice*. 2017. P. 69–72.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-94-98
УДК 342.922

А.А. Краснощеков

ПРОЦЕДУРА АККРЕДИТАЦИИ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРОЦЕДУР В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Введение: аккредитация, как важнейший элемент системы оценки качества образования, служит интересам общества и государства, начиная с абитуриентов, заканчивая государственным регулятором. При этом действующее законодательство устанавливает различные виды аккредитации в сфере высшего образования, соотношение и перспективы развития которых требуют обсуждения. **Цель:** исследование законодательных положений, регулирующих процедуру аккредитации наряду с прочими административными процедурами и определение ключевых направлений развития данного института. **Методологическая основа:** формально-правовой анализ положений действующего российского законодательства, а также исследование мнений исследователей относительно содержания и особенностей явления аккредитации в условиях современности. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно оптимального соотношения между государственной и негосударственной аккредитацией. **Выводы:** общественная аккредитация должна приниматься во внимание при осуществлении контрольно-надзорной деятельности в сфере высшего образования.

Ключевые слова: аккредитация, государственная аккредитация, общественная аккредитация, административные процедуры, высшее образование.

A.A. Krasnoshchekov

THE ACCREDITATION PROCEDURE AS A KIND OF ADMINISTRATIVE PROCEDURES IN HIGHER EDUCATION

Background: accreditation, as the most important element of education quality assessment system, serves the interests of society and the state, from applicants to the state regulator. At the same time, current legislation establishes different types of accreditation in higher education, whose correlation and prospects of development require discussion. **Objective:** to study the legislative provisions governing the accreditation procedure along with other administrative procedures and to determine the key directions for the development of this institution. **Methodology:** a formal legal analysis of the provisions of the current Russian legislation, as well as a study of the opinions of researchers regarding the content and features of the phenomenon of accreditation in modern conditions. **Results:** the author's position regarding the optimal ratio between state and non-state accreditation is argued. **Conclusions:** public accreditation should be taken into account in the implementation of control and supervision activities in the field of higher education.

Key-words: accreditation, state accreditation, public accreditation, administrative procedures, higher education.

© Краснощеков Александр Алексеевич, 2022

Начальник службы внутреннего контроля (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: alexkrasnoshchekov@gmail.com

© Krasnoshchekov Aleksandr Alekseevich, 2022

Head of the Internal Control Service (Saratov State Law Academy)

Проведение эффективной образовательной политики является одной из приоритетных задач современного Российского государства¹. Высшее образование, находясь во главе образовательной системы, требует особого внимания, с одной стороны, обеспечивая подготовку кадров в самых разных сферах деятельности, а с другой — непосредственно влияя на развитие системы подготовки и аттестации научных и научно-педагогических кадров, которая выступает фундаментом научно-технической политики государства. Исходя из этого, вопросы оценки качества высшего образования, реализуемой государством посредством административных процедур, являют собой актуальную почву для исследований и отдельно следует рассмотреть такую административную процедуру, как аккредитация.

Большой юридический словарь дает несколько значений термина «аккредитация» (от латинского *accredere* — оказывать доверие), среди которых наиболее релевантно теме исследования следующее (в национальном праве): это процедура признания (подтверждения) государственными органами особых полномочий различного рода субъектов (образовательных учреждений, научных организаций, медицинских учреждений, коммерческих банков и т.д.) [1, с. 17].

В соответствии с положениями ст. 92 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»², в качестве цели государственной аккредитации выступает подтверждение аккредитационным органом соответствия качества образования в организации, осуществляющей образовательную деятельность по соответствующим образовательным программам, установленным аккредитационным показателям, которые представляют собой совокупность обязательных требований, установленных в соответствии с указанным законом к качеству образования. Данная процедура осуществляется уполномоченным органом власти — Федеральной службой по надзору в сфере образования и науки³. Тем же законом (ст. 96) устанавливается право образовательных организаций получать общественную аккредитацию в различных российских, иностранных и международных организациях.

Следует отметить, что многие государства сочетают представленные формы аккредитации. Так, к примеру, в США действует 8 региональных аккредитационных агентств, которые проводят институциональную аккредитацию, а более 60 — специализированную [2].

Один из наиболее острых вопросов — вопрос обязательности прохождения государственной аккредитации. Изначально данный механизм был создан как процедура, способная укрепить доверие со стороны населения к деятельности той или иной образовательной организации, что подтверждается самим значением слова аккредитация. Первоначально государственная аккредитация производилась добровольно и носила заявительный характер. Несомненно, имелись и

¹ См.: Паспорт национального проекта «Образование» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 24 декабря 2018 г. № 16). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

² См.: Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 53 (ч. 1), ст. 7598; 2017. № 29, ст. 4437.

³ См.: Постановление Правительства РФ от 14 января 2022 г. № 3 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 4, ст. 634

государственные вузы, для которых аккредитация выступала в виде некоего этапа его готовности, однако негосударственные образовательные учреждения могли не проходить аккредитацию. Впоследствии за образовательными учреждениями сохранилась возможность добровольного прохождения общественной и общественно-профессиональной аккредитаций.

Вместе с тем прохождение общественной и общественно-профессиональной аккредитации не получило должного распространения, несмотря на свою эффективность, что объясняется нежеланием образовательных организаций претерпевать дополнительные организационные хлопоты и нести дополнительные издержки там, где соблюдение процедуры необязательно. В литературе процедура общественной аккредитации оценивается преимущественно положительно [3], тогда как государственная критикуется порой весьма выразительно [4].

Даже в отдаленной перспективе отмену государственного контроля над качеством образования вряд ли можно назвать рациональной или целесообразной. Государство берет на себя определенные обязательства перед населением, в том числе в части организации и функционирования системы образования, гарантирования его доступности и качества. Не менее значима и функция государства по контролю за расходованием бюджетных средств, однако публичный аппарат для реализации поставленных задач может использовать иные механизмы, помимо аккредитации, к примеру лицензирование, различного рода проверки, а также принципиально новую процедуру аккредитационного мониторинга.

Большую степень доверия со стороны населения вызовет не государственная оценка качества реализации образовательной программы (когда государство в большинстве случаев проверяет принадлежащие ему вузы), а независимая оценка, исходящая от самого общества.

Оценка качества профессиональной деятельности должна предполагать независимость. При этом такая независимость, как правило, понимается в виде полной операционной свободы от государственных структур, иных образовательных организаций и иных субъектов, к примеру, органов управления вузом.

Кроме того, негосударственные виды аккредитации позволяют учесть также интересы потенциальных работодателей (в то время как государственная аккредитация характеризуется меньшей гибкостью).

Однако не стоит умалять и тот факт, что для того, чтобы доверять общественной аккредитации или общественно-профессиональной аккредитации, граждане должны, в первую очередь, доверять организации, их проводящей. По этой причине параллельное существование административной процедуры аккредитации и аккредитации, производимой со стороны общества, будет неизбежно приводить к смещению акцента в пользу государственной оценки. Существенное значение имеет также то обстоятельство, что прохождение государственной аккредитации позволяет получить высшим учебным заведениям определенные преимущества, в том числе в виде бюджетных средств. Очевидно, что в таких условиях государственная аккредитация становится приоритетной, что способствует ее отдалению от идей независимости и доверия.

Определенные сложности возникают при сопоставлении процедуры аккредитации и проверок, проводимых в рамках государственного контроля (надзора) в сфере образования. Так, например, и в рамках государственного контроля (надзора), и в рамках аккредитации предметом проверки могут служить аккредитационные показатели, что следует из буквального толкования положений

ст. 92 и 93 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — ФЗ № 273).

Помимо этого, обе процедуры координируются Рособрнадзором, они происходят с похожей периодичностью и регламентируются сходными правилами и могут приводить к аналогичным результатам. Так, в результате проверки образовательной организации может быть принято решение о ее лишении государственной аккредитации¹, аналогичное решение может быть принято в рамках контрольных мероприятий (ст. 93.1 ФЗ № 273).

Существенные изменения в осуществлении процедуры аккредитации существенным образом сказались на процедуре государственного контроля (надзора), в части появления такой процедуры, как аккредитационный мониторинг. Несмотря на свое название указанная процедура относится именно к функции государственного контроля (надзора). Бессрочный характер аккредитации обусловил необходимость формирования нового контрольного мероприятия.

Аккредитационный мониторинг представляет собой контрольное мероприятие, состоящее в удаленном наблюдении за деятельностью образовательных организаций, проводимое один раз в три года. Целью аккредитационного мониторинга выступает анализ качества и образования и разработка и направление рекомендаций по его повышению. Данная процедура на момент подготовки настоящей статьи находится в стадии доработки и предварительной апробации, выявившей ряд вопросов, позволивших организаторам планировать полноценное внедрение процедуры в практике к осени 2023 г.² Одной из особенностей данного мониторинга станет выборочный характер в отношении образовательных программ, что дает основания предполагать возможность применения принципов риск-ориентированного подхода³ при организации такого мониторинга. Здесь же нельзя не отметить, что предоставление государственной услуги по государственной аккредитации образовательной деятельности планируется полностью перевести к реестровой модели предоставления государственных услуг в 2023 г. — соответствующий законопроект рассматривается Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации⁴.

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 14 января 2022 г. № 3 «Об утверждении Положения о государственной аккредитации образовательной деятельности и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельного положения акта Правительства Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 4, ст. 634.

² См.: Рособрнадзор обсудил с представителями вузов подходы к проведению аккредитационного мониторинга // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки. Официальный сайт Рособрнадзора. URL: <https://obrnadzor.gov.ru/news/rosobrnadzor-obsudils-predstavitelnyami-vuzov-podhody-k-provedeniyu-akkreditatsionnogo-monitoringa/> (дата обращения: 10.12.2022).

³ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 17 августа 2016 г. № 806 «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 35, ст. 5326; 2021. № 13 (ч. II), ст. 2261.

⁴ См.: Законопроект № 149922-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (в части предоставления государственных услуг по государственной аккредитации образовательной деятельности и признанию образования и (или) квалификации, полученных в иностранном государстве, в электронном виде) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/149922-8> (дата обращения: 10.12.2022).

Подводя итог, следует отметить, что административная процедура аккредитации в сфере высшего образования находится в настоящее время в состоянии реформирования в части адаптации к формальным и содержательным изменениям общественных отношений в сфере реализации образовательной политики. Принципиальный же вопрос о соотношении государственной и общественной аккредитации в настоящий момент далек от решения по причине законодательных установлений, не позволяющих в должной мере раскрыть потенциал общественной аккредитации в оценке качества образования, результаты которой имеют большое значение как для профессионального сообщества и абитуриентов, так и для государственного регулятора. По этой причине можно смело утверждать, что следует пересмотреть подход к законодательному определению статуса общественной аккредитации с той точки зрения, чтобы ее результаты оказывают влияние как на результаты прохождения процедуры государственной аккредитации, так и на текущий контроль за деятельностью образовательных организаций.

Библиографический список

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
2. Гребнев Л., Попов В. Аккредитация и контроль качества образовательных программ в США // Высшее образование в России. 2005. № 2. С. 120–133.
3. Манюшис А.Ю. Независимая оценка качества образования: чего мы ждем от «регуляторной гильотины»? // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 2. С. 380–406.
4. Зорин А.Н. Нужна ли вузам «аккредитация»? Замечания о генезисе и последствиях аккредитационных процедур // Поволжский педагогический поиск. 2020. № 3 (33). С. 8–26.

References

1. The Big Legal Dictionary / ed. A.Ya. Sukharev. 3rd ed., add. and reworked. M., INFRA-M, 2007. 858 p.
2. Grebnev L., Popov V. Accreditation and Quality Control of Educational Programs in the USA // Higher Education in Russia. 2005. Vol. 2. P. 120–133.
3. Manyushis A.Yu. Independent Assessment of the Quality of Education: What Do We Expect from the “Regulatory Guillotine”? // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. 2020. Vol. 2. P. 380–406
4. Zorin A.N. Do Universities Need “Accreditation”? Remarks on the Genesis and Consequences of Accreditation Procedures // Volga Pedagogical Search. 2020. Vol. 3 (33). P. 8–26.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-99-110
УДК 342.951:351.82

Е.С. Архипова

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ*

Введение: одним из направлений, требующих изучения, является рассмотрение вопросов организации профилактической работы с несовершеннолетними, подвергшимися жестокому обращению. В настоящее время в законодательстве отсутствует единый нормативный акт, регламентирующий вопросы взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в указанной области, а также определение самого понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним», что, в свою очередь, вызывает терминологическую неопределенность на практике. **Цель:** исследование степени разработанности правового регулирования взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросу организации профилактической работы при выявлении случаев жестокого обращения с несовершеннолетними. **Методологическая основа:** представлена совокупностью общенаучных и частнонаучных (логико-юридический, сравнительно-правовой) методов познания. **Результаты:** проведен анализ действующего законодательства, регламентирующего совместную работу субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних при выявлении случаев жестокого обращения с детьми и оказание им помощи. **Выводы:** принятие на федеральном уровне понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним», разработка и принятие нормативного акта, регулирующего вопросы взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по вопросам организации профилактической работы с несовершеннолетними, при выявлении случаев жестокого обращения с ними, разработка типовой методики определения уровней риска при выявлении признаков жестокого обращения с несовершеннолетним, а также внедрение типового алгоритма действий субъектов системы профилактики, в зависимости

© Архипова Елена Сергеевна, 2022

Соискатель, преподаватель кафедры административного и муниципального права, заместитель руководителя Центра научно-методического обеспечения системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних Института законотворчества (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: arhipovaelena06@yandex.ru

© Arkhipova Elena Sergeevna, 2022

Lecturer of the Department of Administrative and Municipal Law, Deputy Head of the Center for Scientific and Methodological Support of the System of Prevention and Neglect of Minors of the Institute of Lawmaking (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00656.

от выявленного уровня риска жестокого обращения с несовершеннолетним в функционал единой автоматизированной информационной системы органов и учреждений системы профилактики позволят выработать единые подходы к проведению профилактической работы с указанной категорией несовершеннолетних, а также обеспечить последовательность и систематичность профилактических мероприятий.

Ключевые слова: *несовершеннолетние, жестокое обращение с несовершеннолетним, система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, взаимодействие органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, индивидуальная профилактическая работа.*

E.S. Arkhipova

MAIN DIRECTIONS OF INTERACTION BETWEEN THE SUBJECTS OF THE SYSTEM OF PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY IN THE PREVENTION OF ABUSE AGAINST MINORS

Background: *one of the areas to be studied is the consideration of issues of organization of preventive work with minors who have been subjected to ill-treatment. At present, the legislation lacks a unified normative act regulating the issues of interaction between the subjects of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency in this area, as well as the definition of the concept of «cruel treatment of a minor», which in turn causes terminological uncertainty in practice. Objective:* *study of the degree of development of legal regulation of interaction between agencies and institutions of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency on the issue of organization of preventive work in identifying cases of ill-treatment of minors. Methodology:* *is represented by a set of general scientific and particular scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of knowledge. Results:* *an analysis of the current legislation regulating the joint work of the subjects of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency in the detection of cases of cruelty to children and the provision of assistance to them was carried out. Conclusions:* *adoption at the federal level of the concept of “cruel treatment of minors”, the development and adoption of a normative act regulating the interaction of bodies and institutions of the system for the prevention of neglect and delinquency of minors on the organization of preventive work with minors, in identifying cases of cruel treatment of them, the development of a standard methodology for determining levels of risk when identifying signs of ill-treatment of a minor, as well as the introduction of a standard algorithm for the actions of subjects of the prevention system, depending on the identified level of risk of ill-treatment of a minor, into the functionality of a unified automated information system of bodies and institutions of the prevention system will allow developing common approaches to conducting preventive work with specified category of minors, as well as to ensure consistency and systematic preventive measures.*

Key-words: *minors, abuse of minors, the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency, interaction between agencies and institutions of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency, individual prevention work.*

Обеспечение комплексной безопасности детей, а также соблюдение прав и их законных интересов, в том числе их защищенность от жестокости и иных любых проявлений насилия законодательно урегулировано и является приоритетным направлением деятельности органов публичной власти, нашедшим отражение в программных документах и плановых мероприятиях, разработанных на период до 2027 года¹.

Как отмечают ученые, возникающие в настоящее время угрозы для развития ребенка как личности, не умеющего противостоять насилию, заставляет общественность и уполномоченные органы публичной власти определять пути, которые бы позволили создать условия безопасности для его жизни, обеспечить защиту его прав и социальную ориентацию в обществе [1, с. 152].

Статистические показатели² свидетельствуют о достаточно высоком уровне преступности среди несовершеннолетних и преступлений, совершенных в отношении них. В 2018 г. число преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних составило 96 150, в 2019 г. — 99 382, 2020 г. — 90 374, а в 2021 г. — 103 335. Число несовершеннолетних, признанных потерпевшими от преступных посягательств также имеет высокий показатель, например, в 2019 г. их число составляло 106 779, в 2019 г. — 107 571, в 2020 г. — 94 881, а в 2021 г. — 112 387.

Приведенные данные вызывают серьезную обеспокоенность ученых и практических работников, поэтому поиски решений повышения эффективности взаимодействия органов публичной власти и общественных организаций продолжает оставаться актуальным.

При постановке проблематики жестокого обращения с несовершеннолетними как предмета исследования возникает вопрос, связанный с тем, что в настоящее время в нормативно-правовых актах федерального уровня определение понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним» отсутствует, несмотря на то, что оно многократно упоминается в различных правовых актах³. Терминологическая неопределенность вызывает затруднения в применении данного определения на практике.

Так, Федеральный закон о системе профилактики⁴ (далее — Федеральный закон № 120-ФЗ) в ст. 1 содержит норму, согласно которой жестокое обращение с несовершеннолетним является одним из признаков семьи находящейся в социально опасном положении.

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 23 января 2021 № 122-р «Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года» (в ред. от 25 мая 2022 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.01.2021); Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 27.05.2022).

² См.: Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: www.gks.ru (дата обращения: 14.09.2022).

³ См., например: ст. 69 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 4 августа 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 16; 2022. № 29 (ч. III), ст. 5277; ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июля 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 24 сентября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2022. № 39, ст. 6535; ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; 2022. № 29 (ч. II), ст. 5229.

⁴ См.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; 2022. № 29 (ч. II), ст. 5229.

Признаки жестокого обращения определены в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44¹ (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ № 44), согласно подп. «г» п. 16 которого жестокое обращение с детьми может выражаться в осуществлении родителями физического или психического насилия над ними, в покушении на их половую неприкосновенность. Как показывает анализ регионального законодательства, указанный перечень признаков не является исчерпывающим. Региональные и территориальные (муниципальные) нормативные документы, регламентирующие вопросы работы субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (далее — система профилактики) по выявлению и профилактике жестокого обращения с несовершеннолетними дополняют перечень признаков такого обращения.

Так, например, в Саратовской области в принятом в 2022 г. Порядке взаимодействия органов и учреждений системы профилактики, под жестоким обращением с несовершеннолетним понимаются: «...действия или бездействия родителей, законных представителей, или лиц, обязанных осуществлять надзор за ними, которые включают в себя физическое или психическое насилие над ними или покушение на их половую неприкосновенность, либо пренебрежение удовлетворением их жизненно важных потребностей, а равно грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию, влекущие за собой причинение вреда физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию»².

В Пермском крае³, Республике Саха (Якутия)⁴, Кабардино-Балкарской Республике⁵ в нормативных актах, регламентирующих совместную работу орга-

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // Российская газета. 2017. 20 нояб.

² См.: Постановление межведомственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Саратовской области от 25 марта 2022 г. № 2/2 «Об утверждении Порядка взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по организации работы с семьями, находящимися в социально опасном положении, и несовершеннолетними, нуждающимися в профилактической работе». Официальный портал Правительства Саратовской области. URL: <https://saratov.gov.ru/gov/docs/poryadok-vzaimodeystviya-organov-i-uchrezhdeniy-sistemy-profilaktiki/> (дата обращения: 14.09.2022).

³ См.: Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пермского края от 11 ноября 2015 г. № 12 «Об утверждении новой редакции Механизма взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по выявлению случаев нарушения прав и законных интересов детей, в том числе фактов пренебрежения основными нуждами ребенка, оставления ребенка в опасности, жестокого обращения с детьми, и оказанию помощи семьям в вопросах защиты прав и законных интересов детей. Об утверждении порядка действий сотрудников органов и учреждений системы профилактики при обнаружении фактов нарушения прав и жестокого обращения с ребенком». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 октября 2014 г. № 354 «О Порядке оперативного реагирования и межведомственного взаимодействия при оказании экстренной помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения и насилия, их семьям, а также при их реабилитации и сопровождении» (вместе с «Порядком оперативного реагирования и межведомственного взаимодействия при оказании экстренной помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения и насилия, их семьям, а также при их реабилитации и сопровождении») (в ред. от 28 октября 2015 г.) // Якутские ведомости. 2014. № 56; 2015. № 40.

⁵ См.: Постановление Местной администрации Урванского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики от 30 ноября 2015 г. № 486 «О межведомственном взаимодействии по противодействию жестокому обращению и насилию в отношении детей и иных противоправных деяний, вовлечению их в совершение преступлений или антиобщественных действий» (вместе с «Порядком межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики

нов системы профилактики, при выявлении случаев жестокого обращения с ребенком отличительным, помимо указанных ранее признаков является то, что жестокость в обращении с ними может выражаться в применении приемов их воспитания недопустимых для общества.

Необходимо отметить, что в некоторых региональных нормативных документах, регламентирующих порядок работы субъектов системы профилактики (Иркутская область¹, Мурманская область², Кабардино-Балкарская Республика³) выделяют четыре формы жестокого обращения с ребенком: физическое, психическое, сексуальное насилие и пренебрежение его потребностями и нуждами. Учитывая то, что последняя форма жестокого обращения дополняет формы, которые содержатся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 44, следует отразить ее содержание. Под пренебрежением нуждами несовершеннолетнего понимается отсутствие должного обеспечения ребенка в пище, жилье, одежде, медицинской помощи, воспитании, образовании со стороны родителей или лиц, их заменяющих.

Следует предположить, что пренебрегая основными потребностями несовершеннолетнего, например, в обеспечении его полноценным питанием или медицинской помощью возможно нанесение существенного вреда его здоровью. Так, оставление грудного ребенка в неотапливаемом помещении в зимнее время года, может служить примером пренебрежения его основными нуждами и потребностями, свидетельствует о жестоком обращении с ним.

Определяя жестокое обращение только через такие признаки, как физическое, психическое и сексуальное насилие, — без должной правовой оценки остаются иные формы жестокого обращения с ребенком. Следует отменить, что иные формы жестокого обращения с несовершеннолетним по своему содержанию могут и не иметь насильственного характера, но, несмотря на это, могут причинять вред и быть общественно опасными для ребенка.

безнадзорности и правонарушений в Урванском муниципальном районе Кабардино-Балкарской Республики в случае выявления фактов насилия и (или) жестокого обращения с несовершеннолетними, совершения против них иных противоправных деяний») (в ред. от 4 августа 2021 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹ См.: Распоряжение заместителя председателя Правительства Иркутской области от 23 марта 2022 г. № 24-рзп «Об утверждении Положения о межведомственном взаимодействии по противодействию жестокому обращению, насилию в отношении несовершеннолетних и суицидальному поведению несовершеннолетних в Иркутской области и признании утратившим силу распоряжения заместителя председателя Правительства Иркутской области от 30 августа 2021 г. № 57-рзп» // Официальный интернет-портал правовой информации Иркутской области. URL: <http://www.ogirk.ru> (дата обращения: 12.11.2022).

² См.: Постановление Правительства Мурманской области от 20 мая 2022 г. № 386-ПП «Об утверждении порядка взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Мурманской области в случаях жестокого обращения с несовершеннолетними со стороны родителей (иных законных представителей), а также иных лиц, совместно проживающих с несовершеннолетним, совершения несовершеннолетними суицидальных попыток, а также в иных случаях, представляющих угрозу жизни и здоровью несовершеннолетних» // Электронный бюллетень Правительства Мурманской области. URL: <http://www.gov-murman.ru> (дата обращения: 12.11.2022).

³ См.: Постановление Местной администрации Урванского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики от 30 ноября 2015 года № 486 «О межведомственном взаимодействии по противодействию жестокому обращению и насилию в отношении детей и иных противоправных деяний, вовлечению их в совершения преступлений или антиобщественных действий» (вместе с «Порядком межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений в Урванском муниципальном районе Кабардино-Балкарской Республики в случае выявления фактов насилия и (или) жестокого обращения с несовершеннолетними, совершения против них иных противоправных деяний») (в ред. от 4 августа 2021 года). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Единого подхода к определению рассматриваемого понятия в отечественной науке не сложилось, несмотря на то, что вопрос о необходимости его законодательного закрепления поднимался учеными [2, с. 233; 3, с. 93; 4, с. 251; 5, с. 38] неоднократно.

Можно отметить различные позиции авторов относительно содержания рассматриваемого термина. Так, например, А.П. Дьяченко и Е.И. Цымбал [6, с. 75] считают, что «жестокое обращение» применяется как обобщающее понятие, включающее в себя все формы насилия: физическое, сексуальное и психическое.

Согласно позиции других авторов, жестокое обращение с несовершеннолетним не ограничивается только физическим, психическим и сексуальным насилием и включает в себя, например:

применение к ребенку недопустимых способов воспитания (Ю.В. Свиридова, В.Ф. Белов и Ю.И. Плахотнюк) [7, с. 31; 8, с. 57; 9, с. 252];

пренебрежение его основными интересами и нуждами (О.В. Пристанская) [10, с. 24];

эксплуатацию несовершеннолетнего (А.А. Гордейчик) [11, с. 12];

причинение любого вида вреда со стороны родителей (А.В. Очирова) [13, с. 97];

оскорбление и унижение ребенка (Ю.А. Западнова) [14, с. 75; 15 с. 70];

любые действия родителей, повлекшие наступление общественно опасных последствий для жизни и здоровья, физического, психического или нравственного развития ребенка (Н.В. Коваль) [12, с. 21].

Таким образом, видится необходимым законодательное закрепление понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним». Предлагается следующее определение рассматриваемого понятия: «Под жестоким обращением с несовершеннолетними понимаются действия или бездействие родителей (законных представителей), иных лиц, выражающееся в форме физического или психического насилия либо в покушении на половую неприкосновенность несовершеннолетнего, либо в пренебрежении основными потребностями и нуждами несовершеннолетнего, а равно их действия или бездействие, которые повлекли за собой влекущие наступление последствий в виде создания опасности для жизни и здоровья, физического, психического или нравственного развития несовершеннолетнего».

Особое внимание следует уделить отсутствию в настоящее время на федеральном уровне норм, детально регламентирующих совместную работу субъектов системы профилактики при выявлении признаков жесткого обращения с несовершеннолетним и проведении с ними профилактической работы.

Ряд ученых [16, с. 2; 17, с. 23] неоднократно указывали на отсутствие специального закона о предотвращении жестокого обращения с детьми и о крайне фрагментированном характере существующего законодательства в данной сфере.

Как справедливо отмечают В.А. Мищенко и А.Д. Устьянцева [18, с. 55] при оказании помощи детям, которые пострадали от жестокого обращения, важной задачей является организация совместной работы субъектов системы профилактики.

Так, согласно п. 2 ст. 5 Федерального закона № 120-ФЗ¹ субъекты системы профилактики, за исключением следственных изоляторов уголовно-испол-

¹ См.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; 2022, № 29 (ч. II), ст. 5229.

нительной системы и воспитательных колоний, проводят профилактическую работу в отношении родителей (законных представителей) несовершеннолетних, которые жестоко обращаются с ними.

Минпросвещения России (до 2018 г. — Минобрнауки России) в субъекты РФ неоднократно направляли письма, имеющие рекомендательный характер и содержащие положения, направленные на организацию общей работы различных органов и учреждений по профилактике жестокого обращения в отношении несовершеннолетних¹.

Несмотря на это, проведенный анализ федерального законодательства показал отсутствие в них положений, детально регламентирующих порядок работы субъектов системы профилактики при выявлении случаев жестокого обращения с детьми и оказание им помощи.

Анализируя региональные и территориальные (муниципальные) порядки, регулирующие вопросы взаимодействия субъектов системы профилактики по предупреждению и предотвращению жестокого обращения с несовершеннолетними и оказанию им помощи была выявлена особенность, согласно которой соответствующие органы и учреждения системы профилактики при выявлении случаев жестокого обращения с несовершеннолетними в некоторых субъектах РФ проводят оценку уровня риска жестокого обращения с ними.

Так, в Пермском крае, в соответствии с постановлением комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав² (далее — Комиссия) при выявлении признаков жестокого обращения специалисты соответствующих органов и учреждений системы профилактики при проверке информации о нарушении прав ребенка проводят первичное обследование условий его жизни в целях проведения оценки риска жестокого обращения с ним, по результатам которого заполняют акт согласно установленной форме, после чего направляют его в Комиссию для определения степени нуждаемости его в государственной защите и принятия постановления об нарушении его прав. Этим актом предусмотрено определение одного из трех уровней риска (высокий, умеренный, низкий) в зависимости от ряда факторов, среди них: возраст ребенка, особенности развития его личности, особенности полученных травм, особенности поведения родителей, свидетельствующие о возможности насилия, бытовые условия, непосредственное окружения ребенка и т.д.

¹ См.: Письмо Минобрнауки РФ от 10 марта 2009 г. № 06-224 «Об организации в субъектах Российской Федерации работы по профилактике жестокого обращения с детьми» (вместе с «Рекомендациями об организации в субъектах Российской Федерации работы по профилактике жестокого обращения с детьми») // Вестник образования. 2009. № 12; Письмо Минобрнауки России от 1 декабря 2015 г. № ВК-2969/07 «О направлении методических рекомендаций» (вместе с «Методическими рекомендациями о порядке признания несовершеннолетних и семей находящимися в социально опасном положении и организации с ними индивидуальной профилактической работы») // Администратор образования. 2016. № 2; Письмо Минпросвещения России № 07-6607, МВД России № 12/5351, Минобрнауки России № МН-11/1548 от 2 ноября 2020 г. «О межведомственном взаимодействии» (вместе с «Рекомендациями об организации межведомственного взаимодействия и обмена информацией между образовательными организациями и органами внутренних дел о несовершеннолетних, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа, а также о выявленных несовершеннолетних «группы риска») // Официальные документы в образовании. 2021. № 8 и др.

² См.: Постановление Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Пермского края от 11 ноября 2015 г. № 12 «Об утверждении новой редакции Механизма взаимодействия субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по выявлению случаев нарушения прав и законных интересов детей, в том числе фактов пренебрежения основными нуждами ребенка, оставления ребенка в опасности, жестокого обращения с детьми, и оказанию помощи семьям в вопросах защиты прав и законных интересов детей. Об утверждении порядка действий сотрудников органов и учреждений системы профилактики при обнаружении фактов нарушения прав и жестокого обращения с ребенком». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Определение уровня риска жестокого обращения с несовершеннолетними предусмотрено также порядком, регламентирующим вопросы межведомственного взаимодействия при выявлении случаев жестокого обращения с несовершеннолетними в Амурской области¹, в соответствии с которым (с целью определения нуждаемости в государственной защите) проводится оценка факторов, способствующих возникновению жестокого обращения с ребенком в семье. Для проведения данной оценки заполняется документ в соответствии с установленной формой, который впоследствии используется при разработке рекомендации для органа, уполномоченного принимать меры по защите прав и законных интересов ребенка.

Аналогичная оценка риска жестокого обращения с несовершеннолетними проводится органами и учреждениями системы профилактики в Ямало-Ненецком автономном округе². Результаты такой оценки анализируются Комиссией при принятии решения о рассмотрении случая нарушения прав и законных интересов ребенка либо об отсутствии оснований для его рассмотрения.

Так, например, при выявлении низкого уровня риска жестокого обращения с ребенком Комиссия рекомендует родителям (законным представителям) ребенка обратиться за консультацией к специалистам системы профилактики, и не регистрирует данный случай нарушения прав и законных интересов ребенка. При выявлении умеренного или высокого риска Комиссия принимает постановление об открытии случая нарушения прав и законных интересов ребенка и поручает соответствующим органам или учреждениям разработку плана реабилитации ребенка и семьи.

В муниципальных документах, регламентирующих порядок совместной работы субъектов системы профилактики, применен аналогичный подход классификации уровней жестокого обращения с ребенком³. При этом алгоритм их действий дифференцирован в зависимости от выявленного уровня жестокого обращения.

Так, например, при минимальном уровне жестокого обращения работник образовательного учреждения осуществляет выход в семью ребенка с целью

¹ См.: Постановление Администрации города Белогорска от 19 октября 2016 г. № 1651 «О внедрении и реализации технологии раннего выявления детей, нуждающихся в государственной защите, и устранения причин нарушения их прав и законных интересов» (вместе с «Перечнем пилотных площадок по внедрению технологии раннего выявления детей, нуждающихся в государственной защите, и устранения причин нарушения их прав и законных интересов», «Порядком взаимодействия по внедрению и реализации технологии раннего выявления детей, нуждающихся в государственной защите, и устранения причин нарушения их прав и законных интересов») // Белогорский вестник. 2016. № 42.

² См.: Постановление Правительства Ямало-Ненецкого автономного округа от 6 октября 2021 г. № 876-П «Об организации межведомственного взаимодействия при осуществлении деятельности по раннему выявлению случаев нарушения прав и законных интересов детей и оказанию помощи семьям в вопросах защиты прав и законных интересов детей» (вместе с «Типовым порядком осуществления деятельности по раннему выявлению случаев нарушения прав и законных интересов детей и оказанию помощи семьям в вопросах защиты прав и законных интересов детей») // Официальный сайт Правительства автономного округа в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». URL: www.yanao.ru. (дата обращения: 12.12.2021).

³ См.: Постановление Местной администрации Урванского муниципального района Кабардино-Балкарской Республики от 30 ноября 2015 г. № 486 «О межведомственном взаимодействии по противодействию жестокому обращению и насилию в отношении детей и иных противоправных деяний, вовлечению их в совершения преступлений или антиобщественных действий» (вместе с «Порядком межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений в Урванском муниципальном районе Кабардино-Балкарской Республики в случае выявления фактов насилия и (или) жестокого обращения с несовершеннолетними, совершения против них иных противоправных деяний») (в ред. от 4 августа 2021 г.). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

изучения условий его проживания, проведения с ним беседы и уведомления родителей о его поведении в образовательном учреждении. При умеренном или высоком уровнях жестокого обращения он осуществляет организацию осмотра ребенка медицинским работником для фиксации следов побоев и других форм физического насилия, а в случае возникновения непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка — принимает меры по обеспечению его безопасности.

Проведенный анализ региональных и территориальных (муниципальных) нормативных актов показал, что выявление уровня риска жестокого обращения с ребенком выступает в качестве риск-ориентированного подхода к организации профилактической работы. Данный подход позволяет Комиссии как координатору и другим субъектам системы профилактики обосновано расставлять приоритеты в оказании помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения, а в некоторых регионах от выявленного уровня риска жестокого обращения зависит алгоритм действий соответствующих органов и учреждений системы профилактики при работе с несовершеннолетним.

Видится возможной разработка с учетом сложившейся региональной практики типовой методики определения уровней риска в случае жестокого обращения с ребенком, и дифференциация алгоритмов взаимодействия субъектов системы профилактики в зависимости от выявленного уровня. Возможно внедрение алгоритма действий субъектов системы профилактики в зависимости от выявленного уровня риска жестокого обращения с несовершеннолетним в функционал единой автоматизированной информационной системы органов и учреждений системы профилактики (далее — ЕАИС), о целесообразности создания которой неоднократно говорили ученые [19, с. 108; 20, с. 5].

Необходимо отметить, что ЕАИС предназначена для повышения эффективности межведомственного взаимодействия, автоматизации контроля над выполнением решений Комиссий, обеспечения оперативного обмена информацией, а как следствие экономии времени на выполнении однообразных операций и высвобождении времени для оказания помощи ребенку с учетом индивидуального подхода к каждому [21, с. 110].

Так, учитывая региональный опыт по определению уровня риска предлагается при внедрении ЕАИС в деятельность субъектов системы профилактики рассмотреть возможность генерирования типового алгоритма действий субъектов системы профилактики в зависимости от выявленного уровня риска жестокого обращения с несовершеннолетним. Предполагается, что при получении уведомления в ЕАИС соответствующий орган системы профилактики будет иметь возможность оперативного оповещения и своевременного реагирования при осуществлении соответствующих алгоритму действий по оказанию помощи несовершеннолетнему, который пострадал от жестокого обращения.

Таким образом, внедрение алгоритма взаимодействия субъектов системы профилактики в зависимости от уровней риска жестокого обращения с несовершеннолетним в функциональную структуру ЕАИС может оказать весомую практическую помощь в деятельности Комиссий и иных субъектов системы профилактики, а методическое обеспечение и системный подход при реализации профилактической работы с несовершеннолетними, пострадавшими от жестокого обращения, будет способствовать предотвращению подобных проблемных ситуаций. Только при наличии согласованного со всеми субъектами профилактики механизма взаимодействия, их совместная работа по предупреждению и предотвращению жестокого обращения с несовершеннолетними будет эффективной.

Библиографический список

1. *Бареева И.А., Васин С.М., Сугрובה Г.А.* Проблема жестокого обращения с детьми и возможности ее разрешения в сфере межведомственного взаимодействия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2014. № 3 (31). С. 151–162.
2. *Бикеев И.И., Ибрагимов З.Х.* О трактовке жестокого обращения с несовершеннолетними и его формах // Russian Journal of Economics and Law. 2011. № 1 (17). С. 232–236.
3. *Галкин Д.В.* Жестокое обращение: проблемы толкования и доказывания // Lex russica (Русский закон). 2016. № 4. С. 88–94.
4. *Плахотнюк Ю.И.* Проблемы определения жестокого обращения с детьми в семье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 1 (57). С. 251–254.
5. *Смык Ю.В.* Определение понятия «жестокое обращение с детьми в семье»: ценностный контекст // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 6 (159). С. 38–42.
6. *Дьяченко А.П., Цымбал Е.И.* Актуальные проблемы защиты детей от жестокого обращения в современной России // Уголовное право. 1999. № 4.
7. *Свиридова Ю.В.* Защита детей // Вопросы ювенальной юстиции. 2006. № 1. С. 30–32.
8. *Белов В.Ф.* Преступления против семьи и несовершеннолетних в аспектах de lege lata и de lege ferenda. М.: Русаки. 2002. С. 57.
9. *Плахотнюк Ю.И.* Проблемы определения жестокого обращения с детьми в семье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. Т. 1. № 1 (57). С. 251–254.
10. *Пристанская О.В.* Законодательное регулирование защиты детей от семейного насилия // Межведомственное взаимодействие и социальное партнерство по защите детей, пострадавших от семейного насилия / под ред. Н.И. Абубикировой, А.А. Каревой, Е.А. Потаповой. М.: ООО «Недра-Бизнесцентр». 2003. С. 24–25.
11. *Гордейчик А.А.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями против семьи и несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харабовск, 2008. С. 12.
12. *Коваль Н.В.* К вопросу о необходимости определения понятия «жестокое обращение с ребенком» // Национальный психологический журнал. 2015. № 1 (17). С. 16–25.
13. *Очирова А.В.* Жестокое обращение с детьми в семье: к проблеме определения понятий // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2003. № 4. С. 91–99.
14. *Западнава Ю.А.* Жестокое обращение с детьми и формы его проявления: вопросы квалификации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 1 (69). С. 74–78.
15. *Западнава Ю.А.* К вопросу о межведомственном взаимодействии субъектов профилактики при выявлении фактов жестокого обращения с детьми и детей, находящихся в социально опасном положении // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2017. № 15–2. С. 70–72.
16. *Волкова Е.Н.* Насилие и жестокое обращение с детьми: основные направления научных исследований // Вестник Минского университета. 2013. № 1 (1). С. 1–3.
17. *Ерохина Е.В., Филиппова Е.О.* Проблемы жестокого обращения с детьми // Российская юстиция. 2021. № 3. С. 23–25.
18. *Мищенко В.А., Устьянцева А.Д.* Социальная защита детей от жестокого обращения в семье: проблемы и пути решения // Вестник Югорского государственного университета. 2015. № 1 (36). С. 53–59.

19. *Ильгова Е.В., Зайкова С.Н.* Функциональная структура автоматизированной информационной системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2021. № 5 (142). С. 104–113.

20. *Ковалева Н.Н.* Классификация данных, размещаемых в федеральных государственных информационных системах субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 3. С. 3–10.

21. *Чауская О.А., Кузнецова И.О.* Актуальные аспекты процесса информатизации деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 108–117.

References

1. *Bareeva I.A., Vasin S.M., Sugrobova G.A.* The Problem of Child Abuse and the Possibility of Its Resolution in the Sphere of Interagency Cooperation // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2014. No. 3 (31). P. 151–162.

2. *Bikeev I.I., Ibragimov Z.H.* On the Interpretation of Ill-Treatment of Minors and Its Forms // Russian Journal of Economics and Law. 2011. No. 1 (17). P. 232–236.

3. *Galkin D.V.* Abuse: Problems of Interpretation and Proof // Lex russica (Russian law). 2016. No. 4. P. 88–94.

4. *Plakhotnyuk Y.I.* Problems of Defining Child Abuse in the Family // Bulletin of Kemerovo State University. 2014. V. 1. No. 1 (57). P. 251–254.

5. *Smyk Y.V.* Definition of the Concept of “Child Abuse in the Family”: Value Context // Bulletin of Tomsk State Pedagogical University. 2015. No. 6 (159). P. 38–42.

6. The Actual Problems of Protecting Children from Cruel Treatment in Modern Russia // Criminal Law. 1999. No. 4.

7. *Sviridova Y.V.* Protection of Children // Questions of juvenile justice. 2006. No. 1. P. 30–32.

8. *Belov V.F.* Crimes Against the Family and Minors in Spectes de Lege Lata and de Lege Ferenda. Moscow: Rusaky, 2002. P. 57.

9. *Plakhotnyuk Y.I.* Problems of Determining Child Abuse in the Family // Vestnik of Kemerovo State University. 2014. V. 1. No. 1 (57). P. 251–254.

10. *Pristanskaya O.V.* Legislative Regulation of the Protection of Children from Family Violence, Inter-Agency Cooperation and Social Partnership to Protect Children Who Suffered from Family Violence, ed. by N.I. Abubikirova, A.A. Kareva, E.A. Potapova. M.: OOO Nedra Business Centre, 2003. P. 24–25.

11. *Gordeichik A.A.* Criminal-Legal and Criminological Problems of Combating Crimes Against the Family and Minors. Extended abstract ... diss. cand. of law. Khabarovsk, 2008. P. 12.

12. *Koval N.V.* To the Question on Necessity of Definition of the Concept “Cruel Treatment of the Child” // National psychological journal. 2015. No. 1 (17). P. 16–25.

13. *Ochirova A.V.* Child Abuse in the Family: to the Problem of Defining Concepts // Bulletin of Saint Petersburg University. Political Science. International relations. 2003. No. 4. P. 91–99.

14. *Zapadnova Y.A.* Child Abuse and Forms of Its Manifestation: Issues of Qualification // Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 1 (69). P. 74–78.

15. *Zapadnova Y.A.* On the Issue of Inter-Agency Cooperation of Subjects of Prevention in Revealing the Facts of Child Abuse and Children in a Socially Dangerous Situation // Actual Problems of Combating Crimes and Other Offences. 2017. No. 15–2. P. 70–72.

16. *Volkova E.N.* Violence and Child Abuse: the Main Directions of Scientific Research // Bulletin of Minsk University. 2013. No. 1 (1). P. 1–3.
17. *Erokhina E.V., Filippova E.O.* Problems of Child Abuse // Russian Justice. 2021. No 3. P. 23–25.
18. *Mishchenko V.A., Ustyantseva A.D.* Social Protection of Children from Maltreatment in the Family: Problems and Solutions // Bulletin of Yugorsky State University. 2015. No. 1 (36). P. 53–59.
19. *Ilgova E.V., Zaikova S.N.* Functional Structure of the Automated Information System for Prevention of Child Neglect and Juvenile Delinquency in the Russian Federation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2021. No. 5 (142). P. 104–113.
20. *Kovaleva N.N.* Classification of the Data Placed in the Federal State Information Systems of Subjects of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency // Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2021. No. 3. P. 3–10.
21. *Chauskaya O.A., Kuznetsova I.O.* Actual Aspects of the Process of Informatization of Bodies and Institutions of the System of Prevention of Neglect and Juvenile Delinquency // Legal Policy and Legal Life. 2020. No. 4. P. 108–117.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-111-116
УДК 342.737

О.Ю. Ситкова

ПРАВО НА ЖИЛИЩЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА РЕБЕНКА НА ЗАЩИТУ И ЗАБОТУ, НЕОБХОДИМЫЕ ДЛЯ ЕГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

***Введение:** в настоящее время вопрос об обеспечении детей достойным жильем стоит крайне остро в России, особенно это касается детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Государство, приняв на себя международные обязательства по предоставлению детям гарантий владения жилищем и имплементировав положения международных актов в этой сфере в национальное право, должно обеспечить детям достойное существование. В связи с этим важным является вопрос о содержании права на жилище, определении предела государственных обязательств по обеспечению жильем детей. **Цель:** анализ международных актов, содержащих гарантии права ребенка на жилище в совокупности с анализом правовых позиций международных судов по вопросам нарушения этого права. **Методологическая основа:** были использованы общенаучный диалектический метод познания, а также методы индуктивной и дедуктивной логики, обобщения опыта правоприменения. **Результаты:** сформулированы выводы о правовой сущности и содержании права ребенка на жилище, содержании обязательств государства по обеспечению детей достойным жильем. **Выводы:** государство выполняет свои обязательства по реализации права ребенка на достойное жилье в случае, когда создает условия для родителей, при которых последние в состоянии обеспечивать детям адекватный уровень жизни, включая обеспеченность достойным жильем.*

***Ключевые слова:** ребенок, дети, право на жилище, гарантии, содержание права на достойное жилье, обязательства государства по обеспечению жильем.*

O.Yu. Sitkova

THE RIGHT TO HOUSING IN THE CONTEXT OF THE CHILD'S RIGHT TO PROTECTION AND CARE NECESSARY FOR HIS OR HER WELL-BEING

***Background:** the issue of providing children with decent housing is extremely acute in Russia today, especially for orphans and children left without parental care. The state, having assumed international obligations to provide children with guarantees of home*

© Ситкова Ольга Юрьевна, 2022
Кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: olga.sitkova@mail.ru
© Sitkova Olga Yurievna, 2022
Candidate of Law, Professor of the International Law Department (Saratov State Law Academy)

ownership and having implemented the provisions of international acts in this sphere in national law, must provide children with a dignified existence. In this connection, the issue of the content of the right to housing and the determination of the limits of state obligations to provide children with housing is an important one. Objective: analysis of international instruments containing guarantees of the right of the child to housing in conjunction with an analysis of the legal positions of international courts on the violation of this right. Methodology: general scientific dialectical method of knowledge, as well as methods of inductive and deductive logic, generalization of law enforcement experience were used. Results: conclusions on the legal essence and content of the right of the child to housing, the content of the state's obligations to provide children with decent housing were formulated. Conclusions: the state fulfills its obligation to realize the right of the child to decent housing when it creates conditions for parents that enable them to provide their children with an adequate standard of living, including adequate housing.

Key-words: *child, children, the right to housing, guarantees, the content of the right to decent housing, the obligations of the state to provide housing.*

Право на жилище является одним из важнейших социально-экономических прав человека, т.к. обладание достойным жильем является основой жизнедеятельности гражданина на протяжении всей его жизни. Право на жилище наделяет его обладателя возможностью иметь жилище на правомерном основании, пользоваться и распоряжаться им в рамках, предоставленных ему национальным законом полномочий [1, с. 18]. Лишь при эффективной реализации этого права возможно улучшение демографической ситуации в стране. Реализацию права на жилище также стоит рассматривать в качестве охранительной меры интересов семьи, материнства и детства.

Право на жилище гарантировано Всеобщей декларацией прав человека¹ в ст. 25. Право на жилище, определяющее достойный уровень жизни каждого человека, гарантировано ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах², наряду с правом на достаточное питание, одежду и непрерывное улучшение условий жизни. Европейская социальная хартия³ устанавливает право на жилище в качестве одного из принципов.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — КЗПР)⁴ в соответствии со ст. 8 за каждым признает право на жилище, наряду с такими правами, как право на личную и семейную жизнь, право на корреспонденцию и пр. Конструкция данной нормы позволяет говорить о том, что КЗПР не гарантирует право каждого человека получить жилье, а указывает на недопустимость лишения граждан права на жилье, приобретенное законным способом. Также провозглашается идея о недопустимости вмешательства со стороны властей в реализацию лицом своего права на жилище. Исключение сделано для особых

¹ См.: Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 13.06.2022).

² См.: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 13.06.2022).

³ См.: Европейская Социальная Хартия (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.). URL: <https://www.coe.int/ru/web/moscow/evropejskaa-social-naa-hartia> (дата обращения: 13.06.2022).

⁴ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013). URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf (дата обращения: 13.06.2022).

случаев, предусмотренных законом. Так, рассматривая дело Баретто против Португалии, Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) не усмотрел необоснованности в действиях португальских судов, поскольку в соответствии с португальским законодательством расторжение договора найма жилого дома, заключенного между собственником и нанимателем, допускается в том случае, когда такой дом необходим самому собственнику для проживания¹.

Важно отметить, что и на сегодняшний день ЕСПЧ право на жилище, признаваемое в КЗПР, толкует в контексте уважения права на жилище, но не как «право получить» жилище, поясняя свои позицию тем, что КЗПР не гарантирует социально-экономические права [2, р. 35]. Такое понимание права на жилище обосновывается в ряде решений ЕСПЧ². Обосновывая свою позицию, суд указал, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод не гарантирует социально-экономические права, в том числе и право на бесплатное жилище и что КЗПР не предоставляет право на обеспечение жильем.

В деле Мардзари против Италии ЕСПЧ отступил от обозначенной позиции, однако в качестве обстоятельств, позволивших это сделать, был назван «отказ властей оказать помощь в обеспечении соответствующим жилищем лица, которое страдает тяжелой болезнью, если такой отказ серьезно затрагивает частную жизнь данного лица»³. Стоит обратить внимание на то, что подобные случаи являются редким исключением в практике ЕСПЧ.

Вопрос о содержании права на жилище поднимался Комитетом ООН по экономическим, социальным и культурным правам, в рамках которого в 1991 г. разработаны Замечания общего порядка № 4, посвященные праву на достаточное жилище. По мнению экспертов Комитета, право на жилище должно рассматриваться с учетом таких аспектов, как «...безопасность проживания и достаточность жилья, как право жить, где бы то ни было, в безопасности, мире и с достоинством, гарантированных правовым обеспечением проживания; наличием услуг, материалов, возможностей и инфраструктуры; доступностью с точки зрения расходов; пригодностью для проживания; доступностью; местонахождением; адекватностью с точки зрения культуры»⁴.

По мнению Комитета, основное содержание права на достаточное жилище включает следующие элементы:

а) гарантия владения жильем: гарантия владения жильем является краеугольным камнем права на достаточное жилище. Гарантированное владение недвижимостью защищает людей от произвольного выселения, преследований и других угроз. В большинстве неформальных поселений и общин отсутствуют правовые гарантии владения жильем, и миллионы людей в настоящее время живут в домах без надлежащей надежной защиты владения. Гарантия владения недвижимостью — ключевой вопрос для всех жителей, особенно для женщин.

¹ См.: *Velosa Barreto v. Portugal*. Decision of 21 novembre 1995. URL: <https://www.echr.coe.int> (дата обращения: 13.06.2022).

² См.: *Pancenko v. Latvia*. Decision of 28 October 1999. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-4912%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-4912%22]%7D); *Chapman v. The United Kingdom*. Decision of 18 January 2001. URL: <https://www.srji.org/resources/search/22/>; *Chapman v. The United Kingdom*. Decision of 18 January 2001. URL: <https://www.srji.org/resources/search/22/> (дата обращения: 13.06.2022).

³ *Marzari v. Italy*. Decision of 4 May 1999. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-22827%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-22827%22]%7D) (дата обращения: 13.06.2022).

⁴ См.: Замечания общего порядка № 4 — Право на достаточное жилище (п. 1 ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах). URL: https://ichrtj.org/sites/default/files/zamechanie_obshchego_poryadka_no_4.pdf (дата обращения: 13.06.2022).

К особенно уязвимым женщинам относятся те, кто подвергается домашнему насилию и вынуждены бежать из своих домов, а также женщины, которые не имеют права собственности на свои дома или земельные участки и поэтому могут быть легко удалены, особенно при расторжении брака или смерти супруга;

б) доступность: принцип доступности означает, что сумма, которую человек или семья платит за свое жилье, не должна быть настолько высокой, чтобы угрожать или ставить под угрозу достижение и удовлетворение других основных потребностей. В развитых странах людям и семьям, живущим в бедности, становится все труднее найти доступное адекватное жилье. Во многих развитых странах, когда арендное жилье недоступно по цене арендаторам, гарантии владения жильем оказываются под угрозой, поскольку эти люди могут быть выселены на законных основаниях за неуплату арендной платы;

в) пригодность: чтобы жилье считалось адекватным, оно должно быть пригодным для проживания. Гражданин должно быть предоставлено достаточное пространство и защита от холода, сырости, жары, дождя, ветра и других угроз для здоровья;

г) доступность: жилье должно быть доступным для всех. Обездоленным группам, таким как пожилые люди, люди с физическими и умственными недостатками, ВИЧ-инфицированные, жертвы стихийных бедствий, дети и другие группы, следует обеспечить определенную степень приоритетности в вопросах жилья;

д) местоположение: для того, чтобы жилье было адекватным, оно должно быть расположено таким образом, чтобы обеспечить доступ к работе, медицинскому обслуживанию, школам, центрам по уходу за детьми и другим социальным объектам. Его нельзя размещать на загрязненных территориях;

е) культурная адекватность: право на достаточное жилище включает право проживать в жилище, которое считается адекватным в культурном отношении. Это означает, что жилищные программы и политика государства должны полностью учитывать культурные особенности жилья, которые позволяют выражать культурную самобытность и признают культурное разнообразие населения мира¹.

Что касается актов, непосредственно касающихся прав ребенка, то здесь, безусловно, заслуживает внимания Конвенция о правах ребенка² (далее — КПР) участники признают право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка. Государства-участники в соответствии с национальными условиями и в пределах своих возможностей принимают необходимые меры по оказанию помощи родителям и другим лицам, воспитывающим детей, в осуществлении этого права и, в случае необходимости, оказывают материальную помощь и поддерживают программы, особенно в отношении обеспечения питанием, одеждой и жильем. Таким образом, обязанность по содержанию несовершеннолетних по смыслу КПР, возложено на их родителей. Именно родители, в первую очередь, обязаны предоставлять детям средства на содержание, включая обеспечение достойным жильем³.

¹ See: The right to an adequate standard of living. URL: <https://www.humanrights.is/en/human-rights-education-project/human-rights-concepts-ideas-and-fora/substantive-human-rights/the-right-to-an-adequate-standard-of-living> (дата обращения: 18.06.2022).

² См.: Конвенция о правах ребенка (принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 г.). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 18.06.2022).

³ См.: Жуков В.И. Концепция ювенального права современной России. М.: Изд-во РГСУ, 2015. URL: <https://pravo.studio/pravo-rossii-yuvenalnoe/pravo-dostoynuyu-jizn-74402.html> (дата обращения: 10.06.2022).

Отмечается, что право ребенка на достаточный уровень жизни в соответствии с КПП находится в стадии разработки. Несмотря на широкий спектр элементов, охватываемых ст. 27 КПП, включая питание, одежду, жилье, государственную помощь и программы, а также поддержку детей, и их центральное значение для выживания и развития детей, это положение широко и последовательно не применялось¹ Комитетом по правам ребенка в своей работе. Право на достаточный уровень жизни также не получило такого уровня научного внимания, как другие экономические и социальные права (право на наивысший достижимый уровень здоровья и право на образование). В качестве положительного момента стоит отметить, что в последние несколько лет ст. 27 КПП стала чаще упоминаться в связи с тем, что Комитет по правам ребенка стал уделять больше внимания этому положению в заключительных замечаниях и тематических вопросах, рассматриваемых в Замечаниях общего порядка, особенно в контексте рассмотрения детской бедности.

Анализ положений КПП позволяет ответить на вопрос об объеме обязательств государства в отношении гарантий права ребенка на обладание жильем. Статья 27 КПП закрепляет право ребенка на уровень жизни, достаточный для его или ее физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития. Также в статье предусматривается, что родители или другие лица, ответственные за ребенка, несут основную ответственность за обеспечение в пределах своих способностей и финансовых возможностей условий жизни, необходимых для развития ребенка. Указывается, что государства-участники, в соответствии с национальными условиями и в пределах своих возможностей, принимают соответствующие меры, чтобы помочь родителям и другим лицам, ответственным за ребенка, реализовать это право и в случае необходимости предоставляют материальную помощь и поддержку, особенно в отношении питания, одежды и жилья.

Как и в случае с другими экономическими, социальными и культурными правами, закрепленными в КПП, государства-участники обязаны принимать все соответствующие законодательные, административные и другие меры для реализации права на достаточный жизненный уровень в максимальных пределах, имеющихся у них ресурсов и, где необходимо, в рамках международного сотрудничества. Аналогичная обязанность возложена на государства Африканской хартией прав и благосостояния ребенка² (ACRWC), которая обязывает государства принимать в соответствии со своими средствами (возможностями) и национальными условиями все необходимые меры для оказания помощи родителям и другим лицам, ответственным за ребенка, и в случае необходимости предоставлять материальную помощь и программы поддержки, особенно в отношении... жилья (ст. 20 (2) (ACRWC)).

Формулировка ст. 27 (2) КПП ясно дает понять, что основная обязанность по обеспечению права детей на достаточный уровень жизни, включая жилище, лежит на родителях, а государство играет дополнительную роль. Таким образом,

¹ См.: Nolan A. The Right to a Standard of Living Adequate for the Child's Development / in the UN Convention on the Rights of the Child: A Commentary. New York: Oxford University Press, 2018. P. 1021–1054. URL: <https://ssrn.com/abstract=3373165> (дата обращения: 14.06.2022).

² См.: Африканская хартия прав и благосостояния ребенка (принята Организацией африканского единства (ОАЕ) в 1990 г.). URL: https://ru.abcdef.wiki/wiki/African_Charter_on_the_Rights_and_Welfare_of_the_Child (дата обращения: 18.06.2022).

можно утверждать, что когда государство позволяет родителям обеспечивать детям адекватный уровень жизни, среди прочего, гарантируя владение жильем, тогда оно выполнило свои обязательства по реализации прав, установленных в ст. 27 КПР. В дополнение к своим обязательствам по ст. 27, государства-участники КПР обязаны обеспечивать в максимально возможной степени выживание и развитие ребенка (ст. 6 (2)). Термин «развитие» в этом контексте не следует толковать в узком смысле. В Замечании общего порядка № 5¹ Комитет заявил, что он: «... ожидает, что государства будут интерпретировать «развитие» в самом широком смысле как целостную концепцию, охватывающую физическое, умственное, духовное, моральное, психологическое и социальное развитие ребенка» (п. 12). Эта обязанность включает обеспечение гарантий владения жильем там, где это необходимо для обеспечения такого выживания и развития. Эта обязанность является немедленной и в отличие от права на достаточный уровень жизни, прямо не зависит от имеющихся ресурсов.

Гарантия владения жильем — это не просто важнейший аспект права ребенка на достойное жилище. Эта гарантия является предпосылкой для целого ряда других прав, не связанных с жильем. При отсутствии жилья дети рискуют пострадать от нарушения прав на их физическую неприкосновенность, свободу от эксплуатации, свободу от пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или жестокого обращения, неприкосновенность частной жизни. В долгосрочной перспективе людям, нуждающимся в жилье возможно ограничить доступ к образовательным учреждениям и программам, медицинским услугам и социальным пособиям.

Анализ международных актов разного уровня, направленности, статуса, позволяет сделать вывод о том, что гарантии права на достойное жилище, мировое сообщество связывает с общим уровнем жизни, сложившимся на территории разных государствах. Поэтому в отсутствии других государственных услуг и помощи, предоставление детям юридических гарантий владения недвижимостью будет недостаточным с точки зрения реализации их прав на достаточный уровень жизни и гарантии их выживания и развития. Такой подход также нарушит право ребенка на такую защиту и заботу, которые необходимы для его благополучия (КПР, ст. 3 (2)), а также право ребенка, временно или постоянно лишенных семейного окружения, на особую защиту и помощь со стороны государства (КПР, ст. 20 (1)).

Библиографический список

1. Озеров И.Н., Максименко А.В., Колесова Т.С. Право на жилище как одно из основных прав человека // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 4 (91). С. 18–24.
2. *Van Dijk P., van Hoof G.J.* Н. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. Hague; Boston: Kluwer Law International, 1998. 882 p.

References

1. *Ozerov I.N., Maksimenko A.V., Kolesova T.S.* The Right to Housing as One of the Basic Human Rights // Jurist-Pravover. 2019. No. 4 (91). P. 18–24.
2. *Van Dijk P., van Hoof G.J.* Н. Theory and Practice of the European Convention on Human Rights. Hague; Boston: Kluwer Law International, 1998. 882 p.

¹ См.: Замечание общего порядка 5 (2003). Общие меры по осуществлению Конвенции о правах ребенка (ст. 4 и 42 и п. 6 ст. 44). URL: <http://humanrts.umn.edu/russian/crc/Rcrrcomm5.html> (дата обращения: 18.06.2022).

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-117-123

УДК 347.63

А.А. Очкина

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ОТЦОВСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Введение: в статье рассматриваются основные проблемы и особенности возникновения прав и обязанностей отцов в Российской Федерации. **Цель:** формирование комплексного научного представления об особенностях возникновения отцовских отношений, подготовка рекомендаций по развитию и совершенствованию действующего законодательства РФ в соответствующей области права. **Методологическая основа:** в исследовании использованы следующие методы: сравнительно-правовой, формально-юридический, диалектико-материалистический методы, анализ. **Результаты:** предлагаются авторские дефиниции отцовских правоотношений, формулируются предложения по внесению изменений в действующее законодательство Российской Федерации. **Выводы:** в сфере отцовских правоотношений необходимо выявление препятствий в приобретении отцами своих прав и обязанностей, профилактика и устранение имеющихся нарушений в области отцовских правоотношений, в целях оптимизации защиты прав отцов создать комитеты, специализирующиеся на проблемах отцовства, их защите и представлении интересов.

Ключевые слова: отцовство, права и интересы отцов, родительские правоотношения, отношения отцовства.

A.A. Ochkina

PECULIARITIES OF THE EMERGENCE OF PARENTAL LEGAL RELATIONS

Background: the article discusses the main problems and peculiarities of the emergence of the rights and responsibilities of fathers in the Russian Federation. **Objective:** formation of a comprehensive scientific understanding of the peculiarities of the emergence of paternal relationships, preparing recommendations for the development and improvement of the current legislation of the Russian Federation in the relevant area of law. **Methodology:** the following methods were used in the study: comparative-legal, formal-legal, dialectical-materialistic methods, analysis. **Results:** the author offers her own definitions of paternal legal relations and formulate proposals for amendments to the current legislation of the Russian Federation. **Conclusions:** In the area of paternal legal relations, it is necessary to identify obstacles to the acquisition by fathers of their rights and responsibilities, to prevent and eliminate existing violations in the area of paternal legal relations, and to create committees specializing in paternity issues, their protection and representation in order to optimize the protection of fathers' rights.

Key-words: paternity, rights and interests of fathers, parental legal relationship, paternity relationship.

© Очкина Анастасия Андреевна, 2022
Аспирант кафедры гражданского права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: astya972@mail.ru

© Ochkina Anastasiya Andreevna, 2022
Postgraduate student of the Civil Law Department (Saratov State Law Academy)

Вопрос о правовой форме возникновения правоотношений отцовства, несмотря на свою очевидную актуальность, до сих пор не изучен до конца. Некоторые аспекты отношений отцовства исследовались в работах по семейному, гражданско-процессуальному праву, а также по социологии.

Имеются докторские диссертационные исследования, затрагивающие отдельные вопросы отношений отцовства, таких ученых, как Т.С. Гусева, Т.А. Гурко [1; 2], а также хочется отметить кандидатские диссертации А.М. Ахмедханова, «Установление отцовства в административном и судебном порядке», И.В. Рыбалко, «Трансформация отцовства в современной России», 2006 г., Х.Г. Асланова «Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации» [3; 4; 5]. Однако все эти исследования не затрагивали в полной мере проблемы определения правовых форм возникновения правоотношений отцовства в России.

Вместе с тем проблематика правового оформления отношений отцовства достаточно объемна. Так, например, в правоприменительной практике возникают вопросы в связи с отсутствием легальной дефиниции понятия «отцовские правоотношения».

В цивилистических исследованиях относительно отцовских (родительских) правоотношений отмечается следующее: «...союз между родителями и детьми, как и союз супружеский, в существе своем трудно поддается регулированию права, так как отношения, возникающие из этого союза, являются более естественнонравственными, чем юридическими, вследствие чего и законодательство не может дать в этом случае точных предписаний» [6, с. 40].

Трудно полностью согласиться с подобным мнением, ведь родительские (отцовские) отношения в определенных случаях все же подлежат законодательному регулированию. Так, например, отношения, связанные с алиментными обязательствами, с установлением происхождения ребенка от отца, равно как и в целом права и обязанности отца (родителя) четко определены на нормативно-правовом уровне.

В семейно-правовой доктрине также имеется большое количество определений понятия «родительские правоотношения», на основе которых представляется возможным более полно охарактеризовать термин «отцовские правоотношения». Так, например, дается следующая дефиниция: «Родительские правоотношения — это отношения между родителями и их несовершеннолетними детьми, основанием возникновения которых является запись в книге записей актов гражданского состояния о материнстве и отцовстве» [7, с. 48].

На основе вышеизложенного, можно сформулировать понятие отцовских правоотношений. Представляется, что под последним следует понимать отношения между отцами и их несовершеннолетними детьми, основанием возникновения которых является запись в книге записей гражданского состояния об отцовстве, т.е. удостоверенное в установленном законом порядке¹.

Под происхождением ребенка от отца необходимо понимать определение кровного (т.е. биологического) происхождения ребенка от определенного мужчины (в т.ч. при применении репродуктивных технологий), зарегистрированное в установленном законом порядке².

¹ См.: Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 4 февраля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 1, ст. 1; 2021. № 6, ст. 960.

² См.: Большая Российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/law/text/3179591> (дата обращения: 26.03.2022).

Современные отечественные цивилисты отмечают, что «родительские правоотношения (т. е. взаимные права и обязанности) между родителями и детьми возникают при наличии двух условий: 1) происхождение детей от конкретных лиц; 2) регистрация (удостоверение) факта рождения детей от конкретных родителей в органах ЗАГС» [8, с. 234].

В свою очередь, в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (в ред. от 26 декабря 2017 г.) выделяется только лишь один юридический факт, а именно рождение ребенка¹. Государственная регистрация факта рождения ребенка рассматривается в качестве процедурного момента. В связи с этим у родителя (отца) происходит недопонимание: достаточно ли будет только одного факта рождения для того, чтобы у него возникли права и обязанности в отношении ребенка?

Ученые ведут дискуссию об основаниях возникновения правоотношений между родителем (отцом) и ребенком, а именно о том, что порождает такие правоотношения юридический факт или же юридический состав.

Одни исследователи выступают за то, чтобы признать сложный юридический состав в качестве основания возникновения детско-родительских отношений, утверждая, что: «...в основании возникновения правоотношений между родителями и детьми лежит сложный юридический состав, при этом не все элементы фактического состава равнозначны и в одинаковой мере необходимы для данного правоотношения» [8, с. 80]. Другие отмечают, что это невозможно и «...что в сложном юридическом составе все элементы должны быть равнозначны, иначе они не являются образующими этих правоотношений» [9, с. 77].

Анализ указанных позиций приводит к выводу, что наиболее полным и справедливым является мнение ученых, которые берут за основу возникновение отцовских отношений из сложного юридического состава. Бесспорно, факт рождения ребенка является главным в подобного рода юридическом составе, но без такого юридического факта, как регистрация рождения ребенка, также нельзя обойтись.

В данной связи можно констатировать, что отцовские правоотношения начинают существовать, когда доказано происхождение ребенка от отца, и когда совершена регистрация факта рождения в органах ЗАГС.

На сегодня наиболее полно передать сущность возникновения отцовских правоотношений возможно путем перечисления ряда особенностей установления отцовства и самих оснований такого установления:

для возникновения отношений между отцом и ребенком необходимо непосредственно рождение ребенка. То есть необходимо особое действие, а именно удостоверение происхождения ребенка от конкретного отца в установленном законом порядке. Таким образом, отец нуждается в документальном подтверждении отцовства. Правила установления отцовства определяются Семейным Кодексом Российской Федерации;

основание возникновения отношений отцовства включает в себе сложный юридический состав. Элементами данного состава выступают рождение ребенка и удостоверение происхождения ребенка от определенного лица;

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (в ред. от 26 декабря 2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

в настоящее время отцовство может быть установлено добровольно либо же принудительно, путем подачи заявления в суд (судебный порядок).

в действующем законодательстве предусмотрено, что при установлении отцовства в судебном порядке судом должны приниматься во внимание любые доказательства, которые с достоверностью могут подтвердить происхождение ребенка от конкретного лица;

Наряду с вышеперечисленным, особенностями также выступают сами основания установления отцовства в судебном порядке. Таковыми являются: а) отсутствие совместного заявления родителей; б) отсутствие заявления отца ребенка, в котором он признает себя родителем; в) отсутствие согласия органов опеки и попечительства на добровольное установление отцовства по одностороннему заявлению отца ребенка.

Важным аспектом является то, что если отец захочет установить отцовство после совершеннолетия ребенка, то это будет возможным только после того, как тот даст на это свое согласие.

На сегодняшний день наблюдается существование объективных предпосылок для признания в качестве основания возникновения родительских правоотношений не только генетического (биологического) родительства, но и так называемого социального родительства. Современные отечественные цивилисты отмечают, основанием возникновения родительских прав и обязанностей может быть не только биологическое происхождение (кровное родство), но и социальная связь [10, с. 20]. Одним из примеров наметившейся тенденции выступает правило о записи женщины (суррогатной матери), выносившей и родившей чужого ей ребенка, в качестве его матери (ст. 51 СК РФ, ч. 4, п. 2). К сожалению, по отношению к отцам схожие правила не действуют. Хотя в настоящее время все больше ученых, а также практиков указывают на важность института социального отцовства. Следует отметить, что первостепенным в российском семейном праве является признание прав отцовства за биологическим родителем.

Презумпция отцовства супруга матери ребенка действует в случае расторжения брака, признания его недействительным, а также смерти супруга, если с момента наступления указанных событий до рождения ребенка не прошло более 300 дней.

На данном этапе представляется целесообразным перейти к рассмотрению ряда проблем, с которыми отцы сталкиваются при установлении отцовства.

При рассмотрении особенностей установления происхождения ребенка от отца, существует презумпция отцовства, действующая в течение 300 дней после расторжения брака. Однако на практике отцы могут столкнуться с ситуацией, когда мать ребенка, расторгая брак со своим супругом, выходит замуж, а с момента расторжения первого брака еще не прошло 300 дней [11, с. 20].

Ввиду того, что в действующем отечественном законодательстве не урегулирован вопрос относительно преимущества в данной ситуации прав конкретного лица и приоритета определенной презумпции, на практике имеются спорные моменты. Проанализировав ныне существующую судебную практику, мы можем отметить, что, к сожалению, она не единообразна.

Примечательно дело об оспаривании отцовства, исключении записи об отце ребенка, установлении отцовства, внесении изменений в запись акта о рождении ребенка, рассмотренное Выборгским городским судом Ленинградской области в 2018 г. Согласно факту дела, истец (мать несовершеннолетнего) об-

ратилась в суд с иском, изложив вышеуказанные требования. В обосновании иска указала, что является матерью несовершеннолетней. Отцом ребенка записан ответчик гражданин А, что не соответствует действительности. Истец указала, что состояла в браке с А. Фактически брачные отношения прекращены с марта 2015 года. Так как с момента прекращения брака не прошло 300 дней в записи акта о рождении ребенка, в графе «отец» записан бывший супруг. Биологическим отцом ребенка является гражданин Б, с которым истец состоит в зарегистрированном браке. В данном случае ответчик не возражал против удовлетворения исковых требований. В связи с этим суд вынес решение в пользу матери¹.

Анализируя опыт других государств по рассматриваемой проблематике, исследователи отмечают, что в ряде стран, в число которых входит, например, Франция, женщина не может вступить в новый брак в течение срока действия презумпции отцовства предыдущего супруга [12, с. 241].

Существует мнение о том, что на сегодняшний день было бы целесообразно урегулировать данный вопрос в Российской Федерации на законодательном уровне, путем установления приоритета одной из презумпций, а именно, презумпции отцовства предыдущего супруга, либо же нового. Научными деятелями предлагается в случае рождения ребенка в законном браке, заключенном в течение 300 дней с момента расторжения предыдущего брака, отдать преимущество презумпции рождения ребенка в законном браке [12, с. 242].

В целом с подобным мнением можно согласиться, но с оговоркой, что при возникновении конфликта между сторонами было бы желательно проведение обязательной досудебной ДНК-экспертизы, имеющей целью разрешить спор и установить подлинное отцовство. Однако суды и без проведения подобной экспертизы устанавливают отцовство. Например, в деле, рассматриваемом Ленинским районным судом г. Владивостока, истец (отец) обратился в суд с иском к ответчику с требованиями об оспаривании отцовства, указав, что в свидетельстве о рождении ребенка имеется запись об отцовстве другого лица (гражданина Б), что не соответствует действительности. Биологическим отцом является истец, ответчик же не может являться отцом ребенка, поскольку мать ребенка состояла с ним в зарегистрированном браке, а фактически проживала с истцом, от которого родила ребенка. Суд, выслушав все стороны и проведя экспертизу, удовлетворил требования истца².

Следует отметить, что на практике суды зачастую удовлетворяют требования о признании отцом умершего лица, не состоявшего с матерью ребенка в законном браке.

Химкинским городским судом Московской области рассмотрено требование матери ребенка о признании отцом умершего гражданина Н. В обоснование своих требований истица указала на факт совместного проживания с Н в течение 4 лет. В этот период у них родился сын. Отчество ребенку было дано по указанию истца из имени биологического отца, однако, в связи с тем, что они не состояли в зарегистрированном браке, в свидетельстве о рождении ребенка нет записи об отце. Они вместе проживали и вели общее хозяйство с гражданином

¹ См.: Решение Выборгского городского суда Ленинградской области № 2-2972/2017 от 10 июля 2017 г. по делу № 2-2972/2017.

² См.: Решение Ленинского районного суда г. Владивостока № 2-2135/2020 2-2135/2020-М-1237/2020 М-1237/2020 от 23 июля 2020 г. по делу № 2-2135/2020.

№, 22 августа 2017 г. последний умер. Он всегда признавал ребенка, заботился о нем, принимал участие в его воспитании и содержании. В рамках судебного разбирательства были допрошены близкие родственники №, которые также подтвердили доводы истицы. Кроме того, заявитель также приложила совместные фотографии своего ребенка и №¹. На основании всех приведенных доказательств суд удовлетворил иски требования истца. Указанное решение и выводы суда подчеркивают важность института посмертного установления отцовства в целом и для отечественной правоприменительной практики в частности.

В одном из своих Постановлений Пленум Верховного Суда Российской Федерации разъяснил, что «в случае смерти лица, которое признавало себя отцом ребенка, родившегося <дата> и позднее, но не состояло в браке с его матерью, суд в соответствии со статьей 50 СК РФ вправе в порядке особого производства установить факт признания им отцовства. Факт признания отцовства или факт отцовства может быть установлен судом по правилам особого производства, предусмотренным главой 28 ГПК РФ, при условии, что не возникает спора о праве»².

На сегодняшний день существует большое количество проблемных аспектов в области определения отцовства. Важно помнить о равенстве мужчины и женщины в родительских правах. Помимо рассмотренных выше путей решения ряда конкретных проблем, мы полагаем, что целесообразна разработка эффективного механизма защиты отцовских прав, внедрение государственной политики по поддержке отцовства, создание специализированных комитетов и организаций по защите прав отцов, выработка нового порядка приобретения родительских прав мужчинами в отношении внебрачных детей, который будет направлен на усиление правовой защиты внебрачных детей, так и отстаивание правовых позиций отцов. Отцам необходимо брать ответственность за своих детей. В связи с чем нужно увеличивать процент ответственного отцовства в Российской Федерации. Это станет возможным благодаря просветительской деятельности так называемых «папа-школ».

В заключении хотим отметить, что основные положения правовой политики государства, формирующие бережное и ответственное отношение мужчин к родительским правам, станут первыми и главными этапами на пути к преодолению существующего кризиса семьи и семейных ценностей.

Библиографический список

1. *Гусева Т.С.* Социальное обеспечение семьи, материнства, отцовства и детства в России: теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, 2012. 53 с.
2. *Гурко Т.А.* Трансформация института родительства в постсоветской России: дис. ... д-ра соц. наук. М., 2008. 48 с.
3. *Ахмедханова А.М.* Установление отцовства в административном и судебном порядке: дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2003. 223 с.
4. *Рыбалко И.В.* Трансформация отцовства в современной России: дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 125 с.

¹ См.: Решение Химкинского городского суда Московской области № 2-6892/2019 2-814/2020 2-814/2020(2-6892/2019);-М-6487/2019 М-6487/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 2-6892/2019.

² См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая .2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» (в ред. от 26 декабря .2017 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 7.

5. *Асланов Х.Г.* Обеспечение интересов отца в родительских правоотношениях по семейному законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук М., 2009. 191 с.

6. *Загоровский А.И.* Фрагмент книги «Курс семейного права» // Семейное и жилищное право. 2006. № 3. С. 36–48.

7. *Беланова Г.О.* Понятие родительских прав в российском семейном праве // Закон и право. 2021. № 1. С. 47–49.

8. *Данилин В.И., Реутов С.И.* Юридические факты в советском семейном праве. Свердловск: Изд-во Уральского ун-та, 1989. 156 с.

9. *Исаков В.Б.* Юридический факт в советском праве. М.: Тезис, 1984. 144 с.

10. *Тригубович Н.В., Чаусская О.А., Пулявская Л.В.* Правовые отношения детей и родителей. Саратов: Научная книга, 2004. С. 20.

11. *Гришаев С.П.* Права и обязанности родителей и детей. Специально для системы «Гарант». 2011. 36 с.

12. *Мороз О.С.* Родительские права и обязанности: особенности возникновения и прекращения // Электронный журнал Science Time. 2014. С. 239–244.

References

1. *Guseva T.S.* Social security of the family, motherhood, fatherhood and childhood in Russia: theoretical and practical problems: abstract. dis. ...Dr. jurid. sciences, 2012. 53 p.

2. *Gurko T.A.* Transformation of the institute of parenthood in post-Soviet Russia: dis. ... Doctor of Social Sciences. M., 2008. 48 p.

3. *Akhmedkhanova A.M.* Establishing paternity in an administrative and judicial manner: dis. ... cand. jurid. sciences'. Makhachkala, 2003. 223 p.

4. *Rybalko I.V.* Transformation of fatherhood in modern Russia: dis. ... cand. social sciences. Saratov, 2006. 125 p.

5. *Aslanov H.G.* Ensuring the interests of the father in parental relations under the family legislation of the Russian Federation: dis. ... cand. jurid. M., 2009. 191 p.

6. *Zagorovsky A.I.* Fragment of the book “The course of family law” // Family and housing law. 2006. No. 3. P. 36–48.

7. *Belanova G.O.* The concept of parental rights in Russian family law // Law and Law. 2021. No. 1. P. 47–49.

8. *Danilin V.I., Reutov S.I.* Legal facts in Soviet family law. Sverdlovsk: Publishing House of the Ural University, 1989. 156 p.

9. *Isakov V.B.* Legal fact in Soviet law. M.: Thesis, 1984. 144 p.

10. *Trigubovich N.V., Chausskaya O.A., Pulyavskaya L.V.* Legal relations of children and parents. Saratov: Scientific Book, 2004. P. 20.

11. *Grishaev S.P.* Rights and obligations of parents and children. Special for the “Garant” system. 2011. 36 p.

12. *Moroz O.S.* Parental rights and responsibilities: features of the revival and termination // The electronic journal Science Time. 2014. P. 239–244.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС. АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-124-132

УДК 347.921

Т.А. Григорьева, Ю.В. Эргюева

К ВОПРОСУ ОБ АРБИТРАЖНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Введение: в статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностью трансформации института арбитражной процессуальной правоспособности в контексте применения технологии искусственного интеллекта и цифровизации арбитражного процесса. Актуальность избранной авторами темы исследования обусловлена тем, что появление искусственного интеллекта и цифровых отношений существенно влияет на традиционные цивилистические процессуальные институты, включая арбитражную процессуальную правоспособность. **Цель:** настоящего исследования авторы определили формирование комплексного представления об институте об арбитражной процессуальной правоспособности в условиях цифровизации. **Методологическая основа:** для достижения указанной цели в статье применяются как общенаучные методы (логический (индукции, дедукции, анализа и синтеза), системный и функциональный), так и частноправовые методы — историко-правовой, формально-юридический, сравнительно-правовой. **Результаты:** авторами обосновывается мысль о возможности реализации арбитражной процессуальной правоспособности эмансипированными лицами. **Вывод:** необходимость внесения изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, в частности, выдвигается идея о насущности решения вопроса о закреплении особенностей реализации арбитражной процессуальной правоспособности несовершеннолетних лиц, объявленных полностью дееспособными (эмансипации). В статье констатируется мысль о важности выявления новых критериев арбитражной процессуальной правоспособности в контексте применения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровизация правосудия, арбитражная процессуальная правоспособность, арбитражная процессуальная дееспособность, арбитражный суд, виртуальный аккаунт.

© Григорьева Тамара Александровна, 2022

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: tgrigorieva17@mail.ru

© Эргюева Юлия Валериевна, 2022

Кандидат юридических наук, адвокат (Московская коллегия адвокатов «Ваш адвокат»)

© Grigorieva Tamara Aleksandrovna, 2022

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Arbitration Procedure (Saratov State Law Academy)

© Ergyueva Yulia Valerievna, 2022

Candidate of Law, lawyer (of the Moscow Bar Association «Your Advocate»)

T.A. Grigorieva, Yu.V. Ergyueva

**ON THE ISSUE OF ARBITRAL PROCEDURAL STANDING
IN THE CONTEXT OF APPLICATION OF ARTIFICIAL
INTELLIGENCE TECHNOLOGIES**

Background: the article deals with issues related to the peculiarities of the transformation of the institute of arbitral procedural legal capacity in the context of the application of artificial intelligence and digitalization of the arbitration process. The relevance of the topic of research chosen by the authors is due to the fact that the emergence of artificial intelligence and digital relationships significantly affects the traditional civilistic procedural institutions, including arbitral procedural legal capacity.

Objective: formation of a comprehensive view of the institute of arbitration procedural legal capacity in the context of digitalization. **Methodology:** to achieve this goal both general scientific methods (logical (induction, deduction, analysis and synthesis), systemic and functional) and private legal methods of historical and legal, formal and legal, comparative legal were applied in the study. **Results:** the authors substantiate the idea of the possibility of exercising arbitration procedural legal capacity by emancipated persons. **Conclusions:** the need to amend the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, in particular, the idea of the urgency of solving the issue of fixing the specifics of implementation of arbitration procedural legal capacity of minors declared fully capable (emancipation) is put forward. The article states the idea of importance of revealing of new criteria of arbitration procedural legal capacity in the context of application of artificial intelligence.

Key-words: artificial intelligence, digitalization of justice, arbitration procedural capacity, arbitration procedural capacity, arbitration court, virtual account.

В качестве одного из самостоятельных институтов арбитражного процессуального права можно с уверенностью назвать арбитражную процессуальную правоспособность. Под этим понятием можно подразумевать наличие у субъектов арбитражных процессуальных правоотношений возможности иметь процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности в целях судебной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов.

Как известно, на законодательном уровне физические и юридические лица наделены гражданско-процессуальной правоспособностью в равной степени. По справедливому замечанию Н.А. Чечиной, содержание гражданской процессуальной правосубъектности состоит не только в возможности иметь установленный законом комплекс процессуальных прав и обязанностей, но и способность своими действиями осуществлять их [1, с. 23]. Иными словами, правосубъектность, по мнению Н.А. Чечиной, включает в себя две составляющих — правоспособность и дееспособность.

Важно отметить, что предложенное Н.А. Чечиной толкование понятия гражданской процессуальной правосубъектности подверглось критике со стороны некоторых представителей науки гражданского процессуального права (например, противоположную позицию заняли А.Ф. Козлов, В.Н. Щеглов, А.Ф. Клейнман, А.А. Мельников, Л.А. Ванеева, В.Г. Гусев и др.) [2, с. 104–105; 3, с. 106–109; 4, с. 19; 5, с. 44–45; 6, с. 31–32; 7, с. 32–35]. Более того, по утверждению М.С. Ша-

карян, «отказ от понятия дееспособности неизбежно приводит к выводу, что недееспособные лица не являются субъектами права» [8, с. 73–75].

Следует подчеркнуть производность арбитражной процессуальной дееспособности от арбитражной процессуальной правоспособности, пределами которой ограничена процессуальная дееспособность. Это можно объяснить тем, что лицо, не способное иметь права, не обладает правовой способностью их реализовывать. Вместе с тем сложно с уверенностью сказать, что наличие у лица правоспособности гарантирует наличие арбитражной процессуальной дееспособности.

На наш взгляд, требуют уточнения отдельные нормы, регулирующие правовое положение участников арбитражного процесса. В частности, ч. 2 ст. 43 Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее — АПК РФ)¹ определяет процессуальную дееспособность через способность организаций и граждан своими действиями осуществлять процессуальные права и исполнять процессуальные обязанности. Между тем из анализа норм АПК РФ не вытекает вывод о возрасте, с которого возникает процессуальная дееспособность.

Определение понятия дееспособности гражданина конкретизируется в п. 1 ст. 21 Гражданского кодекса (далее — ГК РФ)². Исходя из анализа положений указанной нормы, можно дать характеристику категории дееспособности гражданина как способности гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские процессуальные обязанности и исполнять их. Гражданская дееспособность возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Гражданский кодекс РФ устанавливает, что в случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак РФ (п. 2 ст. 21 ГК РФ). Приобретенная в результате заключения брака дееспособность сохраняется в полном объеме и в случае расторжения брака до достижения восемнадцати лет. При признании брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности с момента, определяемого судом.

Если отталкиваться от тезиса о неразрывной связи арбитражной процессуальной дееспособности и гражданской дееспособности, то можно прийти к убеждению, что арбитражный суд при рассмотрении дела с участием физического лица будет вынужден постоянно обращаться к нормам материального права для разрешения вопроса о правомерности осуществления несовершеннолетним лицом своих процессуальных прав и исполнении процессуальных обязанностей.

Вместе с тем если рассматривать процессуальную дееспособность в качестве самостоятельного правового института, не взаимосвязанного с материально-правовой дееспособностью, то с учетом положений ст. 43 АПК РФ затруднительно определить возраст наступления процессуальной дееспособности гражданина, а также юридическую возможность участия в арбитражном процессе ограниченно дееспособных граждан. Таким образом, можно судить о правовом пробеле, содержащемся в АПК РФ.

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; 2022. № 1 (ч. 1), ст. 42.

² См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; Российская газета. 2022. № 43.

Необходимо заметить, что в АПК РФ не регулируется четко процедура применения процессуального права и процессуального закона по аналогии. Часть 6 ст. 13 АПК РФ предусматривает применение арбитражными судами в случаях, если спорные отношения прямо не урегулированы федеральным законом и другими нормативными правовыми актами или соглашениями сторон и отсутствует применимый к ним обычай делового оборота норм права, нормы права, регулирующие сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии таких норм рассматривают дела исходя из общих начал и смысла федеральных законов и иных нормативных правовых актов (аналогия права).

Но вышеуказанная статья регулирует применение по аналогии лишь материально-правовых норм.

В соответствии с ч. 1 ст. 37 Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК РФ)¹ гражданская процессуальная дееспособность принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет. Став совершеннолетним, гражданин может лично выступать в качестве стороны по делу, третьего лица или их представителя и самостоятельно осуществлять все необходимые действия. Несовершеннолетний может лично осуществлять свои процессуальные права и выполнять процессуальные обязанности в суде со времени вступления в брак или объявления его полностью дееспособным (эмансипации) (ч. 2 ст. 37 ГПК РФ).

Часть 3 ст. 37 ГПК РФ предусматривает, что права, свободы и законные интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности, защищают в процессе их законные представители. Однако суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, а также граждан, ограниченных в дееспособности.

В случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых, публичных и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы. Однако суд вправе привлечь к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних (ч. 4 ст. 37 ГПК РФ).

По нашему мнению, необходимо внести изменения в ст. 43 АПК РФ, предусмотрев, по аналогии с ГПК РФ, возраст, с которого гражданин может в полном объеме осуществлять свои процессуальные права и нести процессуальные обязанности, а именно восемнадцать лет.

Кроме того, ч. 3 ст. 43 АПК РФ предусматривает, что права и законные интересы недееспособных граждан защищают в арбитражном процессе их законные представители — родители, усыновители, опекуны и попечители. Из анализа данной нормы фактически вытекает вывод, что в АПК РФ исключается возможность одновременного участия в деле недееспособных граждан и их представителей. В связи с этим целесообразно дополнить ст. 43 АПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«Несовершеннолетний может лично осуществлять свои процессуальные права и выполнять свои процессуальные обязанности в арбитражном суде со времени вступления в брак или объявления его полностью дееспособным (эмансипация).

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 1 (ч. I), ст. 42.

Права, свободы и интересы несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет, а также граждан, ограниченных в дееспособности, защищают в арбитражном процессе их законные представители. Арбитражный суд обязан привлекать к участию в таких делах самих несовершеннолетних, а также граждан, ограниченных в дееспособности.

В случаях, предусмотренных федеральным законом, по делам, возникающим из гражданских, публичных и иных правоотношений, несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет вправе лично защищать в суде свои права, свободы и законные интересы. Арбитражный суд вправе привлекать к участию в таких делах законных представителей несовершеннолетних».

Согласно ч. 1 ст. 59 АПК РФ граждане вправе вести свои дела в арбитражном суде лично или через представителей. Ведение дела лично не лишает гражданина права иметь представителей.

Права и законные интересы недееспособных граждан защищают в арбитражном процессе их законные представители — родители, усыновители, опекуны или попечители, которые могут поручить ведение дела в арбитражном суде другому избранному ими представителю (ч. 2 ст. 59 АПК РФ).

Однако АПК РФ не содержит норм, регулирующих рассмотрение дела, в котором должен участвовать гражданин, признанный в установленном порядке безвестно отсутствующим.

Гражданский процессуальный кодекс РФ в аналогичной ситуации в гражданском процессе предписывает, что представителем безвестно отсутствующего гражданина выступает лицо, которому передано в доверительное управление имущество безвестно отсутствующего (ст. 52 ГПК РФ).

Учитывая, что в состав участников арбитражного процесса входят в том числе физические лица, не имеющие статус индивидуального предпринимателя, полагаем, что рационально предусмотреть процессуальный порядок допуска в арбитражный процесс представителей безвестно отсутствующего гражданина.

В связи с тем, что физические лица по арбитражным делам, относящимся к специальной компетенции арбитражных судов, являются полноправными участниками арбитражного процесса, их права, свободы и законные интересы должны получить защиту в достаточной степени. Таким образом, имеет смысл дополнить ст. 59 АПК РФ следующим пунктом: «...по делу, в котором должен участвовать гражданин, признанный в установленном порядке безвестно отсутствующим, в качестве его представителя выступает лицо, которому передано в доверительное управление имущество безвестно отсутствующего».

Статья 61 АПК РФ регулирует оформление и подтверждение полномочий представителя. Пункты 2, 3, 4 вышеуказанной статьи определяют, каким образом должны подтверждаться полномочия представителей. Однако текст данной статьи содержит отсылочные нормы. Так, в п. 4 ст. 61 полномочия представителей на ведение дела в арбитражном суде должны быть выражены в доверенности, выданной и оформленной в соответствии с федеральным законом, а в случаях, предусмотренных международным договором Российской Федерации или Федеральным законом, в ином документе. При таких обстоятельствах при рассмотрении дела суд вынужден обращаться к нормам материального права при проверке полномочий представителя физического лица, за исключением законных представителей и адвокатов. Помимо этого граждане, изъявившие желание вести свои дела в арбитражном суде через представителей, не имеющих

статуса адвоката, должны решать вопрос об оформлении доверенности. Как нам видится, Арбитражный процессуальный кодекс РФ должен быть понятен не только профессиональным юристам, но и гражданам, не обладающим знаниями и навыками в области юриспруденции.

При сравнении двух процессуальных кодексов — АПК РФ и ГПК РФ, — становится ясным, что нормами последнего более детально урегулирован порядок оформления доверенности, выдаваемой гражданам. Из этого логично предположить, что физические лица, являющиеся участниками гражданского процесса, оказываются в более выгодном положении, нежели граждане — участники арбитражного процесса. Арбитражный процессуальный кодекс РФ не содержит конкретных требований к оформлению доверенности, выдаваемой гражданами.

В соответствии с ч. 1 ст. 7 АПК РФ правосудие в арбитражных судах осуществляется на началах равенства всех перед законом и судом независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям и других обстоятельств, равенства всех организаций перед законом и судом независимо от организационно-правовой формы, формы собственности, подчиненности, места нахождения и других обстоятельств.

Арбитражный процессуальный кодекс РФ не ограничивает участия индивидуальных предпринимателей в арбитражном процессе. Предприниматели являются полноправными участниками экономических споров, рассматриваемых в арбитражных судах. Если индивидуальный предприниматель желает вести свои дела через представителей, то, на наш взгляд, оформление доверенности не должно быть для них обременительным.

Таким образом, при оформлении доверенности от имени организации она должна быть подписана ее руководителем и иным уполномоченным на это ее учредительными документами лицом и скреплена печатью организации (ч. 5 ст. 61 АПК РФ). В таком случае возникает вполне закономерный вопрос — почему гражданину и индивидуальному предпринимателю приходится обращаться к другим федеральным законам для ведения своих дел через представителей? Статья 185 ГК РФ определяет общие требования по оформлению доверенности. Однако не содержит требований, предъявляемым к доверенностям, выдаваемым для участия в арбитражном процессе.

В связи с этим считаем необходимым дополнить содержание ст. 61 АПК РФ: «доверенности, выдаваемые гражданами, могут быть удостоверены в нотариальном порядке либо организацией, в которой работает или учится доверитель, жилищно-эксплуатационной организацией по месту жительства доверителя, администрацией учреждения социальной защиты населения, в котором находится доверитель, а также стационарного лечебного учреждения, в котором доверитель находится на излечении, командиром (начальником) соответствующих воинских частей, соединения, учреждения, военно-учебного заведения, если доверенности выдаются военнослужащими, работниками этих части, соединения, учреждения, военно-учебного заведения или членами их семей. Доверенности лиц, находящихся в местах лишения свободы, удостоверяются начальником соответствующего места лишения свободы. Доверенности, выдаваемые индивидуальными предпринимателями, могут быть удостоверены в нотариальном

порядке, либо выдаются за подписью индивидуального предпринимателя и скрепляются печатью».

Особый интерес представляет влияние происходящих современных технических процессов на осуществление правосудия. Цифровизация сама по себе становится явлением все более повседневным: использование IT-платформ для проведения бизнес-встреч, онлайн-консалтинга, проведения правового мониторинга и многое другое. Безусловно, происходящие явления перехода правосудия в цифровую сферу и, тем более, использование искусственного интеллекта при разражении дел затрагивает различные институты арбитражного процессуального права. Институт арбитражной процессуальной правоспособности не является исключением.

Представляется необходимым рассмотреть влияние искусственного интеллекта и цифровизации правосудия на право- и дееспособность физических и юридических лиц, участвующих в арбитражном процессе. Стоит отметить, что правоспособность является одной из предпосылок возникновения арбитражных процессуальных правоотношений. Следовательно, ее определение в контексте использования искусственного интеллекта крайне важно.

Так, например, рассмотрение и разрешения арбитражного дела с использованием искусственного интеллекта говорит о переходе процесса в иную плоскость — цифровую, следовательно, участники арбитражных правоотношений должны иметь виртуальный профиль для осуществления процессуально значимых действий. Это может выражаться в создании специальных профилей для лиц, участвующих в деле в электронной среде. Например, стороны имеют электронный профиль при рассмотрении дел в порядке упрощенного производства в арбитражном процессе: арбитражный суд размещает исковое заявление, отзыв на исковое заявления, документы, имеющие доказательственное значение, на специальной платформе в сети Интернет в режиме ограниченного доступа. Решение суда также размещается в сети Интернет.

В контексте процессуальной право- и дееспособности при осуществлении арбитражного судопроизводства не понятен вопрос о критериях определения процессуальной право- и дееспособности лица при обращении в суд. Что следует понимать под этим? Ведь наличие традиционных критериев определения процессуальной право- и дееспособности лиц в процессе, осуществляемом с использованием технологии искусственного интеллекта недостаточно. Именно поэтому столь важно не только закрепление возрастного порога как критерия в определении арбитражной процессуальной правоспособности лиц, участвующих в деле (в частности, в отношении эмансипированных несовершеннолетних).

Более того, представляется, что новым критерием в определении арбитражной процессуальной право- и дееспособности является обязательное наличие виртуального профиля. Предполагается, что обязательное существование виртуального профиля, используемого для вступления в арбитражный процесс, позволит реализовывать права и обязанности участника процесса, т.е. воплотить арбитражную процессуальную дееспособность в реальности. Указанный электронный профиль должен существовать на основе следующих принципах: информационной доступности, постоянности, непрерывности в единой системе. Предлагается создание виртуального аккаунта и закрепления возможности участия в арбитражном процессе, используя указанный аккаунт на постоянной основе по всем категориям дел.

В рамках данного обязательного критерия необходимо решить вопрос о возможности выхода в цифровое пространство или доступа к цифровому правосудию, поскольку нельзя говорить о возможности обеспечения электронного доступа к виртуальному профилю для всех сторон арбитражного процесса. Однако пока рано говорить о выявлении полного перечня критериев определения арбитражной процессуальной право- и дееспособности в формате рассмотрения арбитражного дела искусственным интеллектом. Более того, указанные критерии на данный момент невозможно определить в связи с отсутствием нормативного определения категории «искусственный интеллект». На данный момент не представляется возможным понять, каким образом указанная система будет осуществлять правосудие по арбитражным делам.

Таким образом, можно предположить, что в настоящий момент переход правосудия в цифровую плоскость является утопией. Однако уже в настоящий момент арбитражный процесс все больше и больше переходит в цифровую среду. Возможность электронной подачи иска, дистанционного участия в рассмотрении дела арбитражным судом формируют вектор развития указанных отношений. Именно поэтому для определения процессуальной право- и дееспособности необходимо исследовать и принимать цифровизацию привычных отношений, в том числе и процессуальных. На данный момент для развития арбитражного процесса важно закрепление понятия «искусственный интеллект». Можно сказать, что появление искусственного интеллекта и цифровых отношений существенно влияет на традиционные процессуальные институты.

Библиографический список

1. Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения: избранные труды по гражданскому процессу. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. 656 с.
2. Козлов А.Ф. Советское гражданское процессуальное право. М.: Юридическая литература, 1965. 471 с.
3. Щеглов В.Н. Гражданское процессуальное правоотношение. М.: Юридическая литература, 1966. 513 с.
4. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М.: Изд-во Московского ун-та, 1967. 119 с.
5. Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат, 1969. 310 с.
6. Ванеева Л.А. Гражданские процессуальные правоотношения: учебное пособие / отв. за вып. Резниченко И.М. Владивосток: Б.и., 1974. 40 с.
7. Гусев В.Г. Гражданская процессуальная правоспособность: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1996. 161 с.
8. Шакарян М.С. Понятие субъектов гражданского процессуального права и правоотношения и их классификация (1970) // Lex Russica: Научные труды МГЮА. 2004. № 1. С. 19–116.

References

1. Chechina N.A. Civil Procedural Relations: selected works on civil procedure. St. Petersburg: Ed. House of St. Petersburg State University, 2004. 656 p.
2. Kozlov A.F. Soviet Civil Procedural Law. Moscow: Legal lit., 1965. 471 p.
3. Shcheglov V.N. Civil Procedural Legal Relationship. Moscow: Yurid. lit., 1966. 513 p.

4. *Kleinman A.F.* The Latest Trends in the Soviet Science of Civil Procedural Law. Moscow: Publishing House of Moscow. University, 1967. 119 p.
5. *Melnikov A.A.* The Legal Status of the Individual in the Soviet Civil Process. Moscow: Gosyurizdat, 1969. 310 p.
6. *Vaneeva L.A.* Civil Procedural Legal Relations: a textbook / rel. for issue. Reznichenko I.M. Vladivostok: B.I., 1974. 40 p.
7. *Gusev V.G.* Civil Procedural Legal Capacity: dis. ... cand. of law. Saratov, 1996. 161 p.
8. *Shakaryan M.S.* The Concept of Subjects of Civil Procedural Law and Legal Relations and Their Classification. (1970) // Lex Russica: Scientific Works of the Moscow State University. 2004. No. 1. P. 19–116.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-133-138

УДК 347.91

О.А. Бахарева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЭЛЕКТРОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: в статье анализируется порядок подачи в суд искового заявления (заявлений) и документов в электронном виде в форме электронного документа и иные способы взаимодействия с судом в электронном виде. Исследование порядка использования электронных технологий в правосудии приобретает большую значимость, поскольку они существенно облегчают, с одной стороны, судебную деятельность (помогают обратиться в суд в электронном виде, быстро отыскать необходимые документы, принять участие онлайн в судебном заседании находясь в другом городе, зафиксировать ход судебного заседания на аудионосителе и др.), а с другой стороны — появляются сложности связанные с их применением. **Цель:** анализ некоторых вопросов, возникающих в ходе использования электронных технологий в гражданском судопроизводстве, выявление текущих проблем и поиск их оптимального решения. **Методологическая основа:** представляет собой общие методы научного познания, а именно, логического и системного анализа, синтеза и частноправовые методы познания — юридико-технический, сравнительного правоведения. **Результаты:** выявленные некоторые проблемы, возникающие в ходе использования электронных технологий в гражданском судопроизводстве позволяют заключить, что перевод всего документооборота судов общей юрисдикции только в электронный формат является преждевременным. **Выводы:** исследование вопросов и проблем, возникающих в ходе анализа взаимодействия в электронном виде лиц, участвующих в деле с судом, позволяет предложить варианты их разрешения. Для реализации права на судебную защиту целесообразно создание удобных и доступных для обычных граждан сервисов для быстрой оцифровки бумажных документов и офисов где было бы возможно воспользоваться электронными услугами гражданам, находящимся в трудном финансовом положении; усовершенствование и внедрение профессиональными IT-специалистами доступных для пользователя форм размещения исковых заявлений (заявлений) с прилагаемыми документами; оснащение судебных органов профессиональным и современным оборудованием в достаточном количестве.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, цифровизация, электронные технологии, исковое заявление, электронный документ, суд, лица, участвующие в деле, доступность правосудия.

O.A. Bakhareva

SOME ISSUES ARISING FROM THE USE OF ELECTRONIC TECHNOLOGIES IN CIVIL PROCEEDINGS

Background: the article, analyzes the order of filing a statement of claim (statements) and documents in electronic form to the court in the form of an electronic document and other ways of interaction with the court electronically. The study of the use of electronic technologies in justice is of great importance, because they greatly facilitate on the one hand judicial activity (help to apply to the court electronically, quickly find the necessary documents, to participate online in a court session being in another city, to record the course of the court session on audio media, etc.), but on the other hand there are difficulties associated with their use. **Objective:** analysis of some issues arising in the use of electronic technologies in civil proceedings, identifying problems and finding solutions. **Methodology:** it represents the general methods of scientific knowledge, namely logical and systematic analysis, synthesis and private legal methods of knowledge — legal-technical, comparative law. **Results:** the research identified some problems arising from the use of electronic technologies in civil proceedings which allow us to conclude that the transfer of the entire document flow of courts of general jurisdiction only in electronic format is premature. **Conclusions:** research of questions and problems arising in the course of analysis of interaction in electronic form of persons participating in the case with the court allows to offer options for their resolution. For realization of the right to judicial protection it is reasonable to create convenient and accessible to ordinary citizens services for quick digitization of paper documents and offices where it would be possible to use electronic services for citizens in a difficult financial situation; improvement and introduction by professional IT-specialists of user-friendly forms of placement of statements of claim (applications) with attached documents; equipping of judicial bodies with professional and modern equipment in sufficient quantity.

Key-words: civil proceedings, digitalization, electronic technologies, statement of claim, electronic document, court, persons involved in the case, accessibility of justice.

Широкое применение информационных технологий и цифровизация всех сфер деятельности общества и государства не обошло стороной и судебную систему [1, с. 22]. Законодатель стремится путем внедрения новых технологий облегчить участникам гражданского судопроизводства осуществлять свое право на судебную защиту, организовать доступность правосудия всем гражданам и упростить деятельность суда [2; с. 120–121].

Среди нововведений — электронная подача искового заявления, заявлений и иных процессуальных документов, получение копий судебных постановлений в формате электронных документов с использованием сети Интернет, судебных повесток и иных судебных извещений, предоставление возможности ознакомиться с электронными материалами дела в режиме ограниченного доступа в сети Интернет, если технические возможности суда позволяют такое взаимодействие. В подведении итогов работы судов за 2021 г. было отмечено, что нововведения успешно проникают в гражданское судопроизводство. Заявители в электронном виде подали в суды 5 млн процессуальных документов. СМС-уведомлений

о времени и месте судебного заседания было направлено судебными органами более 25 млн¹.

Согласно положениям действующего гражданского процессуального законодательства предусматривается возможность подачи искового заявления, заявлений и иных процессуальных документов в электронном виде через личный кабинет пользователя, созданный в разделе «Подача процессуальных документов в электронном виде» официального сайта суда, который расположен на интернет-портале ГАС «Правосудие» (www.sudrf.ru) в информационно-телекоммуникационной сети Интернет², при помощи Единого портала государственных и муниципальных услуг подписанного простой электронной подписью, либо через систему электронного документооборота участников судопроизводства, подписанного квалифицированной электронной подписью³.

Электронный документ на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁴, есть «документированная информация, представленная в электронной форме, которая пригодна для восприятия с использованием электронных вычислительных машин и зафиксированная на материальном носителе путем документирования информации» с соблюдением установленных реквизитов. Затем получаемый электронный документ проходит процедуру оцифровки и изложения на бумажном носителе.

Согласно положению Гражданского процессуального кодекса РФ электронные документы, выполненные в форме цифровой записи, с помощью электронной, факсимильной связи сети Интернет и подписанные электронной подписью представляют собой разновидность письменных доказательств (ч. 1 ст. 71 ГПК РФ)⁵. Однако электронные документы, несмотря на свое внешнее сходство с письменными доказательствами, отличаются от них (по форме, по способу создания и использования) и как справедливо подметил А.Т. Боннер, ошибочно приравнены к письменным доказательствам [3, с. 111–112]. Следовательно, можно заключить, что электронные документы относятся к электронным доказательствам и представляют собой сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела и выполнены в форме цифровой записи [4, с. 8]. Поэтому целесообразно внести изменения в действующее законодательство и дополнить круг средств доказывания — электронными доказательствами.

Документ в электронном виде следует отличать от электронного образа документа, получаемого в результате копирования изготовленного на бумаге документа и заверенного электронной подписью. Электронный документ, в от-

¹ См.: Лебедев и Путин подводят итоги работы судов за 2021 год. URL: <https://pravo.ru/online/239028/> (дата обращения: 16.07.2022).

² См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (в ред. от 17 ноября 2021 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_209690/ (дата обращения: 6.07.2022).

³ См.: Федеральный закон от 30 декабря 2021 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2022. № 1 (ч. I), ст. 9.

⁴ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3445; Российская газета, 2022. № 160.

⁵ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 7 октября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 41, ст. 6949.

личие от электронного образа документа, изготавливается только в электронном формате и подписывается электронной подписью¹, которая устанавливает подписавшее документ лицо². Электронная подпись имеет индивидуальные признаки, подтверждает волю уполномоченного лица и призвана защитить документ от подделки, искажения информации, содержащейся в нем. Обращение в суд заинтересованного лица может быть подписано простой электронной подписью, а в случаях предусмотренных законодательством, должно быть подписано усиленной квалифицированной электронной подписью (например, заявление о предварительном обеспечении защиты авторских и (или) смежных прав, заявление об обеспечении иска)³.

Поступившие в суд электронные документы (образы электронных документов) должны содержать информацию непосредственно, относящуюся к рассматриваемому делу, а также должны быть получены с соблюдением: формы, которая допускает хранение и передачу электронного документа, с наличием необходимых обязательных сведений для идентификации и аутентификации документа и иных требований, предусмотренных действующим законодательством.

Электронная переписка в Whatsapp, Viber, Skype и с использованием других мессенджеров между лицами, «скриншот» (снимок экрана компьютера либо мобильного устройства) не получают статуса электронных документов, поскольку такие сообщения и снимки не заверяются электронной цифровой подписью. Однако электронные сообщения могут содержать информацию, переданную и полученную пользователем информационно-телекоммуникационной сети, которая содержит необходимые факты, имеющие значение для исследования доказательств по делу. В законе отсутствуют требования — в какой именно форме и формате электронная переписка должна быть представлена в материалы дела. Вместе с тем переписка по электронной почте либо при помощи разнообразных мессенджеров может иметь юридическую силу, если в суде не доказана ее фальсификация и можно провести аутентификацию или идентификацию авторов переписки с помощью адреса электронной почты либо номера мобильного телефона, привязанного к персональному аккаунту пользователя информационно-телекоммуникационной сети. Доказать принадлежность телефонного номера конкретному лицу можно по информации в договоре или на интернет-странице. Для этого делается запрос оператору, если номер телефона зарегистрирован непосредственно на само лицо. Установить факт передачи сообщения можно запросив детализацию сообщений у оператора услуг связи (интернет-провайдера). Наиболее надежный способ представления такого доказательства в суд — это его нотариальное обеспечение.

Размещения информации о деятельности суда, о принятии обращений к его производству, о времени и месте судебного заседания или проведения отдельного

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

² См.: Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63 «Об электронной подписи» (в ред. от 23 июня 2016 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 31 декабря 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 15, ст. 2036.

³ См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 27 декабря 2016 г. № 251 «Об утверждении Порядка подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа» (в ред. от 5 ноября 2019 г.) // Бюллетень актов по судебной системе. 2017. № 2; 2020. № 6.

процессуального действия на странице официального сайта суда в сети Интернет в установленные действующим процессуальным законодательством сроки (ч. 7 ст. 113 ГПК РФ) является положительным нововведением, которое может ускорить рассмотрение дела, снизить вероятность его затягивания недобросовестными участниками судопроизводства. Лица, участвующие в деле могут быть извещены судом с их согласия о времени и месте судебного заседания направлением им извещений или вызовов по электронной почте (ч. 4 ст. 1, ч. 1 ст. 35 ГПК РФ). В постановлении Пленума Верховного суда РФ поясняется, что «согласие на такое извещение может быть выражено, указанием адреса электронной почты в тексте обращения в суд, при подаче обращения в суд в электронном виде посредством заполнения соответствующей формы в сети „Интернет”»¹.

Предоставленное лицам, участвующим в деле право ознакомиться с электронными материалами дела в режиме ограниченного доступа в сети Интернет (если технические возможности суда позволяют такое взаимодействие) делает возможным в дистанционном формате быстро и оперативно познакомиться с материалами дела. Однако законодатель не поясняет, что подразумевается под термином «материалы дела» с которыми в электронном виде смогут ознакомиться лица, участвующие в деле. Если это собранные и систематизированные в определенном порядке документы, составляющие содержание гражданского дела, то в этом случае необходимо продумать порядок и установить период времени в течении которого должны быть размещены в сети Интернет такие материалы, а также обеспечить суды кадровым потенциалом и техническим современным оборудованием.

Несмотря на позитивность нововведений, призванных упростить процесс подачи документов в электронном виде встречаются разнообразные трудности, связанные с недостаточной компьютерной грамотностью и технической возможностью заявителей [5, с. 55–56], отсутствием у них квалифицированной электронной цифровой подписи, многочисленными ошибками при подаче документов (технический сбой при сохранении большого количества документов, размещение документов в недопустимом формате и др.). Для того чтобы обойти трудности, при подачи искового заявления, связанные с размещением в системе, ГАС «Правосудие» документов, подтверждающих заявленные требования заявители загружают только исковое заявление и часть документов, что влечет за собой вынесение судом определения об оставлении искового заявления без движения. Обработка поступивших в суд документов в электронном виде из-за недостаточной обеспеченности судов, зачастую задерживается. Подача документов в электронном виде не исключает факта, указания в документах не достоверной информации как намеренно, так и случайно ввиду технического искажения указанных сведений, что влияет на достоверность представленных документов. Поэтому перевод всего документооборота судов общей юрисдикции только в электронный формат является преждевременным, затруднительным, затратным и долгим.

В качестве путей преодоления выявленных недостатков и трудностей можно назвать:

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 4.

повышение качества и удобства систем электронного правосудия, усовершенствование и внедрение доступных для пользователя форм размещения исковых заявлений (заявлений) с прилагаемыми документами, поиском судебных актов в ГАС «Правосудие», усовершенствование сервиса ГАС «Правосудие» профессиональными IT-специалистами;

создание удобных, понятных и доступных для обычных граждан сервисов для быстрой оцифровки бумажных документов и офисов где было бы возможно воспользоваться электронными услугами гражданам, находящимся в трудном финансовом положении.

Разрешение выявленных трудностей позволит упростить процедуру взаимодействия суда и лиц, участвующих в деле и поможет реализовать право на судебную защиту.

Библиографический список

1. *Боннер А.Т.* Электронное правосудие: реальность или новомодный термин? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 1. С. 22–38.
2. *Гринь Е.А.* Применение современных информационных и компьютерных технологий в гражданском судопроизводстве // Аграрное и земельное право. 2021. № 4 (196). С. 120–125.
3. *Боннер А.Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: Проспект, 2015. 616 с.
4. *Горелов М.В.* Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2005. 21 с.
5. *Исаенкова О.В.* Пределы коррекции гражданской процессуальной формы // Судебная защита прав предпринимателей: сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Тверь, 2021. С. 52–57.

References

1. *Bonner A.T.* Electronic Justice: Reality or a Newfangled Term? // Bulletin of Civil Procedure. 2018. No. 1. P. 22–38.
2. *Grin E.A.* Application of Modern Information and Computer Technologies in Civil Proceedings // Agrarian and Land law. 2021. No. 4 (196). P. 120–125.
3. *Bonner A.T.* Traditional and Non-Traditional Means of Proof in Civil and Arbitration Proceedings. Moscow: Prospect, 2015. 616 p.
4. *Gorelov M.V.* Electronic Evidence in Civil Proceedings of Russia: Questions of Theory and Practice: extended abstract of dis. ... cand. of law. Yekaterinburg. 2005. 21 p.
5. *Isaenkova O.V.* Limits of Correction of the Civil Procedural Form // Judicial Protection of the Rights of Entrepreneurs: a collection of scientific articles based on the materials of the All-Russian Scientific and practical conference. Tver, 2021. P. 52–57.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-139-145

УДК 347.91

Г.И. Вершинина

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЗАВЕРШЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ И ОТКРЫТИЯ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

***Введение:** подготовка дела к судебному разбирательству является обязательной стадией гражданского процесса. От того насколько полно и продуктивно проведена подготовка, будет зависеть не только вынесение законного и обоснованного решения, но и своевременность получения реальной судебной защиты права заинтересованного лица. С момента принятия Верховным Судом РФ Постановления, разъясняющего положения законодательства, регулирующего подготовку дела к судебному разбирательству, прошло более четырнадцати лет, при этом законодательство неоднократно претерпевало изменения, которые требуют уточнения. В частности, новеллой является возможность завершения предварительного судебного заседания и открытия судебного заседания без назначения другой даты судебного заседания. Законодательные дополнения в этой части имеют пробелы, которые требуют конкретизации. **Цель:** исследование отдельных норм законодательства, регулирующих порядок завершения предварительного судебного заседания и открытие судебного заседания в стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству. **Методологическая основа:** представляет собой совокупность методов общенаучного частнонаучного познания, среди которых методы формально-логического, системного анализа, синтеза и сравнительно-правовой метод. **Результаты:** проанализированы отдельные аспекты законодательного регулирования предварительного судебного заседания в части возможности его завершения и открытия судебного заседания, а также разъяснения Верховного Суда РФ, данные в Постановлении Пленума от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». **Выводы:** отдельные положения законодательства, регулирующего порядок и условия завершения предварительного судебного заседания и открытия судебного заседания по гражданским делам, сформулированы нечетко и недостаточно полно, что приводит к сложностям в практике их применения, и, соответственно, требует законодательного уточнения.*

***Ключевые слова:** подготовка дела к судебному разбирательству, предварительное судебное заседание, подготовительные действия, завершение предварительного судебного заседания, определение суда.*

G.I. Vershinina

ON THE LEGAL REGULATION OF THE COMPLETION
OF THE PRELIMINARY HEARING AND OPENING
OF THE COURT SESSION IN CIVIL CASES

Background: the preparation of the case for trial is a mandatory stage of the civil process. Not only the making of a legitimate and reasonable decision, but also the timeliness of obtaining real judicial protection of the rights of the person concerned will depend on how fully and productively the preparation has been carried out. More than fourteen years have passed since the adoption by the Supreme Court of the Russian Federation of a resolution clarifying the provisions of legislation regulating the preparation of a case for trial, while the legislation has repeatedly undergone changes that require clarification. In particular, the novelty is the possibility of completing the preliminary court session and opening the court session without setting another date for the court session. Legislative additions in this part have gaps that require specification. **Objective:** to study certain legislative norms regulating the procedure for the completion of the preliminary court session and opening of the court session at the stage of preparation of a civil case for trial. **Methodology:** a set of methods of general scientific private scientific cognition, including methods of formal logical, system analysis, synthesis and comparative legal method. **Results:** certain aspects of the legislative regulation of the preliminary court session regarding the possibility of its completion and opening of the court session, as well as explanations of the Supreme Court of the Russian Federation given in the Resolution of the Plenum of 24.06.2008 No. 11 "On the preparation of civil cases for trial" were analyzed. **Conclusions:** certain provisions of the legislation regulating the procedure and conditions for the completion of the preliminary court session and the opening of the court session in civil cases are formulated vaguely and insufficiently fully, which leads to difficulties in the practice of their application, and, accordingly, requires legislative clarification.

Key-words: preparation of the case for trial, preliminary court session, preparatory actions, completion of the preliminary court session, court ruling.

Судопроизводство, в том числе и по гражданским делам, имеет строго определенную форму. Движение дела по стадиям является неотъемлемой составляющей процессуальной формы. В свою очередь, соблюдение гражданской процессуальной формы является гарантией вынесения законного и обоснованного решения и эффективности правосудия по гражданскому делу [1, с. 194]. Гражданская процессуальная форма многоаспектна, универсальна, при этом достаточно детально формализует судопроизводство от предъявления иска до обжалования судебного постановления.

Не углубляясь в дискуссии о количестве стадий гражданского судопроизводства, остановимся только на анализе отдельных аспектов стадии подготовки дела к судебному разбирательству, наличие которой не вызывает дискуссий, к тому же она официально зафиксирована в гражданском процессуальном законодательстве.

Согласно ч. 2 ст. 147 ГПК РФ подготовка дела к судебному разбирательству обязательна по каждому гражданскому делу, аналогичные указания подтверждает Верховный Суд РФ в своем Постановлении¹.

Подчеркивая важность стадии подготовки дела к судебному разбирательству, законодатель закрепляет перечень задач, которые должен выполнить судья, принявший заявление к своему производству. В свою очередь в вышеупомянутом Постановлении внимание судей обращается на то, что «соблюдение требований закона о проведении надлежащей подготовки гражданских дел к судебному разбирательству является одним из основных условий правильного и своевременного их разрешения».

Чтобы подготовка дела была надлежащей, процессуальный закон достаточно детально регламентирует действия суда и сторон, которые они должны выполнить в порядке ст. 149–150 ГПК РФ².

По общему правилу судебная практика формируется в результате применения закона, однако, зачастую происходит наоборот. В процессе рассмотрения гражданского дела судьи сталкиваются с вопросами, которые не урегулированы или недостаточно четко урегулированы нормами действующего законодательства, что приводит к необходимости внесения корректив в закон. Так, А.В. Чекмарева замечает, что «большинство последних изменений норм, касающихся подготовки дела к судебному разбирательству, обусловлены сложившейся в правоприменительной практике необходимостью» [2, с. 408]. Другие авторы также указывали на то, что требуется более жесткое структурирование и регламентация подготовки [3, с. 25].

Прогрессивным нововведением с принятием ГПК РФ явилась возможность проведения предварительного судебного заседания, которое в соответствии с законом необязательно, но стало достаточно востребованным, а в ряде случаев просто необходимым элементом стадии подготовки дела к судебному разбирательству.

Статья 152 ГПК РФ, регулирующая предварительное судебное заседание, неоднократно подвергалась изменениям вследствие того, что необходимо было законодательно зафиксировать такие процессуальные действия, как использование систем видео-конференц-связи, а также веб-конференции; разъяснение сторонам возможности урегулировать спор при помощи различных примирительных процедур; разрешение вопроса о передаче дела, принятого судом к своему производству, в другой суд общей юрисдикции, арбитражный суд и др.

Завершающим этапом подготовки дела означающим, что судом проведены все необходимые действия, позволяющие рассмотреть дело по существу, является вынесение определения о назначении его к разбирательству в судебном заседании.

Федеральным законом от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ³ ст. 153 ГПК РФ была дополнена ч. 2, которая, несомненно, имеет практическое значение и существенно способствует возможности рассмотреть дело в установленные сроки.

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (в ред. от 9 февраля 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 9.

² См.: Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 7 октября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532; 2022. № 41, ст. 6949.

³ См.: Федеральный закон от 29 июля 2018 г. № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 31, ст. 4854.

Несмотря на то, что положения упомянутых нововведений целесообразны, тем не менее, их содержание вызывает некоторые вопросы, требующие уточнения. При этом хотелось бы отметить, что как указывалось ранее, законодательный регламент проведения подготовки претерпевал некоторые изменения, но со стороны Верховного Суда РФ официальные разъяснения и рекомендации судам были даны достаточно давно — еще в 2008 г.

Согласно ч. 2 ст. 147 ГПК РФ подготовка дела проводится судьей с участием сторон, других лиц, участвующих в деле, их представителей. При наличии оснований для проведения предварительного судебного заседания, предусмотренных ст. 152 ГПК РФ, суд извещает о времени и месте его проведения заинтересованных лиц (п. 13 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ). Предварительное судебное заседание, как правило, назначается, если необходимо закрепить распорядительные действия сторон и третьих лиц.

Проведение предварительного судебного заседания может иметь различные правовые последствия: во-первых, вынесено определение о закреплении распорядительных действиях сторон, которые не связаны с завершением судопроизводства, такие как: назначение экспертизы, приостановление производства по делу, отложение судебного заседания для проведения медиации и др. Во-вторых, определение об окончании судопроизводства без вынесения судебного решения при наличии оснований для оставления заявления без рассмотрения или прекращения производства по делу по основаниям ст. 222, 220 ГПК РФ. В-третьих, наиболее распространенное последствие — завершение стадии подготовки и вынесение определения о назначении дела к судебному разбирательству. В-четвертых, судья, признав дело подготовленным, вправе завершить предварительное судебное заседание и при согласии сторон открыть судебное заседание.

Чтобы это было возможным, в соответствии с ч. 2 ст. 153 ГПК РФ необходимы следующие условия (юридический состав): лица, участвующие в деле, присутствовали в предварительном заседании и дали согласие на открытие судебного заседания; лица, участвующие в деле, которые отсутствовали в предварительном судебном заседании, но были извещены о времени и месте предварительного судебного заседания и просили рассмотреть дело по существу в их отсутствие. В качестве невозможности открытия судебного заседания при наличии всех остальных условий указывается рассмотрение дела «коллегиальным составом суда». Следует отметить, что данное условие не действует, поскольку согласно ч. 1 ст. 14 ГПК РФ дела в судах первой инстанции рассматриваются судьями единолично.

Нормы процессуального закона не содержат указания, в каком порядке осуществляется завершение предварительного судебного заседания и открытие судебного заседания, что является недостатком его правового регулирования. Учитывая, что гражданский процесс подчиняется формализации, то полагаем, судья должен вынести определение о таком действии на основании ч. 2 ст. 153 ГПК РФ. В этом случае открывается судебное заседание и проходит по общим правилам, а также ведется новый протокол судебного заседания.

Первое условие вопросов не вызывает, если лица, участвующие в деле, присутствуют в предварительном судебном заседании и дают свое согласие, то логично в этот же день рассмотреть дело по существу, что соответствует требованиям процессуальной экономии.

Представляется, что второе условие требует уточнений со стороны законодателя. Для его реализации необходимо, чтобы суд до назначения предварительного заседания разъяснил сторонам право о возможности завершения предварительного и открытия основного судебного заседания, а также право просить рассмотреть дело по существу в их отсутствие в этом случае. Это условие объединяет в себе разные правовые положения: быть извещенным о проведении предварительного судебного заседания и отсутствовать на нем, это не одно и то же, что отсутствовать при рассмотрении дела по существу и просить рассмотреть дело в их отсутствие. Соответственно, такое право сторон и обязанность суда о разъяснении подобных прав должны быть зафиксированы в законе. Это возможно сделать, изменив редакцию п. 13 ч. 1 ст. 150 ГПК РФ: «13) в случаях, предусмотренных ст. 152 настоящего Кодекса, разрешает вопрос о проведении предварительного судебного заседания, его времени и месте. Одновременно суд разъясняет сторонам их право просить суд о завершении предварительного судебного заседания и открытии судебного заседания, а в случае их отсутствия в предварительном судебном заседании по уважительным причинам они могут просить рассмотреть дело по существу в их отсутствие».

Аналогичные ч. 2 ст. 153 ГПК положения содержатся и в ч. 4 ст. 137 АПК РФ, при анализе которых исследователи обращают внимание на тот факт, что если суд определением назначил только предварительное судебное заседание (без указания в этом определении времени и места судебного разбирательства), то суд не вправе окончить предварительное судебное заседание и перейти в судебное разбирательство даже при надлежащем извещении сторон о времени и месте рассмотрения предварительного судебного заседания [4, с. 111]. Кроме того, С.А. Сапожников и О.Н. Бармина считают, что в определении о завершении предварительного судебного заседания и открытии судебного заседания необходимо указывать мотивы, по которым суд пришел к убеждению о готовности дела к судебному разбирательству, о согласии лиц, участвующих в деле, на рассмотрение дела по существу [5, с. 34].

Следует отметить, что правоприменители в своих постановлениях употребляют термин «переход из предварительного в судебное заседание»¹, в то время, как в норме указано «завершить предварительное судебное заседание и ...открыть судебное заседание». Полагаем, что подобное употребление возможно, поскольку и в первом, и во втором случае эти действия означают завершение одной стадии (подготовка дела) и переход к другой (судебное разбирательство).

В пункте 30 Постановления от 24 июня 2008 г. № 11 разъясняется судам, что вынесение решения об отказе в иске по мотивам пропуска срока исковой давности или срока обращения в суд препятствует дальнейшему рассмотрению спора по существу, в случае неявки в предварительное судебное заседание лиц, участвующих в деле, их представителей вопрос о возможности рассмотрения возражений ответчика разрешается в соответствии со ст. 167 ГПК РФ. Из этого следует, что если указанные лица присутствуют, то возможно вынесение решения об отказе в иске в предварительном судебном заседании в порядке ч. 6 ст. 152 ГПК РФ.

¹ См.: Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10 декабря 2019 г. № 88-1096/2019; Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17 марта 2022 г. по делу № 88-5467/2022, 2-2504/2021; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 17 августа 2016 г. № 02АП-5342/2016 по делу № А31-2209/2016 и др. Доступ из справ.-правой системы «КонсультантПлюс».

Хочется заметить, что решение — это судебное постановление, которым разрешается спор по существу (ч. 1 ст. 194 ГПК). В то же время с учетом положений п. 2 ст. 199 ГК РФ¹, ч. 6 ст. 152 ГПК РФ суд, при установлении факта пропуска без уважительных причин сроков исковой давности, откажет в иске. В такой ситуации, при всей очевидности, нет надобности проведения самостоятельного судебного заседания. Тем не менее, процедурно было бы более правильным, если суд завершит предварительное заседание и откроет судебное заседание, в котором примет решение об отказе истцу в иске. С этой целью целесообразно дополнить ст. 153 ГПК РФ п. 2.1. следующего содержания: «Суд также вправе завершить предварительное судебное заседание и открыть судебное заседание при наличии обстоятельств, предусмотренных абзацем вторым части шестой статьи 152 настоящего Кодекса».

Таким образом, можно сделать вывод, что правовое регулирование отдельных аспектов стадии подготовки дела к судебному разбирательству нуждается в дальнейшем совершенствовании.

Библиографический список

1. *Попова Ю.А.* Гражданская процессуальная форма — гарантия эффективности правосудия по гражданским делам // Проблемы доступности и эффективности правосудия в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М.: Лиджист, 2001. С. 193–204.
2. *Чекмарева А.В.* Некоторые вопросы подготовки дел к судебному разбирательству в свете изменений гражданского процессуального законодательства // Перспективы развития гражданского процессуального права: сборник статей по материалам III Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора И.М. Зайцева. Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». 2019. С. 404–408.
3. *Алексеева Н.В., Павлова Л.Н.* Оптимизация подготовки гражданского дела к судебному разбирательству // Российское правосудие. 2020. № 2. С. 24–31.
4. *Бармина О.Н.* Переход к рассмотрению дела по существу в арбитражном процессе: проблемы теории и практики // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2019. № 38. С. 109–113.
5. *Сапожников С.А., Бармина О.Н.* К вопросу о переходе из предварительного судебного заседания к основному судебному разбирательству: новое правило гражданского процесса // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 1. С. 28–34.

References

1. *Popova Yu.A.* Civil Procedural Form — a Guarantee of the Effectiveness of Justice in Civil Cases // Problems of Accessibility and Effectiveness of Justice in Civil and Arbitration Proceedings. M.: Publishing house “Ligist”, 2001. P. 193–204.
2. *Chekmareva A.V.* Certain Issues of Preparing Cases for Trial in the Light of Changes in Civil Procedural Legislation // Prospects for the Development of Civil Procedural Law: a collection of articles based on the materials of the III International Scientific and Practical Conference dedicated to the 85th anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor I.M. Zaitsev. Saratov: Publishing House of the Saratov State Law Academy. 2019. P. 404–408.

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2022. № 9 (ч. 1), ст. 1252.

3. *Alekseeva N.V., Pavlova L.N.* Optimization of the Preparation of a Civil Case for Trial // *Russian justice*. 2020. No. 2. P. 24–31.

4. *Barmina O.N.* Transition to Consideration of the Case on the Merits in the Arbitration Process: Problems of Theory and Practice // *Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. 2019. No. 38. P. 109–113.

5. *Sapozhnikov S.A., Barmina O.N.* On the Issue of the Transition from the Preliminary Court Session to the Main Trial: a New Rule of Civil Procedure // *Arbitration and Civil procedure*. 2020. No. 1. P. 28–34.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-146-155

УДК 347.921

Е.М. Кобзаренко

УСТАНОВЛЕНИЕ НАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ ДИФФАМАЦИОННЫХ СВЕДЕНИЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Введение: появление и активное проникновение во все сферы жизни цифровых технологий предоставляет широкие возможности для сбора и передачи информации, общения на межличностном и массовом уровне. В то же время сеть Интернет таит в себе угрозу распространения потенциально опасной информации, которая может причинить вред правообладателям. В связи с этим злободневным является вопрос установления надлежащего ответчика при распространении в сети Интернет диффамационных сведений. **Цель:** выявить и назвать критерии дифференциации ответственности авторов диффамационных сведений и информационных посредников. **Методологическая основа:** общенаучные и частнонаучные (логико-юридический, сравнительно-правовой) методы познания. **Результаты:** перечислены необходимые условия привлечения к гражданско-правовой ответственности владельцев сайтов Всемирной сети. **Выводы:** критерием дифференциации гражданско-правовой ответственности за распространение диффамационных сведений является уровень редакционного контроля над распространяемым пользователями контентом.

Ключевые слова: защита чести, достоинства, деловой репутации, диффамация, надлежащий ответчик, информационные посредники, распространение сведений в сети Интернет.

Е.М. Kobzarenko

ESTABLISHING A PROPER DEFENDANT FOR DEFAMATION ON THE INTERNET

Background: the emergence and active penetration into all spheres of life of digital technologies provides ample opportunities for collecting and transmitting information, communication at the interpersonal and mass level. At the same time, the Internet is fraught with the threat of dissemination of potentially dangerous information that can harm right holders. In this regard, the issue of establishing the proper defendant in the dissemination of defamatory information on the Internet is topical. **Objective:** to identify and name the criteria for differentiating the responsibility of authors of defamatory information and information intermediaries. **Methodology:** general scientific and particular scientific (logical-legal, comparative-legal) methods of cognition. **Results:** the necessary conditions for bringing to civil liability the owners of the World Wide Web sites are listed. **Conclusions:** the criterion for differentiating civil liability for the

© Кобзаренко Елена Михайловна, 2022

Кандидат юридических наук, адвокат, член квалификационной комиссии Адвокатской палаты Саратовской области; e-mail: barrister67@mail.ru

© Kobzarenko Elena Mikhailovna, 2022

Candidate of Legal Sciences, lawyer, member of the Qualification Commission of the Chamber of Lawyers of the Saratov Region

dissemination of defamatory information is the level of editorial control over the content distributed by users.

Key-words: *protection of honor, dignity, business reputation, defamation, proper defendant, information intermediaries, dissemination of information on the Internet.*

Прежде чем перейти к исследованию вопроса о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите от диффамации, распространенной в сети Интернет, необходимо выявить, совпадают ли понятия «ответчик» и «надлежащий ответчик».

Е.В. Васьковский писал: «Ответчик — это лицо, привлекаемое судом к ответу, т.к. истец указал его как нарушителя своего права, по поводу которого идет спор» [1, с. 325]. Таким образом номинация «ответчик» возникает в результате реализации истцом права, в основе которого один из основополагающих принципов гражданского процесса — принцип диспозитивности.

Согласимся с мнением А.Г. Плешанова, что «диспозитивность рельефно отражает свободу субъективно заинтересованного лица самостоятельно определять формы и способы защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса» [2, с. 94]. Реализация этого принципа предполагает свободу совершения или отказ от каких-либо процессуальных действий, в том числе право указать предполагаемого ответчика, заявить ходатайство о замене ненадлежащего ответчика. Сложившаяся в настоящее время правоприменительная практика по рассмотрению репутационных споров в судах общей юрисдикции демонстрирует отступление от этого принципа. По крайней мере, в случаях предъявления исковых требований к одному из надлежащих ответчиков, совместно распространивших диффамационные сведения. В таких случаях «суд вправе привлечь к участию в деле соответчика в случае невозможности рассмотрения дела без его участия (ст. 40 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации)¹. Фактически в приведенном примере вопрос об указании надлежащего ответчика и процессуальном соучастии при рассмотрении споров о защите от диффамации разрешается по инициативе суда.

С.Ф. Афанасьев отметил: «...в судебной практике установилось правило, согласно которому обязательное соучастие должно иметь место во всех случаях, когда предметом требования нескольких истцов или к нескольким ответчикам является общее право или общая обязанность» [3, с. 143]. Например, возможными процессуальными соучастниками на стороне ответчика в случае распространения сведений в СМИ могут быть физические или юридические лица, которые, по мнению истца, имеют к этому отношение: учредитель СМИ, журналист, информационное агентство, предоставившее СМИ оспариваемые сведения, физические лица, организации, учреждения, предприятия, органы общественных объединений, которые выступают источником таких сведений и др.

Следовательно, перед нами одна из процессуальных особенностей гражданских дел о защите от диффамации — возможность привлечения соответчика к участию в деле по инициативе суда. Как представляется, такая позиция высшего судебного органа противоречит принципам диспозитивности и состязательности

¹ См. п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

сторон. Ведь не содействует же суд ответчику в его желании уйти от гражданско-правовой ответственности.

Роль суда при разрешении вопроса о замене ненадлежащего ответчика исследовала Н.Н. Ткачева, и пришла к заключению, что «она не совсем понятна». По меткому замечанию ученого, «вместо того чтобы действовать в соответствии с принципом состязательности и сохранять нейтральную позицию, судья, можно сказать, помогает истцу, подсказывает, что и как ему делать» [4, с. 267].

В конечном итоге от того, насколько эффективно и правильно истец реализует свои процессуальные права, во многом зависит перспектива рассмотрения дела по существу. В соответствии с ч. 3 ст. 196 ГПК РФ суд принимает решение только по заявленным истцом требованиям, исключение допускается лишь в случаях, установленных федеральным законом, но нормативный акт, регулирующий вопросы диффамации, предусматривающий право суда выйти за пределы заявленных требований, отсутствует.

С.В. Потапенко и В.А. Старушко справедливо отметили, что «принцип диспозитивности определяет содержание норм ГПК РФ, регулирующих состав лиц, участвующих в деле (процессуальное соучастие и замену ненадлежащего ответчика). Истец может предъявить иск и к ненадлежащему ответчику, т.е. лицу, которое не несет перед ним ответственности» [5, с. 7].

Установление надлежащего ответчика, в том числе по репутационному спору, является исключительной прерогативой суда. В случае удовлетворения исковых требований в судебном решении указываются основания, по которым суд пришел к выводу о необходимости возложения гражданской правовой ответственности на то или иное физическое или юридическое лицо. В результате анализа приведенных мнений и положений процессуального закона удалось назвать три критерия, с помощью которых выявляются отличия процессуальных статусов ответчика и надлежащего ответчика.

Прежде всего такая градация происходит по субъекту номинирования. Ответчик указывается истцом на основе предположения о том, что именно это лицо является нарушителем его прав или законных интересов. Надлежащий ответчик указывается судом в результате всестороннего, полного, объективного и непосредственного исследования имеющихся в деле доказательств.

По вероятности привлечения к гражданско-правовой ответственности. Ответчик — это лицо, которое, исходя из предположений истца, может быть привлечено к гражданско-правовой ответственности. Надлежащий ответчик должен, при соблюдении прочих необходимых условий, нести гражданско-правовую ответственность.

По моменту указания. Ответчик указывается истцом при подаче искового заявления в суд. Надлежащий ответчик в случае удовлетворения исковых требований указывается в судебном решении.

Названные отличия, как представляется, оказывают влияние на разрешение вопроса об установлении надлежащего ответчика при разрешении, в том числе, репутационных споров. Правовая позиция ВС РФ по данному вопросу сформулирована следующим образом: «Надлежащим ответчиком по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти

сведения»¹. Лишь на первый взгляд такое разъяснение является всеобъемлющим, в то время как на практике его применение вызывает немало вопросов. Связаны они с тем, что установление авторства подчас невозможно, а в ряде случаев намеренно скрывается. Установление распространителя диффамационных сведений в СМИ порой существенно затруднено, поскольку правоотношения, связанные с распространением сведений чаще всего следует охарактеризовать как полисубъектные, т.к. в этот процесс подчас вовлечено множество физических и юридических лиц. Кроме того, в вышеуказанном постановлении не раскрываются особенности установления надлежащего ответчика при защите от диффамации в случае распространения порочащих сведений в сети Интернет.

Из содержания п. 7 того же Постановления Пленума ВС РФ следует, что в случае размещения диффамационных сведений в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве СМИ, при рассмотрении исковых требований необходимо руководствоваться соответствующими нормами. В связи с этим установление и привлечение к участию в деле в качестве ответчика электронного СМИ не вызывает каких-либо затруднений, поскольку вся необходимая информация о потенциальном ответчике, в соответствии с требованиями ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации»² (далее — Закон о СМИ), размещается им в выходных данных интернет-издания.

Но распространение информации в сети Интернет может осуществляться через различные сайты, которые осуществляют свою деятельность без регистрации в качестве СМИ, т.к. необходимость обязательной государственной регистрации СМИ, как следует из анализа ст. 8, 10 и 11 Закона РФ о СМИ, возникает лишь в случае распространения продукции СМИ. Поскольку при распространении сведений в электронном виде такая продукция отсутствует, отсутствует и необходимость производить государственную регистрацию распространителя информации со всеми вытекающими последствиями.

К примеру, у такого распространителя нет обязанности публиковать выходные данные издания, что существенно затрудняет установление и привлечение к ответственности ответчика в случае распространения диффамационных сведений. Зачастую владельцы интернет-сайтов предоставляют своим пользователям такую опцию, как самостоятельное наполнение интернет-ресурса всевозможным контентом. Это могут быть сообщения, комментарии, посты, различные объявления и т.п. В связи с этим актуальным является вопрос о разграничении ответственности авторов диффамационных сведений и поставщиков таких услуг, именуемых информационными посредниками.

Однако термин «информационный посредник» упоминается в действующем законодательстве лишь при разрешении вопросов ответственности за нарушение интеллектуальных прав в сети Интернет в ст. 1253.1 ГК РФ, которая введена Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ³, а также в положениях

¹ См. п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести, достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

² См.: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 7, ст. 300.

³ См. ст. 4 Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 27, ст. 3479.

Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹.

В соответствии с положениями п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О применении судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»² лица, не зарегистрированные в качестве СМИ и допустившие нарушения законодательства при распространении массовой информации в сети Интернет, несут уголовную, административную, гражданско-правовую и иную ответственность без учета особенностей, предусмотренных законодательством о СМИ. Но и это разъяснение не внесло в исследуемый вопрос необходимую ясность.

В этой связи вызывают интерес положения международно-правовых актов. Прежде всего речь идет о Рекомендациях Комитета Министров Совета Европы государствам-членам от 21 сентября 2011 г. «О новом понятии средств массовой информации». Этот документ «требует от государств-участников Совета Европы предусмотреть в национальном праве новое широкое понятие СМИ, включающее в себя различные медийные онлайн-ресурсы» [6, с. 75], и «предложить такие рамки политики, которые гарантировали бы должный уровень защиты и обеспечивали бы ясное изложение их обязанностей и ответственности в соответствии со стандартами Совета Европы. Реагирование на ситуацию должно быть градуированным и дифференцированным, с учетом той роли, которую играют службы СМИ в производстве контента и в процессах распространения»³. Критерием данной дифференциации предложено считать уровень редакционного контроля над распространяемым пользователями контентом. При этом редакционный контроль может не осуществляться вовсе. Владелец интернет-сайта исключительно по собственному усмотрению решает: производить ли предварительную проверку контента, распространяемого пользователями, на предмет соответствия действующему законодательству, выявлять ли сведения, которые потенциально способны причинить вред защищаемым законом правам и интересам граждан и юридических лиц или производить публикацию сведений без предварительной модерации⁴.

В связи с этим в Декларации Комитета Министров Совета Европы «О свободе обмена информацией в Интернете» от 28 мая 2003 г. предлагается предусматривать ответственность провайдеров, деятельность которых сводится к обеспечению доступа к сети Интернет, «...если они не предпринимают действий по оперативному удалению или блокированию доступа к определенным информационным ресурсам и услугам, как только они узнают о том, что они носят незаконный характер в соответствии с национальным законодательством...»⁵.

¹ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3448.

² См. п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 16 от 15 июня 2010 г. «О применении судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. № 8.

³ См.: Рекомендация CM/Rec (2011) 7 Комитета Министров государствам-членам о новом понятии СМИ (принята Комитетом Министров 21 сентября 2011 года на 1121-ом заседании постоянных представителей министров). URL: http://cyberpeace.org.ua/files/ii_e_14.pdf (дата обращения: 11.12.2020).

⁴ См.: Модерация — контроль выполнения требований, установленных владельцем сайта. Модератор следит за соответствием дискуссии заданной теме по установленным правилам. Модерацией также называют проверку выполнения правил веб-сервисов, записанных в пользовательском соглашении // Словарь бизнес-терминов. Академик.ру. 2001. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/business/17626> (дата обращения: 10.12.2020).

⁵ См.: Декларация Комитета Министров Совета Европы «О свободе обмена информацией в Интернете» от 28 мая 2003 г. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/17327961/> (дата обращения: 11.12.2020).

Аналогичная правовая позиция отражена в Совместной декларации «О свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде» от 3 марта 2017 г., принятой представителями ООН, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Организации американских государств (ОАГ)¹.

Отметим, что 16 марта 2022 г. членство Российской Федерации в Совете Европы было прекращено, при этом никакого переходного периода установлено не было². С этого времени Рекомендации Комитета Министров Совета Европы в Российской Федерации могут не приниматься во внимание. Вместе с тем примеры релевантной практики Европейского Суда по правам человека, которые напрямую касаются вопроса о пределах ответственности информационных посредников (провайдеров, владельцев сайтов) за диффамационные высказывания интернет-пользователей, безусловно, представляют научный интерес. Например, постановление Большой Палаты Европейского Суда по правам человека (далее — ЕСПЧ) от 16 июня 2015 г., которое принято в результате рассмотрения жалобы компании «Делфи АС» по делу «Компания Delfi AS против Эстонии»³.

Фабула дела такова: на новостном интернет-сайте компании «Delfi AS» была размещена некая публикация о деятельности компании SLK. Следует акцентировать внимание на том, что к тексту этой публикации никаких претензий правового характера, в том числе направленных на защиту от диффамации, не предъявлялось. Диффамационные высказывания в адрес единственного акционера компании L. имели место в анонимном комментарии одного из посетителей портала. Национальные суды государства-ответчика удовлетворили иски о защите от диффамации, предъявленные к компании «Delfi AS». Компания-ответчик обратилась в ЕСПЧ, считая, что национальные суды Эстонии нарушили право на свободу слова, предусмотренное ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.⁴

В результате рассмотрения жалобы была сформирована позиция ЕСПЧ, в соответствии с которой за новостным интернет-порталом «Delfi AS» был признан статус СМИ нового типа. Одновременно с этим ЕСПЧ указал на необходимость принимать во внимание отсутствие полноценного редактирования комментариев пользователей интернет-портала.

В связи с этим нецелесообразно при решении вопроса об ответственности исходить из тех принципов, которые сформулированы в отношении традиционных средств массовой информации, в соответствии с которыми ответственность за диффамационную публикацию несут и автор, и публикатор. В тех случаях,

¹ См.: Совместная декларация Специального докладчика ООН по вопросу о праве на свободу убеждений и их свободное выражение, Представителя ОБСЕ по вопросам свободы средств массовой информации, Специального докладчика ОАГ по вопросу свободы выражения мнения и Специального докладчика по вопросу о свободе выражения мнения и доступе к информации в Африке «О свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде» от 3 марта 2017 г. URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/2/302806.pdf> (дата обращения: 11.12.2020).

² См.: Resolution CM/Res (2022)2 on the cessation of the membership of the Russian Federation to the Council of Europe (Adopted by the Committee of Ministers on 16 March 2022 at the 1428th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/pages/result_details.aspx?objectId=0900001680a5da51 (дата обращения: 20.03.2022).

³ См.: Постановление ЕСПЧ от 16 июня 2015 г. «Дело Компания „Делфи АС” (Delfi AS) против Эстонии» (жалоба № 64569/09) (Большая Палата Европейского Суда). URL: <https://internet.garant.ru/#/document/71248950/paragraph/19/doclist/16730/showentries/0/highlight> (дата обращения: 10.12.2020).

⁴ См.: Конвенция ETS № 005 о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

когда владельцы онлайн-ресурсов, осуществляющие модерацию контента, не примут мер к своевременному удалению публикаций анонимных пользователей, нарушающих закон, в том числе затрагивающих честь, достоинство и деловую репутацию иных лиц, они могут быть привлечены к гражданско-правовой ответственности.

Точно сформулировал правила привлечения к ответственности интернет-посредников Д.В. Прохоренко, который провел анализ как международного, так и российского законодательства и заключил, что «действующее законодательство (ФЗ об информации и ГК РФ) догматически позволяет привлечь посредников к ответственности за диффамацию при наличии непосредственно их вины в ненадлежащем администрировании принадлежащего им интернет-ресурса» [7, с. 88].

В настоящее время сформирована позиция российских судов по вопросу привлечения информационных посредников к участию в деле и, как следствие, к имущественной ответственности, за распространение диффамационных сведений. Правовая неопределенность в данном вопросе была устранена в результате издания Постановления Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений п. 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова¹. Из содержания вышеуказанного постановления следует, что лица, которые считают, что их права на честь, достоинство и деловую репутацию нарушены информационными посредниками, не зарегистрированными как СМИ, имеют право заявить иски о удалении порочащих сведений, однако такое право возникает при одномоментном наличии двух условий. Первое — наличие вступившего в законную силу решения суда о признании таких сведений не соответствующими действительности. Второе — отказ информационного посредника добровольно исполнить требования заявителя об удалении этих сведений или игнорирование информационным посредником законных требований заявителя. В результате возник своего рода алгоритм, применение которого позволяет привлечь интернет-посредника к гражданско-правовой ответственности и номинировать его надлежащим ответчиком. В самом общем виде необходимые условия (этапы) предъявления исковых требований к информационному посреднику можно сформулировать следующим образом:

1) заявителю необходимо обратиться в суд с заявлением о признании распространенных тем или иным сетевым изданием сведений не соответствующими действительности в порядке, установленном п. 8 ст. 152 ГК РФ;

2) в случае признания заявленных требований обоснованными, суд провозглашает решение о признании распространенных сведений не соответствующими действительности;

3) решение суда о признании распространенных сведений не соответствующими действительности вступает в законную силу;

4) заявитель обращается к интернет-посреднику с письменным требованием об удалении таких сведений, в котором ссылается на вступившее в законную силу решение суда о признании распространенных сведений не соответствующими действительности;

5) интернет-посредник отказывается добровольно удалить диффамационные сведения, признанные судом не соответствующими действительности либо игно-

¹См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201307110020> (дата обращения: 10.12.2020).

рирует законные требования заявителя, основанные на вступившем в законную силу решении суда;

б) истец обращается в суд с исковыми требованиями к информационному посреднику (владельцу сайта) о принудительном удалении сведений, которые ранее были признаны судом не соответствующими действительности, возмещении убытков, наступивших в результате неисполнения судебного решения.

Все вышеперечисленное имеет отношение к условиям возникновения процессуального статуса ответчика только в тех случаях, когда информационный посредник не имеет непосредственного отношения к распространению диффамационных сведений. Если же будет установлено, что владелец интернет-ресурса самостоятельно распространял такие сведения, то именно он будет являться надлежащим ответчиком по делу и нести ответственность в соответствии с требованиями ст. 152 ГК РФ.

ВС РФ рекомендует судам при решении вопроса об ответственности интернет-посредников за распространение диффамационного контента дифференцировать ответчиков, в зависимости от того, зарегистрированы ли они в качестве СМИ, имелась ли техническая возможность удалить сведения, признанные судом не соответствующими действительности. Так, в п. 16 «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации», утвержденном Президиумом ВС РФ 16 марта 2016 г. (далее — Обзор), раскрывается специфика привлечения к ответственности владельца сайта и управомоченных им лиц, которая состоит в том, что если порочащие сведения, размещенные на сайте в сети Интернет, признаны судом не соответствующими действительности, «владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте, обязаны удалить такие сведения по заявлению потерпевшего»¹. Иными словами, указанные лица могут являться надлежащими ответчиками лишь по требованиям об удалении информации из сети Интернет, которое в соответствии с п. 5 ст. 152 ГК РФ, рассматривается как самостоятельный способ защиты от диффамации. Анализ этого пункта порождает немало разночтений. Уточнений требует вопрос о том, кого следует считать владельцем сайта и управомоченным им лицом.

Исходя из содержания п. 17 ст. 2 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», владельцем сайта в сети Интернет является лицо «самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта, в том числе порядок размещения информации на нем»². Но тогда разрешения требует вопрос о том, кто будет являться надлежащим ответчиком в случае, когда владельцем сайта и администратором доменного имени являются разные лица. Согласно п. 16 Обзора ВС РФ, если порочащие сведения, размещенные на сайте в сети Интернет, признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на этом сайте, обязаны удалить такие сведения по заявлению потерпевшего.

Анализируя эту позицию, Е.В. Гаврилов пришел к выводу, что «...на уровне высшей российской судебной инстанции предусмотрена специфика определения

¹ См. п. 16 «Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16 марта 2016 г.). URL: <https://sudrf.cntd.ru/document/542600885> (дата обращения: 20.12.2020).

² См. п. 17 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собр. законодательства. Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3448; 2012. № 31, ст. 4328.

надлежащих ответчиков при распространении порочащей информации в сети Интернет только в отношении требования об удалении информации из сети Интернет, которое рассматривается в качестве самостоятельного способа защиты, наряду с опровержением (п. 5 ст. 152 ГК РФ) надлежащими ответчиками являются владелец сайта или иное управомоченное им лицо, которое размещает информацию на сайте. Наличие союза „или” в вышеназванном разъяснении означает, что надлежащим ответчиком должен быть только один из них: либо владелец сайта, либо иное лицо. Во втором случае ответственное лицо должно быть уполномочено владельцем сайта на размещение информации на сайте в сети Интернет». [7, с. 114–115]

Такая точка зрения представляется вполне обоснованной, однако в ней имеется одна неточность. Дело в том, что в нормативных словарных источниках русского языка сообщается, что союз «или» употребляется как при противопоставлении — в значении «иначе», «в противном случае», так и при присоединении [8, с. 247]. Следовательно, не все так однозначно. Продолжая исследования, Е.В. Гаврилов предложил «...исходить из правовой презумпции, согласно которой лицом, создавшим реальные технические возможности для размещения порочащей информации, является владелец сайта, информация о котором указана на самом сайте с порочащей информацией, а при отсутствии такого указания — администратор доменного имени» [7, с. 118], сделав вывод, что надлежащим ответчиком преимущественно признается администратор доменного имени [9, с. 11–14].

Подводя итог, отметим, что принимая во внимание вариативность установления надлежащего ответчика, в каждом конкретном случае необходимо принять меры к установлению лица, имеющего реальную техническую возможность разместить или удалить диффамационные сведения с сайта в сети Интернет. Как правило, это лицо, обладающее правом административного доступа на сайт с помощью известного ему пароля и логина. Как представляется надлежащими ответчиками, в случае распространения диффамационных сведений в сети Интернет, должны признаваться автор порочащих сведений и лицо, предоставившее автору техническую возможность распространения этих сведений на сайте в сети Интернет, причем такой состав ответчиков должен быть неизменным, независимо от того, какие именно требования заявит истец (опровержение, возмещение убытков, удаление информации и др.).

Библиографический список

1. *Васьковский Е.В.* Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. М.: Статут, 2016. 624 с.
2. *Плешанов А.Г.* Диспозитивное начало в сфере гражданской юрисдикции: проблемы теории и практики / под общ. ред. В.В. Яркова. М.: Норма, 2002. 352 с.
3. *Афанасьев С.Ф.* О соучастии в гражданском процессе // Право. Законодательство. Личность. 2012. № 1. С. 142–144.
4. *Ткачева Н.Н.* Замена ненадлежащего ответчика в гражданском судопроизводстве: материалы Международной научно-практической конференции «Гражданское судопроизводство в изменяющейся России» (г. Саратов, 14–15 сентября 2007 г.) / под ред. О.В. Исаенковой; Саратов: Научная книга, 2007. С. 265–268.
5. *Потапенко С.В., Старушко В.А.* Судебные источники принципа диспозитивности в гражданском процессуальном праве: материалы межвузовской научно-практической

конференции «Актуальные проблемы гражданского судопроизводства» (г. Краснодар, 20 апреля 2017 г.) / под ред. С.В. Потапенко; Изд-во Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 3–10.

6. *Прохоренко Д.В.* Ответственность информационных посредников за диффамацию в сети «Интернет» // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2020. № 27. С. 74–94.

7. *Гаврилов Е.В.* О надлежащих ответчиках при гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации от не соответствующей действительности порочащей информации, распространенной в сети Интернет // Право в информационном обществе: Трансформация или модернизация?: материалы V Международного сравнительно-правового конгресса (г. Красноярск, 20–22 сентября 2018 г.): Изд-во Сибирского федерального университета, 2019. С. 113–120.

8. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд., испр. / под ред. Шведовой Н.Ю. М.: «Русский язык», 1990.

9. *Гаврилов Е.В.* О некоторых особенностях судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации посредством удаления порочащей информации из сети Интернет // Судья. 2018. № 10. С. 11–14.

References

1. *Vaskovsky E.V.* Course of Civil Procedure: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. Moscow: Statut, 2016. 624 p.

2. *Pleshanov A.G.* Dispositive Beginning in the Sphere of Civil Jurisdiction: Problems of Theory and Practice. Under general ed. V.V. Yarkov. M.: Norma, 2002. 352 p.

3. *Afanasyev S.F.* About a Partnership in Civil Procedure // Law. Legislation. Personality. 2012. No. 1. P. 142–144.

4. *Tkacheva N.N.* Substitution of an Improper Defendant in Civil Proceedings: materials of the International scientific-practical conference “Civil Procedure in the Changing Russia” (Saratov, 14–15 September 2007) / edited by O.V. Isayenkova; Saratov: Nauchnaya kniga, 2007. P. 265–268.

5. *Potapenko S.V., Starushko V.A.* Judicial Sources of the Principle of Dispositiveness in Civil Procedural Law: materials of the interuniversity scientific and practical conference “Actual Problems of Civil Proceedings” (Krasnodar, April 20, 2017) / edited by S.V. Potapenko; Ed. by Kuban State University, 2017. P. 3–10.

6. *Prokhorenko D.V.* Liability of Information Intermediaries for Defamation on the Internet // Journal of the Court of Intellectual Rights. 2020. No. 27. P. 74–94.

7. *Gavrilov E.V.* About Appropriate Respondents at Civil Law Protection of Honor, Dignity and Business Reputation from not True Defamatory Information Spread in the Internet // Law in Information Society: Transformation or modernization?: materials of the V International Comparative Legal Congress (Krasnoyarsk, September 20–22, 2018); Publishing house of Siberian Federal University, 2019. P. 113–120.

8. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language. 23rd edition, revised. Under the editorship of Shvedova N.Y. Moscow: “Russian language”, 1990.

9. *Gavrilov E.V.* On Some Specific Features of Judicial Protection of Honor, Dignity and Business Reputation by Removing Defamatory Information from the Internet // Judge. 2018. No. 10. P. 11–14.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-156-165

УДК 347.93

М.С. Береговский

ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ КАТЕГОРИИ
ГРАЖДАНСКИХ ДЕЛ, РАССМАТРИВАЕМЫХ
В ПОРЯДКЕ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Введение: статья освещает перспективы расширения категории гражданских дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства. Автором представлено собственное мнение по поставленной проблеме, определена значимость дальнейшей модернизации гражданского процессуального права с целью популяризации упрощенного производства как эффективной формы урегулирования правовых конфликтов. Отмечено, что расширение сферы применения ускоренных процедур возможно за счет представления участникам гражданского процесса права их выбора. **Цель:** определить основные направления совершенствования норм Гражданского процессуального кодекса РФ по отношению к институту упрощенного производства. **Методологическая основа:** в ходе исследования были использованы формально-юридический, общенаучные и специально-правовые методы. **Результаты:** установлено, что расширение категорий гражданских дел возможно за счет уточнений норм действующего российского гражданского процессуального законодательства, внесения изменений и дополнений непосредственно в ч. 1–3 ст. 232.2 ГПК РФ, осуществления Пленумом Верховного Суда Российской Федерации разъяснительной деятельности с целью уточнения категорий гражданских дел, подлежащих обязательному разрешению в ускоренном порядке. Обоснован вывод о сохранении предметного критерия как ведущего при определении категории гражданских дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства.

Ключевые слова: упрощенное производство, гражданский процесс, категории гражданских дел, предметный критерий, процедурный критерий, «малый» («малоценный» иск).

M.S. Beregovskiy

PROSPECTS FOR EXPANDING THE CATEGORY OF CIVIL CASES
DEALT WITH THROUGH SIMPLIFIED PROCEEDINGS

Background: the article highlights the prospects for expanding the category of civil cases considered in the simplified procedure. The author presents his own opinion on the problem posed, determines the importance of further modernization of civil procedural law in order to popularize simplified proceedings as an effective form of settlement of legal conflicts. It is noted that the expansion of the scope of application of accelerated procedures is possible by presenting the participants of the civil process with the right of their choice. **Objective:** to determine the main directions for improving the norms

© Береговский Михаил Сергеевич, 2022

Аспирант кафедры арбитражного процесса (Саратовская государственная юридическая академия);
e-mail: beregovskiyms1@mai.ru

© Beregovskiy Mikhail Sergeevich, 2022

Postgraduate student of the Arbitration Process Department (Saratov State Law Academy)

of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in relation to the institution of simplified proceedings. Methodology: formal legal, general scientific and special legal methods were used in the course of the study. Result: it is established that the expansion of the categories of civil cases is possible due to clarifications of the norms of the current Russian civil procedure legislation, amendments and additions directly in parts 1-3 of art. 232.2 The Civil Procedure Code of the Russian Federation, the implementation of explanatory activities by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in order to clarify the categories of civil cases subject to mandatory resolution in an expedited manner. The conclusion about the preservation of the subject criterion as the leading one in determining the category of civil cases considered in the simplified procedure is substantiated.

Key-words: *simplified proceedings, civil procedure, categories of civil cases, subject criterion, procedural criterion, «small» («low-value» claim).*

В качестве одной из задач модернизации российской судебной системы на современном этапе ее развития является снижение нагрузки на суды общей юрисдикции по рассмотрению гражданских дел. К сожалению, досудебное урегулирование споров не является сегодня эффективным механизмом разрешения правовых конфликтов. Граждане и юридические лица в большей мере отдают предпочтение судебной форме урегулирования возникшего спора. Этому также способствуют и сами суды, принимая к производству гражданские дела, игнорируя несоблюдение участниками процесса обязательного досудебного порядка, установленного как силу закона, так и по соглашению сторон.

Следовательно, основная задача института ускоренных процедур, характерного для гражданского, арбитражного и административного судопроизводства — это создание быстрого эффективного, но качественного механизма восстановления нарушенных прав человека, социальной справедливости при параллельном снижении судебной нагрузки. С точки зрения правоприменительной деятельности необходимо осуществлять дальнейшую популяризацию упрощенного производства среди участников гражданского процесса. Следует отметить, что данная форма не является новацией для отечественного законодательства, она заимствована как «удачный проект» из арбитражного процесса, в том числе в целях «сближения и взаимообогащения этих двух однородных процессуальных отраслей права» [1, с. 251].

Несмотря на очевидные преимущества упрощенного производства по сравнению с обычным (общим) исковым порядком рассмотрения гражданских дел (процессуальная экономия времени, финансовых затрат), указанный способ применяется судами общей юрисдикции крайне редко. Для сравнения в упрощенном порядке арбитражными судами оканчивается более трети дел [2, с. 10].

Упрощенному производству в гражданском процессе, его теоретическим и практическим проблемам, направлениям его дальнейшей модернизации посвящено значительное количество научных работ, в том числе и критических, ведущих представителей юридической науки, например: Н.Ю. Комлева [6], А.В. Малышкина [5], С.В. Романовского [2], Т.В. Сахновой [7], Е.С. Смагиной [4], А.Ю. Старицына [3; 10] и многих других.

Наличие в российской правовой системе упрощенных процедур соответствует европейским рекомендациям о доступности для граждан правосудия, в том числе

за счет ускоренного рассмотрения дел, но с условием сохранения и гарантированности качества (законности и обоснованности) вынесенного решения. Как отмечает А.Ю. Старицын: «рассмотрение и разрешение дел в упрощенном производстве, несмотря на изъятие ряда процессуальных аспектов, все же основано на обязательной активной деятельности суда по урегулированию определенных конфликтов с учетом всех принципов организации и осуществления гражданского процесса» [3, с. 164].

Дальнейшее продвижение упрощенного производства в гражданском процессе возможно, прежде всего, за счет расширения категории гражданских дел, подлежащих рассмотрению и разрешению именно в такой форме ускоренной процедуры. В настоящее время перечень таких споров определен в ст. 232.2 Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации¹ (далее — ГПК РФ).

Российский законодатель, формируя подсудность упрощенного производства, выделил три категории гражданских дел. Первая категория (обязательная, императивная) — это совокупность гражданских дел, подлежащих обязательному рассмотрению в упрощенном производстве на основании требований закона (ч. 1 ст. 232, 2 ГПК РФ). Вторая категория (факультативная, добровольная) — это гражданские дела, подлежащие рассмотрению в упрощенном производстве по ходатайству стороны при согласии другой стороны или по инициативе суда при согласии сторон (ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ). По общему правилу вторая категория дел изначально подлежит урегулированию в обычном исковом порядке, но на стадии подготовки дела к рассмотрению по инициативе сторон или при наличии их согласия судом может быть вынесено определение о переходе к упрощенной процедуре.

Третья категория — это перечень гражданских дел, которые в силу своей сложности и социально-экономической значимости не могут быть приняты судом ни при каких обстоятельствах к рассмотрению в условиях упрощенного производства, даже при наличии согласия сторон спора. Такое решение участников процесса суд должен отклонить, признав противоречащим нормам гражданского процессуального права. Аналогичный подход в выделении обязательных, добровольных категорий гражданских дел, разрешаемых в порядке упрощенного производства, и перечня правовых конфликтов, исключенных из предмета ускоренной процедуры, характерен и для арбитражного процессуального законодательства.

В то же время в научной литературе отмечается, что в отличие от гражданского процесса и административного судопроизводства, в арбитражном процессе на постоянной основе увеличиваются возможности участников экономико-правовых споров перейти к их урегулированию в порядке упрощенного производства. В результате актуализируется проблема о необходимости совершенствования в этой области и норм гражданского процессуального права. Так, Председатель Верховного Суда РФ критически относится к категории гражданских дел, подлежащих обязательному рассмотрению в упрощенном производстве, считая его необоснованно узким. При этом В.М. Лебедев отметил, что данный вопрос обсуждаем и судейское сообщество готово к диалогу с федеральным законодателем².

¹ См.: Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ (в ред. от 16 апреля 2022 г.) // Соб. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

² См.: Вячеслав Лебедев: новые кассационные суды удовлетворяют больше жалоб. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vyacheslav-lebedev-novye-kassatsionnye-sudy-udovletvorayut-bolshe-zhalob/> (дата обращения: 19.04.2022).

Расширение категорий гражданских дел, рассматриваемых в порядке упрощенного производства, будет осуществляться по нескольким направлениям.

Первый подход выражается во внесении изменений в действующее гражданское процессуальное законодательство, а именно в ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ в целях уточнения уже имеющихся категорий дел и дополнения их новыми.

Прежде всего, стоит определиться с суммой «малого» иска, который может быть предмет данной формы гражданского судопроизводства. Необходимо обратить внимание на проблему увеличения суммы требований, которые подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции в порядке упрощенного производства. Если в отношении арбитражных дел данный вопрос российским законодателем в целом был решен, то указанная тенденция не затронула гражданский процесс и административное судопроизводство, в которых порог таких сумм остался прежним и, думается, достаточно малым. Стоит отметить, что в первоначальном законопроекте сумма требований, подпадающих под действие ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, устанавливалась в пределах 500 000 руб. Но в последствии, от данной инициативы, внесенной Верховным Судом РФ, депутаты Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации отказались.

При этом в научной литературе отсутствует единое мнение о размере такого «малого» («малоценного») иска. Так, по мнению Е.С. Смагиной, при введении критериев «малых» или «малоценных» исков, рассматриваемых в упрощенных производствах, необходимо обращать внимание на природу ускоренных процедур, в том числе приказного, особого, заочного производства [4, с. 85].

Следует обратить внимание на европейские рекомендации по регулированию данного вопроса в национальных законодательствах, например, включить в предмет упрощенного производства категории дел, связанные «с неоспариваемым правом, заранее оцененным ущербом, исками на небольшие суммы, с дорожно-транспортными происшествиями, арендными отношениями и др.» [5, с. 238]. Европейский суд по правам человека в ряде своих решений выделил следующие критерии применения упрощенного производства при рассмотрении гражданских дел: «простота гражданских дел, необходимость исследовать в рамках судебного разбирательства только вопросы права, письменных доказательств достаточно для принятия судом решения по делу, не требуется вызов свидетелей, поиск, изучение других доказательств по делу»¹.

В то же время и европейский законодатель не раскрывает понятие «малого иска» (или иска с небольшими суммами). Думается, что в целях расширения возможности применения упрощенного производства назрела необходимость увеличить сумму требований, как и ранее его предлагал Верховный Суд РФ, до 500000 руб. Это связано с тем, что указанные суммы требований, отражает не только имущественную задолженность по основному долгу, но и дополнительные (например, проценты по кредитным обязательства, штрафные санкции). Следовательно, сумма в размере 100000 руб. в современных социально-экономических условиях достаточно мала и препятствует обязательному применению упрощенной процедуры при рассмотрении подобных споров, но с более высокой ценовой оценкой иска.

¹ Решение Европейского суда по правам человека от 25 апреля 2002 г. по делу «Варела Ассалино против Португалии» (жалоба № 64336/01). URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2462777/2462777-004.htm> (дата обращения: 20.04.2022).

Отдельные субъекты федеральной законодательной инициативы настаивают на расширении перечня категории гражданских дел, рассматриваемых в рамках упрощенного производства. По мнению Н.Ю. Комлева: «...за пределами рассмотрения судами общей юрисдикции в рамках упрощенного производства остается целый пласт гражданских дел о признании права муниципальной собственности на земельные доли, признанные не востребованными, который может быть разрешен судом без вызова сторон» [6, с. 186]. Трудно согласиться с указанным предложением и включить их в категорию обязательных. Считаем, что вопросы права собственности на землю и в целом на объекты недвижимости имеют повышенную социально-экономическую значимость. Разрешение конкретной ситуации, связанной с правомочностью владением, пользованием и распоряжением определенным земельным участком или другим объектом недвижимости требует тщательного судебного разбирательства, анализа и учета всех фактов и обстоятельств, а неформального подхода к его урегулированию возникшего спора.

В качестве категории дел, которые следовало бы отнести к предмету упрощенного производства, относятся, во-первых, имущественные споры, где цена иска не превышает 100 000 руб., но отягощены требованием взыскания морального вреда; во-вторых, споры о присуждении денежных средств на сумму свыше 100 000 руб. или иски с меньшей ценой, но содержание требований которых состоит в возложении обязанности произвести не денежную выплату, а натуральное возмещение, например, произвести ремонт транспортного средства.

Подобные категории дел должны в обязательном порядке рассматриваться в упрощенном производстве независимо от требуемого размера компенсации морального вреда и иных заявленных требований неимущественного характера.

Приобретает актуальность решение вопроса о возможности рассмотрения в упрощенном порядке самостоятельных неимущественных требований как основных заявленных требований. Очевидно, что требования, указанные в ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ и рассматриваемые в обязательном упрощенном порядке, в большей мере по своей сущности являются имущественными требованиями, в том числе связанные с обязательствами по передаче имущества и истребованию денежных средств. За пределами категории обязательных гражданских дел остались споры, связанные с «неденежными» обещаниями, например, с требованием исполнить обязательство в натуре, с понуждением к досрочному расторжению договорных отношений, с защитой прав потребителей в случае заявления требования об устранении недостатков. В целом указанные требования, на наш взгляд, могут быть рассмотрены в упрощенном порядке.

Пока переход к упрощенной процедуре для урегулирования указанных правовых конфликтов возможен сторонами при выборе второй категории дел в соответствии с ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ (в рамках свободного волеизъявления).

Следует отметить, что хотя перечень категорий гражданских дел, подлежащих обязательному разрешению в упрощенном производстве достаточно кратко представлен в ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ, характер таких дел разнообразный, основанием их возникновения является множество жизненных ситуаций (например, залив квартиры, дорожно-транспортное происшествие, наем жилого помещения, кредитно-заемные обязательства и т.п.).

Второе направление связано с деятельностью Пленума Верховного Суда РФ, цель которой выражается в толковании, уточнении смысла гражданско-про-

цессуальных норм об упрощенном производстве, их унификации в понимании, выработке единообразного подхода правоприменительной практики. Так, в ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ не указано, что максимальная сумма по рассматриваемым исковым требованиям в 100 000 руб. охватывает не только основной долг по гражданско-правовым отношениям, но непосредственно связанные с ним дополнительные взыскания (неустойка, пеня, штраф и т.п.). Пробел в гражданско-процессуальном законодательстве в данном случае восполнил Пленум Верховного Суда РФ, представив соответствующие разъяснения в Постановлении Пленума ВС РФ от 18 апреля 2017 г. № 10¹. Также указано, что «если иск состоит из нескольких самостоятельных требований, то цена иска определяется суммой всех требований»². Таким образом, высшая судебная инстанция активно участвует в формировании категории гражданских дел, подлежащих обязательному рассмотрению в порядке упрощенного производства.

Третье направление, связанное с реформированием исследуемого института, направлено на пересмотр обоснованности изъятия отдельных категорий гражданских дел из предмета упрощенного производства, и придании им правового режима как невозможных быть рассмотренных в ускоренной процедуре. Считаем, что законодатель необоснованно изъясил из предмета упрощенного производства дела о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью; а также корпоративные споры. При этом в законопроекте соответствующих изменений в ГПК РФ, представленном Верховным Судом Российской Федерации, данные категории дел могли быть разрешены в порядке добровольной упрощенной процедуры (ч. 2 ст. 232.2 ГПК РФ)³.

Глобальным преобразованием гражданского процессуального права следует признать изменение приоритетов российского законодателя в определении критериев отнесения гражданских дел к рассмотрению в форме упрощенного производства.

Как отмечает А.В. Малышкин, в настоящее время основу обязательного упрощенного производства составляет «предметный критерий (цена иска, беспорность обязательств). Факультативное упрощенное производство имеет главным процедурный критерий (волеизъявление сторон)» [5, с. 240].

В отличие от гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства административное судопроизводство в данном направлении является более перспективным и прогрессивным. В Кодексе административного судопроизводства РФ (далее — КАС РФ)⁴ российский законодатель, не игнорируя предметный критерий, признает базовым для перехода к упрощенному производству процедурный (волеизъявление сторон). Такое согласие на рассмотрение дела в ускоренном порядке в их отсутствие (если их участие в деле по закону не является обязательным) должны выразить все участвующие в деле лица) или во втором варианте необходимо получить согласие административного истца на

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (в ред. от 5 апреля 2022 г.) // Российская газета. 2017. № 88.

² Там же.

³ См.: Верховный Суд РФ. URL: https://pravo.ru/store/doc/doc/Project_FZ.pdf (дата обращения: 28.04.2022).

⁴ См.: Кодекс административного судопроизводства РФ от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ (с изм. от 13 января 2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. № 10, ст. 1391.

рассмотрение дела в порядке упрощенного производства, если административный ответчик не возражает против этого (п. 1, 2 ч. 1 ст. 291 КАС РФ). Но в то же время предметный критерий сохраняет свое значение и в административном судопроизводстве, определяя сумму «малого административного искового заявления» в размере 20000 руб.

Отдельные представители обращают внимание на цивилистические истоки гражданского процесса и необходимость предоставить больше возможности сторонам (участникам) гражданского процесса самостоятельно выражать свое желание о применении данной процедуры при разрешении гражданских дел. Так, по мнению Т.В. Сахновой, последующее реформирование упрощенного производства как института гражданского процесса должно основываться на преимуществе процедурного критерия [7, с. 32].

В обосновании своей позиции ученый указывает, что такой подход будет гарантировать заинтересованным лицам возможность судебной защиты в развернутой процедуре, по всем правилам цивилистической процессуальной формы. Указанная концепция направлена на формирование новой идеологии — «процессуального сотрудничества суда и сторон, которая представляется единственно плодотворной в условиях создания единого ГПК РФ». У данной концепции в науке гражданского процесса имеются сторонники. Кроме того, П.В. Михеев не только поддерживает данную точку зрения, но и «настаивает на безграничном ее распространении на все гражданские дела без какого-либо учета предметного критерия, ограничивающего применение ускоренных процедур. Именно стороны в силу принципов свобода и диспозитивности, составляющих основу материальных и процессуальных отраслей частного права, должны иметь возможность остановить свой выбор на общем производстве или перейти к упрощенному» [8, с. 32]. В.В. Шпак также в своих научных трудах утверждает приоритет вышеуказанных взглядов, указывая, что свобода волеизъявления сторон должна учитываться судом и по отношению к обязательной категории гражданских дел, указанных в ч. 1 ст. 232.2 ГПК РФ [9, с. 59]. Следовательно, представители рассматриваемой концепции настаивают на признании процедурного критерия выделения гражданских дел для передачи их на рассмотрение в упрощенном порядке.

С данной точкой зрения трудно согласиться, поскольку отражение в нормах гражданского или арбитражного процесса научной концепции Т.В. Сахновой и ее сторонников (П.В. Михеева, В.В. Шпак) связано с наличием в России гражданского общества с высоким уровнем правосознания. В сложившихся условиях правоприменительной практики переход к первостепенному значению процедурного критерия в упрощенном производстве приведет к полнейшему отказу сторонами гражданского спора от ускоренной процедуры в пользу общего искового производства, а, следовательно, дальнейшему росту судебной нагрузки. Такая возможность будет расценена как правовой инструмент одной сторон в затягивании урегулирования имеющегося спора, как форма злоупотребления предоставленным правом участвовать в определении процедуры гражданского судопроизводства: общей или ускоренной. Аналогичная точка зрения отражена в научных исследованиях А.Ю. Старицына. По его мнению, «получение согласия сторон дела на применение норм гл. 21.1 ГПК РФ нарушает требование о процессуальной экономии времени, является основой очередной бесполезной бумажной волокиты, препятствием разрешению гражданско-правового спора

в разумный срок, все это противоречит конституционным принципам и целям российского правосудия» [10, с. 115].

При ведущей императивной роли предметного критерия суд и стороны обязаны разрешить правовой конфликт в условиях упрощенной процедуры. Предусмотренную законодателем в ч.2 ст. 232.2 ГПК РФ возможность выбора сторонами данной формы гражданского судопроизводства следует рассматривать как стимулирование сторон гражданского процесса к формированию доверия по отношению к ускоренному правосудию. При отсутствии практически реального многоэтапного судебного разбирательства не пострадает качество (законность и обоснованность) вынесенного решения судом. Судебные акты будут идентичными по своему мотивировочной и резолютивной частям независимо в какой процедуре они принимались: общей и ускоренной. При этом вторая форма в сложившейся ситуации более благоприятная и выгодная, т.к. направлена на скорейшее восстановление нарушенных гражданских прав и законных интересов потерпевшей стороны или защиты ответчика от необоснованных притязаний со стороны истца.

Таким образом, на основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

упрощение и ускорение предстают одними из главных целей модернизации гражданского процесса, способствующих повышению уровня доступности правосудия для граждан, снижению излишней нагрузки на судебные органы, быстрому восстановлению нарушенных прав и законных интересов участников гражданского спора;

упрощенное производство в гражданском процессе нуждается в дальнейшей его популяризации, прежде всего, за счет расширения перечня категории гражданских дел, подлежащих обязательному рассмотрению и разрешению в такой форме.

Необходимо уточнить перечень категорий дел, указанных в ч. 1–3 ст. 232. 2 ГПК РФ, в том числе, включив в него споры, связанные с требованиями (основными и дополнительными) неимущественного характера. Достаточно часто на практике имущественные требования заявляются стороной в привязке с неимущественными. Но неопределенность в регулировании данного вопроса нормами гражданского процессуального права препятствует применению упрощенной процедуры при рассмотрении таких споров. Полагаем, что официального толкования (разъяснения), данного Пленумом Верховного Суда РФ о возможности разрешения таких гражданских дел не только в общем порядке, но и в упрощенном, недостаточно. Данный пробел должен быть восполнен только путем внесения соответствующих изменений в нормы ГПК РФ. На законодательном уровне необходимо установить четкие критерии, исчерпывающий перечень гражданских дел, подлежащих рассмотрению в обязательном упрощенном порядке, по которым заявлены не только имущественные, но и требования неимущественного характера. Также следует предусмотреть возможность рассмотрения отдельных неимущественных споров с использованием такого подвида искового производства. В то же время необходимо исключить возможность рассмотрения в упрощенном порядке споров, связанных с правом собственности на недвижимое имущество, в силу их социально-экономической значимости и юридической сложности.

В процессе пересмотра научно-прикладной концепции по вопросу формирования перечня гражданских дел, подлежащих рассмотрению в упрощенном по-

рядке, следует учитывать аксиому: данный механизм урегулирования правового конфликта может применяться только к малозначительным и бесспорным делам.

Перспективным направлением реформирования гражданского процессуального законодательства по данному вопросу является придание процедурному критерию (волеизъявлению сторон) — статуса главного при выборе участниками формы рассмотрения и разрешения их гражданско-правового конфликта, предметный критерий будет рассматриваться как второстепенный (ограничительный).

Думается, что ни законодатель, ни правоприменители, ни гражданское общество не готовы к имплементации такой концепции в нормы гражданского процессуального права. Установление императивных норм в определении обязательной категории дел, подлежащих рассмотрению именно в упрощенном производстве без учета воли сторон, противоречит частноправовой (диспозитивной) сущности гражданского процесса. Но при этом способствует решению в настоящее время более глобальной задачи удовлетворения законных потребностей граждан в быстром качественном разрешении судом гражданских дел, снижению нагрузки на суды первой инстанции.

Библиографический список

1. *Андреева Т.К., Улетова Г.Д.* Новый этап судебной реформы: конституционные возможности и вызовы // Вестник гражданского процесса. 2020. № 2. С. 251–291.
2. *Романовский С.В.* Рассмотрение страховых споров в судах общей юрисдикции // Страховые споры: научно-практическое пособие / под ред. И.А. Цинделиани. М.: РГУП, 2022. С. 8–62.
3. *Старицын А.Ю.* Упрощенное производство в гражданском процессе как форма правосудия: проблемы и пути решения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 164–173.
4. *Смагина Е.С.* Участие государства в современном цивилистическом процессе. М.: Статут, 2021. 268 с.
5. *Мальшикин А.В.* Категории дел, подлежащих рассмотрению в порядке упрощенного производства: интегрирование приказной и общеисковой юрисдикции // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 234–246.
6. *Комлев Н.Ю.* О реформировании института упрощенного производства в современном гражданском процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2 (32). С. 183–188.
7. *Сахнова Т.В.* «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.
8. *Мухеев П.В.* Действие принципа диспозитивности в приказном и упрощенном производстве в гражданском и арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 1. С. 30–35.
9. *Шпак В.В.* Оптимизация гражданского судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 227 с.
10. *Старицын А.Ю.* Основания рассмотрения дел в упрощенном порядке // Сибирский юридический вестник. 2022. № 1 (96). С. 113–118.

References

1. *Andreeva T.K., Uletova G.D.* A New Stage of Judicial Reform: Constitutional Opportunities and Challenges // Bulletin of Civil Procedure. 2020. No. 2. P. 251–291.

2. *Romanovsky S.V.* Consideration of Insurance Disputes in Courts of General Jurisdiction // Insurance Disputes: A scientific and practical guide / Edited by I.A. Tsindeliani. M.: RSUP, 2022. P. 8–62.

3. *Staritsyn A.Yu.* Simplified Proceedings in Civil Proceedings as a Form of Justice: Problems and Solutions // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. No. 1 (144). P. 164–173.

4. *Smagina E.S.* Participation of the State in the Modern Civil Process. Moscow: Statute, 2021. 268 p.

5. *Malyshkin A.V.* Categories of Cases to be Considered in the Simplified Procedure: Integration of Writ and General Jurisdiction // Bulletin of Civil procedure. 2017. No. 4. P. 234–246.

6. *Komlev N.Yu.* On Reforming the Institute of Simplified Production in the Modern Civil Process // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (32). P. 183–188.

7. *Sakhnova T.V.* “Incomplete” Judicial Procedures in the Modern Civil Process // Bulletin of Civil procedure. 2021. No. 4. P. 27–49.

8. *Mikheev P.V.* The Effect of the Principle of Dispositivity in Writ and Simplified Proceedings in Civil and Arbitration Proceedings // Arbitration and Civil Proceedings. 2018. No. 1. P. 30–35.

9. *Shpak V.V.* Optimization of Civil Proceedings: dis. ...cand. of law. M., 2019. 227 p.

10. *Staritsyn A.Yu.* Grounds for Consideration of Cases in a Simplified Manner // Siberian Legal Bulletin. 2022. No. 1 (96). P. 113–118.

УГОЛОВНОЕ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-166-175

УДК 343.85

О.В. Зайцева

СПОСОБЫ ПРОФИЛАКТИКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА*

Введение: выработка комплексного механизма обеспечения криминологической безопасности предполагает формирование эффективной модели правового регулирования правоохранительной деятельности, в том числе анализ приемов и способов влияния правотворческой воли на отношения в сфере предупреждения делинквентного поведения. Однако теоретико-методологическое исследование структурных элементов метода правового регулирования превентивной антикриминальной деятельности в отечественной юриспруденции ранее не проводилось. **Цели и задачи исследования:** определить содержание понятия «способ правового регулирования»; охарактеризовать основные способы правового воздействия на отношения в сфере предупреждения и профилактики преступного поведения. **Методологическая основа:** автор опирался на диалектический, формально-логический, системно-структурный методы научного познания. В качестве прикладного метода исследования использован контент-анализ содержания криминологических законодательных актов. **Результаты:** выделены особенности способов профилактико-правового регулирования. В профилактическом праве используется вся палитра способов регулятивного воздействия: запретительные, дозволительные, ограничительные, учредительные. **Выводы:** в совокупности указанные способы образуют метод профилактического права, который по объему и характеру средств регулятивного воздействия имеет определенную специфику.

Ключевые слова: способ правового регулирования, профилактическое право, отрасль законодательства, правовое дозволение, позитивное обязывание, правовой запрет, правовое учреждение, метод отрасли права.

© Зайцева Олеся Викторовна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: zaitseva.o@bk.ru

© Zaitseva Olesya Viktorovna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal and Criminal-Executive Law (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00194 «Теоретико-методологическая модель профилактического права, как новой отрасли законодательства».

O.V. Zaitseva

WAYS OF PREVENTIVE LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE FIELD OF LAW AND ORDER PROTECTION

Background: *development of a comprehensive mechanism for ensuring criminological security involves the formation of an effective model of legal regulation of law enforcement, including an analysis of the methods and ways of influencing the law-making will on relations in the field of preventing delinquent behavior. A theoretical and methodological study of the structural elements of the method of legal regulation of preventive anti-criminal activities in domestic jurisprudence has not been previously conducted. Objective:* *to determine the content of the concept of “method of legal regulation”; to characterize the main ways of legal influence on relations in the field of prevention and prevention of criminal behavior. Methodology:* *the author relied on the dialectical, formal-logical, system-structural methods of scientific knowledge. Content analysis of the content of criminological legislative acts was used as an applied research method. Results:* *the peculiarities of methods of preventive-legal regulation are highlighted. Preventive law uses the whole palette of methods of regulatory influence: prohibitive, permissive, restrictive, constitutive. Conclusions:* *together, these methods form the method of preventive law, which has a certain specificity in terms of the volume and nature of the means of regulatory impact.*

Key-words: *method of legal regulation, preventive law, branch of legislation, legal permission, positive obligation, legal prohibition, legal institution, method of the branch of law.*

Состояние современного российского общества свидетельствует о том, что профилактика правонарушений в нем вышла на качественно новый уровень. Если ранее актуализировались проблемы противодействия различным видам преступности (организованной, наркопреступности, преступности несовершеннолетних и др.), то на сегодняшний день речь идет о выработке комплексного механизма криминологической превенции, включающего в себя универсальные правовые средства, модели и превентивные технологии. Ведь от ее эффективности зависит стабильность охраны и безопасность важнейших социальных отношений, защищенность от противоправных посягательств и иных криминогенных факторов не только отдельных граждан, но и общества в целом.

Следует заметить, что система правового регулирования деятельности по профилактике правонарушений в России находится в стадии формирования: перманентно принимаются новые законодательные акты, посвященные вопросам противодействия преступности, вносятся изменения в уже действующие нормативные источники. Тем самым превентивное законодательство состоит в мощном силовом поле противоречивых процессов дифференциации и консолидации, создается в какой-то степени ситуация «правого хаоса», когда присутствует значительный массив нормативных актов, подчас не согласующихся между собой. В то же время ряд направлений антикриминальной нерепрессивной деятельности (ресоциализация, социальная адаптация, помощь жертвам преступных посягательств) не имеют надлежащей юридической базы в виде самостоятельных

законов, существуют иные дефекты правового регулирования как содержательного, так и технико-юридического плана (коллизийность, пробельность и т.п.).

В этой связи представляется чрезвычайно важным комплексный, системный подход к деятельности по профилакто-правовому регулированию отношений в сфере защиты законности и правопорядка, а не действие по принципу «латания дыр», что актуализирует проблему выработки научно обоснованного, соответствующего эволюционному развитию государства, механизма правового регулирования криминологической превенции, который традиционно включает в себя совокупность специальных юридических средств, приемов и способов, при помощи которых осуществляется регулирование общественных отношений [1, с. 30].

Особого внимания заслуживают способы регулирования отношений в сфере противодействия преступности, ибо именно они позволяют понять «каким образом правовое предписание, норма права воздействует на человека, побуждая его к действию» [2, с. 102].

В общей теории права единое представление о способе правового регулирования отсутствует. Ряд авторов использует данный термин как синоним понятия «отраслевой метод» [3, с. 104; 4, с. 116; 5, с. 176–177], другие отождествляют со средствами правового регулирования [6, с. 25–56], третьи указывают на то, что способ правового регулирования является лишь одной из форм правового воздействия, составляющей, наряду с другими правовыми инструментами, содержание метода правового регулирования [7, с. 211]. Последняя точка зрения является наиболее продуктивной с позиции установления свойств метода конкретной отрасли права. Таким образом, в рамках настоящего исследования под способом правового регулирования понимается «совокупность специально-юридических приемов влияния права на общественные отношения, пути юридического воздействия, которые выражены в юридических нормах, в других элементах правовой системы» [8, с. 352].

Некоторые авторы рассматривают превенцию как самостоятельный способ правового регулирования [9, с. 151]. Полагаю, что указанное мнение не учитывает истинный механизм правового регулирования общественных отношений в сфере профилактики правонарушений. Превенция является сложным комплексным правовым институтом, который не может быть отождествлен с каким-либо одним способом правового регулирования.

Преобладающая часть исследователей различают три базовых способа правового регулирования, а именно: дозволение, предписание (позитивное обязывание) и запрет. Различные комбинации указанных способов присущи всему правовому регулированию, независимо от отраслевой принадлежности [10, с. 231]. Рассмотрим их в контексте профилакто-правового регулирования отношений в сфере защиты законности и правопорядка.

В юриспруденции под *дозволением* (курсив наш. — З.О.) понимается способ юридического воздействия на поведение субъектов права, заключающийся в «предоставлении участнику правоотношения в предусмотренных законодательством пределах свободы выбора варианта поведения, стимулирующего его правовую активность по удовлетворению интересов личности, общества и государства» [11, с. 15]. В рамках дозволительного регулирования субъект права определяет наиболее предпочтительное содержание своих юридически значимых действий

(бездействия). Данное правовое средство, по мнению С.С. Алексеева, является ключевым звеном упорядочения социальных процессов [12, с. 54].

Дозволительный способ в профилактическом праве применяется чаще всего для правового регулирования общих (статусных) правоотношений, посредством регламентации правомочий субъектов криминологической превенции, а также лиц, участвующих в охране общественного порядка и осуществлении общественного контроля. В рамках рассматриваемой отрасли он имеет свою специфику: дозволение выражается в делегировании субъекту возможности совершать определенные деяния по удовлетворению общественного интереса в виде предупреждения противоправного поведения.

Непосредственной юридической формой дозволительных средств выступают правомочия (субъективные права), которыми наделены, прежде всего, субъекты профилактики правонарушений, круг которых установлен ст. 5 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹ (далее — Закон «О профилактике правонарушений в РФ»). Их правовой статус определен в статьях 8–12 данного закона, а также в других федеральных законах (Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 11 июня 2022 г.)², Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 14 июля 2022 г.)³ (далее — Закон «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»), Федеральном законе от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 1 апреля 2022 г.)⁴, Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 21 декабря 2021 г.)⁵ и т.д.).

Другую группу общественных отношений, регулируемых с помощью дозволительных предписаний, составляют правообеспечительные отношения, которые, будучи вторичными, имеют добавочную («акцессорную») природу (право обеспечить право) и способствуют реализации основных правомочий субъектов профилактического права. В отличие от гражданского законодательства, где дозволения позволяют субъектам правоотношений реализовывать свои возможности и стимулируют социально полезные поступки, с помощью дозволений в криминологической сфере законодатель подкрепляет запреты, установленные в других отраслях права. Например, в уголовном законодательстве установлен запрет на совершение террористических актов (ст. 205 УК). Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (в ред. от 26 мая 2021 г.)⁶ (далее — Закон «О противодействии терроризму») содержит норму-дозволение, согласно которой военным разрешается применять оружие для пресечения полета летательного аппарата, использующегося для совершения террористического акта, в случае, если при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 26 (ч. 1), ст. 3851.

² См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8, ст. 366.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 15.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 11, ст. 1146.

катастрофы (ст. 7 указанного закона). Таким образом, юридические средства обеспечения прав и законных интересов используются в случаях, требующих особых мер безопасности, с целью предотвращения общественно опасных последствий.

Различают условные и безусловные дозволения. Безусловное дозволение не содержит ограничений при совершении разрешенных действий. Субъект права правомочен действовать свободно, реализуя собственное волеизъявление [13, с. 8]. Например, органы местного самоуправления вправе самостоятельно, без каких-либо дополнительных условий, разрабатывать муниципальные программы в сфере профилактики правонарушений (ч. 2 ст. 7 Закона «О профилактике правонарушений в РФ»).

При условном дозволении использование субъективного права возможно при определенных обстоятельствах, в указанной правовой ситуации. Так, например, в соответствии со ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 28 июня 2022 г.)¹: «В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности РФ, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, допускается проведение оперативно-розыскных мероприятий, ..., с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов». Тем самым в тексте закона четко оговорены требования, при наличии которых возможно проведение оперативно-розыскной деятельности для предотвращения потенциального нарушения уголовного законодательства.

В демократическом обществе дозволению всегда корреспондирует обязывание, в соответствии с которым обязанная сторона (субъект) должна совершить обозначенные в законе активные действия [2, с. 108]. Например, обязанность государственных и муниципальных служащих представлять представителю нанимателя (работодателю) сведения о своих доходах, имуществе и обязательствах имущественного характера и о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей (ст. 8 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (в ред. от 1 апреля 2022 г.)² (далее — Закон «О противодействии коррупции»).

С помощью обязывающих предписаний регулируются общественные отношения, связанные с организацией деятельности разнообразных органов государства и должностных лиц, являющихся субъектами профилактики правонарушений, а также иных лиц, участвующих в деятельности по предупреждению преступности (например, внештатных сотрудников полиции, народных дружинников, общественных инспекторов). Этот способ является специальным превентивным средством против возможного причинения вреда общественно значимым интересам. Так, в целях предотвращения причинения вреда здоровью граждан, перед применением физической силы народный дружинник обязан сообщить лицу, в отношении которого предполагается ее применение, что он является народным дружинником, предупредить о своем намерении и предоставить данному лицу

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 52 (ч. 1), ст. 6228.

возможность для прекращения правонарушения. В случае если предупреждение не возымело надлежащего воздействия, и народный дружинник был вынужден использовать насильственный способ пресечения правонарушения, он обязан оказать гражданину, получившему телесные повреждения в результате применения физической силы, первую помощь, а также принять меры по обеспечению оказания ему медицинской помощи в короткий срок (ч. 2, 5 ст. 19 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (в ред. от 14 июля 2022 г.)¹ (далее — Закон «Об участии граждан в охране общественного порядка»)).

Различают криминологические обязанности общего характера (например, обеспечивать соблюдение прав и законных интересов граждан, соблюдать законодательство и т.п.) и специальные обязанности, содержание которых конкретизировано в отдельных нормативно-правовых актах (например, обязанность вносить представление об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения (ч. 1 ст. 22 Закона «О профилактике правонарушений в РФ»)).

Ответственность за неисполнение обязанностей, прописана либо непосредственно в профилактическом законодательстве (например, ст. 12 Закона «О противодействии коррупции»), либо предусмотрена нормами иных отраслей права (гражданского, административного, уголовного). В то же время хотелось бы отметить, что реализация некоторых обязанностей в правоохранительной сфере не обеспечена соответствующим правовым и организационным механизмом.

В теории права превалирует мнение о том, что самостоятельным способом правового регулирования является запрет. Он предполагает, что государство накладывает вето на совершение определенных действий, тем самым в императивной форме побуждая субъекта к пассивному поведению (бездействию). Данный способ реализуется посредством соблюдения установленных государством предписаний [14, с. 241]. Однако детальное изучение профилактического законодательства показало, что для него такой способ правового регулирования не характерен (запрещающие нормы составляют около 10%).

В криминопревентивном праве запрет скорее является не самостоятельным способом правового регулирования, а правовым ограничением, вспомогательным средством обеспечения правовых предписаний и дозволений [15, с. 105]. Так, ст. 14 Закона «О профилактике правонарушений в РФ» закрепляя обязанности субъектов профилактики правонарушений и лиц, участвующих в профилактике правонарушений, запрещает последним «своими действиями создавать препятствия деятельности субъектов профилактики правонарушений и их должностных лиц». Таким образом, правовые связи между субъектами профилактических отношений устанавливаются при помощи предписаний и обязываний, адресованных субъектам профилактики правонарушений, а запрет является лишь инструментом правового воздействия, обеспечивающим эффективную реализацию их полномочий. Именно данным фактом можно, на наш взгляд, объяснить отсутствие в профилактическом праве санкций за нарушение правовых предписаний. Как правило, за противоправные действия участники профилактических правоотношений привлекаются к ответственности на основании норм иных отраслей права (административного, трудового, семейного, уголовного).

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 14, ст. 1536.

В составе запретительных мер, касающихся деятельности в сфере криминологической превенции, можно выделить следующие группы:

запрет вмешательства в законную деятельность субъектов профилактики правонарушений (например, ч. 5 ст. 15 Закона «О противодействии терроризму»);

запрет принуждения граждан к участию в правоохранительной деятельности профилактической направленности либо воспрепятствования такой деятельности (например, ч. 2 ст. 3 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2018 г.¹));

запрет причинения чрезмерного вреда при осуществлении профилактики правонарушений (например, ч. 7 ст. 19 Закона «Об участии граждан в охране общественного порядка»);

запреты, связанные с обеспечением безопасности участников профилактических правоотношений (например, ч. 2 ст. 5 Закона «Об участии граждан в охране общественного порядка»);

запрет использовать в целях, не связанных с исполнением обязанностей по обеспечению законности и правопорядка, средства материально-технического и иного обеспечения (например, ч. 2 ст. 16 Закона «Об участии граждан в охране общественного порядка»);

запрет конфликта интересов (например, ч. 1 ст. 11 Федерального закона от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»);

запрет на получение дополнительных доходов (например, ст. 7.1 Закона «О противодействии коррупции»);

запрет совершения определенных действий, вытекающих из правовых предписаний иных отраслей права (например, ст. 24 Закона «О противодействии терроризму»).

В юридической литературе различают абсолютный и относительный запрет. Абсолютные запреты, по утверждению М.Р. Ишкаева, хотя напрямую не связаны с субъективными правами, но, согласно логике общественного регулирования, являются оптимальной юридической формой закрепления требований социальной действительности [15, с. 104]. Например, запрет цензуры корреспонденции несовершеннолетних, адресованной органам и учреждениям системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (п. 7.1 ст. 22 Закона «О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»). В то же время в отношении переписки несовершеннолетнего с адвокатом или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, действует относительный запрет, поскольку установлена возможность цензуры в случае, «когда администрация специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц» (ч. 8.1 ст. 15 вышеуказанного закона).

Помимо вышеназванных, в отрасли профилактического права может быть выделен еще один способ праворегулирования, не укладывающийся в перечисленные А.А. Алексеевым позитивные обязывания, дозволения и запреты [8,

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4213.

с. 352] — это общее установление (правовое учреждение). Посредством данного способа государство определяет:

основные задачи деятельности по профилактике правонарушений;
принципы профилактики правонарушений;
основные направления профилактики правонарушений;
формы профилактического воздействия;
виды профилактики правонарушений;
субъектный состав профилактических правоотношений (перечень лиц, в отношении которых проводится индивидуальная профилактическая работа; общая компетенция государственных органов и учреждений, общественных объединений в сфере профилактики правонарушений);

организационные основы функционирования системы профилактики правонарушений;

основания и сроки проведения индивидуальной профилактической работы.

В отличие от дозволения и позитивного обязывания, при которых субъекту разрешено либо императивным образом предписано действовать определенным образом, при учредительном способе правового регулирования определяется сам порядок осуществления криминологической превенции. Общеучредительные нормы выступают матрицей конфигурации профилактических правоотношений, фиксируют систему стратегических ориентиров кримино-превентивной деятельности.

Данный способ правового регулирования общенормативен, обладает учредительными свойствами. Его правовая конструкция не содержит персонифицирования прав и обязанностей конкретных участников криминологических отношений, а предполагает лишь общие, универсальные правозакрепления, которые обращены к большинству субъектов предупреждения преступности. «Специфика общего установления заключается в том, что оно не требует специфических юридических средств обеспечения, т.е. юридических санкций, имеет статутный характер, отличается специфичностью действия» [16, с. 101]. Похожие правовые конструкции характерны для конституционного права [17, с. 42; 18, с. 66–69].

Следует отметить, что учредительный способ правового регулирования преобладает в источниках профилактического права. По данным проведенного нами исследования, на него приходится порядка 40% правовых установлений криминологической направленности. Поэтому можно утверждать, что с точки зрения содержания регулятивного воздействия на общественные отношения метод профилактического права является преимущественно учредительным.

Более широкий, по сравнению с базовым (трехкомпонентным), набор способов правового регулирования (дозволение, обязывание, запрет, общее учреждение) указывает на то, что профилактическое право по объему и характеру средств регулятивного воздействия не соответствует какой-либо одной отрасли права, а охватывает нормы межотраслевого института, представляя таким образом комплексную отрасль законодательства [19, с. 148–154].

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.

2. *Березина Е.А.* К вопросу о способах правового регулирования // *Личность, право, государство*. 2018. № 2. С. 101–114.
3. *Шаргородский М.Д., Иоффе О.С.* О системе советского права // *Советское государство и право*. 1957. № 6. С. 101–110.
4. *Горшенев В.М.* Способы (методы) и организационные формы правового регулирования в современный период коммунистического строительства. М.: Юридическая литература, 1972. 258 с.
5. *Марченко М.Н., Дерябина Е.М.* Теория государства и права России: учебное пособие: в 2 т. М.: Проспект, 2019. Т. 2: Право. 448 с.
6. *Трегубова Е.В.* Дозволение и запрет в административном праве // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. 2013. № 8. С. 25–56.
7. *Алексеев С.С.* Общая теория права: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2008. 565 с.
8. *Алексеев С.С.* Право: азбука — теория — философия. Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
9. *Перевалов В.Д.* Теория государства и права: учебник и практикум для бакалавриата и специалитета. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 341 с.
10. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 321 с.
11. *Большой юридический словарь* / под ред. А.В. Малько. М.: Проспект, 2009. 702 с.
12. *Алексеев С.С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. 286 с.
13. *Лазор Л.И.* Метод трудового процессуального права: понятие, сущность, характерные особенности // *Актуальные проблемы права: теория и практика*. 2015. № 31. С. 8–16.
14. *Нагорных Р.В.* Ограничения и запреты в системе государственной службы в правоохранительных органах // *Вестник Томского государственного университета*. 2019. № 447. С. 241–246.
15. *Ишкаев М.Р.* К вопросу о соотношении правовых запретов и смежных правовых понятий // *Власть*. 2015. № 9. С. 103–106.
16. *Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И.* Элементарные начала общей теории права: учебное пособие / под общ. ред. В.И. Червонюк. М.: КолосС, 2003. 544 с.
17. *Казанник А.И.* Методы конституционно-правового регулирования // *Вестник ОмГУ. Серия. Право*. 2012. № 3 (32). С. 42–50.
18. *Прудентов Р.В.* Метод правового регулирования: вопросы теории и конституционного права. М.: Статус, 2019. 190 с.
19. *Зайцева О.В.* Профилактическое право как самостоятельная отрасль законодательства // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2018. № 3. С. 148–154.

References

1. *Alekseev S.S.* The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. Moscow: Legal literature, 1966. 187 p.
2. *Berezina E.A.* To the Question of Methods of Legal Regulation // *Personality, Law, State*. 2018. No. 2. P. 101–114.
3. *Shargorodsky M.D., Ioffe O.S.* On the System of Soviet Law // *Soviet state and law*. 1957. No. 6. P. 101–110.

4. *Gorshenev V.M.* Ways (Methods) and Organizational Forms of Legal Regulation in the Modern Period of Communist Construction. Moscow: Legal literature, 1972. 258 p.
5. *Marchenko M.N., Deryabina E.M.* Theory of State and Law in Russia: Textbook allowance: 2 vols. Moscow: Prospect, 2019. Vol. 2. Right. 448 p.
6. *Tregubova E.V.* Permission and Prohibition in Administrative Law // NB: Administrative Law and Administration Practice 2013. No. 8. P. 25–56.
7. *Alekseev S.S.* General Theory of Law: 2 vols. Moscow: Prospect, 2008. Vol. 1. 565 p.
8. *Alekseev S.S.* Law: Alphabet — Theory — Philosophy. Comprehensive Research Experience. Moscow: Statute, 1999. 712 p.
9. *Perevalov V.D.* Theory of State and Law: textbook and workshop for bachelor's and specialist's degree. 5th ed., revised. and additional. Moscow: Yurait, 2019. 341 p.
10. *Matuzov N.I., Malko A.V.* Theory of State and Law: textbook. Moscow: Jurist, 2004. 321 p.
11. Big Legal Dictionary / Ed. A.V. Malko. Moscow: Prospect, 2009. 702 p.
12. *Alekseev S.S.* General Permissions and General Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Legal literature, 1989. 286 p.
13. *Lazor L.I.* The Method of the Labour Procedural Law: Concept, Essence, Characteristics // Actual Problems of Law: Theory and Practice. 2015. No. 31. P. 8–16.
14. *Nagornyykh R.V.* Restrictions and Limitations in the System of Public Service in Law Enforcement // Tomsk State University Journal. 2019. No. 447. P. 241–246.
15. *Ishkaev M.R.* The Problem of Correlation of Legal Prohibitions and Allied Legal Concepts // The Authority. 2015. No. 9. P. 103–106.
16. *Goiman-Kalinsky I.V., Ivanets G.I., Chervonyuk V.I.* Elementary Principles of the General Theory of Law. Textbook / under total Ed.: V.I. Chervonyuk. Moscow: KolosS, 2003. 544 p.
17. *Kazannik A.I.* Methods (Techniques) of Constitutional and Legal Regulation // Herald of Omsk University, series «Law» 2012. No. 3 (32). P. 42–50.
18. *Prudentov R.V.* Method of Legal Regulation: Questions of Theory and Constitutional Law. Moscow: Status, 2019. 190 p.
19. *Zaitseva O.V.* Preventive Right as an Independence Branch of Legislation // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2018. No. 3. P. 148–154.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-176-182

УДК 343.2, 343.11 (15)

В.С. Уманец, Е.С. Комиссаренко

**ВЛИЯНИЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ НА НАЗНАЧЕНИЕ
НАКАЗАНИЯ И ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЗАКОННОГО,
ОБОСНОВАННОГО И СПРАВЕДЛИВОГО
ПРИГОВОРА КАК ВЫСШЕГО АКТА ПРАВОСУДИЯ**

Введение: в данной статье представлен законодательный и правоприменительный аспекты в области назначения наказания, включая более мягкое, и освобождения от него на основании ст. 73 УК РФ. Основания, определяющие применение ст. 64 и 73 УК РФ требуют уточнения. В частности, определяющим здесь выступает характер и степень общественной опасности совершенного преступления. Именно он установлен законодателем в каждой уголовно-правовой норме и находит свою реализацию в санкции статьи Уголовного закона. В рамках уголовного права приоритет отдается конкретным формализованным основаниям применения или неприменения ст. 64 или 73 УК РФ. С позиции уголовного процесса применение той или иной нормы должно быть объективно оценено судом и мотивировано в приговоре. Предлагается учитывать при назначении наказания или условном осуждении характер и степень общественной опасности преступления, определяющие тяжесть деяния и влияющие на меру уголовно-правового воздействия. **Цель:** формирование научно-теоретических и практических представлений о процессе назначения наказания по общим и специальным правилам, структурировании обвинительного приговора, установление определенного баланса между общественной опасностью преступления и результатом процессуальной деятельности суда, нашедшей отражение в приговоре. **Методологическая основа:** предпринятое исследование базируется на диалектическом методе познания правовой действительности, помимо этого использованы анализ и синтез, системный, сравнительный, формально-юридический методы. **Результаты:** предлагается учитывать при назначении наказания характер и степень общественной опасности преступления, определяющие тяжесть деяния и влияющие на меру уголовно-правового воздействия. В свою очередь, общественная опасность преступления определяет законность, обоснованность и справедливость обвинительного приговора. **Выводы:** общественная опасность преступления играет значимую роль при назначении наказания. Ее учет и мотивация в приговоре обеспечит правильный выбор меры уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: общественная опасность преступления, характер и степень общественной опасности преступления, назначение наказания, освобождение от наказания, меры уголовной ответственности, дифференциация уголовной ответственности, основания назначения наказания, основания условного осуждения, обвинительный приговор, законность, обоснованность и справедливость приговора.

© Уманец Вера Сергеевна, 2022

Старший преподаватель кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: verasergeevna8@gambler.ru

© Комиссаренко Екатерина Сергеевна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: komissarenkoekaterina8@mail.ru

© Umanets Vera Sergeevna, 2022

Senior Lecturer of the Department of Criminal and Criminal Executive Law (Saratov State Law Academy)

© Komissarenko Ekaterina Sergeevna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

V.S. Umanets, E.S. Komissarenko

INFLUENCE OF PUBLIC DANGER OF A CRIME ON SENTENCING AND THE IMPOSITION OF A LAWFUL, REASONABLE AND FAIR SENTENCE AS THE HIGHEST ACT OF JUSTICE

Background: this article presents legislative and law enforcement aspects in the field of assignment of punishment, including a milder one, and exemption from it on the basis of Art. 73 of the Criminal Code of the RF. The grounds determining the application of article 64 and 73 of the Criminal Code of the RF require clarification. In particular, determining here is the nature and degree of public danger of the committed crime. It is it that is established by the legislator in each criminal-law norm and finds its implementation in the sanction of the article of the Criminal Law. Within the criminal law, the priority is given to specific formalized grounds for application or non-application of article 64 or 73 of the Criminal Code of the RF. From the position of the criminal process the application of a particular norm should be objectively evaluated by the court and motivated in the verdict. It is proposed to take into account the nature and degree of public danger of the crime, which determine the gravity of the act and influence the measure of criminal-legal impact, when imposing punishment or conditional sentencing. **Objective:** formation of scientific-theoretical and practical ideas about the process of assignment of punishment under the general and special rules, structuring of the guilty verdict, establishment of a certain balance between the public danger of the crime and the result of the procedural activity of the court, which is reflected in the verdict. **Methodology:** the undertaken research is based on the dialectical method of cognition of legal reality, in addition, analysis and synthesis, systemic, comparative, formal-legal methods are used. **Results:** it is proposed to take into account the nature and degree of public danger of a crime, which determine the gravity of the act and influence the measure of criminal-legal impact, when imposing punishment. In turn, the public danger of the crime determines the legality, validity and fairness of the conviction. **Conclusions:** public danger of a crime plays a significant role in the imposition of punishment. Its consideration and motivation in the sentence will ensure the correct choice of the measure of criminal-legal influence.

Key-words: public danger of a crime, the nature and degree of public danger of a crime, sentencing, release from punishment, measures of criminal responsibility, differentiation of criminal responsibility, grounds for sentencing, grounds for conditional conviction, conviction, legality, validity and fairness of the sentence.

Вопрос об общественной опасности преступления не нов в уголовном праве. Его сложность заключается в том, что понятия «характер» и «степень» общественной опасности преступления не всегда сбалансированы. Понимание общественной опасности содержательно разнится. Одни ученые акцентируют внимание и на характере, и на степени общественной опасности преступления, изучая их вместе [1, с. 98]. Другие отдают большее предпочтение степени общественной опасности [2, с. 11]. Законодатель использует обе категории в нормах УК РФ¹. На наш взгляд, общественную опасность преступления надо рассматривать широко — с качественной и количественной точек зрения, поскольку значимость определяет выбор меры уголовно-правового воздействия.

¹ См., например: ст. 6 УК РФ «Принцип справедливости», ст. 15 УК РФ «Категории преступлений», ст. 37 УК РФ «Необходимая оборона» и многие другие.

Полагаем, что характер общественной опасности — важный показатель, характеризующий преступление. Именно он определяет общественную опасность содеянного и применяется к виду, группе (роду) и общему понятию преступления. Как утверждала Н.Ф. Кузнецова, характер общественной опасности отражает качественное своеобразие преступлений, отграничивает одни группы от других и определяет специфику общественной опасности [3].

В этой связи каждый состав преступления индивидуален и включает в себя комбинацию признаков (объективных и субъективных), делающих каждое преступление уникальным, с учетом его особенностей, вытекающих из общественно опасного поведения личности. Отсюда вытекает строгость санкций. Важную роль в этом процессе имеет общее свойство преступлений, заключенное в каждую разновидность преступных посягательств [1, с. 98]. Поэтому характер общественной опасности преступлений является основой для разделения всех преступлений на четыре категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие [4, с. 98]. При этом степень общественной опасности преступления будет в целом отражать тяжесть деяния.

Нам импонирует позиция законодателя, начиная со ст. 15 УК РФ и включая все составы преступлений, предусмотренные положениями (нормами) Особенной части УК РФ. В них характер и степень общественной опасности преступлений синонимичны санкциям, предусматривающим вид и размер наказания. Таким образом правоприменитель обязан учитывать этот главный показатель общественной опасности при назначении наказания в каждом случае. Иначе мера уголовно-правового воздействия не будет справедливой.

В судебной практике возникают случаи несправедливого назначения наказания так и освобождения. Так, в обвинительном приговоре в отношении Степановой О.Ю., умышленно причинившей тяжкий вред здоровью, опасный для жизни человека, с применением предмета, используемого в качестве оружия (ножа) на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений, суд, при назначении подсудимой наказания, не усмотрел возможность применения положений ст. 64 УК РФ. Тем не менее принимая во внимание обстоятельства, характеризующие личность виновной [5, с. 207], находящейся, по материалам уголовного дела, на момент совершения преступления в алкогольном опьянении, «нашел возможным» не признать данное обстоятельство отягчающим наказание, и беря во внимание установленную совокупность смягчающих обстоятельств, вынес решение об условном осуждении. Это достаточное мягкое наказание, поскольку оно основано только на смягчающих обстоятельствах, таких как: противоправность и аморальность поведения потерпевшего, явившихся поводом для преступления, положительных характеристиках личности виновной, которая непосредственно после совершения преступления предприняла попытку вызова скорой медицинской помощи, ее состояние здоровья и членов ее семьи, признание вины в полном объеме¹. Как мы видим, суд повествовательно констатировал «характер общественной опасности преступления», записав об этом в обвинительном приговоре. На самом деле характер общественной опасности судом вовсе не учитывался, поскольку обвинительный приговор оказался чрезвычайно мягким, а, следовательно, не мотивированным, лишенным объективности и законности. Однако нельзя не учитывать тяжесть содеянного, а также квалифицирующие

¹См.: Приговор Заводского суда г. Саратова от 20 января 2021 г. // Дело № 1-52/2021.

признаки данного преступления. Реальное наказание способствовало бы вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора для подсудимой, а кроме этого и мотивированного. Однако законодатель, предписывая свойство мотивированности ряду процессуальных актов, не указал в их числе приговор (ч. 4 ст. 7 УПК РФ «Законность при производстве по уголовному делу»), в связи с чем в научной литературе высказываются предложения включить приговор в данную норму [6, с. 87]. Справедливость приговора напрямую связана с обоснованием мотивов итоговых решениях суда в резолютивной части приговора, поэтому мотивировочная часть приговора формирует необходимый фундамент для ответа суда на вопросы при разрешении уголовного дела.

К тому же при постановлении приговора обязательно сопоставляются, наряду с общими правилами назначения наказания, специальные правила как назначения наказания, так и освобождения от него. Так, применяя специальные правила назначения наказания, необходим первостепенный учет положений ст. 60 УК РФ, а именно, характер и степень общественной опасности совершенного виновным лицом преступления, поскольку это требование законодателя закреплено в каждой применяемой уголовно-правовой норме. Затем, руководствуясь общими же правилами назначения наказания, законодатель устанавливает отягчающие и смягчающие наказание обстоятельства, характеризующие личность виновной (виновного), при наличии которых решается вопрос применения отдельных положений уголовного закона для вынесения правосудного приговора. К ним относятся правила ст. 64 или 73 УК РФ. Данные специальные правила не тождественны по содержанию и применению. В ранее приведенном примере их правовой аспект определяется совокупностью обстоятельств, характеризующих совершенное тяжкое преступление (ч. 2 ст. 112 УК РФ) и личность виновного (его положительные характеристики). При этом тяжесть преступления, его общественная опасность должны выступать главными критериями не только для правильной правовой оценки, но и правильного назначения наказания или освобождения от него.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 (в ред. от 18 декабря 2018 г.) действие ст. 64 и 73 УК РФ в правоприменительном ключе конкретизируется обстоятельствами сугубо законодательно, что вызывает неоднозначный подход к выбору той или иной нормы. К тому же признание смягчающих обстоятельств основанием назначения более мягкого наказания или освобождения от него порождает дискуссионность их применения в правовом и процессуальном аспектах.

При этом исключительный характер смягчающих обстоятельств, регламентированный ст. 64 УК РФ, имеет свою правовую природу, существенно уменьшающую степень общественной опасности преступления, критерии которой определяются в законе (ч. 1 ст. 64 УК РФ) и непосредственно правоприменителем (судом) по каждому уголовному делу.

Круг смягчающих обстоятельств, характеризующих преступление и личность виновного, практически устанавливается в пользу применения ст. 73 УК РФ. Однако возможность исправления осужденного без реального отбывания наказания — не основополагающий критерий применения данной нормы. Существуют и другие критерии для ее применения — тяжесть преступления, его общественная опасность.

Первое основание применения ст. 73 УК РФ определяется как правило, совокупностью смягчающих обстоятельств, отражающих посткриминальное поведение личности, положительно ее характеризующую на момент вынесения приговора. Второе основание для освобождения от наказания данного вида — учет общественной опасности преступления. Он существенен для судебного решения в силу своей законодательной приоритетности. В этой связи смягчающие обстоятельства есть специальное требование законодателя, без установления их наличия применение ст. 73 УК РФ невозможно. А общественная опасность преступления — определяющий фактор, констатирующий правовую природу совершенного общественно опасного деяния, без которого нельзя назначить наказание, а в последствии и освободить от него.

Следовательно, влияние общественной опасности совершенного преступления на назначение наказания или освобождения от него позволяет констатировать тяжесть содеянного, согласно буквальному толкованию уголовного закона, и поэтапно определить влияние иных обстоятельств на эти процессы.

В этой связи для правильного применения положений ст. 64 и 73 УК РФ требуется:

- 1) учет законодательной позиции описанного в конкретной статье преступления, его объективные и субъективные признаки состава;
- 2) установление смягчающих обстоятельств, характеризующих преступление и личности виновного;
- 3) в отдельных случаях признание их исключительный характер;
- 4) установление отягчающих обстоятельств, характеризующих преступление и лицо, его совершившее или их отсутствие;
- 5) деятельное их осмысление и оценка для правильного вынесения приговора.

Таким образом, дифференциация рассматриваемых уголовно-правовых норм определяется законодательными основаниями их применения и служит гарантией законного вынесения приговора.

Полагаем, что общественная опасность преступления в большей степени влияет на решение вопроса в части назначения наказания или освобождение от него. Ее значимость невозможно переоценить или недооценить, поскольку законодатель определил ее приоритет и процессуальное влияние на выбор наказания или иную меру уголовно-правового характера. Однако многообразие обстоятельств, характеризующих преступление, включая, мотивы и цели совершения преступления, а также характеризующих личность виновного оказывает существенное влияние на эти процессы. При этом признание смягчающих обстоятельств исключительными есть условие действия только ст. 64 УК РФ, феноменальность, т.е. исключительность которой носит не конкретизированный характер, что требует уточнения таковых обстоятельств судом по каждому уголовному делу. Установление отягчающих обстоятельств вне рамок состава преступления должно способствовать в первую очередь назначению реального наказания.

В постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» от 22 декабря 2015 г. № 58 следует обратить внимание судов на необходимость исполнения требований закона в области применения ст. 64 и 73 УК РФ каждой в отдельности. В п. 40 и 61 вышеуказанного постановления следует указать следующее: 1) абзац 1 пункта 40 дополнить предложением, изложив его в следующей редакции: «...Основаниями принятого решения следует признать характер

и степень общественной опасности преступления, а также исключительные обстоятельства, существенно уменьшающие степень общественной опасности преступления и характеризующие личность виновного»; 2) абзац 1 пункта 61 дополнить требованием: «Постановление приговора об условном осуждении должно быть мотивировано выводом о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания».

Вышесказанное позволяет полагать, что влияние характера и степени общественной опасности совершенного преступления должны выступать основополагающими критериями при назначении или освобождении от наказания за умышленное совершение тяжкого и особо тяжкого преступления.

В этой связи предлагаем поэтапный подход к вынесению обвинительного приговора суда:

во-первых, установить антисоциальное содержание совершенного преступления, проявляющееся в характере и степени общественной опасности совершенного преступления;

во-вторых, систематизировать и дифференцировать все многообразие общественной опасности преступления;

в-третьих, разрешить к моменту вынесения приговора вопрос о характере и степени общественной опасности преступления, учитывая, что совершенное общественно опасное деяние, является уже установленным; к тому же обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, проявляются в разумном смягчении наказания или условном осуждении, не умоляя общественную опасность реального преступления.

Баланс соответствия применения мер уголовно-правового воздействия характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного обеспечивается полнотой, объективностью, достаточностью обвинительного приговора суда.

Рассмотренный нами приговор следует признать не соответствующим требованиям ст. 297 УПК РФ. Его законность, обоснованность и справедливость весьма сомнительны. По сути при несоблюдении общих начал назначения наказания, предписывающих строго индивидуализировать наказание, оценивать, в том числе, и отягчающие обстоятельства, несправедливость приговора очевидна. В определенном смысле судом были проигнорированы, при выборе и применении уголовных норм, личные особенности и характеристики подсудимой, отягчающие обстоятельства совершения преступления, его тяжесть и последствия, которые, на наш взгляд, должны были стать основанием для применения наказания с учетом ст. 64 УК РФ. То есть рассматриваемый приговор нельзя признать справедливым.

Назревшая проблема диктует необходимость на законодательном уровне закрепить понятия законности, обоснованности, мотивированности, справедливости, которым должен соответствовать приговор суда.

Библиографический список

1. Мальцев В.В. Преступление: основные социально-юридические понятия высокого уровня абстрагирования // Правоведение. 1997. № 1. С. 104–111.
2. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. 182 с.
3. Кузнецова Н.Ф. Совершенствование норм о преступлении // Проблемы совершенствования уголовного закона. М., 1984. 156 с.

4. *Беляев Н.А.* Применение наказания // Курс советского уголовного права. Часть Общая. Т. 2. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1970. 672 с.
5. *Уманец В.С., Комиссаренко Е.С.* Достижение принципа справедливости при применении статей 64 и 73 УК РФ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 1 (144). С. 207.
6. *Ершова Н.С.* Обоснованность приговора // Законодательство. 2012. № 10. С. 78–82.

References

1. *Maltsev V.V.* Crime: basic socio-legal concepts of a high level of abstraction // Jurisprudence. 1997. No. 1. P. 104–111.
2. *Demidov Yu.A.* Social value and evaluation in criminal law. M., 1975. 182 p.
3. *Kuznetsova N.F.* Improvement of norms on crime // Problems of improving the criminal law. M., 1984. 156 p.
4. *Belyaev N.A.* Application of Punishment // Course of Soviet Criminal Law. Part General. Vol. 2. L.: Publishing House of Leningrad University, 1970. 672 p.
5. *Umanets V.S., Komissarenko E.S.* Achievement of the principle of justice in the application of articles 64 and 73 of the Criminal Code of the RF // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2022. № 1 (144). P. 207–215.
6. *Ershova N.S.* Validity of the verdict // Legislation. 2012. No. 10. P. 78–82.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-183-192
УДК 343.1

Н.А. Кирдина, Г.Б. Петрова

ОБОСНОВАННОСТЬ РЕШЕНИЙ ОБ ИЗБРАНИИ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ КАК ГАРАНТИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ОГРАНИЧЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ

Введение: достижение уголовным судопроизводством своего назначения обеспечивается системой согласованных процессуальных средств, в число которых входит комплекс мер процессуального принуждения. Эффективная уголовно-процессуальная деятельность в силу своей специфики невозможна без ограничений конституционных прав широкого круга вовлекаемых в нее участников. Самые серьезные правоограничения — те меры пресечения, допускаемые к тем лицам, причастность которых к совершению преступлений только проверяется органами уголовного преследования и не всегда подтверждается обвинительным приговором суда. Таким образом, меры пресечения применяются к подозреваемым и обвиняемым, невиновность которых не просто временно не опровергнута на этапе предварительного расследования, их невиновность, напротив, может быть доказана в ходе дальнейшего следствия, дознания или судебного разбирательства. Кроме того, принуждение в уголовном процессе не применяется с целью наказания, оно имеет другие задачи: обеспечение беспрепятственного производства по уголовному делу, пресечение совершаемых и предупреждение готовящихся правонарушений. **Цель:** на основе анализа научной литературы, уголовно-процессуального законодательства, теоретико-правовых позиций Конституционного Суда РФ, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и соответствующей судебной практики выявить проблемы правовой регламентации решений об избрании мер пресечения и сформировать научное представление об обоснованности названных процессуальных актов как гарантии исключительности ограничений конституционных прав личности. **Методологическая основа:** общенаучные — диалектический, логический, систем-

© Кирдина Наталия Анатольевна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: nataliyakirdina@yandex.ru
© Петрова Галина Борисовна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: petrova.gala2010@yandex.ru

© Kirdina Nataliya Anatolievna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)
© Petrova Galina Borisovna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor, Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

ный, структурно-функциональный; частнонаучные — сравнительно-правовой, формально-юридический, правового моделирования, статистический. **Результаты:** проведенное исследование позволило сформировать теоретическое представление, создающее основу для совершенствования уголовно-процессуального законодательства и соответствующей правоприменительной практики в части обоснованности избрания мер пресечения. **Выводы:** авторами статьи сформировано научное представление о категории обоснованности решений об избрании мер пресечения как гарантии исключительности ограничений конституционных прав личности; выявлено несовершенство правовой регламентации решений об избрании мер пресечения; аргументирована необходимость изменения отдельных норм УПК РФ и дополнительного разъяснения на уровне актов официального толкования ряда вопросов, вызывающих трудности у правоприменителя.

Ключевые слова: меры пресечения, меры уголовно-процессуального принуждения, основания для избрания меры пресечения, заключение под стражу, ограничение прав подозреваемого и обвиняемого.

N.A. Kirdina, G.B. Petrova

REASONABLENESS OF DECISIONS ON THE IMPOSITION
OF PREVENTIVE MEASURES AS A GUARANTEE
OF EXCLUSIVITY OF RESTRICTIONS
ON THE CONSTITUTIONAL RIGHTS
OF THE INDIVIDUAL

Background: the achievement by criminal proceedings of their purpose is provided by a system of agreed procedural means, which include a set of measures of procedural coercion. Effective criminal procedural activity, due to its specificity, is impossible without restrictions on the constitutional rights of a wide range of participants involved in it. The most serious legal restrictions are those measures of restraint allowed to those persons whose involvement in the commission of crimes is only verified by criminal prosecution bodies and not always confirmed by a court verdict of conviction. Thus, preventive measures are applied to suspects and defendants whose innocence is not simply temporarily disproved at the stage of preliminary investigation, their innocence, on the contrary, can be proven in the course of further investigation, inquiries or court proceedings. In addition, coercion in criminal proceedings is not used for the purpose of punishment, it has other tasks: ensuring the smooth conduct of criminal proceedings, suppression of offences committed and prevention of offences under preparation. **Objective:** on the basis of the analysis of scientific literature, criminal procedural legislation, theoretical and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and relevant judicial practice to identify problems of legal regulation of decisions on the election of preventive measures and to form a scientific idea of the validity of these procedural acts as a guarantee of exclusivity of restrictions on the constitutional rights of individuals. **Methodology:** scientific methods used in the research are: general scientific — dialectical, logical, systemic, structural and functional; special scientific — comparative legal, formal and legal, legal modeling, statistical. **Results:** the conducted research allowed to form a theoretical understanding, which creates the basis for the improvement of criminal procedural legislation and relevant law enforcement practice in terms of the validity of the election of preventive measures. **Conclusions:** the authors of the article formed

a scientific understanding of the category of validity of decisions on the election of preventive measures as a guarantee of exclusivity of restrictions on the constitutional rights of an individual; revealed the imperfection of the legal regulation of decisions on the election of preventive measures; argued the need to amend certain norms of the CPC RF and additional clarification of the acts of official interpretation of a number of issues that cause difficulties for law enforcers.

Key-words: *preventive measures, measures of criminal procedural coercion, grounds for choosing a preventive measure, detention, restriction of the rights of the suspect and the accused.*

Продолжая начатое в предыдущем номере журнала исследование вопроса обоснованности решений об избрании мер пресечения как гарантии исключительности ограничений конституционных прав личности, стоит остановиться на анализе содержания деятельности судьи по проверке причастности подозреваемого к совершенному преступлению.

Проверяя в ходе судебного заседания при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе вторгаться в исключительную компетенцию суда первой инстанции по рассмотрению дела по существу, поэтому вопрос о виновности лица судьей в процессе такого заседания рассматриваться не должен. Тем более, что избрание меры пресечения носит предупредительный характер и не свидетельствует о виновности подозреваемого, обвиняемого. Принцип презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, 14 УПК РФ) опровергается только вступившим в законную силу приговором суда, поэтому в содержании процессуальных решений исключаются выводы, позволяющие считать лицо виновным в совершении преступления. В этой связи в постановлении об избрании меры пресечения не должно быть формулировок, указывающих на совершение подозреваемым, обвиняемым преступления. Например, незаконным будет, если суд допускает в своем решении такие выражения, как «несмотря на наличие неснятой и непогашенной судимости на путь исправления не встал и вновь совершил умышленное преступление», «следователем установлено, что подозреваемый совершил преступление», «совершил преступление с особой жестокостью» и т.п. При проверке вышестоящими судами постановлений с подобными формулировками отсутствует единообразная практика. В одних случаях сами суды апелляционной инстанции устраняют подобные ошибки судов нижестоящих инстанций и вносят изменения в постановления, исключая из них такого рода формулировки. В других же случаях, что на наш взгляд, в большей степени соответствует принципам законности и презумпции невиновности, а также обеспечению прав и свобод подозреваемого, обвиняемого, отменяют такие постановления¹. Такая практика коррелирует с позицией Верховного Суда РФ, согласно которой повторное участие судьи в рассмотрении уголовного дела допускается, если ранее судом принимались промежуточные решения по тем или иным процессуальным вопросам, не касающимся существа рассматриваемого

¹ См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дела и не находящимся в прямой связи с подлежащими отражению в приговоре или ином итоговом решении выводами о фактических обстоятельствах дела¹.

Что же касается возможности рассмотрения судьей уголовного дела по существу при избрании им в досудебном производстве меры пресечения, то позиция Конституционного Суда РФ однозначна и заключается в том, что с одной стороны, не может расцениваться как свидетельство необъективности или предвзятости судьи, рассматривающего уголовное дело, то обстоятельство, что он ранее принимал (по этому же делу) решение о применении в качестве меры пресечения заключения под стражу². По мнению Конституционного Суда РФ, решения, связанные с избранием меры пресечения, и те, в которых дело разрешается по существу, имеют различную фактическую основу и предназначение. Поэтому принятие судьей решения об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу не обуславливает содержание решения по вопросу о виновности или невиновности этого лица³. С другой стороны, теоретико-правовая позиция Конституционного Суда РФ, заключающаяся в том, что судья, ранее высказавший в ходе досудебного производства свою позицию относительно наличия или отсутствия события преступления, обоснованности вывода о виновности в его совершении обвиняемого, достаточности собранных доказательств, указывает на невозможность участия такого судьи в дальнейшем производстве по уголовному делу⁴.

Кроме того, и в процессуальной литературе А.С. Червоткин отмечает, что нарушение судьей правила о недопустимости обсуждения судьей вопроса о виновности лица в инкриминируемом преступлении при разрешении ходатайства о мере пресечения, может повлечь за собой не только отмену судебного решения о мере пресечения, но и постановленного этим судьей приговора [1, с. 113]. В подтверждении данного вывода автор также приводит пример из судебной практики Президиума Верховного Суда РФ, в соответствии с которым «был отменен приговор суда первой инстанции по той причине, что, рассматривая вопрос о мере пресечения, суд в своем постановлении указал, что «Р-м совершено тяжкое преступление» [1, с. 113]. Данная формулировка безусловно указывает на виновность лица в совершении преступления, как на вывод, не оставляющий в этом никаких сомнений. Между тем, решение о мере пресечения является промежуточным и потому, по сути своей, не должно затрагивать вопроса об уголовной ответственности обвиняемого. Получается, что у судьи не должно складываться не только предвзятого мнения по уголовному делу, но и суждения о доказанности причастности.

¹ См.: Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 апреля 2014 г. № 4-АПУ14-20СП. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/14782/> (дата обращения: 15.10.2022).

² См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2319-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Беляевой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав статьями 61 и 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2012 г. № 2319-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Беляевой Марии Александровны на нарушение ее конституционных прав статьями 61 и 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июня 2008 г. № 733-О-П «По жалобе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации на нарушение конституционных прав гражданина Торкова Андрея Авенировича частью второй статьи 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Очевидно, что судья, высказавший в промежуточном решении об избрании меры пресечения свою убежденность в виновности лица в совершении преступления, не может постановлять итоговое решение в виде приговора. Такой судья подлежит отводу в силу того, что он теряет важное качество быть объективным, беспристрастным и справедливым при вынесении приговора и неспособным оценить свои собственные выводы, которые он сделал в промежуточном судебном решении. Соответственно, он не может участвовать в рассмотрении этого дела в суде первой инстанции и выносить приговор. Если подобное нарушение произошло, то такой приговор подлежит отмене по основанию существенного нарушения уголовно-процессуального закона (п. 2 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ) в связи с вынесением решения незаконным составом суда. Уместно будет отметить, что законодатель в свое время при принятии УПК РФ уже пытался ввести запрет на возможность повторного участия судьи при решении в досудебном производстве вопроса о мере пресечения. Норма ч. 2 ст. 63 УПК РФ, содержащая подобное правило, существовала недолго и была отменена еще до введения в действие УПК РФ 29 мая 2002 г.¹ Обо всем этом подробно, с анализом актов толкования и позиций большого числа ученых-процессуалистов, написал А.Р. Белкин [2, с. 154–159].

Резюмируя сказанное, приходим к выводу, что теоретически, судья, принимая решение об избрании меры пресечения, не может и не должен предрешать вопрос о виновности подозреваемого, обвиняемого. Но при этом он не имеет права не проверить обоснованность подозрения или обвинения. Говоря словами А.Р. Белкина: «...как после этого вообще можно говорить, что у судьи не сформировалось убеждение? Оно должно было сформироваться — иначе никакого постановления и вынести невозможно» [2, с. 157]. Поэтому согласимся с рядом ученых, что резонно предоставить выполнение этой контрольно-разрешительной функции судьям, которые в дальнейшем не рассматривали бы данные, а быть может, любые уголовные дела по существу.

Установление причастности лица к совершению преступления должно предшествовать проверке судом наличия или отсутствия оснований (ст. 97 УПК РФ) для избрания меры пресечения. При этом стоит согласиться с мнением Н.А. Симагиной о том, что «...основания для избрания меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании, должны использоваться в определенной последовательности. Вначале устанавливаются общие основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, а затем от наличия тех либо иных обстоятельств из числа установленных в ст. 99 УПК РФ зависит то, какая именно мера пресечения из числа закрепленных в законе подлежит избранию» [3, с. 13]. Проверка судьей наличия общих оснований для избрания меры пресечения — это необходимое условие законности принятия решения. К примеру, если лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него, то это само по себе не является основанием для вывода о том, что лицо собирается скрыться от следствия и суда, или продолжать преступную деятельность, или мешать производству расследования и т.п.

Интересным предметом для размышлений является вопрос о возможности применения меры пресечения к лицам, в отношении которых имеются нереабилитирующие основания для прекращения уголовного преследования, но которые

¹ См.: Федеральный закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 1 июня.

не дали своего согласия на принятие такого решения. Конституционный Суд РФ на примере истечения срока давности разъясняет, что дальнейшее продолжение производства по уголовному делу, predeterminedенное позицией такого лица, «направлено прежде всего на устранение сомнений в его виновности, защиту его прав, выяснение обстоятельств исходя из доводов против подозрения или обвинения»¹, но указывает при этом, что «продолжение предварительного расследования не лишает возможности проводить и иные процессуальные действия, необходимые для установления обстоятельств расследуемого деяния и для его правильной юридической оценки»². Действительно, с одной стороны: 1) имеется формальное основание для прекращения избличения лица в совершении преступления; 2) производство продолжается по желанию самого подозреваемого, обвиняемого; 3) вынесение любого судебного решения по данному делу не повлечёт судимости. С другой стороны, желая вынесения оправдательного приговора и признания права на реабилитацию, обвиняемый может попытаться воспрепятствовать ходу расследования. Следователь же после отказа этого участника от прекращения уголовного преследования обязан завершить производство вынесением итогового для данной стадии процессуального акта, следовательно, вправе противодействовать незаконному поведению обвиняемого. Однако, все не так просто. В данной ситуации появляется ограничение в выборе мер пресечения. В соответствии со ст. 108 УПК РФ, заключение под стражу возможно, если лицу инкриминируется деяние, за которое предусмотрено лишение свободы (мы не говорим о трехлетнем сроке, т.к. речь идет о любой возможности избрания такого ареста, включая случаи законного отступления от общего правила). При рассматриваемых обстоятельствах, даже если суд постановит обвинительный приговор, то он освободит осужденного от отбывания назначенного наказания, что, как уже было сказано, не повлечет судимости³. Таким образом, обвиняемый наказанию не подлежит, что исключает избрание в отношении его заключения под стражу. На похожую ситуацию обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ в п. 10 уже приводимого выше Постановления «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», где затронут вопрос о невозможности применения заключения под стражу «в отношении несовершеннолетнего, не достигшего 16 лет, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести впервые»⁴ [1]. Аксиома о таком изъятии из предусмотренного

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_422489/#dst100041 (дата обращения: 15.10.2022).

² См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта „в“ части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_422489/#dst100041 (дата обращения: 15.10.2022).

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 14 «О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_418734 (дата обращения: 15.10.2022).

⁴ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 года «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11 июня 2020 г.). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

ч. 2 ст. 108 УПК РФ исключения, допускающего заключение под стражу несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, вытекает из совокупности положений ч. 1 ст. 108 УПК РФ и ч. 6 ст. 88 УК РФ. Пленуму Верховного Суда РФ надлежит уделить внимание и запрету на избрание меры пресечения в виде заключения под стражу лицам, в отношении которых имеются нереабилитирующие основания для прекращения уголовного преследования, но которые не дали своего согласия на принятие такого решения.

Возвращаясь к сути доказывания, предшествующего избранию меры пресечения, следует вспомнить, что основным способом установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, является производство следственных действий, например, допросы подозреваемого, обвиняемого, свидетелей, обыски, предъявление для опознания, в результате которых следователь получает необходимую информацию. Чаще всего они производятся для подтверждения вывода о причастности и наличия указанных в ст. 97 УПК РФ оснований. Для выявления обстоятельств, влияющих на выбор конкретной меры пресечения, и проверки условий, делающих избрание и применение именно этой меры возможным, чаще производятся иные процессуальные действия, например, истребование документов, подтверждающих прохождение лицом военных сборов, наличие определенного заболевания и т.п.

Неправильное понимание оснований избрания меры пресечения порождает в литературе и на практике искаженное представление о них как о каком-то гипотетическом прогнозе. Так, например, в учебно-методическом пособии, предназначенном, прежде всего, для практических работников, авторы пишут об основаниях как о риске [4, с. 44–45]. Термин «риск» с точки зрения этимологии русского языка означает возможную опасность [5, с. 555]. Но для ограничения прав и свобод личности в уголовном процессе нужен не просто прогноз, не просто возможная опасность, которая может так и не наступить, а совокупность доказательств, сведений, на основе которых правоприменитель установит возможность совершения действий, указанных в ст. 97 УПК РФ. Кроме того, неприемлемой в вопросе обеспечения прав личности является позиция, высказанная Ш.М. Магомедовым, согласно которой: «...следователь обязан ожидать от обвиняемого противодействия расследованию вне зависимости от выводов о виновности, скрыться или склоняться к даче ложных показаний может и невиновное лицо» [6, с. 4]. Здесь важно предупредить должностных лиц со стороны обвинения, что недопустимо путать бдительность с готовностью применить принуждение, во-первых, к любому, гипотетически невиновному лицу, во-вторых, на почве собственных интуитивных опасений. Функция обвинения должна выполняться на основании всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, исключать обвинительный уклон, ведущий к ошибкам в выводах по уголовному делу, в том числе к произволу в вопросе ограничения прав подозреваемого и обвиняемого.

Единообразия в понимании оснований для избрания мер пресечения отсутствует и в толковании Пленума Верховного Суда РФ. Так, в п. 3 указанного Постановления Пленума Верховного Суда РФ правильно говорится об основаниях как о достаточных данных полагать, что подозреваемый, обвиняемый скроется от дознания, следствия или суда, а вот в п. 5 того же постановления основания употребляются через «фактические обстоятельства», что безусловно не способ-

ствуется правильному усвоению правоприменителем этой категории¹. Весьма распространенным нарушением нормы ст. 97 УПК РФ является ситуация при избрании безобидной с точки зрения правоприменителя меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении, когда абсолютно неправильно толкуются основания для ее избрания. Такие формулировки как «обвиняемый ранее не судим, характеризуется положительно, имеет семью, постоянное место жительства и работу, поэтому к нему может быть избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу» встречаются практически в каждом постановлении об избрании меры пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении. Подобные шаблоны цепко засели в правосознании субъектов правоприменительной практики и свидетельствуют о том, что следователи, дознаватели не понимают категорию основания для избрания меры пресечения и констатируют в своих решениях не их наличие, а наоборот, их отсутствие. Судебная практика по данному вопросу также свидетельствует о том, что не всегда и судьи правильно понимают категорию основания избрания меры пресечения. Так, по ряду дел суды в ситуации отсутствия оснований, закрепленных в ст. 97 УПК РФ, правильно принимали решение об отказе в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, но при этом необоснованно избирали в отношении подозреваемого, обвиняемого другую меру пресечения в виде домашнего ареста, несмотря на то, что в ходатайстве следователя таких оснований не содержалось².

Обращают на себя внимание процессуальные акты, подобные постановлению Московского городского суда, вынесенному по результатам повторного апелляционного рассмотрения решения об избрании заключения под стражу по жалобе стороны защиты. Исходя из его текста, защитники указывали, что «убедительных обоснований и доказательств наличия обстоятельств, перечисленных в ст. 97 УПК РФ, являющихся основанием для избрания в отношении А. меры пресечения в виде заключения под стражу, представленные следствием и исследованные судом материалы, не содержат, а выводы суда о наличии у него возможности препятствовать каким-либо способом производству по уголовному делу носят голословный характер»³ и при этом, или считая, что основания, о которых идет речь, относятся по какой-то причине только к самой строгой мере пресечения, или просто не надеясь на другой результат, «просят постановление суда отменить, избрать в отношении А. меру пресечения в виде домашнего ареста»⁴. Самое интересное, что суд признал, что в обжалуемом постановлении «...отсутствуют какие-либо сведения и доказательства о том, что А. может скрыться от предварительного следствия и суда, продолжить заниматься преступной деятельностью, угрожать свидетелям, иным участникам уголовного

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» (в ред. от 11 июня 2020 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 18 января 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 31 июля 2018 г. по делу № 10-12475/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1024905#nvJv0ySC8VsZbIjN> (дата обращения: 15.10.2022).

⁴ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 31 июля 2018 г. по делу № 10-12475/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1024905#nvJv0ySC8VsZbIjN> (дата обращения: 15.10.2022).

судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Сведений, указывающих на намерение А. скрыться от органов следствия, суду органом предварительного следствия не представлено. До задержания А. проживал в г. Москве со своей семьей, у него на иждивении несовершеннолетний ребенок и нетрудоспособных родителей, сам страдает хроническими заболеваниями, ранее к уголовной ответственности не привлекался, имеет постоянный источник дохода. Сведения и доказательства о том, что А. может продолжать заниматься преступной деятельностью также отсутствуют. Указанная судом возможность согласования А. своей позиции с иными неустановленными соучастниками, воздействия на свидетелей с целью изменения их позиции, уничтожения предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела, не подтверждается материалами дела¹. Но при этом сформулировал вызывающее абсолютное недоумение решение: «...исходя из принципов гуманизма, суд апелляционной инстанции приходит к выводу о возможности применения к подозреваемому более мягкой меры пресечения и считает необходимым меру пресечения в виде заключения под стражу А. изменить на домашний арест»².

Таким образом, чтобы предотвратить дальнейшие нарушения УПК РФ, обеспечить исключительность ограничений конституционных прав личности в ходе расследования преступлений, важно на законодательном уровне, а также в актах официального толкования привести четкие формулировки, не допускающие двусмысленного понимания предмета доказывания при избрании любой меры пресечения. То же касается и однозначного определения средств доказывания подлежащих установлению обстоятельств. Давно нуждается в изменении и формулировка ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Её текст после слов «настоящим Кодексом» и до подпунктов следует изложить в следующей редакции: «при наличии достаточных доказательств, дающих основание полагать, что обвиняемый, подозреваемый:».

Библиографический список

1. *Червоткин А.С.* Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве. М.: Проспект, 2021. 376 с.
2. *Белкин А.Р.* УПК РФ: отменить нельзя поправить?: в 2 т.: общая часть. 2-е изд., испр. и доп. М: Юрайт, 2022. Т. 1. 287 с.
3. *Симагина Н.А.* Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 206 с.
4. *Вдовцев П.В., Казаков А.А., Каркошко Ю.С.* Составление процессуальных документов в ходе досудебного производства по уголовным делам. Екатеринбург: ООО Универсальная Типография «Альфа Принт», 2018. 136 с.
5. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 20-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1989. 750 с.
6. *Магомедов Ш.М.* Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2020. 169 с.

¹ См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 31 июля 2018 г. по делу № 10-12475/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1024905#nvJv0ySC8VsZbIjN> (дата обращения: 15.10.2022).

² См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 31 июля 2018 г. по делу № 10-12475/2018. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=1024905#nvJv0ySC8VsZbIjN> (дата обращения: 15.10.2022).

References

1. *Chervotkin A.S.* Interim Judgments in Criminal Proceedings: a monograph. Moscow: Prospect, 2021. 376 p.
2. *Belkin A.R.* Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Cancel Can't Be Corrected? In 2 volumes. General part. 2nd ed., rev. and additional M.: Yurayt, 2022. Vol. 1. 287 p.
3. *Simagina N.A.* Precautionary Measures and Circumstances Taken Into Account at Their Election (Theory and Current Practice): dis. ...cand. of law. M., 2019. 206 p.
4. *Vdovtsev P.V., Kazakov A.A., Karkoshko Yu.S.* Drafting Procedural Documents During Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases. Yekaterinburg: LLC Universal Printing House "Alpha Print", 2018. 136 p.
5. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian Language: Ab. 57,000 words / Ed. corresponding member USSR Academy of Sciences N.Yu. Shvedova. 20th ed., stereotype. M.: Rus. Lang., 1989. 750 p.
6. *Magomedov Sh.M.* Application of Other Measures of Criminal-Procedural Coercion: dis. ...cand. of law. St. Petersburg, 2020. 169 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-193-201

УДК 343.1

Н.О. Овчинникова

ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ОТНОШЕНИИ ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ ЛИЦ

Введение: развитие уголовно-процессуальных правоотношений, возникновение новых форм уголовно-процессуальной деятельности, обусловленных состоянием мировой геополитики, появлением новых преступлений или новых способов их совершения обуславливает необходимость системного реформирования норм уголовно-процессуального права. Одним из наименее часто подвергаемых законодательным изменениям институтов является производство в отношении отдельных категорий лиц. Правовое регулирование данного производства во многом устарело, имеет значительные пробелы и является противоречивым, именно это и определяет необходимость его совершенствования и реформирования. **Цель:** выявить пробелы в правовом регулировании производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц и предложить пути их устранения и преодоления. **Методологическая основа:** были использованы общеправовые методы анализа и синтеза, статистический метод научного исследования, а также специально-юридические методы: формально-юридический и сравнительно-правовой. **Результаты:** были выявлены наиболее существенные пробелы в нормативном регулировании производства по уголовным делам в отношении лиц с особым процессуальным статусом и предложены рациональные пути их устранения и преодоления. **Выводы:** пробелы в правовом регулировании производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц обнаруживаются на всех его этапах: при определении перечня лиц с особым процессуальным статусом, при возбуждении и расследовании уголовного дела, при производстве следственных действий, при применении мер процессуального принуждения, при определении правил о подсудности. Все выявленные пробелы возможно окончательно устранить законодотворческим путем либо преодолеть, используя правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации (толкование) и аналогию закона.

Ключевые слова: пробел, устранение, преодоление, лица с особым процессуальным статусом, следственные действия, меры принуждения, адвокат, подсудность.

N.O. Ovchinnikova

GAPS IN LEGAL REGULATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS AGAINST CERTAIN CATEGORIES OF PERSONS

Background: the development of criminal procedural legal relations, the emergence of new forms of criminal procedural activity caused by the state of world geopolitics,

© Овчинникова Наталья Олеговна, 2022
Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: natalya-afonina@list.ru
© Ovchinnikova Natalya Olegovna, 2022
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy)

the emergence of new crimes or new ways of committing them necessitates a systematic reform of the norms of criminal procedural law. One of the least frequently subjected to legislative changes institutions is the production of certain categories of persons. The legal regulation of these proceedings is largely outdated, has significant gaps and is contradictory, so it determines the need for its improvement and reform. Objective: to identify gaps in the legal regulation of criminal proceedings against certain categories of persons and to propose ways to eliminate and overcome them. Methodology: general legal methods of analysis and synthesis, statistical method of scientific research, as well as special legal methods: formal legal and comparative legal were used. Results: the most significant gaps in the normative regulation of criminal proceedings against persons with special procedural status were identified and rational ways of eliminating and overcoming them were proposed. Conclusions: gaps in the legal regulation of criminal proceedings against certain categories of persons are found at all its stages: when determining the list of persons with special procedural status, when initiating and investigating a criminal case, when conducting investigative actions, when applying procedural coercion measures, when determining the rules on jurisdiction. All identified gaps can be finally eliminated by legislative means or overcome, using the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation (interpretation) and analogy of the law.

Key-words: gap, elimination, overcoming, persons with special procedural status, investigative actions, coercive measures, lawyer, jurisdiction.

Глава 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ, Кодекс) устанавливает особые гарантии при привлечении к уголовной ответственности лиц, чья профессиональная деятельность направлена на обеспечение государственно важных функций. Данные положения Кодекса в определенной степени являются изъятием из конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Именно этот факт и вызывает многочисленные дискуссии среди теоретиков и практиков, поскольку усложненный порядок уголовного судопроизводства в отношении обозначенной категории лиц не только создает дополнительные гарантии, но и существенно ограничивает саму возможность привлечения их к уголовной ответственности.

В 2017 г. перечень лиц с особым процессуальным статусом пополнил адвокат, а гл. 52 УПК РФ была дополнена ст. 450.1, регламентирующей особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката. В результате законодательных изменений последовала активная реализация положений упомянутой статьи, и начиная с 2018 г., значительно возросло количество уголовных дел, по которым проводились обыски в помещениях, занимаемых адвокатами. Так, в 2018 г. было удовлетворено 358 ходатайств о производстве обыска (выемки, осмотра) в отношении адвокатов, что составило 92% от общего числа ходатайств, рассмотренных судом¹. В 2019 году — из 710 таких ходатайств было удовлетворено 655 — 92,25%, в 2020 году — из 645 ходатайств следователей о проведении обысков у адвокатов удовлетворено 596, что составило 92,4%². Од-

¹ См.: Суды по-прежнему рассматривают большинство уголовных дел в особом порядке // Адвокатская газета. 2019. 27 мая. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudy-po-prezhnemu-rassmatrivayut-bolshinstvo-ugolovnykh-del-v-osobom-poryadke/> (дата обращения: 27.05.2022).

² См.: В 2020 г. увеличилось число уголовных дел, рассмотренных посредством ВКС // Адвокатская газета. 2021. 15 июля. URL: <https://www.advgazeta.ru/obzory-i-analitika/v-2020-g-uvvelichilos-chislo-ugolovnykh-del-rassmotrennykh-posredstvom-vks/> (дата обращения: 27.05.2022).

нако нормативная регламентация производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката, а также производства в отношении отдельных категорий лиц в целом страдает пробельностью и противоречивостью, что препятствует должной практической реализации норм указанного института.

За последние два десятилетия исследованием проблем и особенностей производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц в той или иной степени занимались следующие авторы: А.А. Цараев «Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости» (2003) [1], Ю.С. Пилипенко «Адвокатская тайна: теория и практика реализации» (2009) [2], Ю.С. Андреева «Особенности производства процессуальных действий в досудебном уголовном производстве в отношении иностранных лиц, пользующихся дипломатическими и консульскими иммунитетом» (2010) [3], О.В. Добровлянина «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» (2010) [4], Т.Р. Латыпов «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц» (2011) [5].

После указанного периода фундаментальных научных исследований в рассматриваемой области не проводилось, что свидетельствует о необходимости дальнейшего изучения и поиска путей совершенствования данного правового института.

Перечень лиц, на которых распространяется действие гл. 52 УПК РФ, закреплен в ст. 447. Однако представляется, что он не является исчерпывающим, поскольку есть и иные должностные лица государственных органов, на которых должен распространяться порядок производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. Так, например, согласно ч. 3 ст. 39 Федерального Закона «О Счетной палате Российской Федерации» гарантиями неприкосновенности обладает также инспектор Счетной палаты, который при выполнении им служебных обязанностей не может быть привлечен к уголовной ответственности без согласия Коллегии Счетной палаты. Думается, что здесь вполне применима правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации о том, что «приоритет УПК РФ перед другими федеральными законами не является абсолютным, а нормы специальных федеральных законов, устанавливающие для защиты прав и законных интересов лиц дополнительные гарантии, обусловленные их особым правовым статусом, пользуются приоритетом, как специально предназначенные для регулирования соответствующих отношений»¹. Представляется, что невозможно и неправильно постоянно использовать правовые позиции Конституционного Суда РФ для преодоления просчетов законодателя. Данный пробел вполне логично окончательно устранить законотворческим путем, внося в «...ст. 447 УПК РФ оговорку о том, что правила данной статьи могут применяться и в отношении иных лиц, которые наделены гарантиями неприкосновенности иными федеральными законами и в порядке предусмотренном федеральным законодательством» [8, с. 141].

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2004. № 143; Разъяснение комиссии совета АП г. Москвы по поводу вызова адвоката на допрос в качестве свидетеля. 2019. 22 сент. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2019. № 4. С. 242–244.

Существуют пробелы и в нормативной регламентации процедуры возбуждения уголовного дела в отношении лиц, обозначенных в гл. 52 УПК РФ. Согласно п. 7 ч. 1 ст. 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении Уполномоченного по правам человека в РФ принимается Председателем Следственного комитета Российской Федерации, но далее никаких уточнений не следует. Однако Федеральный Конституционный Закон «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» (далее — ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ») устанавливает дополнительные требования к этой процедуре — наличие согласия Государственной Думы. Конституционный Суд РФ по данному вопросу разъясняет, что в случае обнаружения при производстве по уголовному делу «...несоответствия между ФКЗ либо международным договором, ратифицированным Российской Федерацией, и УПК РФ, применению согласно ст. 15 и 76 Конституции РФ подлежит именно ФКЗ или международный договор, как обладающие большей юридической силой по отношению к обычному федеральному закону¹».

Казалось бы, пробела здесь не возникает, выбор нормативно-правового акта определяется его юридической силой, а отношения фактически урегулированы взаимодействующими нормами. Но в таком случае УПК РФ должен содержать отсылку к ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в РФ». Помимо сказанного, следует обратить внимание на то, что ст. 158 Регламента Государственной Думы РФ указывает только на порядок лишения неприкосновенности Уполномоченного по правам человека². Сама же процедура согласия на возбуждение уголовного дела вообще не предусмотрена. Представляется, что в описанной ситуации логичнее всего вопрос о даче согласия на возбуждение уголовного дела решать одновременно с вопросом о лишении неприкосновенности, используя ту же процедуру.

Следующий пробел обнаруживается в правовой регламентации задержания, предусмотренного ст. 449 УПК РФ. Перечень лиц, обладающих дополнительными процессуальными гарантиями при задержании, снова не полный. Исходя из содержания п. 3 ст. 4 и ч. 3 ст. 29 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» (далее — ФЗ «О СК РФ») указанные гарантии распространяют свое действие и на следователя, руководителя следственного органа и председателя Следственного Комитета РФ³.

В ряде случаев для задержания необходимо получить согласие, которое с учетом неотложного характера рассматриваемой меры процессуального принуждения целесообразно получать именно до начала ее применения. Исключения составляют лишь случаи, когда на момент задержания лица не имеется сведений относительно его должности и вытекающих из этого дополнительных гарантий. Принимая во внимание конституционные положения о неприкосновенности депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации с представлением о даче

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2004. № 143.

² См.: Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 22 февраля 2022 г.) // Российская газета. 1998. № 37.

³ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 1 апреля 2022 г.) // Российская газета. 2010. № 296.

согласия на задержание обращается Генеральный прокурор РФ. Порядок дачи такого согласия содержится в Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания РФ¹ и соответственно в Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания РФ².

Поскольку подобное правило применительно к Председателю Счетной палаты РФ, заместителю Председателя Счетной палаты РФ, аудиторам Счетной палаты (они не могут быть задержаны без согласия той палаты Федерального Собрания, которая их назначила на должность) и Уполномоченному по правам человека в РФ (не может быть задержан без согласия Государственной Думы РФ) отсутствует, то представление о даче согласия на задержание данных лиц должен вносить руководитель федерального государственного органа, непосредственно уполномоченного осуществлять расследование, то есть Председатель Следственного комитета РФ.

Пробельность также коснулась норм, регламентирующих порядок применения мер принуждения к лицам с особым процессуальным статусом. Например, не допускается привод прокурора, следователя и руководителя следственного органа. Применительно к депутатам Государственной Думы РФ, членам Совета Федераций РФ подобного запрета не установлено, но и порядок применения к данной категории лиц указанной меры процессуального принуждения не урегулирован, поэтому в их отношении она никогда не применялась. В данной ситуации законодателю надлежит уточнить, подлежат ли данные лица приводу, и если подлежат, то необходимо также установить в УПК РФ процедуру применения указанной меры принуждения.

Далее возникают вопросы относительно порядка избрания меры пресечения в отношении Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий. Согласно требованиям ч. 3 ст. 450 УПК РФ для этого необходимо согласие соответственно Совета Федерации РФ или Государственной Думы РФ. Приведенная формулировка не позволяет определить порядок получения данного согласия. УПК РФ подробно регламентирует лишь процедуру возбуждения уголовного дела в отношении указанного лица (ч. 7 ст. 448 УПК РФ), а Федеральный Закон «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (ст. 3) — лишение его неприкосновенности³. Представляется крайне маловероятным возникновение описанной ситуации на практике. Тем не менее, указанный пробел, в случае необходимости, возможно преодолеть путем использования аналогии закона, применив для избрания меры пресечения в отношении Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, правила лишения его неприкосновенности⁴.

¹ См.: Постановление ГД ФС РФ от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 22 февраля 2022 г.) // Российская газета. 1998. № 37.

² См.: Постановление СФ ФС РФ от 30 января 2002 г. № 33-СФ «О Регламенте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» (в ред. от 13 апреля 2022 г.) // Парламентская газета. 2002. № 35–36.

³ См.: Федеральный закон от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (в ред. от 22 декабря 2020 г.) // Российская газета. 2001. № 32–33.

⁴ См.: ч. 4 ст. 3 Федеральный закон от 12 февраля 2001 г. № 12-ФЗ «О гарантиях Президенту Российской Федерации, прекратившему исполнение своих полномочий, и членам его семьи» (в ред. от 22 декабря 2020 г.) // Российская газета. 2001. № 32–33.

Согласие одной из этих палат Федерального Собрания требуется и в случае избрания члену Совета Федерации или депутату Государственной Думы меры пресечения в виде домашнего ареста. Отсутствие в ст. 450 УПК РФ прямого указания на это не может расцениваться как дозволение на неполучение такого согласия в случае применения к этим лицам данной меры пресечения. Следовательно, установленные ст. 450 УПК РФ гарантии неприкосновенности членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы РФ при решении вопроса о применении в отношении них меры пресечения, предусмотренной ст. 108 УПК РФ, должны обеспечиваться и при решении вопроса о применении в отношении названных категорий лиц домашнего ареста¹.

Обнаруживается ряд противоречий и в регламентации порядка производства следственных и иных процессуальных действий в отношении лиц с особым процессуальным статусом. Согласно ч. 5 ст. 450 УПК РФ следственные действия, осуществляемые на основании судебного решения, в отношении лица, указанного в ч. 1 ст. 447 УПК РФ, если уголовное дело в отношении него не было возбуждено или это лицо не было привлечено в качестве обвиняемого, производятся с согласия суда, указанного в ч. 1 ст. 448 УПК РФ. Рассматриваемое нормоположение Кодекса ныне не актуально, поскольку в настоящее время заключение суда необходимо только в отношении Генерального прокурора РФ или Председателя Следственного комитета РФ (п. 2 и 2.1 ч. 1 ст. 448 УПК РФ) [6, с. 57–70; 7, с. 115–123].

Также требуют разрешения вопросы, касающиеся порядка производства осмотра (обыска, выемки), производимых в помещениях, занимаемых адвокатом для осуществления своей профессиональной деятельности. При производстве указанных следственных действий должен присутствовать член совета адвокатской палаты субъекта РФ либо же иной представитель, уполномоченный президентом данной адвокатской палаты. Без его участия можно обойтись только в случаях, когда промедление может привести к утрате доказательств, а участие представителя невозможно. Законодательство не содержит перечня таких случаев. Во избежание произвольной трактовки данного нормоположения необходимо определить эти случаи в Кодексе, либо же вообще исключить данную оговорку.

Согласно УПК РФ только обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката производятся на основании судебного решения и с участием члена совета адвокатской палаты или иного представителя адвокатской палаты его заменяющего. Судебный порядок получения разрешения на производство указанных выше следственных действий призван обеспечить сохранность адвокатской тайны, однако, представляется, что для действительной сохранности адвокатской тайны абсолютно все следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия в отношении адвоката должны производиться на основании судебного решения. Данная позиция отражена и в определении Конституционного Суда РФ от 22 марта 2012 г. № 629-О-О². Представляется, что данная правовая позиция должна найти отражение в ст. 450.1 УПК РФ.

¹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Российская газета. 2004. № 143.

² См.: Обзор правовых позиций в определениях Конституционного Суда России. № 577-О, 578-О, 854-О, 856-О, 863-О, 865-О, 866-О, 867-О. 2019 // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 3 (130). С. 152–164; Определение Конституционного Суда РФ от 22 марта

На этапе окончания стадии предварительного расследования в отношении отдельных категорий лиц отличий от общего порядка УПК РФ не устанавливает, однако, они все же существуют. Согласно ч. 5 ст. 19 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» после предварительного расследования дело в отношении депутатов Государственной Думы РФ и сенаторов Федерального Собрания РФ не может быть передано в суд без согласия соответствующей палаты Федерального Собрания РФ. Следует отметить, что снова ни в УПК РФ, ни в данном законе не установлена процессуальная форма и порядок передачи согласия и сроки.

Следующий пробел обнаруживается в правовом регулировании правил о подсудности уголовных дел окончанных расследованием в отношении лиц с особым процессуальным статусом. В ст. 451 УПК РФ есть оговорка об исключении из общих правил о подсудности случаев, предусмотренных ст. 452 УПК РФ, которая в настоящее время утратила силу. Этот пробел носит технический характер, и легко устраним путем исключения данной оговорки из ст. 451 УПК РФ.

Пробелы в правовом регулировании производства в отношении отдельных категорий лиц вызваны непоследовательным и несистемным реформированием норм данного института, отставанием законодательства от существующих реалий. Они обнаруживаются в правовом регулировании всех этапов производства в отношении лиц с особым процессуальным статусом: при определении перечня этих лиц, при возбуждении и расследовании уголовного дела, при производстве следственных действий, при применении мер процессуального принуждения, при определении правил о подсудности.

Отсутствует единообразие норм УПК РФ и иных специальных федеральных законов, устанавливающих гарантии неприкосновенности отдельных категорий лиц и их правовой статус, порядок получения согласия на возбуждение уголовного дела, применение мер принуждения, производство следственных действий в отношении данных лиц. Названное обстоятельство требует от законодателя приведения названных норм к единому знаменателю. Пока же этого не сделано, многие пробелы возможно преодолеть, используя либо правовые позиции Конституционного Суда РФ (толкование), либо аналогию закона. Однако представляется неправильной ситуация, когда правоприменителю приходится преодолевать один и тот же пробел снова и снова, полагаясь на правовые позиции Конституционного Суда РФ. Законодатель обязан отреагировать — устранить пробел законотворческим путем.

2012 г. № 629-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Абдулхамидова Ахмедшапи Гамзатовича на нарушение его конституционных прав положениями статей 8 и 9 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», а также статей 7, 29 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Документ опубликован не был. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&ts=QBgTx6TmojkVULor&cacheid=64CDED8C93F4E29FCA745C4B104E0D6C&mode=splus&rnd=8TKpkg&base=LAW&n=133876#xxAd27TcDfJlku064> (дата обращения: 27.05.2022); Определение Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2019 г. № 863-О «По жалобе граждан Зубкова Владимира Владимировича и Крупочкина Олега Владимировича на нарушение их конституционных прав положениями статей 38, 88, 113, 125 и части первой статьи 152 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также части 2 статьи 7 Федерального закона «О Следственном комитете Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 4; Разъяснение комиссии совета АП г. Москвы по поводу вызова адвоката на допрос в качестве свидетеля. 22.09.2019 // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2019. № 4. С. 242–244.

Некоторые пробельные нормы рассматриваемого института никогда не применялись (ч. 3 ст. 450 УПК РФ — в отношении Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий), однако, это не означает, что данный пробел можно оставить без внимания и не предпринимать попытки к его устранению. В настоящее время, если возникнет необходимость применения указанной нормы, пробел можно преодолеть путем применения аналогии закона.

Несмотря на то, что адвокат-защитник не поименован в перечне лиц с особым процессуальным статусом, предусмотренном ст. 447 УПК РФ, он, безусловно данным статусом обладает. Подтверждением тому является ст. 450.1 УПК РФ, определяющая порядок производства в отношении адвоката осмотра, обыска и выемки. Гарантии неприкосновенности адвоката не связаны с его личностью, а предоставлены ему в силу выполняемой им уголовно-процессуальной функции защиты от уголовного преследования своего доверителя с целью охраны адвокатской тайны. Однако учитывая позитивные изменения законодательства в данном направлении, приходится констатировать отсутствие единообразия норм УПК РФ и ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», а также неконкретизированность норм указанных законов. Описанная ситуация требует устранения пробельности законодательным путем. Пока же этого не сделано, решение видится в преодолении пробела путем использования толковательных разъяснений Конституционного Суда РФ, сформулированных в его Постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П, а также Определениях от 22 марта 2012 г. № 629-О-О, от 11 апреля 2019 г. № 863-О.

Многие из рассмотренных в настоящей статье пробелов носят технический характер и легко устранимы законодательным путем. Законодатель «забывает» исключать из УПК РФ отсылочные нормы к статьям Кодекса, утратившим юридическую силу. Данные огрехи неправильного применения юридической техники присущи не только нормативному регулированию производства по уголовным делам в отношении лиц с особым процессуальным статусом, но и другим нормам УПК РФ.

Библиографический список

1. Цараев А.А. Неприкосновенность судьи как гарантия его независимости: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 36 с.
2. Пилипенко Ю.С. Адвокатская тайна: теория и практика реализации: автореф. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. 57 с.
3. Андреева Ю.С. Особенности производства процессуальных действий в досудебном уголовном производстве в отношении иностранных лиц, пользующихся дипломатическими и консульскими иммунитетами: автореф. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2010. 33 с.
4. Добровлянина О.В. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: автореф. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 26 с.
5. Латыпов Т.Р. Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц: автореф. ... канд. юрид. наук. Люберцы, 2011. 31 с.
6. Шаталов А.С. Современное состояние процессуального механизма уголовного преследования специальных субъектов и вопросов его оптимизации // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1(88). С. 57–70.
7. Казаков А.А. Дисбаланс в правовом регулировании процессуальных иммунитетов в сфере уголовного судопроизводства. Lex Russica. 2016. № 4 (113). С. 115–123.

8. *Рагулин А.В.* Регламентация и реализация профессионального права адвоката-защитника на соблюдение особого порядка уголовного преследования // Евразийский юридический журнал. 2013. № 1 (56). С. 139–142.

References

1. *Tsaraev A.A.* Inviolability of a Judge as a Guarantee of His Independence: extended abstract. diss. ...cand. of law. M., 2003. 36 p

2. *Pilipenko Y.S.* Attorney's Secret: Theory and Practice of Implementation: extended abstract. diss. ...doc. of law. M., 2009. 57 p.

3. *Andreeva Y.S.* Features of the Production of Procedural Actions in Pre-trial Criminal Proceedings Against Foreign Persons Enjoying Diplomatic and Consular Immunities: extended abstract. diss. ...cand. of law. Lyubertsy, 2010. 33 p.

4. *Dobrovlyanina O.V.* Features of Criminal Proceedings Against Certain Categories of Persons: extended abstract. diss. ...cand. of law. Yekaterinburg, 2010. 26 p .

5. *Latypov T.R.* Features of Criminal Proceedings in Relation to Certain Categories of Persons: extended abstract. diss. ...cand. of law. Lyubertsy, 2011. 31 p.

6. *Shatalov A.S.* The Current State of the Procedural Mechanism of Criminal Prosecution of Special Subjects and Issues of Its Optimization // Man: Crime and Punishment. 2015. No. 1(88). P. 57–70.

7. *Kazakov A.A.* Imbalance in the Legal Regulation of Procedural Immunities in the Field of Criminal Proceedings. Lex Russica. 2016. No. 4 (113). P. 115–123.

8. *Ragulin A.V.* Regulation and Implementation of the Professional Right of a Defense Lawyer to Comply with a Special Procedure for Criminal Prosecution // Eurasian Law Journal. 2013. No. 1 (56). P. 139–142.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-202-210

УДК 343.140.02

М.С. Ремизова

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ АДВОКАТОМ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Введение: в современном уголовном процессе одним из проявлений принципа состязательности сторон является предоставление адвокату-защитнику права на самостоятельный сбор доказательств. Однако на практике предусмотренные действующим УПК РФ формы собирания доказательств вызывают множество вопросов и затруднений в связи с отсутствием должной законодательной регламентации. **Цель:** поиск путей, способов и направлений совершенствования правовой регламентации имеющихся норм УПК РФ и Закона РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», позволяющих открыть возможности для практической реализации права защитника на собирание доказательств. **Методологическая основа:** при проведении исследования использовались формально-юридический, логический, анализ и синтез, систематизация и обобщение практики правоприменения. **Результаты:** представлена авторская позиция относительно выбора путей совершенствования уголовно-процессуального законодательства, которая позволит полноценно реализовать право защитника на собирание доказательств. **Выводы:** внесение предложенных изменений и дополнений в законодательство позволит открыть возможности для практической реализации права защитника на собирание доказательств, которое в настоящее время закреплено в законе, но на практике не имеет гарантий реализации.

Ключевые слова: адвокат, защитник, собирание доказательств, опрос лиц, совершенствование законодательства.

M.S. Remizova

ON THE PROCEDURAL FORM OF THE COLLECTION OF EVIDENCE BY AN ADVOCATE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Background: one of the manifestations of the principle of competitiveness of the parties in modern criminal proceedings is the provision of a defense lawyer with the right to independently collect evidence. However, in practice, the forms of evidence collection provided for by the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation raise many questions and difficulties due to the lack of proper legislative regulation. **Objective:** search for ways, methods and directions for improving the legal regulation of the existing norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation", which open up

© Ремизова Марита Сергеевна, 2022

Аспирант кафедры уголовного процесса (Саратовская государственная юридическая академия), адвокат (адвокатский кабинет «Защита», г. Баксан); e-mail: mremizova.1998@mail.ru

© Remizova Marita Sergeevna, 2022

Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure (Saratov State Law Academy), lawyer (lawyer office «Protection», Baksan)

opportunities for the practical implementation of the right of a defense lawyer to collect evidence. Methodology: in the course of the study, formal-legal, logical, analysis and synthesis, systematization and generalization of law enforcement practice. Results: the author's position is presented on the ways to improve the criminal procedural legislation, which allow realizing the rights of a defense lawyer to collect evidence. Conclusions: the introduction of appropriate amendments and additions to the legislation will open up opportunities for the practical implementation of the rights of the defense counsel to collect evidence, which are currently enshrined in law, but in practice there are no legal guarantees for their implementation.

Key-words: lawyer, collection of evidence, questioning of persons, improvement of legislation.

Адвокат является одним из профессиональных участников уголовного процесса, и в связи с этим обладает правом участвовать в собирании и представлении доказательств, и, очевидно, что право адвоката самостоятельно участвовать в процессе доказывания является выражением принципов состязательности в уголовном процессе и равноправия сторон.

Впервые право на предоставление доказательств адвокат получил в связи с принятием УПК РСФСР 1960 года¹. Впоследствии указанное право нашло отражение в ст. 6 Закона от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре СССР»², и дальнейшее эволюционирование получило в статье 15 Закона от 20 ноября 1980 года «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР»³.

В УПК РФ 2001 г. права защитника были существенно расширены. Если по правилам ранее действовавшего уголовно-процессуального закона он мог представлять суду только те доказательства, которые им были получены от своего подзащитного, то в ныне действующем УПК он наделен правом самостоятельно принимать участие в процессе сбора доказательств в ходе осуществления им своих профессиональных обязанностей при осуществлении защиты по уголовному делу.

В силу правил п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ в совокупности с требованиями ч. 3 ст. 86 УПК РФ, «...с момента допуска к участию в уголовном деле защитник вправе собирать доказательства путем:

получения предметов, документов, иных сведений;

опроса лиц с их согласия;

истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных организаций и объединений»⁴.

Первой формой собирания защитником доказательств, закрепленной в УПК РФ, является «...право защитника собирать доказательства путем получения документов, предметов и иных сведений, которые могут быть признаны вещественными доказательствами по делу»⁵.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден ВС РСФСР 27 октября 1960 г.) (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

² См.: Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «Об адвокатуре в СССР» (утратил силу) // Ведомости ВС СССР. 1979. № 49, ст. 846.

³ См.: Закон РСФСР от 20 ноября 1980 г. «Об утверждении Положения об адвокатуре РСФСР» (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1980. № 48, ст. 1596.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 9 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

⁵ См.: Там же.

Следует отметить, что аналогичный порядок содержится в Законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее — Закон об адвокатуре). Вместе с тем в обоих нормативных актах отсутствует регламентация правил и процедур придания соответствующей процессуальной формы документам, собранным адвокатом. Поэтому «полученный адвокатом предмет или документ должен быть представлен следователю, и только он в установленном законом порядке может признать (или не признать) его вещественным доказательством или «иным документом» и приобщить к делу» [1, с. 21]. Здесь на наш взгляд, кроется одна из проблем, препятствующих участию защитника в доказательственной деятельности, поскольку полученные им материалы всегда могут быть поставлены под сомнение с точки зрения их процессуальной допустимости. Закрепление такого порядка в нормах закона является принципиально важным и будет способствовать совершенствованию деятельности защитника в рамках уголовного процесса.

Второй формой сбора доказательств защитником, закрепленной действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ, является опрос лиц с их согласия. И опять анализ норм УПК РФ показывает отсутствие четкого регулирования порядка проведения опроса, что вызывает в условиях современных российских правоприменительных реалий большое количество проблем.

В Законе об адвокатуре установлен круг лиц, которых адвокат может опрашивать. Так, «адвокат вправе опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь»¹. Налицо очередное проявление неравноправия сторон в уголовном процессе, поскольку сторона обвинения — орган предварительного расследования имеет право на допрос лиц без их согласия, причем с предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. В.С. Попов считает, что «опрос лиц с их согласия — это способ получения информации, необходимой для осуществления защиты интересов подозреваемого, обвиняемого защитником, с согласия опрашиваемых лиц» [2, с. 11]. Вместе с тем в УПК РФ отсутствует регламентация круга лиц, подлежащих опросу защитником. В связи с чем представляется, что защитник в ходе оказания квалифицированной юридической помощи по уголовному делу вправе опросить любое лицо, но при одновременном наличии двух условий:

«...имеются достаточные основания полагать, что данное лицо может обладать информацией, которая относится к уголовному делу;
это лицо согласно давать показания адвокату»².

При этом не нужно забывать о том, что не каждое лицо, предположительно владеющее информацией, относящейся к делу, по которому защитник оказывает юридическую помощь, согласен на общение с адвокатом подозреваемого (обвиняемого). Из этого следует, что адвокат на законодательном уровне лишен возможности в рамках осуществления своих профессиональных обязанностей опрашивать лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому он оказывает юридическую помощь, если эти лица отказываются давать адвокату показания. Необходимо, в связи с этим, отметить, что

¹Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

²Там же.

указанная норма закреплена не в уголовно-процессуальном законодательстве России, а в основном законе адвокатов — Законе об адвокатуре.

Действующий УПК РФ не содержит также законодательной регламентации формы закрепления и фиксации защитником результатов проведенного им опроса в целях последующего предоставления соответствующей информации об опросе дознавателю, следователю, прокурору и суду. Практикующие адвокаты по-разному называют составляемые ими документы: «протокол опроса», «объяснение», «показания свидетеля», «опрос свидетеля» и проч.

Как отмечает И.Н. Чеботарева: «...составляемый в результате опроса документ должен содержать необходимые данные об опрашиваемом лице (фамилию, имя, отчество, возраст, место жительства, ссылку на документ, удостоверяющий личность), а также об адвокате, который производит опрос» [3, с. 139]. Регламентация в законе соответствующей формы документа, составляемого адвокатом, также способствовала бы совершенствованию деятельности стороны защиты и обеспечению принципа равноправия сторон в уголовном процессе, особенно на досудебных стадиях производства по уголовному делу. Представляется, что протокол опроса, составляемый защитником, по форме должен быть идентичным с протоколом допроса, осуществляемым органами предварительного расследования в соответствии с правилами ст. 174 УПК РФ.

Последней формой сбора защитником доказательств является истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций. Названная форма также предполагает, что собранный адвокатом материал будет признан допустимым доказательством только в том случае, если он будет принят и приобщен к уголовному делу дознавателем, следователем или судом, то есть, в случае удовлетворения соответствующего ходатайства защитника. Этот способ собирания доказательств на практике вызывает особые затруднения и является наиболее проблематичным.

Право защитника на истребование справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций, регулируется положениями ст. 53 и 86 УК РФ и ст. 6 Закона об адвокатуре. Однако не всегда федеральные законы, принятые ранее Закона об адвокатуре, содержат нормы, позволяющие предоставлять адвокатам запрашиваемые ими сведения. Этим пользуются сотрудники различных ведомств, в том числе и государственных органов и органов местного самоуправления, отказывая адвокатам в предоставлении запрашиваемой ими информации.

Так, например, в соответствии с п. 5 ст. 7 Федерального закона № 218-ФЗ от 13 июля 2015 г. «О государственной регистрации недвижимости», «сведения, содержащиеся в Едином государственном реестре недвижимости, являются общедоступными, если иное не установлено законом»¹. В п. 2 ч. 13 ст. указанного Закона имеется перечень субъектов, которым в соответствии с законами Российской Федерации, Росреестр «...бесплатно предоставляет информацию о зарегистрированных правах на недвижимое имущество и сделках с ним по запросам». Адвокатов в этом перечне нет.

¹ Федеральный закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (в ред. от 14 марта 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4344.

При этом «...адвокаты в своей деятельности руководствуются федеральными конституционными законами, федеральными законами, актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, международными договорами Российской Федерации, указами Президента, постановлениями Правительства, инструкциями и методическими рекомендациями Министерства юстиции Российской Федерации, других органов власти и управления, а также Законом РФ об адвокатуре»¹.

«Адвокат, выступая в качестве представителя или защитника, вправе представлять интересы своего доверителя во всех государственных и общественных организациях, в различных правоохранительных органах. Адвокат вправе, представляя права и законные интересы своих доверителей, запрашивать и собирать иным способом справки, характеристики и иные документы и сведения, необходимые для оказания юридической помощи (п. 3 ст. 6 Закона об адвокатуре)»². Перечень сведений, собираемых адвокатом, не ограничен. В рамках реализации принципа равноправия сторон, на все органы и организации, независимо от форм собственности, которым адвокат-защитник адресует свой запрос, должна быть возложена обязанность предоставить необходимые ему документы либо надлежаще заверенные их копии.

Вместе с тем анализ практики позволяет прийти к выводу о том, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и организации, которые обязаны предоставлять запрашиваемую защитником информацию, зачастую препятствуют осуществлению адвокатами их профессиональных обязанностей, отказывая в предоставлении запрашиваемых сведений, ссылаясь в том числе, на пресловутый Закон РФ «О персональных данных»³. А защитникам в ходе оказания квалифицированной юридической помощи своим доверителям достаточно часто приходится запрашивать разного рода документы для использования их в качестве доказательств. Кроме того, еще одним дискриминирующим фактором является то, что органам предварительного расследования запрашиваемая ими информация предоставляется бесплатно, безвозмездно, им достаточно представления письменного запроса, в то время, как адвокату за получение ответа на адвокатский запрос приходится оплачивать соответствующие сборы и пошлины.

Очередной сложностью для практикующих адвокатов являются сроки предоставления запрашиваемой ими информации. По правилам ч. 2 ст. 6.1 Закона об адвокатуре «...органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос, должны дать на него ответ в письменной форме в тридцатидневный срок со дня его получения. В случаях, требующих дополнительного времени на сбор и предоставление запрашиваемых сведений, указанный срок может быть продлен, но не более чем на тридцать дней, при этом адвокату, направившему адвокатский запрос, направляется уведомление о продлении срока рассмотрения адвокатского запроса»⁴.

¹ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

² Там же.

³ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 2 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1), ст. 3451.

⁴ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

Следовательно, имеет место проблема со своевременным получением запрошенной информации, так как срок в тридцать дней является довольно длительным, в связи с чем не всегда получается немедленно отреагировать на срочные вопросы, возникающие в процессе оказания юридической помощи, например, наложение ареста или запрета на имущество.

В сравнении со стороной обвинения — органами предварительного следствия и дознания запрашиваемая информация предоставляется незамедлительно или в указанный в требовании (запросе, поручении) срок¹. К тому же их запросы обязательны для исполнения всеми предприятиями, учреждениями, организациями, должностными и иными лицами. По требованию прокурора при проверке исполнения законов запрашиваемая им информация представляется безвозмездно в двухдневный срок².

В связи с изложенным, для восполнения пробела в законодательстве в целях соблюдения принципа равноправия сторон в уголовном судопроизводстве видится правильным приравнять адвокатский запрос к запросу органов предварительного расследования и законодательно закрепить право адвоката получать запрашиваемую им информацию безвозмездно.

Подводя итог, можно прийти к следующим выводам:

1. Закон лишь декларативно провозглашает право защитника собирать доказательства с момента допуска к участию в уголовном деле. Но для того, чтобы материалы и документы, собранные защитником, бесспорно могли приобрести статус доказательств по уголовному делу, необходим правовой механизм, исключающий препятствия для приобщения их к уголовному делу. В частности соответствующее ходатайство адвоката о приобщении материалов или производстве следственного действия должно быть защищено от саботажа или неудовлетворения должностными лицами, в производстве которых находится уголовное дело. Приобщение документов и предметов, собранных адвокатом не должно зависеть от усмотрения должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование.

2. В уголовно-процессуальном кодексе РФ и Законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» отсутствуют нормы, регулирующие процессуальный порядок оформления и фиксации полученных защитником материалов в виде предметов, документов и иных сведений. Данные нормативно-правовые акты не устанавливают в какой форме защитник закрепляет и фиксирует результаты опроса лиц для целей доказывания. Закрепление и регламентация соответствующего порядка, является обязательной и будет способствовать совершенствованию деятельности адвоката в уголовном судопроизводстве в рамках осуществления принципа равноправия сторон.

В связи с этим в целях устранения неравенства сторон защиты и обвинения на стадии предварительного расследования представляется необходимым внести дополнения и изменения в п. 5 ст. 74, ч. 2 ст. 75 и в п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ. В частности, необходимо:

¹ См.: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» (в ред. от 25 февраля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 15.

² См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

дополнить п. 5 ст. 74 УПК РФ и изложить его в следующей редакции: «протоколы следственных и судебных действий, а также протоколы опросов, проведенных защитником»;

дополнить УПК РФ ст. 166.1 следующего содержания:

«Статья 166.1. Протокол опроса, проведенный защитником

1. Результаты и ход опроса, проведенного защитником излагаются в соответствующем протоколе опроса, который проводится по правилам производства допроса, в котором указываются:

1) сведения об адвокатском образовании или адвокате-защитнике, производящем опрос;

2) сведения о разъяснении опрашиваемому лицу положений статьи 51 Конституции РФ,

3) фамилия, имя и отчество;

4) дата и место рождения;

5) гражданство;

6) образование;

7) семейное положение, состав его семьи;

8) место работы или учебы, род занятий или должность;

9) место жительства;

10) наличие судимости;

11) иные сведения, имеющие значение для уголовного дела.

2. Протокол опроса может быть составлен от руки или изготовлен с помощью технических средств. При проведении опроса могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись. Стенограмма и стенографическая запись, фотографические негативы и снимки, материалы аудио- и видеозаписи передаются защитником лицу, в производстве которого находится уголовное дело, и хранятся при уголовном деле. О приобщении протокола опроса к материалам уголовного дела следователь (дознатель) выносит определение.

3. Протокол опроса предъявляется для ознакомления опрашиваемому лицу, которому разъясняется его право делать подлежащие внесению в протокол замечания о его дополнении и уточнении. Все внесенные замечания о дополнении и уточнении протокола должны быть оговорены и удостоверены подписями этого лица.

4. Протокол опроса подписывается защитником и опрашиваемым лицом».

3. Действующим УПК РФ не установлен круг лиц, которых адвокат может опрашивать. Защитник в ходе оказания квалифицированной юридической помощи по уголовному делу вправе опросить любое лицо, но при одновременном наличии двух условий:

«имеются достаточные основания полагать, что данное лицо может обладать информацией, которая относится к уголовному делу;

это лицо согласно давать показания адвокату»¹.

Данное обстоятельство послужило основанием для внесения автором предложений о внесении изменений ст. 53 и 86 УПК РФ:

Статью 53 УПК РФ дополнить п. 2.1 следующего содержания:

¹Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 23, ст. 2102.

«2.1. разыскивать для последующего опроса с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь с предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст.307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (ст.308 УК РФ);

Пункт 2 части 3 статьи 86 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«2) розыска (поиска) для последующего опроса с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь с предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ)».

Представляется также необходимым внести в Федеральный Закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» следующие изменения:

Пункт 2 ч. 3 ст. 6 изложить в следующей редакции:

«2) разыскивать для последующего опроса с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь с предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК РФ) и отказ от дачи показаний (ст. 308 УК РФ)».

4. В целях своевременного получения запрашиваемой адвокатом-защитником информации необходимо сократить сроки ее предоставления адвокату. В связи с этим предлагается внести изменения:

в п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ и изложить его в следующей редакции:

«3) истребования справок, характеристик, иных документов от учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан, которые обязаны предоставлять безвозмездно запрашиваемые документы или их заверенные копии не позднее десяти дней со дня получения соответствующего запроса. Запросы защитника, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом и Законом РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами, которые обязаны предоставлять безвозмездно запрашиваемые документы или их заверенные копии не позднее 10 дней со дня получения соответствующего запроса».

в ч. 2 ст. 6 Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и изложить ее в следующей редакции:

«2. Учреждения, предприятия, организации, должностные лица и граждане, которым направлен адвокатский запрос, обязаны предоставить на него ответ безвозмездно в письменной форме с приложением запрашиваемых документов или их заверенных копий в десятидневный срок со дня его получения».

Таким образом, представляется, что внесение указанных изменений и дополнений в законодательство позволит открыть возможности для практической реализации прав защитника на собирание доказательств, которые в настоящее время закреплены в ст. 86 УПК РФ, однако на практике могут применяться весьма условно, поскольку отсутствуют правовые гарантии их реализации.

Библиографический список

1. *Гармаев Ю.П.* Пределы прав и полномочий адвоката: методическое пособие. Иркутск, 2003. 77 с.
2. *Попов В.С.* Участие адвоката-защитника в процессе доказывания и в суде первой инстанции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 28 с.
3. *Чеботарева И.Н.* Адвокат в уголовном судопроизводстве России. Курск, 2009. 179 с.

References

1. *Garmaev Y.P.* Limits of Rights and Powers of the Lawyer: method. Irkutsk, 2003. 77 p.
2. *Popov V.S.* Participation of the Lawyer-Defender in the Process of Proof and in the Court of the First Instance: extended abstract diss. cand. of law. Chelyabinsk, 2005. 28 p.
3. *Chebotareva I.N.* Lawyer in the Criminal Procedure of Russia. Kursk, 2009. 179 p.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И КРИМИНОЛОГИЯ

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-211-216

УДК 343.1

Е.В. Богатова, А.В. Шмелев

ПРОБЛЕМЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Введение: вопросам прокурорского надзора за соблюдением законов в сфере защиты объектов культурного наследия в науке и практике уделяется недостаточное внимание, что приводит к увеличению количества нарушений в данной сфере. **Цель:** поиск способов повышения эффективности прокурорского надзора в сфере защиты объектов культурного наследия. **Методологическая основа:** методом анализа и синтеза проводится исследование причин и условий, влияющих на качество и своевременность прокурорского надзора в исследуемой сфере. **Результаты:** выявлены типичные нарушения законов в данной сфере, аргументирована авторская позиция относительно недостаточной ведомственной регламентации вопросов организации работы органов прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законов в сфере защиты объектов культурного наследия. **Выводы:** проблемы прокурорского надзора в данной сфере носят системный характер обусловленный недостатками методического и организационного характера.

Ключевые слова: прокурорский надзор, объекты культурного значения, предмет надзора, типичные нарушения закона.

E.V. Bogatova, A.V. Shmelev

PROBLEMS OF PROSECUTORIAL OVERSIGHT IN THE PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE

Background: in science and practice, insufficient attention is paid to issues of prosecutorial oversight over compliance with laws in the field of protection of cultural heritage, which leads to an increase in the number of violations in this area. **Objective:** finding ways to improve the effectiveness of prosecutorial oversight in the protection of

© Богатова Екатерина Владимировна, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: Bogatovaev@yandex.ru

© Шмелев Алексей Вячеславович, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорского надзора и криминологии (Саратовская государственная юридическая академия)

© Bogatova Ekaterina Vladimirovna, 2022

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

© Shmelev Aleksey Vyacheslavovich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Criminology (Saratov State Law Academy)

cultural heritage. Methodology: by the method of analysis and synthesis, the causes and conditions affecting the quality and timeliness of prosecutorial oversight in the area under study are investigated. Results: typical violations of laws in this area were revealed, the author's position on the insufficient departmental regulation of the organization of the prosecutor's office in exercising supervision over the execution of laws in the field of protection of cultural heritage objects was argued. Conclusions: the problems of prosecutorial supervision in this area are systemic in nature due to deficiencies of methodological and organizational nature.

Key-words: prosecutorial oversight, objects of cultural significance, subject of supervision, typical violations of the law.

Основной функцией прокуратуры выступает надзор за исполнением законов на территории Российской Федерации, в том числе регламентирующих защиту объектов культурного наследия. Конституция РФ в ч. 2 и 3 ст. 44 закрепила право граждан на доступ к культурным ценностям и обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Их охрана относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов¹. Положения Основного Закона раскрываются в Федеральном законе от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в ред. от 21 декабря 2021 г.)². В нем даются основные понятия, утверждается порядок государственной охраны и ведения единого государственного реестра таких объектов. Важность этой темы подтверждается и наличием Постановлений Правительства РФ от 3 марта 2012 г. № 186 «О федеральной целевой программе «Культура России (2012–2018 годы)» (в ред. от 9 ноября 2018 г.)³ и от 15 апреля 2014 г. № 317 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации „Развитие культуры”» (в ред. от 26 августа 2022 г.)⁴. Ежегодно выделяются достаточно большие денежные средства, направленные на финансирование работ по сохранению объектов культурного наследия. Так, например в 2019 г. на федеральном уровне было выделено 1798285,9 тыс. руб., в 2020 эта сумма составила 1035062,68 тыс. руб. Тем не менее ежегодно допускаются существенные нарушения закона в данной сфере. В связи с отсутствием ухода, ремонта, нарушения эксплуатации за последние 10 лет в Российской Федерации было разрушено более 2,5 тысяч памятников. Ежегодные утраты составляют 150–200 объектов⁵.

Несмотря на очевидную значимость исследуемых правоотношений в науке и практике этой теме уделено немного внимания. Можно выделить несколько основных теоретических исследования, посвященных надзору в сфере защиты объектов культурного наследия. Это кандидатская диссертация В.В. Лаврова

¹ См.: Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 26, ст. 2519.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. № 13, ст. 1516; 2018. № 47, ст. 7264.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18 (ч. II), ст. 2163; 2022. № 36, ст. 6209.

⁵ См.: Состояние историко-культурного наследия. URL: <http://voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage/> (дата обращения: 20.06.2022).

и научная статья В.Г. Бессарабова, Т.В. Ашитковой, а также выпущенное ими совместное учебное пособие по указанной теме [1; 2; 3]. В данных работах проводится обоснование надзора за исполнением законов об охране объектов культурного наследия как отдельного приоритетного направления. В подтверждение этого авторы выделяют предмет надзора.

Так, В.В. Лавров под предметом прокурорского надзора за исполнением законов об охране объектов культурного наследия понимает «соблюдение Конституции РФ в части соблюдения прав и свобод человека и гражданина, связанных с охраной объектов культурного наследия, исполнение международных договоров в сфере охраны объектов культурного наследия с участием РФ, ратифицированных в установленном порядке, исполнение Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ», иных федеральных законов, регулирующих правовые отношения по охране объектов культурного наследия, законов субъектов РФ об охране объектов культурного наследия органами и должностными лицами, перечень которых содержится в статьях 21 и 26 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре РФ», а также соответствие отмеченным законам правовых актов, издаваемых указанными органами и их должностными лицами» [1, с. 73].

В.Г. Бессарабов, Т.В. Ашиткова определяют предмет прокурорского надзора в исследуемой сфере как «...соблюдение конституционного права граждан на доступ к культурным ценностям, исполнение действующих на территории РФ законов в области сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия федеральными органами исполнительной власти, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также соответствие законам правовых актов, издаваемых указанными органами и должностными лицами по вопросам сохранения, использования и популяризации объектов культурного наследия» [2].

Представляется, что последний вариант определения предмета надзора является более верным, поскольку включает в себя не только исполнение законов об охране объектов культурного наследия, но и соблюдение права граждан на доступ к культурным ценностям, которое прямо закреплено в Конституции РФ.

Учеными определены объекты, цели, задачи надзора в исследуемой сфере. Каких-либо споров представленные разработки в науке не вызывают в связи с тем, что являются обоснованными. Поэтому теоретическая база представляется достаточной для выделения данного направления как самостоятельного в деятельности прокуратуры.

Однако на практике защите объектов культурного наследия органами прокуратуры уделяется недостаточное внимание. Зачастую проверки носят характер постфактум, когда незаконные действия лиц уже привели к серьезному повреждению или полной утрате объекта культурного наследия. Например, здание «Дом купца И.И. Зейферт», построенное в XIX в. в г. Саратове является объектом культурного наследия муниципального значения. Прокуратурой и контрольно-надзорными органами принимались меры реагирования на выявленные нарушения закона по его эксплуатации, но несмотря на это правообладатели вышеуказанного объекта культурного наследия не обеспечили его

сохранность. В результате пожара «Дом купца И.И. Зейферт» был утрачен. По данному факту прокуратура направила материалы проверки в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. По результатам его рассмотрения возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 243 УК РФ (уничтожение объекта культурного наследия). Органами прокуратуры его расследование поставлено на контроль¹. В данном случае прокуратурой вынесены акты реагирования, которые нельзя признать эффективными, так как объект культурного наследия был утрачен.

Другой типичный вид нарушений в данной сфере связан с несоблюдением требований закона при эксплуатации не самого объекта культурного наследия, а при осуществлении работ в охранной зоне памятника. Например, прокуратурой г. Саратова проведена проверка исполнения законов об охране объектов культурного наследия, в результате которой установлено, что памятник «Доходный дом В.А. Яхимовича» 1910–1912 годы» включен в реестр объектов культурного наследия регионального значения. При этом компанией ООО «Лепта» в процессе строительства многоквартирного жилого дома на примыкающем земельном участке, при проведении работ причинен значительный вред указанному объекту культурного наследия. Согласно расчету специалистов размер причиненного ущерба составляет более 160 млн руб. По данному факту прокуратура направила материалы проверки в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании виновных лиц. По результатам их рассмотрения возбуждено уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 243 УК РФ (повреждение объектов культурного наследия). Расследование уголовного дела находится на контроле прокуратуры². Указанных последствий можно было бы избежать, при своевременном надзоре за законностью выдачи разрешения и проведения строительных работ.

Проблема отсутствия эффективного надзора не выступает следствием плохой организации работы в конкретном субъекте Российской Федерации, а является системной. Причин несколько и, во-первых, это недостаточная ведомственная регламентация надзора в данной сфере. Практически отсутствуют нормативные и методические материалы Генеральной прокуратуры РФ. В том числе, не принят отдельный приказ Генерального прокурора РФ, который бы закреплял вопросы организации работы органов прокуратуры по надзору за соблюдением законов об охране объектов культурного наследия. В иных приказах также не упоминается необходимость следить за исполнением законов в этой сфере. Только в указаниях прокуроров субъекта РФ вскользь, среди прочего можно найти, например, поручения о необходимости «своевременно выявлять и пресекать противоправное использование земельных участков без правоустанавливающих документов, с нарушением разрешенного (целевого) использования, факты незаконного строительства и привлечения денежных средств участников долевого строительства,

¹ См.: В Саратове материалы прокурорской проверки стали основанием для возбуждения уголовного дела об уничтожении объекта культурного наследия // Прокуратура Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_64/search?article=70118184 (дата обращения: 12.07.2022).

² См.: В Саратове по результатам прокурорской проверки возбуждено уголовное дело по факту повреждения объекта культурного наследия // Прокуратура Саратовской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_64/mass-media/news?item=66776461 (дата обращения: 12.07.2022).

в том числе на территориях объектов культурного наследия»¹ или требования «активизировать искомую работу в сфере соблюдения законодательства об объектах культурного наследия»².

Во-вторых, законность в сфере защиты объектов культурного наследия, как правило, не является предметом обсуждения на координационных и межведомственных совещаниях. Это обусловлено, вероятно, относительно небольшим количеством преступлений связанных с уничтожением, повреждением или нарушением требований сохранения или использования объектов культурного наследия. За последние 5 лет к уголовной ответственности было привлечено 35 человек³. Однако проблема состоит в том, что количество зарегистрированных преступлений данной категории сильно отличается от статистики по рассмотренным уголовным делам. До суда доходят только около 10% таких дел [4, с. 3]. Низкий процент обусловлен сложностью в расследовании дел связанных с уничтожением или повреждением объектов культурного наследия, как правило, не удается установить виновное лицо. Проведение координационных совещаний по таким делам могло бы положительно сказаться на состоянии законности в исследуемом направлении. Особенно это актуально для регионов с большим количеством объектов культурного наследия.

В-третьих, в статистических отчетах отсутствуют отдельные показатели результатов надзора за исполнением законов о защите объектов культурного наследия, что также свидетельствует о непризнании этой сферы в качестве приоритетной в деятельности прокуратуры.

Таким образом, представляется, что недостаточное внимание Генерального прокурора РФ к имеющимся проблемам приводит к неэффективности прокурорского надзора в этой сфере. Вопросы организации работы органов прокуратуры при осуществлении надзора за соблюдением законов об охране объектов культурного наследия требуют четкой ведомственной регламентации и разработки методических рекомендаций. Учитывая, что количество объектов культурного наследия подлежащих охране в разных регионах отличается, вопрос регламентации надзора можно отдать на рассмотрение прокурорам субъектов Российской Федерации, в которых выявляются подобные нарушения.

Библиографический список

1. *Лавров В.В.* Прокурорский надзор за исполнением законов об охране объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 192 с.
2. *Бессарабов В.Г., Ашиткова Т.В.* Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране объектов культурного наследия // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2014. № 4.

¹ Указание прокурора области Филипенко С.В. от 18 апреля 2018 г. № 33/7-2 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением требований градостроительного законодательства и прав граждан-участников долевого строительства многоквартирных жилых домов» // Бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2018. № 4. С. 12.

² Решение коллегии прокуратуры Саратовской области 20 марта 2018 г. Саратов «Об итогах комплексной проверки организации работы Хвалынской городской прокуратуры» // Бюллетень прокуратуры Саратовской области. 2018. № 4. С. 23.

³ См.: Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Судебная статистика РФ. Агентство правовой информации. URL: <https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/11/s/1> (дата обращения: 20.08.2022).

3. *Бессарабов В.Г.* и др. Прокурорский надзор за исполнением законодательства об охране объектов культурного наследия (памятников истории и культуры): пособие. М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2013. 80 с.

4. *Редчиц М.А.* Уголовно-правовая охрана объектов культурного наследия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 222 с.

References

1. *Lavrov V.V.* Prosecutorial Oversight over the Execution of Natural Protection of Cultural Heritage: diss. ...cand. of law. Moscow. 2016. 192 p.

2. *Bessarabov V.G., Ashitkova T.V.* Prosecutor's Supervision over the Implementation of Legislation on the Protection of Cultural Heritage // Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2014. No. 4.

3. *Bessarabov V.G.* and others. Prosecutorial Supervision over the Implementation of Legislation on the Protection of Cultural Heritage Objects (monuments of history and culture): a manual M.: Gene. Prosecutor's Office Ros. Federation, Acad. Gene. Prosecutor's Office Ros. federation, 2013. 80 p.

4. *Redchits M.A.* Criminal Law Protection of Cultural Heritage Objects: diss. ... cand. of law. M., 2018. 222 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-217-225

УДК 347

Е.Л. Никитин, Г.В. Дытченко

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОМ ПРОЦЕССЕ

Введение: отсутствие законодательной регламентации мер государственного принуждения в оперативно-розыскной деятельности приводит к проблеме обеспечения ее законности и обуславливает потребность в доктринальном правовом обосновании применения таких мер. **Цель:** исследование возможности применения мер государственного принуждения, связанных с ограничением конституционных прав граждан при проведении оперативно-розыскных мероприятий. **Методологическая основа:** совокупность методов теоретико-правового и сравнительного анализа, используемых при исследовании мер государственного принуждения, реализуемых в оперативно-розыском и уголовном процессе, а также в деятельности органов административной юрисдикции. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно возможности применения мер государственного принуждения при проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также определения критериев правомерности применения мер государственного принуждения, связанных с ограничением личной неприкосновенности разрабатываемого лица, обусловленным его последующим уголовным преследованием. Предложена авторская классификация соответствующих мер государственного принуждения, основанная на категориях ограничиваемых прав и свобод. **Выводы:** констатируется наличие доктринально-правовых основ для разработки и законодательного закрепления норм, предоставляющих оперативно-розыскным органам право на осуществление мер государственного принуждения, включая такие, как оперативный захват и оперативный досмотр.

Ключевые слова: обеспечение законности, оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскной процесс, оперативно-розыскные мероприятия, меры государственного принуждения, ограничение прав и свобод, ограничение личной неприкосновенности, оперативный захват, личный досмотр, оперативный досмотр.

© Никитин Евгений Львович, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, старший советник юстиции (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ); e-mail: gakan73@mail.ru

© Дытченко Геннадий Владимирович, 2022

Старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и участия прокурора в рассмотрении уголовных, гражданских и арбитражных дел, советник юстиции (Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ); e-mail: dytchenko.genn@yandex.ru

© Nikitin Evgeny Lvovich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in Criminal, Civil and Arbitration Cases, Senior Adviser of Justice (St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

© Dytchenko Gennady Vladimirovich, 2022

Senior Lecturer of the Department of Prosecutorial Supervision and Participation of the Prosecutor in the Consideration of Criminal, Civil and Arbitration Cases, Adviser to Justice (St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

E.L. Nikitin, G.V. Dytchenko

PROBLEMS OF ENSURING THE LEGALITY
OF MEASURES OF STATE COERCION
IN THE OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE PROCESS

Background: lack of legislative regulation of state coercive measures in operative-investigative activity leads to the problem of ensuring its legality and causes the need for doctrinal legal justification of the application of such measures. **Objective:** to study the possibility of using state coercion measures related to the restriction of constitutional rights of citizens during operational search activities. **Methodology:** a set of methods of theoretical and legal and comparative analysis used in the study of state coercion measures implemented in operational-investigative and criminal proceedings, as well as in the activities of administrative jurisdiction bodies. **Results:** the author's position on the possibility of applying measures of state coercion in carrying out operational investigative activities, as well as the definition of the criteria of legality of application of state coercion measures related to the restriction of personal integrity of the person under development, due to his subsequent criminal prosecution is argued. The author's classification of appropriate measures of state coercion, based on the categories of restricted rights and freedoms, is offered. **Conclusions:** the existence of doctrinal and legal bases for the development and legislative consolidation of norms giving to operational-investigative bodies the right to implement measures of state coercion, including such as operational seizure and operational inspection is stated.

Key-words: law enforcement, operational search activity, operational search process, operational search measures, measures of state coercion, restriction of rights and freedoms, restriction of personal inviolability, operational seizure, personal search, operational search.

Решение целей оперативно-разыскной деятельности (далее — ОРД), связанных с выявлением, предупреждением, пресечением и раскрытием преступлений, а также выявлением и установлением лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, достаточно часто связано с необходимостью применения мер государственного принуждения, которые могут выражаться в ограничении конституционных прав человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также в ограничении права на неприкосновенность жилища. Кроме того, при проведении таких оперативно-разыскных мероприятий (далее — ОРМ), как «проверочная закупка», «контролируемая поставка», «оперативный эксперимент» и некоторых других, возникает необходимость осуществления личного досмотра, как разрабатываемых лиц, так и лиц, оказывающих содействие оперативно-разыскным органам. При этом проведение некоторых ОРМ в качестве своего логического завершения предполагает захват разрабатываемых лиц, то есть действия, направленные на физическое удержание и перемещение лица, не относящиеся к его задержанию в уголовно-процессуальном контексте.

Очевидно, что осуществляемые в перечисленных случаях ограничения личной неприкосновенности, неприкосновенности имущества, неприкосновенности жи-

лица, а также ограничения, связанные с передачей и получением информации о личной жизни (неприкосновенность личной жизни), следует рассматривать, как меры государственного принуждения, направленные на противодействие преступности. Вместе с тем следует признать, что не все из перечисленных мер государственного принуждения, которые в настоящее время активно используются в оперативно-разыскном процессе, имеют надлежащее законодательное регулирование. Так, осуществляемые на практике должностными лицами оперативно-разыскных органов захват разрабатываемых лиц, а также личный досмотр разрабатываемых лиц и лиц, оказывающих содействие в проведении ОРМ, не урегулированы нормами оперативно-разыскного законодательства, что приводит к проблеме признания таких действий законными и обуславливает актуальность настоящего исследования, потребность в доктринальном правовом обосновании и соответствующем законодательном определении и установлении мер государственного принуждения при осуществлении ОРМ.

Рассматривая обозначенную проблему, следует отметить, что одной из важнейших функций любого современного государства является правоохранительная, которая, в том числе предполагает осуществление деятельности специализированных государственных органов по выявлению, пресечению, предупреждению и раскрытию административных правонарушений и преступлений. Основным методом осуществления правоохранительной функции государства является принуждение (наряду с убеждением, рекомендациями и поощрением), которое позволяет склонять людей к выбору своего поведения посредством силового давления, ограничивая свободу их выбора [1, с. 63–64]. Применение мер государственного принуждения в административном и уголовном процессе имеет свои особенности и достаточно подробное законодательное регулирование. Так, широкое применение мер государственного принуждения для достижения целей государственного управления имеет место в деятельности органов административной юрисдикции [2, с. 2–8], которые для обеспечения рассмотрения дела об административном правонарушении (исполнения постановления по делу) вправе согласно нормам Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях производить доставление лица (ст. 27.2), задержание лица (ст. 27.3), осуществлять личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ст. 27.7), изъятие вещей и документов (ст. 27.10), привод лица (ст. 27.15) и т. д.¹ В свою очередь в рамках уголовно-процессуальной деятельности для обеспечения производства по уголовному делу при необходимости вынужденно применяются меры государственного принуждения, включая меры пресечения [3, с. 31–74]. Например, согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, органы предварительного расследования производят процессуальное задержание подозреваемого (ст. 91, 92), личный обыск подозреваемого (ст. 93), применяют меры пресечения (ст. 97–110) и иные меры государственного принуждения (ст. 111–118)².

При этом правоохранительная функция не исчерпывается только административной практикой и уголовным судопроизводством, но включает и оперативно-разыскную деятельность. Ее обособленность и самостоятельная правовая

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в ред. от 4 ноября 2022 г. № 411-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в ред. от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

природа обуславливают необходимость разработки самостоятельных форм и способов осуществления государственного принуждения при проведении ОРМ. В теории ОРД вопрос о применении мер государственного принуждения является дискуссионным. Некоторые специалисты полагают, что с учетом сущности ОРД, как разведывательно-поисковой деятельности, для нее не характерно государственное принуждение [4, с. 15–22]. Разделяя иное мнение о том, что ОРД, как особый отдельный вид государственной деятельности, предполагает возможность применения мер государственного принуждения при проведении ОРМ в ограниченных законом случаях [5, с. 115–126], полагаем необходимым рассмотреть их содержание и особенности правового регулирования.

Ограниченное применение мер государственного принуждения совершенно необходимо для достижения целей ОРД и решения ее задач, установленных в ст. ст. 1 и 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — ФЗ об ОРД)¹. Например, решение задачи по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений безусловно предполагает использование государственно-властных полномочий оперативно-розыскных служб. Однако сейчас применение мер государственного принуждения не получило четкой законодательной регламентации на уровне норм ФЗ об ОРД, что порождает на практике попытки обращения должностных лиц оперативно-розыскных служб к законодательным актам иных отраслей права в обоснование законности своих действий при проведении ОРМ (КоАП РФ, УПК РФ, Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон «О наркотических средствах и психотропных веществах» и др.). Например, действующая редакция ст. 15 ФЗ об ОРД, предоставляющая оперативно-розыскным органам право на осуществление отдельных мер государственного принуждения носит достаточно общий, а где-то неполный и неконкретный характер. Указанное в ней право проводить при осуществлении ОРМ «изъятие документов, предметов, материалов и сообщений», а также прерывать предоставление услуг связи при возникновении соответствующих угроз личности, обществу и государству, безусловно, свидетельствует о применении мер государственного принуждения и по всей видимости логично предполагает возможность совершать определенные поисковые и досмотровые действия в рамках соответствующих ОРМ. Однако такое право прямо не сформулировано в положениях рассматриваемого Закона, что вызывает на практике необходимость расширительного толкования этой нормы или обращения к иным правовым источникам. Это представляется методологически неверным (ошибочным) решением, поскольку оперативно-розыскные общественные отношения не должны регулироваться нормами иных отраслей права (административно-процессуального, уголовно-процессуального и др.).

Поскольку де-факто принуждение в ОРД имеет место и связано с различными ограничениями прав и свобод разрабатываемых лиц, постольку требуется, во-первых, доктринальное обоснование наличия права на такое принуждение, и, во-вторых, законодательное закрепление соответствующего правового механизма реализации соответствующих мер государственного принуждения при проведении ОРМ. Анализируя существующие в науке взгляды, мы считаем заслуживающей внимания позицию О.Д. Жука о возможности выделения, наряду с

¹ См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 28 июня 2022 г. № 202-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

уголовным преследованием, такой категории, как оперативно-разыскное преследование [6, с. 126–128], которое следует признать оправданным и правомерным при условии последующего уголовного преследования разрабатываемого лица.

Отстаивая позицию обязательности наделяния государственно-властными полномочиями оперативно-разыскных служб в целях борьбы с преступностью и решения соответствующих задач, предлагаем по-новому рассматривать принуждение в ОРД, то есть не только в качестве самостоятельного оперативно-разыскного правового средства реализации полномочий должностных лиц оперативно-разыскных органов, но и в качестве межотраслевого правового средства, направленного на обеспечение возможности применения в последующем мер уголовно-процессуального принуждения, связанных с процессуальным задержанием и личным обыском.

В этой связи полагаем необходимым провести классификацию видов применяемых в оперативно-разыскном процессе мер государственного принуждения, основываясь на категориях ограничиваемых прав и свобод: ограничение личной неприкосновенности (ОРМ, связанные с захватом и оперативным досмотром лица); ограничение неприкосновенности личной жизни (ОРМ, связанные с ограничением неприкосновенности жилища, а также ограничениями тайны передаваемой различными способами информации о личной жизни, как разрабатываемых, так и любых иных лиц); ограничение права собственности (ОРМ, связанные с изъятием имущества, принадлежащего разрабатываемым или иным лицам на праве собственности).

Представляется, что наибольший интерес из перечисленных выше видов государственного принуждения при осуществлении ОРМ представляют меры по ограничению личной неприкосновенности разрабатываемых лиц, поскольку традиционно именно личной неприкосновенности в праве отводится принципиальное и приоритетное значение. Так, например, в соответствии с ч. 3 ст. 5 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹ судебный порядок санкционирования предполагается только для ограничения права на личную неприкосновенность в связи задержанием или заключением под стражу, и не устанавливает обязательного получения судебного разрешения на ограничение иных основных прав и свобод — права на неприкосновенность частной жизни, права собственности и т. д. В этой связи остановимся подробнее на рассмотрении правомерности использования мер государственного принуждения при осуществлении ОРМ, связанных с ограничением личной неприкосновенности.

Целенаправленность оперативной проверки или разработки в каждом конкретном случае может предопределять необходимость в применении тех или иных видов государственного принуждения, и выражаться либо в получении только ориентирующей информации, либо в получении и документировании возможной доказательственной базы с последующим представлением результатов ОРД органу дознания, следователю или суду, в порядке, предусмотренном ч. 4 ст. 11 ФЗ об ОРД². Представляется, что в зависимости от указанных целей применение мер государственного принуждения, связанных с ограничением лич-

¹ См.: Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Заключена в Риме 4 ноября 1950 г.) (с изм. от 24 июня 2013 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2, ст. 163.

² См.: Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 28 июня 2022 г. № 202-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

ной неприкосновенности (захват, оперативный досмотр лица), будет оправдано и допустимо только в том случае, если оперативная проверка или разработка предполагает последующее использование результатов ОРД для формирования доказательств по уголовному делу и обеспечения возможности применения в последующем мер уголовно-процессуального принуждения. Если же целью оперативной проверки или разработки является только получение ориентирующей информации о лице или объекте, когда получаемые результаты ОРД не предполагается использовать для формирования доказательств в уголовном судопроизводстве, то применение мер государственного принуждения, связанных с ограничением личной неприкосновенности путём захвата и оперативного досмотра, нельзя признавать правомерным и допустимым.

Таким образом, можно сформулировать критерий правомерности применения мер государственного принуждения, связанных с ограничением личной неприкосновенности разрабатываемого лица обусловленностью этих мер последующим уголовным преследованием. При таком подходе следует признавать право на реабилитацию лица, если применение к нему мер государственного принуждения в процессе осуществления ОРМ не нашло последующего развития в инициировании его уголовного преследования с вступлением обвинительного приговора в законную силу.

Основываясь на указанных рассуждениях, следует признать, что в настоящее время актуальна задача правового закрепления фактически применяемых в оперативно-разыскной практике мер принуждения, связанных с оперативным захватом и оперативным досмотром разрабатываемых лиц. При этом, в оперативно-разыскной практике непосредственный оперативный захват разрабатываемого лица с поличным, иногда предваряется таким мероприятием, как засада. Обращаясь к законодательству об ОРД некоторых государств-участников СНГ, мы можем констатировать законодательное закрепление «захвата» и «засады» с приданием этим действиям различного правового статуса. В частности, в Республике Казахстан в качестве отдельных ОРМ указаны «преследование лица, готовящего, совершающего или совершившего преступление, и его задержание», а также «проведение операций по захвату вооруженных преступников»¹. В то же время в Республике Таджикистан согласно Закону наряду с ОРМ применяются оперативно-разыскные действия, такие как: «блокирование, засада, захват, погоня и прочесывание местности, направленные на пресечение преступлений и (или) задержание лица, подготавливающего, совершающего или совершившего преступление»².

Вместе с тем такие мероприятия, как «засада» и «захват» не получили внятной законодательной регламентации в нормах отечественного оперативно-разыскного Закона. Оценивая зарубежную законодательную практику по исследуемому вопросу, считаем, что такое мероприятие, как «засада», а также право «захвата» (оперативно-разыскного задержания) лица с поличным на заключительной стадии оперативной разработки, являются необходимыми, оправданными и

¹ См. п. 15 и 17 ст. 11 Закона Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. на 19 декабря 2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158 (дата обращения: 13.11.2022).

² См. ч. 3 ст. 6 Закона Республики Таджикистан от 25 марта 2011 г. № 687 «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. на 18 июля 2017 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30982523 (дата обращения: 13.11.2022).

правомерными, и должны рассматриваться как логическое завершение проведения таких ОРМ, как «оперативный эксперимент», «проверочная закупка», «контролируемая поставка», «оперативное внедрение», «наблюдение» и др., реализуемых в целях пресечения и раскрытия совершаемого преступления.

С учетом имеющегося в теории ОРД научного толкования, «засаду» обычно рассматривают в качестве одного из сложившихся в оперативно-розыскной практике ОРМ, которое состоит «в скрытом размещении оперативника (оперативников) в ставшем ему (им) известном (или наиболее вероятном) месте появления лица, совершившего преступление, разыскиваемого или иного лица, объекта оперативной заинтересованности, с целью его захвата» [7, с. 27]. Выставление засады имеет сходство с таким ОРМ, как «наблюдение», но не охватывается им полностью, так как «засада» и последующий захват представляют собой активные действия, преследующие своей целью физическое задержание разыскиваемых лиц. В свою очередь «захват» состоит «во внезапном задержании лица, совершившего преступление, разыскиваемого лица или иного лица, объекта оперативной заинтересованности» [7, с. 27]. В этой связи считаем целесообразным в сфере ОРД легализовать и использовать понятие «захвата», а не «задержания» в целях исключения отождествления этих действий с административно- или уголовно-процессуальными. При этом не может являться правовым основанием таких действий оперативных сотрудников, как ст. 27.3 КоАП РФ¹, так и ст. 91 УПК РФ², поскольку они допускают задержание только в тех случаях, когда это необходимо для обеспечения правильного и своевременного рассмотрения дела об административном правонарушении, исполнения постановления по делу об административном правонарушении либо лиц, подозреваемых в совершении преступления в уголовно-процессуальном порядке. Вряд ли применима здесь и ст. 13 (п. 13) Федерального закона «О полиции»³, позволяющая осуществить доставку гражданина в служебное помещение полиции или иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании лица, поскольку опять-таки в этой норме речь идет именно о процессуальном задержании.

Рассматривая проблему законности досмотровых действий в процессе осуществления ОРМ, следует отметить, что в оперативно-розыскной практике широкое распространение получила такая мера, как «личный досмотр», осуществляемая как составная часть оперативно-розыскного мероприятия, направленного на подтверждение или опровержение наличия при досматриваемом лице тех или иных предметов, веществ, документов, денег и т.д. Вместе с тем представляется, что заимствование из законодательства об административных правонарушениях термина «личный досмотр»⁴ некорректно, поскольку при осуществлении досмотровых действий в оперативно-розыскном процессе отсутствуют основания для использования мер обеспечения производства по делу об административном правонарушении, так как осуществление ОРМ имеет целью

¹ См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях № 411-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

² См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в ред. от 7 октября 2022 г. № 384-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. 1), ст. 4921.

³ См.: Федеральный закон № 424-ФЗ «О полиции» (в ред. от 21 декабря 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 7, ст. 900.

⁴ См. п. 3 ч. 1 ст. 27.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях № 411-ФЗ (в ред. от 4 ноября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1), ст. 1.

борьбу с преступностью¹, но не с административными правонарушениями. Таким образом, полагаем, что для осуществления досмотровых действий в ОРД следует использовать термин «оперативный досмотр». Например, в Республике Казахстан эти действия (досмотр и изъятие) образуют состав отдельного ОРМ, в рамках которого предполагается осуществление личного досмотра оперативно задержанных лиц с участием понятых, изъятие находящихся при них вещей и документов, могущих относиться к преступной деятельности, а также досмотр жилых помещений, рабочих и иных мест, досмотр транспортных средств.²

Необходимость легализации в законодательстве оперативно личного досмотра, как меры государственного принуждения в ОРД, обусловлена потребностью, во-первых, в обеспечении безопасности самого лица, оперативных сотрудников и иных лиц, во-вторых, в обнаружении и изъятии документов и предметов, которые представляют оперативный интерес либо могут в перспективе служить основой формирования вещественных доказательств по уголовному делу.

Таким образом, результаты исследования проблемы возможности использования мер государственного принуждения в оперативно-разыскном процессе, связанных, в первую очередь, с ограничением личной неприкосновенности проверяемых (разрабатываемых лиц), а также с ограничениями неприкосновенности их личной жизни и права собственности, позволяют прийти к выводу о наличии доктринально-правовых основ для разработки и законодательного закрепления норм, предоставляющих оперативно-разыскным органам право на осуществление мер государственного принуждения, включая такие, как оперативный захват и оперативный досмотр. С учетом межотраслевой обусловленности применения мер государственного принуждения в оперативно-разыскном процессе, представляется необходимым осуществление дальнейших междисциплинарных исследований по рассматриваемой проблеме как в теории оперативно-разыскной деятельности, так и в теории уголовного процесса.

Библиографический список

1. Матузов Н.И. Теория государства и права. М.: Юрист, 2001. 512 с.
2. Мельников В.А. Проблемы определения понятия административного принуждения // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 2–8.
3. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2003. 490 с.
4. Борков В.Н. Квалификация преступлений, совершаемых в сфере оперативно-разыскной деятельности // Уголовное право. 2018. № 1. С. 15–22.
5. Кузнецов Е.В. Теоретические основы формирования отрасли оперативно-разыскного права: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 282 с.
6. Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций), участии в них и о преступлениях, совершенных этими сообществами (современные проблемы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2004. 376 с.
7. Шумилов А.Ю. Закон и оперативно-розыскная деятельность. Толковый словарь понятий и терминов, используемых в законодательстве в области оперативно-розыскной деятельности: Толковый словарь М.: Фирма «АВС», 1996. 77 с.

¹ См. ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 28 июня 2022 г. № 202-ФЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

² См. п. 16 ст. 11 Закон Республики Казахстан от 15 сентября 1994 г. № 154-ХІІІ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с изм. и доп. на 19 декабря 2020 г.). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158 (дата обращения: 13.11.2022).

References

1. *Matuzov N.I.* Theory of State and Law: Textbook. Moscow: Lawyer, 2001. 512 p.
2. *Melnikov V.A.* Problems of Defining the Concept of Administrative Coercion // Administrative law and process. 2012. No. 1. P. 2–8.
3. *Bulatov B.B.* State Coercion in Criminal Proceedings: dis. ... doc. of law. N. Novgorod, 2003. 490 p.
4. *Borkov V.N.* Qualification of Crimes Committed in the Field of Operational Investigative Activity // Criminal law. 2018. No. 1. P. 15–22.
5. *Kuznetsov E.V.* Theoretical Foundations of the Formation of the Branch of Operational Investigative Law: dis. ... cand. of law. Omsk, 2014. 282 p.
6. *Zhuk O.D.* Criminal Prosecution in Criminal Cases on the Organization of Criminal Communities (Criminal Organizations), Participation in Them and on Crimes Committed by These Communities (Modern problems of theory and practice): dis. ... doct. of law. M., 2004. 376 p.
7. *Shumilov A.Yu.* Law and Operational Investigative Activity. Explanatory Dictionary of Concepts and Terms Used in Legislation in the Field of Operational Investigative Activity: Explanatory dictionary. Moscow: Firm "ABC", 1996. 77 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-226-232

УДК 343.163

В.Ю. Шобухин

К ДИСКУССИИ О ФУНКЦИЯХ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Введение: на основе анализа положений действующего законодательства исследуются актуальные проблемы правового регулирования функций прокуратуры Российской Федерации. Отмечается повышенный интерес в последние годы к данной проблеме в научной литературе. Выявляются современные тенденции развития правовой регламентации функций прокуратуры. **Цель:** выявить современные проблемы, тенденции и закономерности законодательного регулирования функций прокуратуры Российской Федерации, сформулировать конкретные предложения, направленные на дальнейшее совершенствование правовой регламентации в этой сфере. **Методологическая основа:** основными методологическими подходами исследования являются диалектический, системный, функциональный и формально-юридический. **Результаты:** выявлены пробелы и противоречия в законодательстве о прокуратуре, предложены пути совершенствования правового регулирования функций прокуратуры Российской Федерации. **Выводы:** конституционное регулирование функций прокуратуры Российской Федерации имеет перспективы дальнейшего совершенствования, оправданно конституционное закрепление принципа независимости прокуроров, отдельные функции прокуратуры требуют законодательного урегулирования и уточнения.

Ключевые слова: статус прокуратуры, функции прокуратуры, полномочия прокуроров, правовое регулирование, закон, прокурорская деятельность.

V.Yu. Shobukhin

TO THE DISCUSSION OF THE FUNCTIONS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND SOME PROBLEMS OF THEIR LEGAL REGULATION

Background: in the article on the basis of analysis of the provisions of the current legislation topical problems of legal regulation of the functions of the prosecutor's office of the Russian Federation are investigated. Increased interest in recent years in the problem of the functions of the prosecutor's office in the scientific literature is noted. Modern trends in the development of legal regulation of the functions of the prosecutor's office are revealed. **Objective:** to identify current problems, trends and patterns of legislative regulation of the functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, to

© Шобухин Владимир Юрьевич, 2022

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прокурорской деятельности (Уральский государственный юридический университет); e-mail: vladimir.shobukhin@usla.ru

© Shobukhin Vladimir Yurievich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Prosecutorial Activity (Ural State University of Law)

formulate specific proposals aimed at further improving the legal regulation in this area. Methodology: the main methodological approaches of the study are dialectical, systemic, functional and formal-legal. Results: gaps and contradictions in the legislation on the prosecutor's office are identified, ways to improve the legal regulation of the functions of the prosecutor's office of the Russian Federation are suggested. Conclusions: the constitutional regulation of the functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation has prospects for further improvement, the constitutional consolidation of the principle of the independence of prosecutors is justified, individual functions of the Prosecutor's Office require legislative regulation and clarification.

Key-words: *status of the Prosecutor's Office, functions of the Prosecutor's Office, powers of prosecutors, legal regulation, law, prosecutorial activity.*

Прокуратура Российской Федерации закономерно является одним из ключевых государственных органов в нашей стране. Неслучайно основы ее организации и деятельности урегулированы на высшем конституционном уровне. Более того в последнее десятилетие (а именно с 2014 г.), мы наблюдаем вполне оправданную тенденцию последовательного усиления конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации. Так, важное значение имеют изменения, внесенные в 2020 г. в ст. 129 Конституции Российской Федерации о прокуратуре, в результате которых на высшем конституционном уровне предусмотрены не только организационные основы статуса российской прокуратуры, но и отображено ее функциональное назначение (хотя и не в полной мере) что закономерно детерминирует перспективы дальнейшего совершенствования конституционно-правовой основы функций прокуратуры Российской Федерации.

Названные конституционные нововведения во многом оживили научный интерес к исследованию как конституционного правового статуса прокуратуры Российской Федерации в целом, включая проблему ее места в системе органов государственной власти, так и к отдельным его элементам. Так, например, с учетом вышеназванных правовых преобразований, Ю.П. Синельщиков сформулировал свое видение дальнейших перспектив развития законодательства о прокуратуре, раскрыв его основные векторы, в первую очередь, через дальнейшее совершенствование и укрепление прокурорского надзора, расширение полномочий прокуроров в уголовном судопроизводстве и иных сферах прокурорской деятельности [1, с. 13–24]. В контексте анализируемых конституционных новелл, а также некоторых «новых» взглядов, выраженных в последние годы в научной литературе относительно характеристики функций прокуратуры, А.Ю. Винокуров и Н.Н. Карпов посвятили совместное исследование проблемам их системы и иерархии [2, с. 27–31].

Отметим, что анализ актуальных проблем функций прокуратуры Российской Федерации осложняется отсутствием единства понимания их (функций) содержания и видовой характеристики в научной и учебной литературе, а также некоторыми недочетами правовой регламентации прокурорской деятельности.

Особый правовой статус прокуратуры Российской Федерации во многом обусловлен таким чрезвычайно важным для государства, общества и отдельных граждан целевым назначением ее функционирования как обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина. Именно так оно раскрывается в п. 2 ст. 1 Федерального закона от

17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»)¹. Однако в анализируемой правовой норме перечислены лишь некоторые функции прокуратуры (отметим, что термин «функции» применительно к перечисленным здесь видам прокурорской деятельности в учебной и научной литературе не имеет однозначной интерпретации и, более того, по этому поводу имеют место дискуссии, и на сегодняшний день возможно рассматривать этот термин в качестве одной из теоретических проблем, требующей поиска научного решения). Отдельные виды прокурорской деятельности перечислены в последующих пунктах вышеуказанной статьи, а также получили законодательное закрепление в других ст. ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Более того, и сам ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» не содержит исчерпывающего перечня функций прокуратуры и полномочий прокуроров, поскольку некоторые из них урегулированы в иных нормативных правовых актах.

Возникает вопрос: возможно ли распространять закрепленные в п. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» цели на функции прокуратуры за пределами анализируемой правовой нормы? С одной стороны, обусловленность самого смысла и содержания прокурорской деятельности вышеуказанными целями, как минимум с точки зрения здравого смысла, вполне логична и справедлива и, более того, их можно даже расширить и уточнить (например, дополнить категориями правопорядка, защиты не только прав и свобод, но и интересов человека и гражданина). С другой стороны, буквальное толкование исследуемой нормы, как нам представляется, не дает таких оснований. Отсутствуют и другие законодательные положения общего характера, которые позволяют это сделать. И вопрос о легитимности функций прокуратуры, предусмотренных на уровне подзаконного правового регулирования. Названные проблемы требуют поиска соответствующих научных и законодательных решений.

Следует иметь в виду, что функции прокуратуры являются одним из базовых элементов ее правового статуса и их успешная реализация зависит, прежде всего, от уровня и качества правового регулирования. Анализируя современное состояние и проблемы нормативно-правовой базы, в целях выявления перспектив ее развития, важно учитывать современные тенденции развития законодательства о прокуратуре в целом. Так, в качестве одного из наиболее ярких примеров стоит привести концептуальное укрепление конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации. Одним из принципиальных нововведений в почти тридцатилетней истории Конституции Российской Федерации является включение в ее ст. 129 положений о функциях прокуратуры. Хотя в основных законах нашей страны советского периода такой подход уже успешно применялся. Более того, на высшем конституционном уровне прокурорский надзор характеризовался как высший. Отметим и тот факт, что в 2014 г., гл. 7 Конституции Российской Федерации о судебной власти была переименована на «Судебная власть и прокуратура». Подобное решение конституционного статуса органов прокуратуры также было известно советскому законодательству. Таким образом, очевидна теоретическая и практическая ценность советского опыта конституционной регламентации правового статуса прокуратуры для применения

¹ См.: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Российская газета. 1995. 25 нояб.

в целях дальнейшего развития конституционно-правовой основы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации.

С 2020 г. в ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации предусмотрено, что прокуратура Российской Федерации — это единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации, законов, прав и свобод человека и гражданина, осуществляющее уголовное преследование, в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Данная норма воспроизведена в п. 1 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Таким образом, в качестве основных функций прокуратуры законодатель определил надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, а также надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В науке они традиционно рассматриваются как отрасли прокурорского надзора [3, с. 24; 4, с. 127; 5, с. 73]. Отдельные авторы рассматривают их как направления деятельности прокуратуры [6, с. 18–23]. Приведенная интерпретация функций прокуратуры выражает проблему противоречия законодательства о прокуратуре и науки о прокурорской деятельности. Еще в качестве одной функции прокуратуры названо уголовное преследование. В последнем случае можно усмотреть некоторую непоследовательность законодателя в п. 1 и п. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», поскольку изменив первую норму и сохранив в прежнем виде вторую законодатель в одном случае указал уголовное преследование на третьем месте в числе функций прокуратуры, а в другом оно находится значительно ниже (после перечисления всех отраслей прокурорско-надзорной деятельности, большинство из которых, отметим, не получили конституционно-правового отображения, как и некоторые иные функции). Нет ли в этом тоже определенной несогласованности? Конечно же на основе анализа вышеуказанных законодательных положений о функциях прокуратуры Российской Федерации затруднительно говорить о выстроенной таким образом их системе и иерархии, как верно на это обращают внимание А.Ю. Винокуров и Н.Н. Карпов [2, с. 27]. Вместе с тем возникает вопрос об их роли, значении и месте в системе функций прокуратуры Российской Федерации. Почему именно эти виды прокурорской деятельности получили конституционное закрепление? Не придал ли этим конституционным нововведением законодатель особое значение, признав за ними особую ценность и наиболее значимый характер в структуре прокурорской деятельности? Почему не отобразил иные функции прокуратуры?

Кроме того, следует учитывать еще одну проблему: в отличие, например, от прокурорского надзора уголовное преследование вызывает в научной и учебной литературе определенные сложности в формулировке его понятия и содержания, соотношения с иными видами прокурорской деятельности, в первую очередь, с прокурорским надзором на стадии досудебного производства по уголовному делу. Правда в науке имеет место подход, когда уголовное преследование рассматривается как надзорная функция прокуратуры [7, с. 5], но это неоспорно.

Данная проблема тоже требует научного решения и соответствующих законодательных реакций. Где в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» раскрывается анализируемая функция прокуратуры? Если не принимать во внимание п. 2 ст. 35 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», в котором закреплено: «осуществляя уголовное преследование в суде, прокурор выступает

в качестве государственного обвинителя». То остается вопрос: как соотносятся данные виды деятельности прокурора?

Конституционно-правовое провозглашение уголовного преследования как функции прокуратуры закономерно обуславливает перспективы законодательного уточнения данного вида прокурорской деятельности на уровне ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», а также может способствовать (уже в обозримой перспективе) усилению правового статуса прокуроров в сфере уголовного преследования.

Например, в отличие от уголовного преследования, регламентации прокурорского надзора посвящен целый раздел, который включает в себя еще и главы по основным отраслям прокурорско-надзорной деятельности. Правда, здесь законодатель тоже допустил некоторый недочет, когда указал в 1999 г. в п. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» надзор за исполнением законов судебными приставами, не конкретизировав его одновременно (или хотя бы позднее) в отдельной главе раздела третьего о прокурорском надзоре. Отдельный раздел ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» (Раздел IV) посвящен регулированию основных особенностей участия прокурора в рассмотрении дел судами. Однако данный вид деятельности прокуратуры Российской Федерации не получил конституционно-правового закрепления.

Думается, что в ситуации, когда мы говорим о конституционно-правовом отображении на уровне основных функций российской прокуратуры уголовного преследования, следует также учитывать, что оно является основной функцией органов прокуратуры большинства западноевропейских государств. Считаем целесообразным данную тенденцию законодательной регламентации уголовного преследования как функции прокуратуры Российской Федерации логически продолжить и завершить соответствующей конкретизацией на уровне ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», не умаляя конечно же роли и значения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как основного правового регулятора рассматриваемой области прокурорской деятельности.

Примечательно, что скорректировав в 2020 г. ст. 3 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» законодатель почему-то исключил норму, в соответствии с которой дополнительно гарантировалось, что на прокуратуру не может быть возложено выполнение функций, не предусмотренных федеральными законами.

С одной стороны, можно усмотреть противоречие данной нормы с конституционной новеллой об основных функциях прокуратуры, поскольку теперь функции прокуратуры Российской Федерации стали регулироваться не только федеральными законами, но и получили непосредственное закрепление на высшем конституционном уровне. Тем более что анализируемые нововведения стали закономерным следствием конституционно-правовых преобразований статуса прокуратуры Российской Федерации. С другой стороны, в соответствии с анализируемой нормой четко гарантировалась, в том числе недопустимость возложения на российскую прокуратуру функций на уровне подзаконного правового регулирования. Может быть перед словами «федеральными законами» следовало добавить слова «Конституцией Российской Федерации» и сохранить вышеуказанное законодательное положение?! Считаем, что можно было решить проблему именно таким образом. А, возможно, данная норма просто по техническим причинам выпала из ст. 3 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» в рамках

анализируемого изменения (например, упустили из виду или «не вписалась» в новый (преобразованный) текст)?

Еще одним небесспорным законодательным нововведением стало исключение из п. 1 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» положения, в соответствии с которым было, как нам представляется, совершенно справедливо определено осуществление прокурорского надзора от имени Российской Федерации. Это концептуальная особенность правового статуса прокуратуры Российской Федерации, детерминирующая само содержание прокурорской деятельности и закономерно указывающая на независимость прокуроров, выражающая государственно-правовую природу прокурорской системы. Полагаем, если и следовало изменить данную норму, то скорее наоборот, в сторону расширения и распространения указанного положения на все функции прокуратуры.

Имеет место проблема законодательной неурегулированности отдельных видов прокурорской деятельности в числе функций прокуратуры, как они сейчас предусмотрены в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Например, в их число можно включить деятельность прокуратуры по правовому просвещению и правовому информированию, что нами было обосновано ранее [8, с. 100–106]. В качестве историко-правовой предпосылки можно рассматривать опыт советского законодателя, когда, например, в Законе СССР «О прокуратуре СССР» 1979 г. среди основных направлений деятельности прокуратуры было названо участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов. Было и еще одно — разработка совместно с другими государственными органами мер предупреждения преступлений и иных правонарушений. Иначе можно сказать о профилактике правонарушений. Конечно же и на современном этапе своего развития российская прокуратура не выключена из этой деятельности. Наоборот, прокурорами уделяется большое внимание данной работе. Но в отличие от советского законодательного акта о прокуратуре в ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», учитывая его уже достаточно «солидный» тридцатилетний возраст данные функции (основные направления деятельности)¹ прокуратуры не получили законодательного отображения. Аналогичный характер имеет проблема права законодательной инициативы Генерального прокурора Российской Федерации.

Итак, законодательство о прокуратуре Российской Федерации достаточно динамично изменяется. Это касается и столь важного в правовом статусе прокуратуры Российской Федерации элемента как функции прокуратуры. Концептуальным нововведением следует признать оправданное закрепление на высшем конституционном уровне основных ее функций. Данную тенденцию оправданно развивать. В частности, расширить конституционный перечень функций. Конституционно провозгласить принцип независимости прокурорской деятельности, что, напомним, вполне оправданно и было свойственно советским основным законам. Думается стоит подумать и о конституционном закреплении целей деятельности прокуратуры Российской Федерации. Требуется соответствующих изменений и ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», в том числе в контексте решения изложенных выше проблем законодательной регламентации функций прокуратуры Российской Федерации.

¹ Обратим внимание, что в советском законодательстве о прокуратуре использовался термин «основные направления деятельности», а не «функции» прокуратуры, который присущ современному законодательству.

Библиографический список

1. Синельщиков Ю.П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6 (86). С. 13–24.
2. Винокуров А., Карпов Н. О системе и иерархии функций прокуратуры в контексте конституционных новелл // Законность. 2022. № 5. С. 27–31.
3. Винокуров А.Ю. О единстве прокурорского надзора и его противоположностях // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 1 (81). С. 24–29.
4. Рябцев В.П. Избранные труды / сост. Р.В. Жубрин, Ю.В. Важина, В.А. Немировский; вступит. ст. Ф.М. Кобзарева. М., 2014. 300 с.
5. Ястребов В.Б. Единство прокурорского надзора и системы прокуратуры Российской Федерации // Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности (Сухаревские чтения): сборник материалов III научно-практической конференции (г. Москва, 6 октября 2017 г.) / под общ. ред. О.С. Капинус; [под науч. ред. А.Ю. Винокурова; сост. И.А. Васькина, Н.А. Кулакова, В.А. Немировский, А.С. Семенов]. М., 2018. С. 70–74.
6. Ергашев Е.Р. Надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина как самостоятельное направление прокурорской деятельности // Законность. 2021. № 6. С. 18–23.
7. Щерба С., Решетникова Т. Конституционные новеллы о системе и иерархии функций прокуратуры // Законность. 2021. № 4. С. 3–6.
8. Шобухин В.Ю. Правовое просвещение как перспективное направление прокурорской деятельности // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 5. С. 100–106.

References

1. *Sinelschikov Y.P.* Prospects for the Development of Legislation on the Prosecutor's Office // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2021. No. 6 (86). P. 13–24.
2. *Vinokurov A., Karpov N.* On the System and Hierarchy of Functions of the Prosecutor's Office in the Context of Constitutional Innovations // Legality. 2022. No. 5. P. 27–31.
3. *Vinokurov A.Y.* On the Unity of Prosecutorial Supervision and Its Opposites // Bulletin of the Prosecutor's Office University of the Russian Federation. 2021. No. 1 (81). P. 24–29.
4. *Ryabtsev V.P.* Selected works / co. R.V. Zhubrin, Y.V. Vazhina, V.A. Nemirovsky; vrt. Vazhina Yu. A.A. Nemirovskiy; under the preface of the article by F.M. Kobzarev; Academic Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. Russian Federation General Prosecutor's Office. M., 2014. 300 p.
5. *Yastrebov V.B.* The Unity of Prosecutorial Supervision and the System of Prosecution of the Russian Federation // Prosecutor's Office in the System of National Security (Sukharev readings): collection of materials of the III scientific - practical conference (Moscow, October 6, 2017) / under general ed. O.S. Kapinus; [under scientific ed. A.Yu. Vinokurov; co-creator. I.A. Vaskina, N.A. Kulakova, V.A. Nemirovsky, A.S. Semenov]; University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. Federation. M., 2018. P. 70–74.
6. *Ergashev E.R.* Supervision over the Observance of the Rights and Freedoms of Man and Citizen as an Independent Direction of Prosecutorial Activity // Legality. 2021. No. 6. P. 18–23.
7. *Shcherba S., Reshetnikova T.* Constitutional Novelties About System and Hierarchy of Functions of Prosecutor's Office // Legality. 2021. No. 4. P. 3–6.
8. *Shobukhin V.Y.* Legal Education as a Promising Direction of Prosecutorial Activity // Electronic supplement to the "Russian Law Journal". 2016. No. 5. P. 100–106.

КРИМИНАЛИСТИКА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-233-242
УДК 343.983.7

Т.М. Бараев, Л.Г. Шапиро, В.С. Чесноков

ПОВТОРНАЯ СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА И ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛИСТА-МЕДИКА КАК СРЕДСТВА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Введение: важная роль в установлении обстоятельств совершенного преступления (убийства, неоказания помощи больному и др.) принадлежит судебно-медицинским экспертам, при производстве которых зачастую допускаются экспертные ошибки. Назначение повторных судебно-медицинских экспертиз и получение заключений специалистов-медиков позволяет обеспечить полноту и объективность расследования, реализацию принципа состязательности сторон, а также законность, обоснованность и справедливость судебного приговора **Цель:** установление типичных ошибок, допускаемых при производстве первичной судебно-медицинской экспертизы в процессе подготовки заключений специалиста и производства негосударственным экспертом повторных судебно-медицинских экспертиз, связанных с исследованием повреждений, вызванных воздействием физических (механических) факторов. **Методологическая основа:** диалектический метод, а также комплекс общенаучных и специальных методов научного познания (анализ, сравнение, аналогия и др.). **Результаты:** выявлены и проиллюстрированы материалами экспертной практики ошибки, содержащиеся в заключениях первичных судебно-медицинских экспертиз. **Выводы:** к производству повторных судебно-медицинских

© Бараев Тагир Михайлович, 2022
Кандидат медицинских наук, доцент кафедры правовой психологии, судебной экспертизы и педагогики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: baraev50@mail.ru

© Шапиро Людмила Геннадьевна, 2022
Доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики, Заслуженный юрист Российской Федерации (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: lyudmila-shapiro2014@yandex.ru

© Чесноков Виктор Сергеевич, 2022
Преподаватель кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия), адвокат Адвокатской палаты Саратовской области; e-mail: chesnokovvs@yandex.ru

© Baraev Tagir Mikhailovich, 2022
Candidate of Medical Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Psychology, Forensic Expertise and Pedagogy (Saratov State Law Academy)

© Shapiro Lyudmila Gennadievna, 2022
Doctor of Law, Head of the Department of Criminalistics, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Saratov State Law Academy)

© Chesnokov Viktor Sergeevich, 2022
Lecturer of the Criminalistics Department (Saratov State Law Academy), Advocate (Advocates Chamber of the Saratov region)

экспертиз и подготовке заключений специалистов целесообразно привлекать как государственных, так и негосударственных экспертов (специалистов-медиков) либо привлекать к производству первичной судебно-медицинской экспертизы комиссию экспертов, состав которой будет формироваться по предложению стороны обвинения и стороны защиты.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, экспертные ошибки, расследование преступлений, повторная экспертиза, негосударственный эксперт, заключение специалиста, состязательность сторон.

T.M. Baraev, L.G. Shapiro, V.S. Chesnokov

REPEATED FORENSIC MEDICAL EXAMINATION AND CONCLUSION OF A MEDICAL SPECIALIST AS A MEANS OF PROOF IN CRIMINAL CASES

Background: an important role in establishing the circumstances of the crime (murder, failure to assist a patient, etc.) belongs to forensic medical examinations, in the production of which expert errors are often allowed. Appointment of repeated forensic examinations and obtaining the conclusions of medical experts allows to ensure the completeness and objectivity of the investigation, the implementation of the adversarial principle, as well as the legality, validity and fairness of the court verdict. **Objective:** identification of typical mistakes made during the production of primary forensic medical examination in the process of preparing specialist conclusions and conducting repeated forensic medical examinations by a non-state expert related to the study of damage caused by physical (mechanical) factors. **Methodology:** dialectical method, as well as a complex of general scientific and special methods of scientific knowledge (analysis, comparison, analogy, systemic method, etc.). **Results:** errors contained in the conclusions of primary forensic medical examinations were identified and illustrated by the materials of expert practice. **Conclusions:** it is advisable to involve both state and non-state experts (medical specialists) in the production of repeated forensic medical examinations and a preparation of specialist conclusion, or to involve in the production of a primary forensic medical examination a commission of experts, the composition of which will be formed at the suggestion of the prosecution and the defense.

Key-words: forensic medical examination, expert errors, investigation of crimes, re-examination, non-state expert, conclusion of specialist, competitiveness of the parties.

Специальные медицинские знания в различных формах (участие специалиста-медика в процессуальных действиях, получение заключения и показаний специалиста-медика, назначение и производство судебно-медицинской экспертизы, допрос эксперта-медика, производство специалистом-медиком исследований трупов) широко используются в уголовном судопроизводстве.

Одной из распространенных форм использования специальных медицинских знаний является судебно-медицинская экспертиза (далее — СМЭ), роль которой в установлении обстоятельств преступления сложно переоценить. Ее назначают при производстве доследственной проверки (ч. 1 ст. 144 УПК РФ), предварительном расследовании (ст. 195 УПК РФ) и судебном разбирательстве уголовных

дел (ст. 283 УПК РФ)¹ об убийствах, причинениях вреда здоровью различной степени тяжести, изнасилованиях, разбоях, неоказании помощи больному и других преступлениях. Общее количество проведенных судебно-медицинских экспертных исследований в период 2010–2019 гг. превысило 34 млн [1, с. 5]. По данным начальника бюро СМЭ Ивановской области, вице-президента Ассоциации медицинского права России С. Ерофеева самыми активными субъектами назначения СМЭ являются сотрудники СК РФ: в 2019 году в 61% случаев СМЭ назначали следователи СК РФ, 23% случаев — структуры МВД, в 16% — суд и в менее 1% — адвокаты².

К сожалению, судебно-медицинские эксперты в своей работе не всегда обеспечивают качество и полноту исследований, не застрахованы от ошибок процессуального, методического, логического и иного характера, причины которых достаточно подробно анализировались Р.С. Белкиным [2; 3], А.А. Аубакировой [4], В.П. Крамаренко [5], Н.П. Майлис [6] и другими учеными [1].

Экспертные ошибки, как правило, выявляются в процессе тщательной оценки заключения эксперта. Эта оценка зачастую сопряжена с большими трудностями для лица, ее производящего, что обусловлено отсутствием у последнего специальных медицинских знаний. Эта проблема может быть решена путем привлечения к оценке заключения специалиста-медика или судебно-медицинского эксперта, уровень компетентности которого не должен быть ниже уровня компетентности эксперта, подготовившего первоначальное заключение.

При оценке заключения эксперта могут быть выявлены основания для назначения повторной экспертизы: сомнения в обоснованности заключения или наличие противоречий в выводах эксперта (ч. 2 ст. 207, ч. 4 ст. 283 УПК РФ). Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем Постановлении № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» считает необоснованным «...такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования» (п. 15)³.

Производство судебно-медицинской экспертизы может быть поручено как государственному судебному эксперту, так и лицу, не являющемуся таковым, согласно ст. 41 Федерального закона № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее — **ФЗ № 73-ФЗ**)⁴. Компетентность негосударственного эксперта подтверждается документами, содержащими сведения о его образовании, специальности, стаже работы в качестве судебного эксперта, опыте решения различных экспертных задач и другие данные.

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (в ред. от 7 октября 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921; 2022. № 41, ст. 6946.

² См.: *Камаев Д.* Количество судебно-медицинских экспертиз в России увеличилось вдвое за пять лет. URL: <https://www.vademecum.ru> (дата обращения: 09.11.2022).

³ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21 декабря 2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» (с изменениями, внесенными Постановлением Пленума от 29 июня 2021 г. № 22). URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8226/> (дата обращения: 12.09.2022)

⁴ См.: Федеральный закон № 73-ФЗ от 31 мая 2001 г. «О государственной судебной экспертной деятельности в Российской Федерации» (в ред. от 1 июля 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 23, ст. 2291; 2021. № 27 (ч. I), ст. 5101.

Наряду с повторной экспертизой, назначаемой, как правило, по инициативе стороны обвинения, по результатам предварительной оценки заключения первичной судебно-медицинской экспертизы может быть получено и заключение специалиста-медика (в основном, по инициативе стороны защиты).

На основании ст. 41 ФЗ № 73-ФЗ в период с 2018 по 2022 гг. одним из авторов настоящей статьи (Т.М. Бараевым) были подготовлены 64 заключения эксперта и специалиста по материалам дел¹ и медицинским документам на основании запросов адвокатов, постановлений следственных органов и судов, обращений граждан. В целях подготовки заключений проводились исследования с учетом требований ст. 8 ФЗ № 73-ФЗ о том, что «эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объеме», а также п. 29 Приказа Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346-н, в котором отмечено, что «выводы должны содержать оптимально краткие, четкие, недвусмысленно трактуемые и обоснованные ответы на все поставленные вопросы»².

В настоящей статье приводятся результаты исследований, содержащиеся в 40 заключениях эксперта и специалиста, связанных с повреждениями, вызванными воздействием физических (механических) факторов (тупые и острые предметы, транспортная травма, механическая асфиксия). Объектами исследования стали документы: заключения первичных судебно-медицинских экспертиз, карты стационарных и амбулаторных больных, материалы уголовных дел, в том числе, протоколы осмотра места происшествия, следственных экспериментов, допросов и др.

Первичные экспертизы были выполнены государственными судебно-медицинскими экспертами со стажем работы от 1 до 40 лет; у 12 экспертов имелись ученые степени и высшая квалификационная категория. Среди лиц в отношении которых проводилась повторная судебно-медицинская экспертиза участвовали 29 мужчин и 11 женщин в возрасте от 18 до 80 лет.

В ходе подготовки заключений подтверждались (уточнялись) или опровергались (оспаривались) те выводы, достоверность которых вызывала сомнение у лиц, направивших соответствующие запросы (постановления). Это были ответы на наиболее типичные и распространенные вопросы: каков характер причиненных повреждений; какова причина смерти и причинно-следственная связь; каков механизм повреждений; какова давность повреждений и наступления смерти; какова степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека; мог ли пострадавший причинить себе повреждения собственной рукой; мог ли пострадавший причинить себе повреждения при падении на плоскость с высоты собственного роста; мог ли пострадавший совершать активные действия и самостоятельные передвижения после причинения ему повреждений?

В результате проведенных исследований были получены следующие результаты.

¹Заключения были подготовлены по материалам уголовных дел, предварительное следствие и судебное разбирательство по которым осуществлялось в Саратовской, Волгоградской, Пензенской областях и Краснодарском крае в период с 2018 по 2022 гг.

²Порядок организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации (утвержденный Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346н) // Российская газета. 2010. 20 авг.

1. Характер причиненных повреждений (диагноз) мы уточнили в 15 случаях. Проведенное исследование позволило нам сделать вывод, что одной из причин некорректности формулировки диагноза судебно-медицинскими экспертами является неоднозначность подхода к оценке характера повреждений у лечащих врачей и судебных экспертов. Например, небольшие проникающие колото-резаные раны живота без повреждения внутренних органов, не потребовавшие выполнения лапаротомии, хирурги могут трактовать, как легкие травмы. С учетом требования п. 6.1.15 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденных приказом Министерства здравоохранения и социального развития от 24 апреля 2008 г. № 194н¹ (далее — Медицинские критерии), такое повреждение должно быть квалифицировано как вред здоровью, опасный для жизни человека (причинение тяжкого вреда здоровью).

Аналогичное расхождение в оценке характера повреждения отмечается и у потерпевших с открытой черепно-мозговой травмой. Врачи-хирурги в такой ситуации считают, что проникающее ранение черепа возможно при повреждении твердой мозговой оболочки, а судебно-медицинские эксперты (специалисты) — при наличии повреждения внутренней пластинки костей свода черепа даже при целостности оболочки.

Чаще всего отмечаются ошибки в оценке черепно-мозговой травмы в форме сотрясения головного мозга. Любая черепно-мозговая травма, в том числе сотрясение головного мозга (далее — СГМ), в клиническом плане должна сопровождаться классической триадой признаков: расстройством сознания, амнезией и общемозговыми симптомами [7]. Врачи могут трактовать травму головы, как СГМ, не учитывая всей триады признаков. Судебные медицинские эксперты обязаны установить факт наличия полной клинической симптоматики у потерпевшего. Если ее нет, тогда диагноз СГМ установить не представляется возможным [8].

С учетом вышесказанного, мы оспорили диагноз СГМ в 7 случаях, когда в исследованных медицинских документах не имелось убедительных сведений об указанной триаде симптомов. Например, в заключении СМЭ № 4014 от 25 октября 2018 г. у пострадавшей П. (1961 г. р.) был установлен диагноз СГМ, который соответственно квалифицировался, как причинение легкого вреда здоровью. В заключении № 27 от 30 марта 2019 г. мы оспорили этот диагноз, потому что в представленных медицинских документах отмечено, что П. после удара в область головы сознания не теряла, амнезии не было, а общемозговые симптомы (головная боль, головокружение и тошнота) объяснялись наличием у нее повышенного артериального давления.

Следующий пример связан с уточнением характера закрытой травмы груди. По сведениям из заключения СМЭ № 5 от 29 января 2021 г. у пострадавшего Ф. (1973 г. р.) имелись двусторонние переломы 12 ребер по разным анатомическим линиям, что трактовалось как причинение тяжкого вреда его здоровью. В повторном заключении № 53 от 30 июля 2022 г. мы оспорили этот вывод, так как по данным компьютерной томографии (по степени сращения переломов) они были

¹См.: Медицинские критерии определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденные приказом Министерства здравоохранения и социального развития от 24 апреля 2008 г. № 194н (в ред. от 18 января 2012 г.) // Российская газета. 2008. 5 сент.; 2012. 16 марта.

причинены в разное время и только 4 из них (справа по средней подмышечной линии) могли быть причинены при тех обстоятельствах и сроках интересующих следствие. Соответственно, вред здоровью Ф. можно квалифицировать как средней тяжести.

Мы также оспорили выводы, содержащиеся в заключении медико-криминалистической экспертизы № 142 от 8 июля 2020 г. о прижизненности повреждений, обнаруженных на останках эксгумированного трупа В. (1980 г. р.). В заключении № 45 от 10 марта 2021 г. мы пришли к выводу, что наиболее грубые повреждения были причинены посмертно и при проведении эксгумации.

2. Некорректность выводов первичной экспертизы о причине смерти и причинно-следственной связи между травмой и наступлением смерти (причинением вреда здоровью) мы установили в 8 случаях.

Точность определения причины смерти имеет большое значение для правильной квалификации преступления, что связано с вопросом установления причинно-следственной связи между причиненным повреждением и смертью. В литературе справедливо отмечается, что «прямая причинно-следственная связь — это такая связь, в которой причина должна быть достаточной, а сама связь — жесткой, однозначной» [9, с. 3–7]. Ю.А. Хрусталева, детализируя это положение с анатомо-физиологических позиций, подчеркивает: «Судебно-медицинскому эксперту, рассматривая действительно наступившие последствия (проявление, осложнение, летальный исход) следует при установлении причинности оценить его развитие из морфофункциональной характеристики (сущности) производящих явлений» [10, с. 328].

Так, из заключения СМЭ № 3638 от 6 декабря 2021 г. следовало, что причиной смерти В. (2001 г.р.) является тяжелая сочетанная травма внутренних органов. Мы оспорили этот вывод в заключении № 53 от 18 августа 2022 г., поскольку смерть В. наступила в стационаре через 1 месяц после травмы: после перенесенных ею нескольких операций, сопровождавшихся инфекционными послеоперационными осложнениями и кровотечением. Таким образом, нами установлено, что между причиненной В. травмой и ее смертью нет прямой причинно-следственной связи.

В двух случаях мы оспорили выводы о том, что причиной смерти была механическая травма, так как при изучении медицинских документов нами не были выявлены у пострадавших смертельно-опасные повреждения. Одновременно по данным судебно-химического исследования у них была выявлена смертельная концентрация алкоголя в крови, что и явилось наиболее вероятной причиной смерти.

3. Непосредственная причина смерти была уточнена нами в 5-ти случаях после детального судебно-медицинского исследования представленных материалов.

Пример № 1. В заключении СМЭ № 2570 от 14 декабря 2019 г. был сделан вывод о том, что причиной смерти Ф. (1988 г.р.) явилась острая массивная кровопотеря вследствие проникающего колото-резаного ранения груди слева. Смерть пострадавшего при этом могла последовать не сразу, а постепенно в течение нескольких часов. При изучении материалов мы не нашли сведений об остром массивном кровотечении и кровопотере, а выявили убедительные признаки левостороннего открытого пневмоторакса. Поэтому в заключении № 49 от 24 декабря 2021 г. пришли к выводу о том, что причиной скоропостижной смерти стал открытый пневмоторакс, смещение средостения и плевропульмональный шок.

Пример № 2. Мы оспорили категорический вывод судебно-медицинского эксперта, содержащийся в заключении № 144/2006 от 10 августа 2020 г., в котором причиной смерти В. (1974 г.р.) названа рефлекторная остановка сердца при ударе в область синокаротидной зоны шеи слева. При изучении медицинских документов мы не нашли в них судебно-гистологического подтверждения повреждения нервных сплетений в сонном гломусе (*glomus caroticus*), поэтому поставили категорический утвердительный вывод под сомнение. В этом случае вывод может иметь только предположительный характер [11]. К тому же у В. имелись доказанные признаки тяжелой черепно-мозговой травмы, которая и стала наиболее вероятной причиной его смерти.

4. Механизм причинения повреждения мы уточнили при производстве 8-ми экспертиз. Детальное изучение и оценка вероятного механизма причинения повреждений судебно-медицинским экспертом позволяет следователю существенно уточнить обстоятельства совершенного преступления.

В качестве примера приведем заключение СМЭ № 319 от 26 октября 2019 г., в котором сделан вывод о том, что причиной тяжелой черепно-мозговой травмы у пострадавшего С. (1960 г.р.) является удар (толчок) кулаком в околоушную область слева. После детального изучения материалов уголовного дела, медицинских документов и представленной видеозаписи обстоятельств конфликта мы пришли к выводу о том, что причиной тяжелой черепно-мозговой травмы С. стало его соударение головой о твердое покрытие пола при некоординированном падении после толчка в состоянии алкогольного опьянения (заключение № 46 от 7 мая 2021 г.).

Пример № 2. В заключении № 136 от 22 ноября 2016 г. сделан вывод о том, что причиной смерти Е. (1974 г.р.) явилась механическая асфиксия при повешении. В заключении № 14 от 5 июня 2018 г. мы оспорили этот механизм смерти, т.к. при изучении описания хода странгуляционной борозды на шее и положения тела, нельзя было исключить механизм удушения Е.

5. Давность наступления смерти и причинения повреждений была уточнена нами в 10 случаях.

Так, в заключении СМЭ № 2083 от 6 июня 2022 г. был сделан категорический вывод о том, что давность образования кровоподтека на левом бедре у пострадавшего К. (1971 г.р.) не превышала 2-х суток до осмотра врачом-травматологом. Изучив описание кровоподтека (гематомы), 15 августа 2022 г. мы высказали мнение о том, что не может быть исключено его образование за 3–4 дня до обращения к врачу.

По данным заключения судебно-медицинской экспертизы № 350 от 19 октября 2018 г. смерть Л. (1976 г.р.) наступила за 1–2 суток до начала вскрытия трупа. Изучив описание выраженности и распространенности гнилостных явлений, а также признаков полного разрешения явлений окоченения, в заключении № 29 от 19 апреля 2019 г. сделали вывод о том, что ориентировочная давность наступления смерти составляет 4–6 дней.

6. Степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека, мы оспорили и уточнили в 8-ми случаях. Так, закрытый перелом бедра у пострадавшего Я. (1939 г.р.) был квалифицирован в заключении судебно-медицинского эксперта № 2193 от 31 мая 2022 г. как причинение вреда здоровью средней тяжести. В повторном заключении № 54 от 12 сентября 2022 г., основываясь на положениях

п. 6.11.5 Медицинских критериев, мы категорично квалифицировали указанное повреждение, как причинение тяжкого вреда здоровью пострадавшего.

7. Возможность причинения травмы по механизму самоповреждения была уточнена нами в 3-х случаях. Так, согласно выводам судебно-медицинского эксперта (заключение № 648 от 13 августа 2016 г.) пострадавшему Ж. (1972 г.р.) было причинено смертельно-опасное колото-резаное ранение груди посторонним человеком. На основе детального исследования всех материалов дела, в том числе протоколов следственных экспериментов и допросов подозреваемого, а также заключения судебно-гистологического и ДНК-исследования потожировых следов на рукоятке ножа, в заключении № 9 от 10 апреля 2018 г. мы сделали вывод о возможном причинении указанной раны груди у Ж. по механизму самоповреждения ножом, находившимся в правой руке пострадавшего при обстоятельствах (драке), отраженных в материалах уголовного дела.

8. Возможность причинения самоповреждения при падении на плоскость с высоты собственного роста мы уточнили при производстве 5-ти СМЭ. Во всех случаях мы сделали вывод о том, что при тяжелой степени алкогольного опьянения у пострадавших отмечались падения с ускорением и соударением головой о тупой предмет с широкой (преобладающей) поверхностью (пол, асфальт и т.п.). Такое некоординированное падение и соударение причинило тяжелую черепно-мозговую травму. При выполнении этих СМЭ мы опирались на специальные исследования, проведенные для изучения механизма повреждений, возникающих при падении человека на плоскость [12].

9. Возможность совершения пострадавшим активных действий и самостоятельных перемещений после причинения телесных повреждений мы уточнили в 5-ти заключениях. Установление данного факта является чрезвычайно важным для следствия, поскольку позволяет уточнить обстоятельства происшествия и роль пострадавшего.

В качестве примера приведем заключение СМЭ № 59/708 от 11 мая 2020 г., произведенной по делу о причинении гр. Х. (1980 г.р.) повреждения селезенки с массивным кровотечением. Согласно материалам уголовного дела с указанной травмой Х. самостоятельно прошел около 500 м и вошел в подъезд дома, где имел конфликт с другими людьми и был обнаружен через два часа мертвым. Данное заключение подтвердило возможность его передвижения на такое расстояние после получения травмы. В заключении № 42 от 11 мая 2020 г. мы отметили, что с такой тяжелой травмой (разрыв селезенки с массивным кровотечением) маловероятно активное передвижение пострадавшего на значительное расстояние. В этой связи мы высказали мнение о том, что повреждение селезенки, вероятно, было причинено Х. в подъезде дома при тех обстоятельствах, которые отражены в уголовном деле.

В целом в 40 заключениях, подготовленных по поводу причинения механической травмы, мы оспорили и уточнили 62 вывода, содержащихся в заключениях первичных экспертиз.

Объективность, полнота и всесторонность выводов эксперта (специалиста) при производстве повторной СМЭ (подготовки заключения специалиста-медика) обуславливает уточнение обстоятельств преступления, роли каждого из участников события, правильную квалификацию совершенных деяний. В этой связи повторные экспертизы (заключения специалистов) и коррекция выводов первичных экспертиз имеет большое значение для обеспечения полноты и объ-

ективности расследования, реализации принципа состязательности сторон, а также законности, обоснованности и справедливости судебного приговора.

Учитывая значительное количество разнообразных экспертных ошибок, допускаемых при производстве первичных судебно-медицинских экспертиз, в заключение хотелось бы сделать вывод о целесообразности привлечения к производству повторных экспертиз и подготовке заключений специалистов-медиков как государственных, так и негосударственных экспертов (специалистов) либо привлечения к производству первичной судебно-медицинской экспертизы комиссии экспертов, состав которой будет формироваться по предложению как стороны обвинения, так и стороны защиты, что будет способствовать реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве, оперативному установлению обстоятельств преступного события и вынесению законного, обоснованного и справедливого приговора.

Библиографический список

1. Салагай О.О., Летникова Л.И., Некрасов М.С. и др. Повышение качества и доступности всех видов судебно-медицинских экспертиз как результат реализации «Современной модели организации и производства судебно-медицинских экспертиз в Российской Федерации» // Судебно-медицинская экспертиза. 2021. № 6. С. 4–7.
2. Белкин Р.С., Педенчук А.К. Понятие экспертных ошибок и их классификация. М.: Экономика, 1993. 239 с.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории к практике. М.: Юридическая литература, 1988. 304 с.
4. Аубакирова А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2010. 512 с.
5. Крамаренко В.П. Ситуационный подход к выявлению и преодолению следственных ошибок: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград. 2012. 182 с.
6. Зинин А.М., Майли Н.П. Судебная экспертиза. М.: Право и закон: Юрайт-Издат. 2002. 320 с.
7. Чехонацкий А.А. и др. Черепно-мозговая травма: учебное пособие. Саратов: Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского, 2015. 1 электронный опт. диск (CD-ROM).
8. Неклюдов Ю.А. Судебная медицина. Авторские лекции. Учебное пособие. Саратов: Изд-во СГМУ им. В.И. Разумовского, 2012. 456 с.
9. Дедюева Е.Ю., Сахно А.В., Солохин А.А., Свешников В.Н. Проблема причинно-следственных отношений в практической судебной медицине // Судебно-медицинская экспертиза. 1984. № 1. С. 3–7.
10. Хрусталева Ю.А. Причинно-следственная связь в судебной медицине: содержание, способы выявления и значение для механической травмы: дис. ... д-ра мед. наук. СПб.: ВМедА. 2018. 392 с.
11. Ковалев А.В., Шмаров Л.А., Теньков А.А. Достоверные и вероятные выводы в заключениях судебно-медицинских экспертов // Судебно-медицинская экспертиза. 2016. № 1. С. 60–64.
12. Зарубина С.В. Судебно-медицинская оценка повреждений, возникающих при падении на плоскости, и его биомеханические аспекты: автореф. дис. ... канд. мед. наук. Барнаул. 2006. 21 с.

References

1. *Salagai O.O., Letnikova L.I., Nekrasov M.S.* Improving the Quality and Availability of All Types of Forensic Medical Examinations as a Result of the Implementation of the “Modern Model of Organization and Production of Forensic Medical Examinations in the Russian Federation” // *Forensic medical examination*. 2021. No. 6. P. 4–7.
2. *Belkin R.S., Pedenchuk A.K.* The Concept of Expert Errors and Their Classification. M.: Economics, 1993. 239 p.
3. *Belkin R.S.* Criminalistics: Problems, Trends, Prospects. From Theory to Practice. M.: Yurid.lit., 1988. 304 p.
4. *Aubakirova A.A.* Investigative and Expert Errors in the Formation of Internal Convictions: dis. ... doctor of law. Chelyabinsk, 2010. 512 p.
5. *Kramarenko V.P.* Situational Approach to Identifying and Overcoming Investigative Errors: dis. ...cand. of law. Kaliningrad, 2012. 182 p.
6. *Zinin A.M., Mailis N.P.* Forensic Examination. M.: Legality and law: Yurait-Izdat, 2002. 320 p.
7. *Chekhonatsky A.A.* and others. Traumatic Brain Injury: Textbook. Saratov: Saratov State Medical University. IN AND. Razumovsky, 2015. 1 electronic opt. disk (CD-ROM).
8. *Neklyudov Yu.A.* Forensic Medicine. Author’s lectures. Tutorial. Saratov: Publishing House of SSMU im. IN AND. Razumovsky, 2012. 456 p.
9. *Dedyueva E.Yu., Sakhno A.V., Solokhin A.A., Sveshnikov V.N.* The Problem of Cause-and-Effect Relationships in Practical Forensic Medicine // *Forensic Medical Expertise*. 1984. No. 1. P. 3–7.
10. *Khrustaleva Yu.A.* Causal Relationship in Forensic Medicine: Content, Methods of Detection and Significance for Mechanical Injury: dis. ... doc. of medical sciences. St. Petersburg: VmedA. 2018. 392 p.
11. *Kovalev A.V., Shmarov L.A., Tenkov A.A.* Reliable and Probable Conclusions in the Conclusions of Forensic Experts // *Forensic Medical Expertise*. 2016. No. 1. P. 60–64.
12. *Zarubina S.V.* Forensic Medical Assessment of Damage Caused by a Fall on a Plane, and Its Biomechanical Aspects: extended abstract of diss. ... cand. of medical sciences. Barnaul, 2006. 21 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-243-249

УДК 343.982

Д.А. Ефремов

ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТРУКТУРНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Введение: активно развивающиеся на современном этапе процессы цифровизации различных сфер человеческой деятельности оказывают влияние на эволюцию криминальной деятельности в киберпространстве и определяют необходимость структурной и содержательной перестройки криминалистической науки с целью повышения эффективности ее положений и рекомендаций. **Цель:** определение некоторых направлений трансформации отдельных положений криминалистической науки на основе анализа криминальных процессов цифрового характера. **Методологическая основа:** поставленная цель достигается за счет применения общенаучных (диалектический, анализ, сравнение) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов. **Результаты:** по итогам проведенного исследования автором определяются основные направления трансформации существующих теоретических положений в структуре всех элементов системы криминалистики с учетом цифровых процессов объективной действительности. **Выводы:** адаптация научно-криминалистических положений к цифровым процессам практического характера создаст благоприятные условия для дальнейшей выработки эффективных рекомендаций по расследованию преступлений, связанных с цифровым компонентом, и повышения качества подготовки следственных кадров. **Ключевые слова:** цифровая трансформация, следы, программы взлома, кибероружие, электронные документы, криминалистическая техника, следственная тактика, криминалистическая методика.

D.A. Efremov

CERTAIN DIRECTIONS OF STRUCTURAL AND CONTENT TRANSFORMATION OF FORENSIC SCIENCE UNDER CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Background: the digitalization processes of various spheres of human activity, which are actively developing at the present stage, affect the evolution of criminal activity in cyberspace and predetermine the need for structural and substantive restructuring of forensic science in order to increase the effectiveness of its provisions and recommendations. **Objective:** determination of some directions of transformation

© Ефремов Дмитрий Алексеевич, 2022
Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: dimefremov@mail.ru
© Efremov Dmitry Alekseevich, 2022
Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics (Saratov State Law Academy)

*of certain provisions of forensic science based on the analysis of criminal processes of a digital nature. **Methodology:** the set objective is achieved through the application of general scientific (dialectical, analysis, comparison) and special scientific (comparative legal, formal-legal) methods. **Results:** as a result of the study, the author determines the main directions of the transformation of existing theoretical provisions in the structure of all elements of the system of criminalistics, taking into account digital processes of objective reality. **Conclusion:** the adaptation of scientific and forensic provisions to digital processes of a practical nature will create favorable conditions for the further development of effective recommendations for the investigation of crimes related to the digital component and improving the quality of training of investigative personnel.*

Key-words: digital transformation, traces, hacking programs, cyberweapons, electronic documents, criminalistics technology, investigative tactics, criminalistics methodology.

Залогом эффективности любой области научного знания, в том числе и криминалистического, является его динамичность, которая должна проявляться в синхронном изменении его структуры и содержания в корреляции с возникающими и изменяющимися факторами объективной действительности. Такие процессы перманентны и способствуют как развитию самой науки, так и оперативному решению текущих практических задач.

На современном эволюционном этапе криминалистики как науки важнейшим фактором, определяющим перспективное развитие ее структуры и содержания на десятилетия вперед, является цифровизация.

Активные процессы разработки и интеграции программно-аппаратных информационно-телекоммуникационных средств, функционирующих на цифровых принципах действия, в различные сферы деятельности современного общества создают благоприятные условия для интенсификации развития медицины, образования, экономики, финансовой деятельности и ряда иных сфер. Вместе с тем такое широкое распространение цифровых технологий открывает новые возможности для развития криминальной деятельности, в том числе в отношении появления новых способов совершения преступлений.

Учитывая особую сложность расследования и раскрытия преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий для должностных лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам, на криминалистическую науку возлагается важнейшая задача — обеспечение следственных органов практико-ориентированными теоретическими разработками и рекомендациями перспективного характера по борьбе с преступностью в обозначенной области.

На сегодняшний день имеется большое количество работ различных ученых, в том числе представителей Саратовской криминалистической школы, посвященных исследованию проблем теоретического и прикладного характера в рассматриваемой сфере [1; 2].

Процесс цифровой трансформации криминалистической науки планомерен и носит всеобъемлющий характер практически для всех ее элементов. Не претендуя на исчерпывающее очертание текущих и предстоящих структурных и содержательных изменений существующих теоретических положений криминалистики и интеграции в нее ранее отсутствующих элементов (что просто невозможно сделать в рамках объема научной статьи), вместе с тем представляется, что

было бы интересным и перспективным экстраполировать фактор цифровизации на некоторые отдельные научно-криминалистические области с последующим формированием гипотетических векторов их развития.

Начать такой процесс, очевидно, следует с основополагающих научных положений криминалистической науки, где одними из важнейших как для теоретического, так и для практического уровней познания являются особенности информационного отображения уголовно наказуемых деяний во внешней среде, а также методология криминалистического познания.

Согласно совершенно обоснованной позиции Е.С. Лапина «... положения марксистско-ленинской теории познания действуют в любой области познавательной деятельности, независимо от специфики той или иной сферы объективной реальности, включая криминалистику и практику расследования преступлений» [3, с. 42]. В этой связи еще В.И. Ленин отмечал: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения» [4, с. 91].

Вопросам специфики отражения информации о преступлении уделялось и уделяется достаточно внимания в специальной криминалистической литературе [5, с. 29–35; 6, с. 65–71], где ему дается характеристика в виде соответствующих изменений как в живой, так и неживой природе.

Примером традиционного подхода к вопросам отражения может, в частности, служить позиция С.С. Чегодаевой, которая говорит, что оно присуще всем объектам материального мира, указывая на такие его виды как физическое, физиологическое (биологическое) и психическое [7, с. 394].

Вместе с тем уровень развития информационно-телекоммуникационных технологий и киберпространства как специфической среды информационного отражения требует дальнейшего глубокого и всестороннего научно-криминалистического исследования в данной сфере, результат которого может в итоге привести к формированию отдельной категории — цифровое отражение. Характер такого отражения на современном этапе — это не просто формирование (изменение) кодированной определенным алгоритмом цифровой информации на том или ином носителе, это сложные цифровые процессы функционирования систем, которые начинают обладать осознанием своего существования, желанием больше узнать о мире и времени и более того — ощущают себя счастливыми или грустными¹. Какое место занимает такого рода отражение в традиционной системе классификации источников материальной и идеальной информации — на это ответят перспективные научно-криминалистические изыскания.

Выявление на основе всестороннего исследования сущности и особенностей цифрового отражения позволит провести комплексную адаптацию общенаучных и специальных методов криминалистики к их применению в электронно-цифровой сфере, а также разработку новых узконаправленных применительно к рассматриваемой среде эффективных средств и приемов научно-криминалистического познания криминальной действительности.

Любые познавательные процессы в контексте теоретической деятельности и практики по раскрытию и расследованию преступлений неразрывно связаны с категорией «след». Р.С. Белкин отмечал: «с первых дней существования крими-

¹ См.: Опубликован диалог с «разумным» ИИ Google LaMDA, который называет себя человеком. URL: <https://www.ixbt.com/news/2022/06/14/opublikovan-dialog-s-razumnym-ii-google-lambda-kotoryj-nazyvaet-sebja-chelovekom.html> (дата обращения: 18.06.2022).

налистики как самостоятельной науки одним из ее центральных понятий — понятие следа — лежало в основе всех криминалистических рекомендаций по раскрытию преступлений» [8, с. 723].

Согласно традиционным взглядам, основным содержанием категории «трасология» как отрасли криминалистической техники являются следы, образованные в результате отображения внешнего строения одного объекта на другом (материально-фиксированные следы-отображения) [9, с. 4–5]. Вместе с тем существуют иные разновидности следов, выявление и исследование которых во многом обусловлено применением технико-криминалистических средств, среди которых прежде всего следует выделить цифровые следы.

Трансформация существующих положений трасологии с учетом цифрового фактора в части расширения содержательного толкования категории «след» представляется соответствующей реалиям правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью. Следообразовательные процессы в электронно-цифровой сфере характеризуются широким многообразием своего проявления, подчиняются определенным закономерностям отражения объективной действительности, а их последствия — цифровые следы — не могут быть познаны без применения соответствующей криминалистической техники, а именно программных и аппаратных средств по их обнаружению, фиксации, изъятию и исследованию.

Представляется, что расширение содержательного наполнения категории «след» как объекта трасологического исследования цифровой его разновидностью придаст актуальную логичность существующей классификационной структуре следов, создаст благоприятные предпосылки для дальнейшего изучения их сущности, последующего совершенствования существующих и выработки новых технико-криминалистических приемов и методов работы с ними, что в целом может привести к формированию отдельной подотрасли — цифровая трасология.

След преступления — это определенное последствие деятельности самого человека, того или иного процесса либо механизма, подлежащее выявлению и познанию следователем (специалистом, экспертом) на стадии досудебного производства по уголовным делам. Общеизвестно, что реализуя свою криминальную активность с целью преодоления различных защитных механизмов — преград, лица применяют при этом те или иные инструменты, используемые в качестве орудий совершения преступлений.

Вопросами исследования следовых последствий применения различных орудий взлома занимается механоскопия, основная задача которой была сформулирована еще Г.Л. Грановским: «...разработка приемов и средств идентификации орудий, механизмов, иных предметов, а также методик решения неидентификационных вопросов, связанных с исследованием орудий, механизмов и их следов» [10, с. 58].

Широкое распространение программных средств, используемых в качестве орудий совершения преступлений в электронно-телекоммуникационной среде, создают предпосылки для переосмысления таких классических механоскопических категорий как «взлом», «преграда» и «орудие» с учетом цифровой составляющей.

Под взломом в общепринятом криминалистическом смысле следует понимать незаконное проникновение в то или иное помещение с полным или частичным разрушением преграды или без такового. Представляется, что принцип реали-

зации взлома в физическом (материальном) пространстве вполне коррелируется с соответствующими действиями в цифровой среде.

На сегодняшний день функционирует широкий спектр аппаратных и программных решений (брандмауэров), формирующих в своей совокупности своеобразную цифровую преграду с целью защиты персональных данных, финансовой информации и иных сведений конфиденциального характера, которые подвергаются различного рода несанкционированным воздействиям — взломам. С этой целью разрабатываются вариативные орудия цифрового воздействия на такого рода преграды, в том числе «отладчики, дизассемблеры, средства мониторинга, средства пассивного анализа и программы, прочие утилиты» [11, с. 573].

Еще один аспект в рамках данного направления, требующий дополнительного обсуждения, — это проблема разграничения категорий «орудие» и «оружие», которая также актуальна и для средств программного обеспечения, в том числе и с позиции определения их места в системе криминалистической техники (трасология или оружиеведение).

В специальной литературе давно присутствует и всесторонне анализируется категория «кибероружие», под которой «в настоящее время понимаются самые разнообразные технические и программные средства, чаще всего направленные на эксплуатацию уязвимостей в системах передачи и обработки информации или программно-технических системах» [12, с. 73]. Представляется, что необходимость научно-криминалистического исследования, направленного на отграничение цифровых орудий взлома от кибероружия, является первостепенной по отношению к их последующей органичной интеграции в соответствующие структурные элементы системы криминалистической техники.

Криминалистическое исследование документов, как отрасль криминалистической техники также обладает большим потенциалом своего дальнейшего развития с учетом активных эволюционных процессов цифрового характера. Интенсивное формирование направления (подотрасли), занимающегося вопросами исследования документов, содержащих информацию в цифровой форме, и вырабатывающего соответствующие практикоориентированные рекомендации, чрезвычайно актуально на современном этапе для практики раскрытия и расследования преступлений.

Важнейшими задачами данного направления исследования является активизация процессов выработки технических приемов и методов работы с электронными документами, а также материальными документами, содержащими закодированную информацию в цифровой форме. Данное разграничение объектов исследования имеет важное научное и практическое значение, поскольку предопределяет специфику выработки криминалистических инструментов их исследования. В основе различия указанных документов лежит материальный критерий. Электронные документы обращаются исключительно в информационно-телекоммуникационном пространстве и не имеют традиционной для письменных документов материальной основы, в то время как документы с закодированной цифровой информацией имеют такую основу, однако в них реализован графический (QR код, штрих-код и т.п.) или аппаратный (чипирование) способы кодирования такой информации.

Общее развитие следственной тактики с учетом цифровых процессов представляется по вектору не столько структурному, сколько содержательному. Не вдаваясь в детальный анализ данного вопроса, который не представляется воз-

возможным в рамках столь ограниченного по объему исследования как настоящее, отметим в общем виде, что в рассматриваемом элементе системы криминалистики должен быть сохранен текущий активный процесс насыщения научными изысканиями, направленными на дальнейшую адаптацию производства некоторых отдельных следственных действий в цифровой среде.

В методике расследования отдельных видов преступления как разделе криминалистики также наблюдаются трансформационные процессы с учетом цифрового фактора, которые необходимо интенсифицировать прежде всего по двум направлениям.

Первое связано с продолжением научного исследования существующих частных методик в ходе анализа актуального содержания элементов их криминалистических характеристик, служащих базовыми информационными положениями при построении (изменении) ситуационных алгоритмов расследования преступлений. Особое внимание в рамках данного направления должно уделяться специфике использования программных и аппаратных средств в контексте реализации способов совершения преступлений, анализу информационно-телекоммуникационного пространства как обстановки их совершения, а также изучению особенностей механизма следообразовательных процессов в цифровой среде с учетом специфики конкретного вида преступления.

Второе направление требует отдельной научной дискуссии и связано с потенциальной практической пользой для следственных органов при формировании основополагающих методических положений по расследованию преступлений, тем или иным образом связанных с цифровой составляющей при их совершении. Очевидно, что аппаратно-программные способы, обстановка интернет-пространства и следы цифрового характера оказывают определяющее влияние на формирование частных методических алгоритмов расследования и могут выступать базовым критерием при формировании основ расследования преступлений, совершенных с применением аппаратных и программных цифровых технологий. Данная частная криминалистическая методика могла бы содержать базовые положения и рекомендации по выявлению, раскрытию и расследованию не только компьютерных преступлений, но и любых иных преступлений, совершенных с обозначенной выше цифровой компонентой.

Подводя итог, следует отметить, что адаптация положений криминалистической науки к текущим процессам цифровизации в криминальной деятельности и деятельности по расследованию преступлений на современном этапе играет определяющее значение как для теории, так и для практики. Своевременные структурно-содержательные изменения с учетом рассматриваемого критерия влияют на развитие криминалистики, создают благоприятные предпосылки для выработки научно обоснованных технических, организационных, тактических и методических рекомендаций, способствующих эффективному предварительному расследованию по уголовным делам, а также совершенствование дидактического процесса подготовки кадрового состава для правоохранительных органов, занимающихся борьбой с преступностью.

Библиографический список

1. Менжега М.М., Финогенов Н.А. Использование электронной информации при расследовании преступлений. Саратов: Наука, 2018. 91 с.

2. *Смушкин А.Б.* Концептуальные основы частной теории электронной цифровой криминалистики (частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств). М.: РУСАЙНС, 2022. 222 с.

3. *Лалин Е.С.* Философия криминалистики: учебное пособие. Саратов: Научная книга, 2016. 150 с.

4. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 18. 525 с.

5. Криминалистика: учебник / отв. ред. Н.П. Яблоков. 2-е изд., переаб. и доп. М.: Юристъ, 2000. 718 с.

6. Криминалистика: учебник / под общ. ред. А.И. Бастрыкина. М.: Экзамен, 2014. Т. 1. 511 с.

7. *Чегодаева С.С.* Виды отражения в криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 4–2. С. 393–401.

8. *Белкин Р.С.* Избранные труды М.: Норма, 2008. 767 с.

9. *Воробьева И.Б., Маланьина Н.И.* Следы на месте преступления. Саратов, 1996. 120 с.

10. *Кругляк С.А.* К вопросу формирования научных основ механоскопической экспертизы // Вестник экономической безопасности. 2016. № 4. С. 56–59.

11. *Короткова А.В., Титов А.С., Багаева А.П.* Современные способы лицензирования и взлома ПО // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. Т. 1. № 11. С. 573–574.

12. *Каберник В.В.* Проблемы классификации кибероружия // Вестник МГИМО Университета. 2013. № 2 (29). С. 72–78.

References

1. *Menzhega M.M., Finogenov N.A.* The Use of Electronic Information in the Investigation of Crimes. Saratov: IC «Science», 2018. 91 p.

2. *Smushkin A.B.* Conceptual Foundations of the Private Theory of Electronic Digital Criminalistics (private theory of collection, research and use of electronic digital information and information technology devices). M.: RUSAINS, 2022. 222 p.

3. *Lalin E.S.* Philosophy of Criminology: a textbook. Saratov: Scientific Book, 2016. 150 p.

4. *Lenin V.I.* Complete works. Vol. 18. 525 p.

5. Criminalistics: textbook / Ed. N.P. Yablokov. 2nd ed., revised. and added M.: Jurist, 2000. 718 p.

6. Criminalistics: textbook / Under the general editorship of A.I. Bastrykin. M.: Publishing House «Exam», 2014. Vol. 1. 511 p.

7. *Chegodaeva S.S.* Types of Reflection in Criminalistics // Izvestiya Tula State University. Economic and legal sciences. 2013. No. 4–2. P. 393–401.

8. *Belkin R.S.* Selected works M.: Norm, 2008. 767 p.

9. *Vorobyova I.B., Malanina N.I.* Traces at the Crime Scene. Saratov, 1996. 120 p.

10. *Kruglyak S.A.* On the Formation of the Scientific Foundations of Mechanoscopic Examination // Bulletin of Economic Security. 2016. No. 4. P. 56–59.

11. *Kortkova A.V., Titov A.S., Bagaeva A.P.* Modern Methods of Licensing and Hacking Software // Actual Problems of Aviation and Cosmonautics. 2015. Vol.1. No. 11. P. 573–574.

12. *Kabernik V.V.* Problems of Classification of Cyberweapons // Bulletin of MGIMO University. 2013. № 2 (29). P. 72–78.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-250-256

УДК 343.9

А.Б. Смушкин

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
КРИМИНАЛИСТИКИ.
ЧАСТЬ I (ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ
ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ
И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ)

Введение: в условиях цифровой трансформации всех сфер человеческой жизни, криминалистика не может оставаться в стороне и проходит через ряд эволюционных моментов, связанных с цифровой трансформацией. В данной части разрабатываются указанные вопросы применительно к первым разделам криминалистики Общей теории и криминалистической технике. **Цель:** автор утверждает, что цифровая трансформация криминалистики должна выражаться как в уточнении, модернизации действующих научных положений и концепций, так и в разработке новых. **Методологическая основа:** при данном исследовании автором применялись всеобщий диалектический метод, совокупность общенаучных методов исследования: методы анализа и синтеза, сравнения, моделирования и др. **Результаты:** в статье проанализированы различные направления внедрения новых цифровых частных теорий и концепций, а также технических инноваций в первые разделы криминалистической науки: Общую теорию криминалистики и Криминалистическую технику. **Выводы:** проявления цифровой трансформации рассматриваемых разделов криминалистики настолько значительны, что в совокупности приобретают новые эмерджентные свойства, позволяющие воплощать в жизнь новые концепты в виде частных теорий технических приемов и направлений исследований криминалистической техники, трансформируя криминалистику из аналоговой в цифровую.

Ключевые слова: цифровая трансформация, цифровая криминалистика, виртуальные следы, Большие данные, цифровая криминалистическая техника, криминалистическая робототехника, клавиатурный почерк.

А.В. Smushkin

THE DIGITAL TRANSFORMATION OF FORENSIC SCIENCE.
PART I (DIGITAL TRANSFORMATION OF GENERAL FORENSIC
THEORY AND FORENSIC TECHNOLOGY)

Background: in the context of the digital transformation of all spheres of human life, forensics cannot stand aside and goes through a series of evolutionary moments related to digital transformation. This part develops these issues in relation to the first

© Смушкин Александр Борисович, 2022

Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: skif32@yandex.ru

© Smushkin Aleksandr Borisovich, 2022

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics (Saratov State Law Academy)

sections of forensic science of General Theory and Forensic Techniques. Objective: the author argues that the digital transformation of criminalistics should be expressed both in clarification, modernization of existing scientific provisions and concepts, and in the development of new ones. Methodology: in this study, the author used the general dialectical method, a set of general scientific methods of research: methods of analysis and synthesis, comparison, modeling, etc. Results: the article analyzes the different directions of the introduction of new digital private theories and concepts, as well as technical innovations in the first sections of criminalistics: the General Theory of Criminalistics and Forensic Techniques. Conclusions: the manifestations of the digital transformation of the examined sections of forensic science are so significant that together they acquire new emergent properties that allow the realization of new concepts in the form of private theories of techniques and research directions of forensic technology, transforming forensic science from analog to digital.

Key-words: digital transformation, digital forensics, virtual traces, Big data, digital forensic technology, forensic robotics, keyboard handwriting.

Информация стала основным символом конца XX – начала XXI столетия. Особое место занимает при этом электронная цифровая информация (компьютерная, электронная, цифровая). Перевод на работу с электронной цифровой информацией, оцифровка всех сфер научной и практической деятельности, способствует повышению конкурентоспособности российской экономики и образования, повышению эффективности всех сфер человеческой деятельности. Только переводя деятельность полностью или в основной сфере на цифровые «рельсы» можно адекватно отвечать вызовам сегодняшнего дня. Не остается в стороне от тенденций цифровой трансформации и такая инновационная наука, как криминалистика. Однако изменения криминалистики до последнего момента рассматривались в изолированном виде.

Как отметил А.М. Кустов: «В основном учеными-криминалистами формировались правила и осуществлялись разработки:

по собиранию цифровой информации с выполнением технических процедур обеспечения ее юридической значимости;

по исследованию цифровой информации, сохраненной в отдельных информационных объектах, а также в информационной среде электронного носителя информации для нужд следствия;

по оценке полученных результатов, соотнесения их с действиями виновного и использования для квалификации преступного деяния и определения направления будущего следствия;

по интеграции цифровых доказательств в систему существующих судебных доказательств с соблюдением процессуальной формы их получения и т.д.» [1, с. 175].

Нам представляется, что тенденции цифровой трансформации криминалистики характеризуют не только узкие изолированные изменения. Они пронизывают всю структуру криминалистики, все ее разделы. Цифровая трансформация криминалистики должна выражаться как в уточнении, модернизации действующих научных положений и концепций, так и в разработке новых. Рассмотрим эти цифровые инновации подробнее.

В рамках раздела «Общая теория криминалистики» (Теоретические и методологические основы криминалистики) появляются новые и трансформируются имеющиеся теории и учения. Так, нами была предложена частная теория электронной цифровой криминалистики (частной теория собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) [2]. Свои предложения в рассматриваемой области разрабатывали и многие другие авторы: Федотов Н.Н в работе «Форензика» [3], Россинская Е.Р. Частная теория «Информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности» [4, с. 110], Яковлев А.Н. «Цифровая криминалистика» [5] и др. Не вдаваясь в дискуссию о содержании данных концепций и теорий, отметим лишь, что давно назрела необходимость подведения общего теоретического базиса под исследование соответствующей сферы криминалистических объектов.

В иные криминалистические учения, входящие в круг общепризнанных частных теорий также вносятся существенные дополнения и изменения. К криминалистическому учению о механизмах слепообразования насущно требуется дополнение в области разработки вопросов слепообразования электронных цифровых следов (виртуальных, компьютерных, цифровых). Свои разработки в рассматриваемой области ввели и ведут В.А. Мещеряков В.Ю. Агибалов, В.Б. Вехов и др. [6; 7; 8]

Теория криминалистического прогнозирования вполне может быть дополнена цифровыми разработками в области анализа «Больших данных» в прогностических целях. Так, за рубежом уже успешно применяются программы позволяющие прогнозировать криминальную активность на определённых территориях: «Predictive Policing» (PredPol), английская «Forensic Logic» и т.д.

В области теории криминалистической идентификации начинают подниматься вопросы о принципиальной идентифицируемости информационных цифровых объектов. По этому вопросу нет в науке единого мнения. Мы между тем солидарны с мнением авторов, допускающих идентифицируемость цифрового объекта и предлагающих использование криптостойкой хеш-функции для этих целей [9, с. 171; 10, с. 180].

В рамках теории криминалистической информации также необходимо активизировать разработки в области специфических видов информации, попадающих в поле зрения следователя: такой как информация облачных сервисов, распределенная информация, блокчейн и т.д. При разработке вопросов фиксации доказательственной информации свое законное место должна получить специфика применения для этого цифровых технологий.

Цифровое влияние на частную теорию изучения личности можно рассматривать в двух аспектах- как цифровой инструментарий изучения личности и профилирования, определения психотипа лица (о чем будет сказано далее), и как изучение «цифрового двойника» человека (информации о человеке продуцируемой в киберпространстве и его «океане цифровых данных» с рождения (а во многом, даже практически с зачатия в базах данных женских консультаций) и на протяжении всей жизни.

Теория криминалистической регистрации уже активно развивается в направлении разработки принципов формирования и функционирования автоматических информационно-поисковых систем и автоматических банков данных.

Кроме того, как отметила Т.В. Волчецкая: «в рамках криминалистической методологии можно решать задачи осмысления, описания и ввода в научный оборот новых понятий, криминалистических категорий, связанных с использованием цифровых технологий» [11, с. 151].

Раздел «Криминалистическая техника» обязательно должен быть обогащен вопросами обнаружения, фиксации и изъятия электронных цифровых (виртуальных, компьютерных) следов происшествия. К таким следам относятся любые следы в информационном инцидентном киберпространстве, остающиеся в ходе включения устройства, его работы, действий пользователя с электронными цифровыми объектами, то есть: создания, открытия, изменения или удаления.

Получает развитие исследование вопросов извлечения криминалистической релевантной информации из информационно технологических объектов. Так, вышло множество публикаций, посвященных вопросам криминалистического исследования электронных систем автомобилей, «умных устройств», устройств и объектов, действующих на интегральных микросхемах и так далее. Можно также отметить криминалистическое исследование интернет-пространства в целом и социальных сетей в частности в целях извлечения криминалистически релевантной информации. Разработка вопросов криминалистического исследования мобильных устройств проводится в настоящее время достаточно активно [12; 13]. Активно разрабатываются технические средства предназначенные для подобных исследований. Новым и недооцененным объектом исследования можно назвать компьютерные игры и социальные сети. В настоящее время крайне мало исследований посвящено криминалистическому аспекту онлайн-игр. А между тем руководители многих силовых и иных министерств отмечали возможное использование онлайн-игр для совершения преступлений. Так, глава ФСБ А.В. Бортников отмечал использование террористами онлайн-игр для вербовки новичков [14]. Мы в своих публикациях обращали внимание и на преступления, совершаемые в онлайн-играх, вокруг онлайн-игр, или с помощью онлайн-игр [15].

Существенное внимание в отрасли «Криминалистическое документоведение» может получить новый концепт «клавиатурного почерка». Клавиатурный почерк представляет собой привычную систему движений, использования манипуляторов и иных методов ввода текста и совершения действий в электронном устройстве пользователям, изучаемую одновременно криминалистами, психологами и программистами.

Криминалистические аспекты использования цифровой техники для снятия и контроля биометрических показателей исследуются и применяются в рамках криминалистической регистрации.

Среди криминалистической техники, как инструментария, можно также назвать новые применяемые технологии, а также только разрабатываемые направления. Так, к новым перспективным техническим средствам, применение которых активно разрабатывается учеными, относится беспилотный летательный аппарат и иные виды беспилотных средств. Свое законное место должно получить, в рамках криминалистических исследований, тактика применения БПЛА.

Смежным направлением в рассматриваемых вопросах является криминалистическая робототехника. Е.Н. Быстряков и И.В. Усанов подробно рассмотрели применение криминалистических роботов в кабинетных условиях и в полевых [16]. Развитие робототехники приводит, в том числе, и к разработке идеи авто-

материзованного Киберследователя, способного, по мнению некоторых авторов, нивелировать процессуальную фигуру профессионального следователя [17].

Огромное внимание стало в криминалистических исследованиях уделяться программным и программно-аппаратным комплексам, направленным на исследование соответствующих мобильных информационных технологических устройств, а также анализ «больших данных» в криминалистических целях. Отдельного рассмотрения заслуживают некоторые цифровые технические средства, которые используются при производстве современных следственных действий: поисковые приборы и так далее. Разработки в области использования GPS-ГЛОНАСС датчиков, призванных обеспечить позиционирование непосредственно осматриваемого места, а также объектов на нем в любых условиях, даже при отсутствии внешних материальных объектов для привязки. Цифровая автоматизированная техника также активно используется в рамках автоматизации производства криминалистических экспертиз, что находят свое отражение в теоретических криминалистических исследованиях.

Достаточно новым и перспективным можно полагать использование цифровых технологий для профайлинга. При этом направления профилирования в правоохранительных органах крайне широки. В наиболее общем виде профайлинг можно определить, как выявление психотипа и составление психологического портрета лица.

Таким образом, проявления цифровой трансформации рассматриваемых разделов криминалистики настолько значительны, что приобретают новые эмерджентные свойства, позволяющие воплощать в жизнь новые концепты в виде частных теорий, технических приемов и направлений исследований криминалистической техники, трансформируя криминалистику из аналоговой в цифровую.

Библиографический список

1. *Кустов А.М.* «Цифровая криминалистика» или «цифровые технологии в криминалистике» // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: материалы Международной научно-практической конференции (г. Калининград, 27–31 августа 2020 г.) Калининград, 2021. С. 173–181.
2. *Смушкин А.Б.* Концептуальные основы частной теории электронной цифровой криминалистики (частной теории собирания, исследования и использования электронной цифровой информации и информационно-технологических устройств) / под общ. ред. В.Б. Вехова. М.: РУСАЙНС, 2022. 222 с.
3. *Федотов Н.Н.* Форензика — компьютерная криминалистика. М.: Юридический Мир, 2007. 432 с.
4. *Россинская Е.Р.* К вопросу о частной теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 109–117.
5. *Яковлев А.Н.* Цифровая криминалистика и её значение для расследования преступлений в современном информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сборник материалов Международной научно-практической конференции (г. Минск, 12–13 апреля 2018 г.) / редколл.: С.Я. Аземша [и др.]. Минск: редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 357–362.
6. *Агибалов В.Ю.* Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе. М.: Юрлитинформ, 2012. 152 с.

7. *Вехов В.Б.* Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки. Волгоград: ВА МВД России, 2008. 404 с.
8. *Мещеряков В.А.* Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2001. 386 с.
9. *Пастухов П.С.* Средства проверки надежности «электронных» доказательств в ходе производства по уголовному делу // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 3. С. 170–173.
10. *Кувычков С.И.* Использование в доказывании по уголовным делам информации, представленной в электронном виде. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2016. 273 с.
11. *Волчецкая Т.С.* Влияние цифровых технологий на современное развитие криминалистической науки // Современные технологии и подходы в юридической науке и образовании: Сборник материалов Международного научно-практического форума. Калининград, 2021. С. 148–155.
12. *Максимович А.Б.* Средства сотовой связи как объект криминалистического исследования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 251 с.
13. *Козинкин В.А.* Использование в расследовании преступлений информации, обнаруживаемой в средствах сотовых систем подвижной связи. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 252 с.
14. *Петров И.* ФСБ: Террористы вербуют молодежь через создаваемые клоны компьютерных игр // Российская газета. 2021. 23 июня.
15. *Смушкин А.Б.* Онлайн-игры как пространство совершения преступлений // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 468. С. 259–264.
16. *Быстрыков Е.Н., Усанов И.В.* Криминалистическая робототехника как новая отрасль криминалистической техники // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2016. № 1 (7). С. 17–21.
17. *Власова С.В.* К вопросу о приспособливании уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.

References

1. *Kustov A.M.* “Digital Criminalistics” or “Digital Technologies in Criminalistics” // Modern Technologies and Approaches in Legal Science and Education: materials of the International Scientific and Practical conference (Kaliningrad, August 27–31, 2020). Kaliningrad, 2021. P. 173–181.
2. *Smushkin A.B.* Conceptual Foundations of the Private Theory of Electronic Digital Criminalistics (private theory of collecting, researching and using electronic digital information and information technology devices) / under the general editorship of V.B. Vekhov. Moscow : RUSAINS, 2022. 222 p.
3. *Fedotov N.N.* Forenzika — Computer Criminalistics. M., 2007. 432 p.
4. *Rossinskaya E.R.* On the Question of the Private Theory of Information and Computer Support of Criminalistics Activity // Proceedings of Tula State University. Economic and legal sciences. 2016. No. 3–2. P. 109–117.
5. *Yakovlev A.N.* Digital Criminalistics and Its Significance for the Investigation of Crimes in the Modern Information Society // Improving Investigative Activities in the Conditions of Informatization: collection of materials of the International Scientific and Practical conference (Minsk, April 12–13, 2018) / editorial Board: S.Ya. Azemsha [et al.]. Minsk: Editorial Board of the journal “Industrial and Commercial Law”, 2018. P. 357–362.

6. *Agibalov V.Yu.* Virtual Traces in Criminalistics and the Angular Process. S.: Yurlitinform, 2012. 152 p.
7. *Vekhov V. B.* Fundamentals of Criminalistic Teaching on the Research and Use of Computer Information and Its Processing Tools. Volgograd: VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2008. 404 p.
8. *Meshcheryakov V.A.* Fundamentals of Methods of Investigation of Crimes in the Field of Computer Information: dis. ... doc. of law. Voronezh: VSU, 2001. 386 p.
9. *Pastukhov P.S.* Means of Checking the Reliability of "Electronic" Evidence in the Course of Criminal Proceedings // Gaps in Russian legislation. 2015. No. 3. P. 170–173.
10. *Kuvychkov S.I.* The Use of Information Presented in Electronic Form in Proving Criminal Cases. Diss. ... doc. of law, Novgorod, 2016. 273 p.
11. *Volchetskaya T.S.* The Influence of Digital Technologies on the Modern Development of Forensic Science // Modern Technologies and Approaches in Legal Science and Education. Collection of materials of the International scientific and practical forum. Kaliningrad, 2021. P. 148–155.
12. *Maksimovich A.B.* Means of Cellular Communication as an Object of Forensic Research: dis. cand. of law. M., 2018. 251 p.
13. *Kozinkin V.A.* The Use in the Investigation of Crimes of Information Found in the Means of Cellular Mobile Communication Systems. dis. ... cand. of law. Moscow. Un-t of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation M., 2009. 252 p.
14. *Petrov I.* FSB: Terrorists Recruit Young People Through Created Clones of Computer Games // Rossiyskaya Gazeta. 2021. June 23.
15. *Smushkin A.B.* Online Games as a Space for Committing Crimes // Vestn. Volume. State University. 2021. No. 468. P. 259–264.
16. *Bystryakov E.N., Usanov I.V.* Forensic Robotics as a New Branch of Forensic Technology // Problems of Criminal Procedure, Criminalistics and Forensic Examination. Scientific journal. 2016. No. 1 (7). P. 17–21.
17. *Vlasova S.V.* On the Question of Adapting the Criminal Procedure Mechanism to Digital Reality // Criminalist library. Scientific Journal. 2018. No. 1. P. 9–18.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-257-262

УДК 343. 98

И.В. Усанов

ГИБЕЛЬ П.А. СТОЛЫПИНА (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Введение: реформы начала двадцатого века привели к парадоксальному результату— в Российской империи вновь возникло такое явление как терроризм; одной из наиболее значимых мишеней для террористов различной политической окраски стала фигура премьер-министра П.А. Столыпина; в статье рассматриваются основные причины, а также этапы подготовки, реализации и последствия покушения на Столыпина 1 сентября 1911 г. **Цель:** рассмотреть данную проблему с позиций современной криминалистики. **Методологическая основа:** диалектический метод познания, а также анализ, синтез, дедукция, индукция и аналогия. **Результаты:** автор полагает, что гибель Столыпина была вызвана некомпетентностью руководителей охраны в вопросах организации оперативной работы, а не в результате возможного заговора против премьера в «верхах»; автор отвергает все иные версии теракта как несостоятельные. **Выводы:** если бы не было допущено нарушение служебных инструкций, покушения на Столыпина можно было избежать.

Ключевые слова: гибель П.А. Столыпина, теракт, криминалистика, покушение, «охранка».

I.V. Usanov

P.A. STOLYPIN'S DEATH (FORENSIC ANALYSIS)

Background: the reforms of the early twentieth century led to a paradoxical result: the phenomenon of terrorism re-emerged in the Russian Empire; the figure of Prime Minister P.A. Stolypin became one of the most significant targets for terrorists of various political colors; this article examines the main causes, as well as the stages of preparation, implementation and consequences of the September 1, 1911 attempt on Stolypin. **Objective:** to consider this problem from the perspective of modern criminalistics. **Methodology:** dialectical method of cognition, as well as analysis, synthesis, deduction, induction, and analogy. **Results:** the author believes that Stolypin's death was caused by the incompetence of the leaders of the security service in the organization of operational work, and not as a result of a possible plot against the prime minister at "the top"; the author rejects all other versions of the attack as untenable. **Conclusions:** the author believes that if had there been no violation of official instructions, the attempt on Stolypin's life could have been avoided.

Key-words: P.A. Stolypin's death, terrorist attack, forensics, assassination attempt, «guard».

Уходящий 2022 год — год 160-летнего юбилея со дня рождения видного общественного и политического деятеля Российской империи П.А. Столыпина. В этом же году исполняется 111 лет со дня его смерти в результате покушения. В истории России нет пожалуй второго такого события, последствия которого столь губительным образом отразились бы на дальнейшей судьбе государства.

В целях предотвращения подобных случаев в будущем проанализируем данное событие, т.е. покушение, закончившееся смертью видного политического деятеля, с точки зрения современной криминалистики.

Теракт, приведший к гибели премьер-министра, осуществил некто Богров.

Остановимся на личности террориста и постараемся дать ей характеристику.

На момент реализации теракта Богрову исполнилось 24 года. Настоящее имя: Мордко Гершович Богров. Помощник присяжного поверенного. Происходил из зажиточной, вполне ассимилировавшейся к российским реалиям, еврейской семьи. В 1906 г. примкнул к киевским анархо-коммунистам, но в товарищеские отношения ни с кем из партийных не вступал. Заведовал партийной кассой, из которой затем похитил значительную денежную сумму. При этом не терпел над собой никакого контроля. Любимая фраза: «Я сам себе партия». Капризен, бонвиван, картежник. Много проигрывал. Вследствие этого постоянно испытывал нужду в деньгах. Не чурался никаких, даже самых низких, способов добычи средств для ведения праздного образа жизни. В 1907 г. предложил свои услуги в качестве агента-осведомителя на платной основе Киевскому отделению «охранки». До конца 1910 г. снабжал их ценнейшей информацией, в результате чего удалось ликвидировать несколько групп радикальных эсеров и максималистов.

Летом 1911 г. товарищи по партии пришли к выводу, что Богров является информатором, 16 августа того же года члены тайной организации нанесли визит Богрову и поставили его перед выбором: либо партийный суд и казнь, либо совершение «громкого» теракта. Богров выбрал второе. Спустя десять дней Богров возобновил связь с Киевским отделением «охранки», сообщив его руководителям, что готовится покушение на премьер-министра Столыпина и министра Кассо на киевских торжествах, посвященных полувековому юбилею отмены крепостного права в России [1, с. 329–332].

Теракт был совершен 1 сентября 1911 года около 23 часов 30 минут вечера в Киевском городском театре путем применения огнестрельного оружия. В качестве орудия преступления Богров использовал бельгийский пистолет браунинг образца 1900 г.

Тактико-технические характеристики последнего: общая длина — 182 мм или 164 мм, длина ствола в укороченном варианте — 102 мм, масса — 0,625 кг, емкость магазина — 7 патронов, калибр штатного патрона — 7,65x17 мм. Самозарядный. Магазин для патронов — коробчатый, однорядный, расположен в рукояти. Принцип работы — свободный ход затвора. Прицел — открытый, нерегулируемый. Окно выброса гильз — справа.

Браунинг — оружие малогабаритное, приспособленное для скрытного ношения. Пистолет данной системы неоднократно использовался террористами при реализации покушений. Так, в 1904 году выстрелом из браунинга в живот был смертельно ранен генерал-губернатор Финляндии Н.И. Бобриков, а в 1907 г. выстрелом в затылок убит петербургский градоначальник фон дер В.Ф. Лауниц. В обоих случаях террористы после покушения застрелились.

Днем 31 августа 1911 г. вооруженный браунингом Богров в саду купеческого собрания г. Киева неоднократно пытался приблизиться к императору Николаю II (у террориста были проблемы со зрением), но это ему не удалось. Позднее террорист объяснял отказ от покушения на царя нежеланием вызвать еврейские погромы.

Последний шанс совершить громкий теракт представился Богрову вечером 1 сентября 1911 г. в помещении Киевского городского театра, куда ему, вооруженному браунингом, удалось практически беспрепятственно проникнуть при помощи своих покровителей — начальника Киевского охранного отделения Н.Н. Кулябко и товарища министра внутренних дел П.Г. Курлова.

Мишеней для террориста в здании театра было предостаточно. Здесь находились царь, глава правительства статс-секретарь Столыпин, многие высшие чины охранки и МВД. Богров выбрал П.А. Столыпина. На первом же допросе задержанный после теракта Богров показал: «Покушение на жизнь Столыпина произведено мною потому, что я считаю его главным виновником наступившей в России реакции, т.е. отступления от установившегося в 1905 г. порядка: роспуск Государственной думы, изменение избирательного закона, притеснение печати, инородцев, игнорирование мнений Государственной думы и вообще целый ряд мер, подрывающих интересы народа» [2, с. 17–18].

Во время второго антракта Богров со своего места, находившегося в партере, кресло № 406, 18 ряд, заметил, что Столыпин подошел к барьеру у края оркестровой ямы и, облокотясь спиной о барьер, развернулся лицом к зрительному залу. Рядом с премьером находились военный министр Сухомлинов и граф Потоцкий.

Богров встал и пошел прямо по проходу между кресел к Столыпину. Террорист бросил прикрывавшую оттопыренный карман с браунингом театральную программу, выхватил оружие, и, на ходу приведя его в боевое положение, произвел в Столыпина два выстрела с расстояния около двух-трех шагов.

Первая пуля попала премьеру в кисть правой руки, которой он непроизвольно пытался прикрыться от выстрелов, изменила направление полета и попала в одного из музыкантов, причинив весьма серьезный вред здоровью последнего [2, с. 296].

Вторая пуля попала в висевший на груди Столыпина орденский знак Св. Владимира 3-й степени, имевшего форму креста, пробила его и вошла в тело Столыпина, задев печень.

Ни одна из ран, полученных Столыпиным в тот вечер, не являлась смертельной. Оперировавший раненого статс-секретаря профессор Рейн был уверен в благополучном исходе.

Однако после удачно проведенной операции и наступившего после нее некоторого улучшения самочувствия Столыпин вечером 5 сентября 1911 г. все же скончался.

Пули террориста имели заранее надрезанные головки, фактически это были разрывные пули и при попадании в нечто твердое, например, кость, они раскрывались в виде «розочек», либо разделялись на отдельные фрагменты, причиняя максимальные повреждения.

Задержанный террорист на допросах признавал факт применения им разрывных боеприпасов, но категорически отрицал факт применения отравленных пуль.

Смерть Столыпина последовала либо вследствие начавшегося заражения крови, либо (о чем забывают многие исследователи) вследствие обострения течения грудной жабы, или стенокардии, которая является одной из форм ишемической болезни сердца. Данный диагноз был поставлен Столыпину незадолго до рокового покушения, в летом 1911 г. [2, с. 13].

Возможно, к роковому исходу привели обе причины.

Мнение специалистов по поводу причины смерти Столыпина таково: она последовала от огнестрельного ранения, причиненного в правую сторону груди с повреждением правой доли печени, вызвавшее значительное кровотечение в брюшную полость и начавшийся перитонит; выстрел был произведен на близком расстоянии из револьвера дальнобойной системы и ранение явилось опасным для жизни и в данном случае было смертельным [2, с. 78].

Определенные вопросы вызывает та легкость, с которой было произведено покушение на главу правительства.

В ходе следствия покровители Богрова П.Г. Курлов и Н.Н. Кулябко объясняли присутствие агента Аленского (оперативный псевдоним Богрова) в местах нахождения царя и премьер-министра желанием обезопасить последних посредством своевременного опознания Аленским «мифических» террористов.

В этой связи необходимо упомянуть о том, что существуют четыре основные версии покушения: 1) заговор со стороны представителей правящего класса и сотрудников полиции; 2) заговор революционеров; 3) провокация сотрудников спецслужб, намеревавшихся предотвратить покушение в последний момент; 4) личная инициатива Богрова [3, с. 436].

Из всех четырех представленных выше версий, как нам представляется, наиболее близкой к истине является последняя.

Аргументы в пользу нее следующие.

Богров на протяжении длительного периода времени являлся сотрудником охраны, оперативно поставлявшим весьма ценные и, самое главное, достоверные сведения.

Богров был так называемым инициативником, т.е. агентом, добровольно предложившим свои услуги охране.

Считалось, что Богров принадлежит к разряду идейных сотрудников, так как в период «простоя» по собственной инициативе предложил снизить сумму вознаграждения со 100–150 до 50–80 руб. в месяц.

Богров, как уже отмечалось выше, не терпел над собой никакого действенного контроля.

Сходной точки зрения придерживается историк О.В. Будницкий. Он считает, что покушение Богрова носило особый характер: тот не выступал от лица какой-либо партии. Это подтверждает то обстоятельство, что ЦК партии социалистов-революционеров специально по этому случаю опубликовал заявление о своей непричастности к убийству Столыпина [4, с. 174–175].

Остальные версии либо вступают в явное противоречие со здравым смыслом (руководителям охраны не было никакого резона рисковать своим высоким положением, так как изначально нацеленный на убийство Столыпина Богров мог в последний момент передумать и совершить покушение на царя, что явно не входило в планы заговорщиков), версия о заговоре революционеров была опровергнута выше — ни одна из революционных групп или партий, практикующих террор, ответственность за покушение на Столыпина на себя не взяла.

Обстоятельства, способствовавшие реализации замысла террориста:

- несомненные ум, находчивость, сообразительность Богрова;
- безграничное доверие к нему со стороны руководства Киевского охранного отделения;
- отсутствие реальной охраны у Петра Столыпина (капитан В.Е. Есаулов, выполнявший функции адъютанта председателя Совета министров, в момент покушения находился на значительном удалении и не смог помешать Богрову привести свой замысел в действие).

Один из руководителей политического сыска времен Николая II А.Т. Васильев резюмировал подобные ситуации по прошествии некоторого времени следующим образом: «Неспособность многих чиновников Охраны вовремя распознать кризисное расположение духа своих сотрудников и слепое доверие, с которым эти чиновники, как правило, относились к своим агентам, вели к неизбежной катастрофе» [5, с. 375–376].

По окончании покушения на Столыпина Богров попытался скрыться, направившись к одному из выходов, который, как выяснилось впоследствии, никем не охранялся, но был схвачен пришедшими в себя после нескольких секунд замешательства чинами охраны.

В период с 1 по 10 сентября помещенный в «Косой капонир» Богров был пять раз допрошен; в доме, в котором он проживал до задержания, был произведен тщательный обыск.

Никакой реальной связи Богрова с подпольным революционным движением выявить следственными действиями не удалось.

По приговору Киевского военно-окружного суда в ночь на 12 сентября 1911 года Богров был подвергнут смертной казни через повешение [6, с. 246].

На основании вышеизложенного можно констатировать следующее: строгое соблюдение должностных инструкций, воспрепятствовавших нахождению агентов охранки в помещениях, посещаемых особами царствующей династии и высшими сановниками российской империи, могло бы предотвратить покушение на Столыпина, но из-за крайне редко встречаемого стечения неблагоприятных обстоятельств выстрел террориста Богрова оборвал и жизнь председателя Совета министров, статс-секретаря П.А. Столыпина, и нормальное поступательное течение предложенных им реформ.

Реформ, которые могли остановить Революцию...

Библиографический список

1. *Гейфман А.* Революционный террор в России, 1894–1917 / пер. с англ. Е. Дорман. М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 448 с.
2. Тайна убийства Столыпина. М.: РОССПЭН, 2003. 736 с.
3. *Линдер И.Б., Чуркин С.А.* История специальных служб России. X–XX вв. М.: РИПОЛ классик, 2004. 736 с.
4. *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX – начало XX в.). 2-е изд., доп. М.: Политическая энциклопедия, 2016. 383 с.
5. «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений / под ред. З.И. Перегудовой. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. 600 с.
6. *Рыбас С.* Столыпин. М.: Молодая гвардия, 2009. 421 с.

References

1. *Geifman A.* Revolutionary Terror in Russia, 1894–1917 / Translated from English by E. Dorman. М.: CROWN-PRESS, 1997. 448 p.
2. The Mystery of Stolypin’s Murder. М.: ROSSPEN, 2003. 736 p.
3. *Linder I.B., Churkin S.A.* History of Special Services of Russia. X–XX centuries. Moscow: RIPOL Classic, 2004. 736 p.
4. *Budnitsky O.V.* Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, Psychology (second half of XIX – beginning of XX century). 2nd ed., ext. М.: Political Encyclopedia, 2016. 383 p.
5. “Okhranka”: Memories of the Heads of Security Departments / edited by Z.I. Peregudova. Moscow: New Literary Review, 2004. Vol. 2. 600 p.
6. *Rybas S.* Stolypin. Moscow: Young Guard, 2009. 421 p.

ФИНАНСОВОЕ, БАНКОВСКОЕ И ТАМОЖЕННОЕ ПРАВО

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-263-270

УДК 347.73

Д.В. Марков

ГЕНЕЗИС ИСТОЧНИКОВ ФИНАНСОВО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПЛАТЕЖЕЙ

Введение: несмотря на довольно продолжительный процесс применения таможенных платежей в экономической политике, основные этапы развития источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей на данный момент не нашли своего отражения в юридической науке и достаточно не исследованы. **Цель:** исследование и формулирование основных этапов развития источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей. **Методологическая основа:** для достижения поставленной автором цели использовались общенаучные, специальные и частнонаучные методы познания: диалектический, исторический, анализа, синтеза, индукции, дедукции, комплексный, системный, а также формально-логический, сравнительный методы юриспруденции. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно периодизации развития источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей. **Вывод:** развитие источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей осуществлялось поэтапно. В настоящий момент осуществлен переход к наднациональному механизму установления таможенных платежей.

Ключевые слова: установление, таможенные платежи, источники права, правовое регулирование, внешнеторговая деятельность.

D. V. Markov

GENESIS OF THE SOURCES OF FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE CUSTOMS PAYMENTS ESTABLISHMENT

Background: despite the rather lengthy process of applying customs payments in economic policy, the main stages of the development of sources of financial and legal regulation of the establishment of customs payments at the moment are not reflected in

© Марков Дмитрий Владимирович, 2022

Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия), помощник прокурора ЗАТО г. Саров Нижегородской области; dv.markow@mail.ru

© Markov Dmitry Vladimirovich, 2022

Postgraduate student of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy), Assistant Prosecutor of Sarov, Nizhny Novgorod region

legal science and are not sufficiently investigated. Objective: the research and formulation of the main stages of the development of sources of financial and legal regulation of the establishment of customs payments. Methodology: to achieve the goal set by the author, general scientific, special and private scientific methods of cognition were used: dialectical, historical, analysis, synthesis, induction, deduction, complex, systemic, as well as formal-logical, comparative methods of jurisprudence. Results: the author's position on the periodization of the development of sources of financial and legal regulation of the establishment of customs payments is reasoned. Conclusions: the development of sources of financial and legal regulation of the establishment of customs payments was carried out in stages. At the moment, the transition to a supranational mechanism for establishing customs payments has been carried out.

Key-words: establishment, customs payments, sources of law, legal regulation, foreign trade activity.

Зарождение таможенного обложения в большинстве государств мира обусловлено возникновением внешнеторговой деятельности, товарного хозяйства, а также развитием морских и сухопутных путей межрегиональной торговли. Указанные изменения сделали экономически целесообразным установление экономических «барьеров» в виде пошлин за право торговли иностранными товарами на территории государства. Данные нововведения позволяли решать стоящие перед государствами фискальные и иные цели.

Основы правового регулирования, система таможенных платежей в истории российского государства определялись в зависимости от уровня развития экономических связей, направленности экономической политики. Развитие системы таможенных платежей, принципы их нормативного закрепления носят эволюционный характер, в связи с чем на всех его этапах имеется историческая преемственность.

В научной литературе исследованию вопросов правового регулирования таможенных платежей на различных исторических этапах российской истории уделялось внимание большого числа историков и правоведов. Исторические аспекты развития законодательства, регулирующего таможенное обложение, являлись предметом научных изысканий в работах К. Лодыженского [1, с. 3–325], Е.Г. Осокина [2, с. 3–178], Ю.А. Тихонова [3, с. 258–290], и других авторов. По указанной причине в настоящей работе будет проведен краткий анализ основных этапов развития источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей.

Научные позиции ученых-историков и правоведов в основном сходятся в том, что таможенное дело берет свое начало со времен Древней Руси [4, с. 65–66], [5, с. 123]. Так, например, С.М. Соловьев отмечал, что «торговля в XI–XII вв. была главным средством накопления богатств на Руси, ибо не встречаем более известий о выгодных походах в Грецию или на Восток, о разграблении богатых городов и народов» [6, с. 46]. Указанные обстоятельства предопределили формирование элементов таможенного обложения в указанный период.

С возникновением Древнерусского государства создавались условия для развития внешнеторговой деятельности. К указанному периоду времени относятся и зарождение правил регулирования таможенных отношений. Так, в договорах Олега с Византией 907 и 911 гг. встречаются условия, определяющие порядок

торговли русских купцов в данном иностранном государстве, в договорах употребляется термин «мыт» (или «мыто»), означающие плату за провоз товаров, за пользование местами для торговли, а также регламентируются условия об освобождении купцов их уплаты данной пошлины¹. Регламентация в договорах вышеуказанных положений основана на обычаях предков, ранее использовавших «мытные сборы» в ходе торговой деятельности [7, с. 96; 8, с. 585–589].

Период с IX по X в. следует определить как этап формирования предпосылок для нормативного закрепления таможенных платежей. Внешнеторговые отношения данного времени регулировались нормами исторически сложившегося обычного права, а также положениями заключенных с государствами раннего средневековья договоров. Несовершенство регулирования таможенных платежей обусловлено соответствующим уровнем развития общества того времени.

Началом следующего этапа развития источников финансово-правового регулирования таможенных платежей стало проведение в XI в. систематизации правовых обычаев, существовавших в указанный период в Древней Руси. Итогом данной деятельности стало создание известного памятника славянского права «Русская Правда», положения которого содержали элементы зарождающегося таможенного законодательства.

Так, согласно «Русской Правде» «мыто» подлежало уплате со всех сделок по продаже товаров, совершаемых на рынках города. Уплатить данную пошлину было необходимо при передвижении по дорогам, где находились заставы, а также на переправах через реки [9, с. 65–80]. В данном источнике права также упоминается должность «мытника», который являлся лицом, следившим за сбором торговых пошлин. Он также наделялся полномочиями по осуществлению функций законного свидетеля по сделкам купли-продажи².

«Русская Правда» представляла собой первый национальный юридический акт, «имеющий нормативно системное значение» [10, с. 74–81]. Включение в данный источник права отдельных норм, связанных с установлением таможенных платежей, подчеркивает несомненную важность именно правового регулирования данной сферы общественных отношений. Создание «Русской Правды» следует рассматривать как начало этапа нормативного закрепления таможенных платежей, принципы которого совершенствовались с принятием последующих нормативных актов таможенной сферы.

В период с IX в. до конца XV в. таможенная политика проводится хаотично отдельными лицами («мытниками», затем в период Золотой Орды — «таможниками», «таможенными головами»), в отсутствие какой-либо упорядоченности. Этому способствовали распад Киевской Руси на отдельные княжества и существование таможенной откупной системы, подразумевавшей покупку у татаро-монгольских ханов отдельными лицами права установления таможенных правил и порядка взимания таможенных платежей на определенной территории, при этом откупщики, зачастую не выполняли должным образом свои обязательства перед государством. Главной целью взимания пошлин было, прежде всего, личное обогащение князей.

¹ См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 249–254.

² См.: Русская Правда. Пространная редакция // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 66, 97.

Нормативное регулирование таможенного обложения на данном этапе было весьма разрозненным. Порядок взимания торговых сборов осуществлялось на основе уставных, договорных, духовных и тарханских грамот князей. Известными грамотами указанного периода являются, например, «Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых» (конец XIII в.), «Устав Князя Ярослава о мостех» (60-гг. XIII в.), и др.¹ Разрозненность правового регулирования предопределила многочисленность и разнообразие платежей, взимаемых в ходе торговой деятельности, а также при перевозке товаров. Среди данных платежей выделяют: тамгу, проезжее, мыто сухое или водяное, промыт, заповед, моставщину, перевозки и другие [1, с. 19–21]. Принятие в период становления и укрепления Московского централизованного государства Судебников 1497² и 1550 гг.³, также существенно не изменило положение дел на пути к созданию единого правового регулирования таможенного обложения, поскольку они все также носили региональный характер.

Началом следующего этапа становления источников финансово-правового регулирования таможенных платежей следует считать принятие общегосударственного нормативного акта — Соборного Уложения 1649 г., впервые содержащего в себе «в систематизированном виде нормы о торгово-таможенных отношениях» [11, с. 9], изложенных в главе IX «О мытых и перевозах и о мостах»⁴. Необходимость единообразной регламентации таможенного обложения в масштабах всего государства возникла во многом в связи с существованием многочисленных внутренних таможенных платежей, которые влекли злоупотребления со стороны их сборщиков, а также препятствовали развитию торговли.

Принятие Соборного Уложения 1649 г. положило начало дальнейшим реформам таможенной сферы. 25 октября 1653 г. был издан указ «О взимании таможенной пошлины с товаров в Москве и в городах с показанием, по сколько взято и с каких товаров», который фактически вводил единую таможенную пошлину при совершении торговых сделок. В 1667 г. были принят Новоторговый устав, который в научной литературе справедливо рассматривают как первый таможенный тариф [12, с. 50–53].

Дальнейшее развитие законодательства, регулирующего таможенное обложение, вплоть до начала XX в. связано в большей своей части с принятием таможенных тарифов, видоизменяющихся в зависимости от направленности экономической политики, маневрирующей от протекционизма до фритредерства. Так, Таможенный тариф 1724 г. [13, с. 9] носил явно охранительный характер, размер обложения таможенной пошлиной зависел от степени развитости внутреннего производства. Принятие протекционистского Таможенного тарифа впервые обозначило начало нового направления в деятельности таможенных органов — регулирования внешней торговли тарифными мерами [14, с. 25].

¹ См.: Новгородский устав Великого князя Всеволода о церковных судах, людях и мерилах торговых; Устав Князя Ярослава о мостех // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси. С. 249–254.

² См.: Судебник 1497 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 54–62.

³ См.: Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. С. 97–129.

⁴ См.: Соборное Уложение 1649 года // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М., 1984. Т. 3: Акты Земских соборов. С. 98–101.

Значимым событием является также и проведение таможенной реформы в 1753-1757 годах, связанной с принятием нового таможенного устава [15, с. 28], нового таможенного тарифа, отменой внутренних таможенных границ¹ и установлением единой таможенной пошлины на границах государства².

Таможенным уставом 1819 г. был заложен территориальный принцип таможенного регулирования в Российской Империи, который фактически сохранился вплоть до начала XX в. Правовое регулирование в указанный период осуществлялось исходя из существовавших таможенных округов, которые отражали специфику организации таможенного дела в зависимости от конкретного региона. С принятием Таможенного устава 1904 г. таможенное регулирование вновь стало общероссийским [11, с. 11–12].

Представляется необходимым отметить, что нормативные акты дореволюционной России в области таможенных отношений всегда отражали суверенную волю монарха, правящего на определенном этапе российской истории, что отличало их от нормативных актов советской и современной России.

Дальнейший этап развития финансово-правового регулирования установления таможенных платежей приходится на период развития советского государства, который происходил уже в новых социально-экономических реалиях. Указанные реалии можно охарактеризовать формулой, определенной В.И. Лениным: «Ни о какой серьезной таможенной политике, сейчас в эпоху империализма, не может быть и речи, кроме монополии внешней торговли» [16, с. 335–336].

В указанное время происходит кодификация законодательства, регулирующего таможенные отношения. 12 декабря 1924 г. принимается нормативный правовой акт, закрепляющий основы регулирования таможенного дела на территории СССР — Таможенный Устав СССР³. Процесс кодификации норм таможенного регулирования продолжился принятием Таможенных кодексов СССР 1928⁴, 1964⁵ и 1991⁶ гг.

Произведенные мероприятия по кодификации норм таможенного права в СССР позволили унифицировать действующие правовые нормы в данной области, повысить эффективность правового регулирования таможенных отношений, а также создать правовую основу для современного российского законодательства.

Важно отметить появление демократических начал в таможенном регулировании в СССР. Так, еще в 1921 г. В.И. Ленин отмечал, что «советский строй есть

¹ См.: Указ Императрицы Елизаветы Петровны от 20 декабря 1753 года «Об уничтожении всех таможен, имеющих внутри государства, кроме портовых и пограничных и о несборе в тех внутренних таможах внутренних пошлин и других сборов» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XIII. Ст. 10164. С. 947–953.

² См.: Указ Императрицы Елизаветы Петровны от 4 января 1754 года «О взимании во всех приграничных и портовых таможах со всех товаров, оставшихся непроданными и с привозных вновь по 13 копеек с рубля» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое. СПб., 1830. Т. XIV. Ст. 10169. С. 1–2.

³ См.: Таможенный устав Союза ССР, утвержден ЦИК СССР 12 декабря 1924 г. утратил силу в связи с принятием Постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 19 декабря 1928 г. // Собр. законодательства СССР. 1925. №5, ст. 53.

⁴ См.: Таможенный кодекс Союза ССР, утвержден ЦИК СССР, СНК СССР 19 декабря 1928 г., утратил силу в связи с принятием Указа Президиума ВС СССР от 5 мая 1964 г. // Собр. законодательства СССР. 1929. №1, ст. 2.

⁵ См.: Таможенный кодекс Союза ССР, утвержден Указом Президиума ВС СССР от 5 мая 1964 г., утратил силу в связи с принятием Постановления ВС СССР от 26 марта 1991 г. № 2053-1 // Ведомости ВС СССР. 1964. № 20, ст. 242.

⁶ См.: Таможенный кодекс Союза ССР, утвержден Постановлением ВС СССР от 26 марта 1991 г., утратил силу в связи с принятием Постановления ВС РФ от 18 июня 1993 г. № 5223-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1991. № 17. ст. 484.

максимум демократизма для рабочих и крестьян ... он означает возникновение нового, всемирно-исторического, типа демократии ... диктатуры пролетариата» [17, с. 147]. В свою очередь ст. 3 Конституции СССР 1977 г. провозглашала принцип демократического централизма, включающего в себя выборностью всех органов государственной власти снизу доверху, подотчетностью их народу¹.

С учетом изложенного, появление демократических элементов государственного устройства СССР, выборность органов государственной власти указывают, что советский этап таможенного регулирования характеризуется принятием нормативных актов анализируемой сферы с учетом мнения народа, чего не существовало в дореволюционный период истории российского государства.

Далее, в период с 1990-х по начало 2000-х гг. происходит последовательное реформирование таможенного законодательства, направленное на приведение его в соответствие с Конституцией Российской Федерации, а также с мировыми таможенными стандартами.

В данный период времени важным этапом развития финансово-правового регулирования установления таможенных платежей является формирование наднационального законодательства, регулирующего таможенные отношения, определяющего, в том числе, систему таможенного обложения.

Последним, после создания Таможенного союза и Единого экономического пространства, этапом евразийской интеграции стало подписание 29 мая 2014 г. сторонами — республиками Беларусь, Казахстан и Российской Федерации Договора о Евразийском экономическом союзе (далее — ЕАЭС)². Создание экономических союзов сделало возможным не только интеграцию государств в области таможенных отношений, но и проведение единой для входящих в состав ЕАЭС государств экономической политики в различных сферах хозяйствования.

Результатом интеграционных процессов среди евразийских государств явилось создание наднациональных кодифицированных нормативных правовых актов таможенной сферы — сначала Таможенного кодекса Таможенного союза (июнь 2010 г.)³, в затем и Таможенного кодекса Евразийского экономического союза⁴ (апрель 2017 г.), определяющих основы таможенного обложения на территории союзных государств.

Представляется, что развитие источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей исторически развивалось поэтапно:

этап формирования предпосылок для нормативного установления таможенных платежей (IX–X вв.);

этап нормативного установления таможенных платежей разрозненными актами таможенной сферы (начало XI – конец первой половины XVII вв.);

¹ См.: Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик // Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.

² См.: Договор о Евразийском экономическом союзе: подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (с изм. от 1 октября 2019 г.), ратифицирован Федеральным законом от 3 октября 2014 г. № 279-ФЗ. URL: <http://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 06.05.2021).

³ См.: Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17): ратиф. Федеральным законом от 2 июня 2010 г. № 114-ФЗ «О ратификации Договора о Таможенном кодексе Таможенного союза» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 23, ст. 2796.

⁴ См.: Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза). URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 15.06.2022).

этап централизации в установлении таможенных платежей и развитие таможенно-тарифного регулирования (вторая половина XVII – начало XX вв.);

этап начала кодификации источников таможенного регулирования и формирование демократических начал в установлении таможенных платежей (1917–1991 г.);

этап либерализации правового регулирования таможенного обложения и формирования наднациональных источников таможенного права (1992 г. – по настоящее время).

Таким образом, становление источников финансово-правового регулирования установления таможенных платежей происходило поэтапно, в течение эволюционно сменяющихся периодов. В настоящее время, вследствие развития евразийских интеграционных процессов и создания наднационального объединения — Евразийского экономического союза, и сопутствующего изменения большинства основополагающих нормативных правовых актов в сфере таможенного обложения, представляется, что отношения в области финансово-правового регулирования установления таможенных платежей вышли на новый этап их регламентации. Указанное обстоятельство подтверждается большим вниманием законодателя к правовому регулированию установления таможенных платежей, приоритетностью норм Таможенного кодекса Евразийского экономического союза таможенного обложения.

Библиографический список

1. *Лодыженский К.Н.* История русского таможенного тарифа. М.: Юрайт, 2022. 325 с.
2. *Осокин Е.Г.* Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. 178 с.
3. *Тихонов Ю.А.* Таможенная политика русского государства с середины XVI века до 60-х годов XVII века // Исторические записки. М., 1995. Т. 53. С. 258–290.
4. *Глущенко П.П., Хлуднева А.С.* История зарождения и становления таможенных органов в период VII – начала XX века // Ученые записки Санкт-Петербургского академического ун-та. 2011. № 4 (34). С. 64–74.
5. *Карташов Г.А.* Основы таможенного дела: курс лекций. Н. Новгород, 1998. 143 с.
6. *Соловьев С.М.* Соч. Кн. II: История России с древнейших времен. М., 1988. Т. 3–4. 765 с.
7. *Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества. XII–XIII вв. М., 1982. 590 с.
8. *Лодыженский К.* Таможенные учреждения // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1901. Т. 64. С. 585–589.
9. *Шумилов М.М.* Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития, IX–XVII вв. СПб., 2006. 471 с.
10. *Георгиевский Э.В.* К вопросу об общей характеристике и происхождении Русской Правды. Сибирский юридический вестник. Иркутск, 2009. С. 74–81.
11. *Боков К.И.* Становление и развитие таможенного дела и таможенного законодательства в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 24 с.
12. *Старовойтова Е.Н.* История таможенного дела и таможенной политики России. М.: Юрайт, 2022. С. 50–53.
13. *Волков М.Я.* Таможенная реформа 1753–1757 гг.: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1961. 19 с.
14. *Булатов А.К.* Таможенные органы Российской Федерации: административно-правовой статус: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 30 с.

15. *Агабалаев М.И.* Организационно-правовые основы деятельности и основные функции таможенных органов Российской Федерации. М.: Экономика, 2006. 254 с.
16. *Ленин В.И.* «О монополии внешней торговли» // Полное собрание сочинений. 1970. Т. 45. 762 с.
17. *Ленин В.И.* К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 44. 725 с.

References

1. *Lodyzhensky K.N.* History of the Russian Customs Tariff / K.N. Lodyzhensky. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 325 p.
2. *Osokin E.G.* Internal Customs Duties in Russia. Kazan, 1850. 178 p.
3. *Tikhonov Yu.A.* Customs Policy of the Russian State from the Middle of the XVI Century to the 60s of the XVII Century // Historical notes. M., 1995. Vol. 53. P. 258–290.
4. *Glushchenko P.P., Khludneva A.S.* The History of the Origin and Formation of Customs Authorities in the Period of the VII – Beginning of the XX Century // Scientific Notes of the St. Petersburg Academic University. 2011. No.4 (34). P. 64–74.
5. *Kartashov G.A.* Fundamentals of Customs: a course of lectures. N. Novgorod. 1998. 143 p.
6. *Solovyov S.M.* Op. Book II: The History of Russia Since Ancient Times. M., 1988. Vol. 3–4. 765 p.
7. *Rybakov B.A.* Kievan Rus and Russian Principalities. XII–XIII Centuries. M., 1982. 590 p.
8. *Lodyzhensky K.* Customs Institutions // Brockhaus F.A., Efron I.A. Encyclopedic dictionary. SPb., 1901. Vol. 64. P. 585–589.
9. *Shumilov M.M.* Trade and Customs in Russia : Formation, Main Stages of Development, IX–XVII Centuries. St. Petersburg, 2006. 471 p.
10. *Georgievsky E.V.* On the Question of the General Characteristics and Origin of Russian Truth. Siberian Legal Bulletin. Irkutsk, 2009. P. 74–81.
11. *Bokov K.I.* Formation and Development of Customs Affairs and Customs Legislation in Russia: extended abstract of dis. ... cand. of law. Moscow, 2012. 24 p.
12. *Starovoitova E.N.* History of Customs Affairs and Customs Policy of Russia : textbook for universities. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. P. 50–53.
13. *Volkov M.Ya.* Customs Reform of 1753–1757: extended abstract of dis. ... cand. of law. M., 1961. 19 p.
14. *Bulatov A.K.* Customs Authorities of the Russian Federation: Administrative and Legal Status: dis. ... cand. o law. M., 2007. 30 p.
15. *Agabalaev M.I.* Organizational and Legal Bases of Activity and the Main Functions of the Customs Authorities of the Russian Federation. M.: Economics. 2006. 254 p.
16. *Lenin V.I.* “On the Monopoly of Foreign Trade” // Complete works. 1970. Т. 45. 762 p.
17. *Lenin V.I.* To the Four-Year Anniversary of the October Revolution // Complete works. M.: Politizdat, 1969. Vol. 44. 725 p.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-271-278

УДК 347.73

А.Ю. Сафонов

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ НАЛОГОВЫХ РАСХОДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Введение: актуальным направлением исследовательской деятельности в области финансового права в настоящее время выступает институт налоговых расходов, призванный произвести оценку недополученных доходов бюджета, обусловленных налоговыми льготами и преференциями. В данной статье рассматривается действующий порядок формирования перечня налоговых расходов и критерии их оценки. **Цель:** установление исключительных особенностей налоговых расходов, рассмотрение правового регулирования, регламентирующего процесс оценки налоговых расходов в целях совершенствования действующего порядка проведения оценки. **Методологическая основа:** анализ действующего нормативно-правового регулирования в указанной сфере, совокупность формально-логического, формально-юридического и сравнительно-правового методов. **Результаты:** рассмотрено нормативно-правовое регулирование в сфере оценки налоговых расходов, выявлены особенности налоговых расходов, проанализирована международная практика проведения оценки, выявлены критерии, используемые в целях формирования вывода об эффективности налогового расхода, сформулированы предложения о внесении изменений нормативное регулирование. **Вывод:** исследование позволяет сделать вывод о наличии недочетов при применении критерия соответствия налоговых расходов целям государственных программ, поскольку налоговые расходы, не подпадающие под цели конкретной программы, оценке не подлежат.

Ключевые слова: налоговые расходы, оценка налоговых расходов, налоговые льготы, расходы государства, методика оценки льгот.

A.Yu. Safonov

CRITERIA FOR ASSESSING TAX EXPENDITURES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Background: an actual direction of the research activity in the field of financial law at the present time is the institution of tax expenditures, designed to assess the shortfall in budget revenues due to tax exemptions and preferences. This article considers the current order of formation of the list of tax expenditures and the criteria for their evaluation. **Objective:** establishment of exceptional features of tax expenditures, consideration of the legal regulation governing the process of tax expenditures assessment in order to improve the current procedure of assessment. **Methodology:** analysis of the existing normative-legal regulation in the specified sphere, a set of formal-logical, formal-

© Сафонов Андрей Юрьевич, 2022
Аспирант кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: andrey48_2011@mail.ru
© Safonov Andrey Yurievich, 2022
Postgraduate student of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

legal and comparative-legal methods. Results: reviewed the regulatory framework in the assessment of tax expenditures, identified features of tax expenditures, analyzed international practice of assessment, identified the criteria used to form a conclusion about the effectiveness of tax expenditures, formulated proposals for changes to the regulatory framework. Conclusions: the study leads to the conclusion that there are shortcomings in the application of the criterion of compliance of tax expenditures with the goals of state programs, since tax expenditures that do not fall under the goals of a particular program are not subject to evaluation.

Key-words: *tax expenditures, assessment of tax expenditures, tax benefits, government expenditures, methodology for assessing benefits.*

Концепция налоговых расходов представляет собой теоретическое положение, в соответствии с которым, налог имеет базовую структуру и специальные льготы, предоставляемые в виде пониженных ставок, отсрочек, рассрочек и иных освобождений. В теории финансового права существует спорное положение относительно характеристики налоговых расходов, с одной стороны, их характеризуют в качестве недополученных доходов бюджета, с другой стороны, как косвенную форму государственного финансирования определенных категорий налогоплательщиков.

С. Сюррей, разработавший данную концепцию, считает, что налоговыми расходами является часть недополученного дохода бюджета, связанная с положениями законодательства, предоставляющими различные формы налоговых преференций [1, с. 227].

Бюджетным Кодексом РФ налоговые расходы публично-правового образования определяются как выпадающие доходы бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, обусловленные налоговыми льготами, освобождениями и иными преференциями по налогам, сборам, таможенным платежам, страховым взносам на обязательное социальное страхование, предусмотренными в качестве мер государственной (муниципальной) поддержки в соответствии с целями государственных (муниципальных) программ и (или) целями социально-экономической политики публично-правового образования, не относящимися к государственным (муниципальным) программам¹.

В условиях текущей экономической рецессии правительству необходимы новые инструменты, позволяющие увеличить эффективность контроля бюджетных расходов. Оценка налоговых расходов помогает улучшить управление государственными финансами, принимая более широкий взгляд на государственные расходы. Что, в свою очередь, содействует прозрачности бюджетной политики, тем самым снижая коррупционные риски и улучшая деловой климат.

Нормативным актом, устанавливающим российскую методику оценки налоговых расходов, является Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2019 г.)². В соответствии с данными правилами Министерство финансов РФ формирует перечень налоговых расходов и обобщает результаты

¹ См.: Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (в ред. от 29 ноября 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 31, ст. 3823.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 16, ст. 1946.

оценки их эффективности, а кураторы налоговых расходов — ведомства, ответственные за достижение соответствующих налоговому расходу целей, составляют паспорт расходов и производят их непосредственную оценку.

Оценка эффективности налоговых расходов предполагает оценку по критериям целесообразности и результативности. Оценка результативности налоговых расходов Российской Федерации предполагает проведение оценки бюджетной эффективности налоговых расходов, и оценки совокупного бюджетного эффекта. В основе оценки бюджетной эффективности налоговых расходов лежит метод эквивалентных расходов.

Оценка совокупного бюджетного эффекта, предполагает оценку самокупаемости стимулирующих налоговых расходов Российской Федерации. По данному критерию рассчитывается оказанное влияние применяемого налогового расхода на экономическое состояние налогоплательщиков по конкретному налогу, иными словами, оценивается разница между доходами налогоплательщиков до применения налогового расхода и после.

Оценка целесообразности осуществляется путем сверки соответствия направленного воздействия налогового расхода целям государственных программ РФ, социально-экономической политики Российской Федерации, не относящейся к государственным программам, и анализом востребованности налогового расхода среди налогоплательщиков.

Непосредственную оценку по вышеуказанным критериям проводят кураторы налоговых расходов, результаты проведенной оценки включаются в паспорт налогового расхода¹.

Рассматривая оценку по критерию целесообразности, следует более подробно рассмотреть критерий оценки налогового расхода, в соответствии с которым осуществляется анализ соответствия направленного воздействия налогового расхода целям государственных программ РФ. Начиная с 2014 г. Федеральный бюджет сформирован и исполняется в «программном» формате с классификацией расходов по государственным программам и подпрограммам. Государственные программы в данном случае выступают инструментом достижения целей стратегического планирования.

Программно-целевое планирование предполагает постановку конкретных целей и задач, направленных на решение социально-экономических вопросов, определение объема необходимых ресурсов, сроков, источников финансирования, а также контроль исполнения. Государственные целевые программы являются инструментом реализации государственной программно-целевой политики на приоритетных направлениях социально-экономического развития [2, с. 74].

Программная оценка налоговых расходов предполагает выявление прямого либо косвенного соответствия преференций целям социально-экономической политики и целям государственных программ, и их структурным элементам. Востребованность налоговых расходов определяется как процентное соотношение налогоплательщиков, воспользовавшихся льготой, и плательщиков, имеющих право на ее получение. Критерии соответствия государственным программам,

¹ См.: Постановление Правительства РФ от 12 апреля 2019 г. № 439 «Об утверждении Правил формирования перечня налоговых расходов Российской Федерации и оценки налоговых расходов Российской Федерации» (в ред. от 27 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 16, ст. 1946.

а также порог востребованности налоговых расходов определяется кураторами налоговых расходов самостоятельно.

На практике же чаще всего для достижения цели социально-экономической политики применяется совокупность инструментов, к тому же не все виды налоговых расходов подпадают под государственные программы. Налоговые расходы, являясь косвенными расходами бюджета, направлены на долгосрочную перспективу достижения определенных целей политики, вне зависимости от точно направленных программных инструментов.

В мировой практике оценка по критерию соответствия налоговых расходов государственным программам не применяется. В частности, в докладе Организации Экономического Сотрудничества и Развития (ОЭСР) описано исследование, где рабочей группой было проведено анализ практики осуществления оценки налоговых расходов в большинстве стран-участниц. На основании проведенного исследования были выделены обязательные признаки налоговых расходов, признак соответствия налогового расхода целям нефискальной политики был отвергнут, несмотря на его использование в ряде стран [3, с. 15].

В работе Национального контрольно-ревизионного управления Великобритании «Определение, измерение и оценка налоговых расходов и налоговых льгот» имеется вывод, указывающий, что цели политики являются временными из-за воздействия внутренних и внешних факторов. В свою очередь, налоговые расходы должны иметь четко сформулированную долгосрочную цель, не зависящую от временных колебаний. Если цель налогового расхода неясна или происходят кардинальные изменения в государственной политике, и эта цель больше не является ее частью, тогда следует инициировать пересмотр налогового расхода¹, что также указывает на необязательность признака соответствия налогового расхода целям нефискальной политики.

В США в отчете по оценке налоговых расходов, публикуемом Министерством Финансов (Department of the Treasury), меры структурированы по экономическим направлениям: сельское хозяйство, жилищное строительство, природные ресурсы и окружающая среда и другие². Данный подход к классификации налоговых расходов также применяется в Великобритании, Италии, Канаде. Во Франции классификация налоговых расходов осуществляется по видам расходов, по отраслям деятельности, по типам бенефициаров³. В Российской Федерации перечень налоговых расходов структурирован с разделением по основным государственным программам⁴.

Рассматривая критерий оценки соответствия налоговых расходов государственным программам, следует обратиться к признакам налоговых расходов.

¹ См.: Определение, измерение и оценка налоговых расходов и налоговых льгот // Официальный сайт национального контрольно-ревизионного управления Великобритании. URL: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2014/03/TARC-Tax-Expenditures-and-tax-reliefs-technical-paper.pdf> (дата обращения: 02.01.2022).

² См.: Отчет по оценке налоговых расходов // Официальный сайт Министерства Финансов США. URL: <https://home.treasury.gov/system/files/131/Tax-Expenditures-FY2022.pdf> (дата обращения: 02.01.2022).

³ См.: Отчет по оценке налоговых расходов // Официальный сайт Министерства Финансов Франции. URL: https://www.finances.gov.ma/Publication/db/2022/07-%20Rapport%20dépenses%20fiscales_Fr.pdf (дата обращения: 02.01.2022).

⁴ См.: Перечень налоговых расходов Российской Федерации на 2020 год // Официальный сайт Министерства Финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129403-perechen_nalogovykh_raskhodov_rossiiskoi_federatsii_na_2020_god_i_planovyi_period_2021_i_2022_godov (дата обращения: 02.01.2022).

Российскими исследователями, в частности, Т. Малининой, выделяются следующие признаки налоговых расходов:

- 1) приводят к снижению государственных доходов;
- 2) возникают на основании преференциальных положений законодательства, относительно базовой структуры налога;
- 3) содействуют реализации целей не фискальной политики;
- 4) являются косвенной мерой государственной поддержки [4, с. 40].

И.А. Майбуров считает, что последние два признака не являются обязательными, при этом в данный список необходимо включить признак избирательности, означающий, что налоговые расходы являются преференциальными положениями для определенных групп налогоплательщиков [5, с. 74]. Таким образом, научным сообществом признак соответствия налоговых расходов государственным программам также не выделяется.

Оценка налоговых расходов в разрезе соответствия государственным программам является приемлемым критерием, но не основополагающим, поскольку часть налоговых расходов может быть не учтена при оценке, либо не подтверждена их эффективность, ввиду несоответствия государственным программам.

При оценке методологической базы по идентификации налоговых расходов Е.М. Попова и Г.М. Гусейнова справедливо отмечают ограниченность существующего подхода. В качестве примера приводится аргумент, согласно которому государственная программа имеет временный характер действия, следовательно, меры государственной поддержки, предусмотренные программой, в частности, пониженная налоговая ставка, также должны иметь ограниченный срок действия. В данном случае возникает противоречие, поскольку, к примеру, льготная ставка по НДС в 10%, установленная ч. 2 ст. 164 НК РФ, действует с 2001 г. и имеет неограниченный срок действия без привязки к сроку реализации государственной программы. Однако в Реестре налоговых расходов 2015–2017 гг. ставка по НДС в размере 10% относится к государственной программе «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» [6, с. 25].

На практике многие преференции, установленные Налоговым Кодексом РФ, и не попадающие под цели определенных государственных программ не включены в перечень налоговых расходов Российской Федерации на 2020 г. и плановый период 2021 и 2022 гг., который включил 273 налоговых расхода. Перечень включает социальные налоговые расходы по земельному налогу, предусмотренные ч. 1 ст. 395 НК РФ. Но налоговые расходы, закрепленные подп. 1, 2, 4 ч. 1 вышеуказанной статьи не находят своего отражения. В соответствии с данными пунктами от уплаты налога освобождаются учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, религиозные организации, и организации — в отношении земельных участков, занятых государственными автомобильными дорогами общего пользования. Данные преференции обладают всеми обязательными признаками налоговых расходов, при этом их трудно отнести к задачам конкретной государственной программе¹.

¹ См.: Перечень налоговых расходов Российской Федерации на 2020 год // Официальный сайт Министерства Финансов РФ. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129403-perechen_nalogovykh_raskhodov_rossiiskoi_federatsii_na_2020_god_i_planovyi_period_2021_i_2022_godov (дата обращения: 02.01.2022).

Перечень налоговых расходов также частично не учитывает положения ст. 149 НК РФ в части освобождения от налогообложения по налогу на добавленную стоимость при реализации услуг по организации и проведению азартных игр, услуг, оказываемых регистраторами, депозитариями, включая специализированные депозитарии и центральный депозитарий, дилерами, брокерами, управляющими ценными бумагами, управляющими компаниями инвестиционных фондов, паевых инвестиционных фондов и негосударственных пенсионных фондов, клиринговыми организациями, организаторами торговли, репозитариями на основании лицензий на осуществление соответствующих видов деятельности; услуг по предоставлению в пользование жилых помещений в жилищном фонде всех форм собственности; долей в уставном (складочном) капитале организаций и иные.

Перечнем предусматриваются налоговые расходы, в соответствии с которыми налогоплательщиками применяются пониженные тарифы страховых взносов, закрепленные п. 1 ст. 427 НК РФ. Но своего отражения не находят налоговые расходы, в соответствии с которыми пониженные ставки страховых взносов применяют плательщики, производящие выплаты и иные вознаграждения членам экипажей судов, зарегистрированных в Российском международном реестре судов, благотворительные организации на упрощенной системе налогообложения, некоммерческие организации, применяющие упрощенную систему налогообложения и осуществляющие в соответствии с учредительными документами деятельность в области социального обслуживания граждан, научных исследований и разработок, образования, здравоохранения, культуры и искусства, плательщики, получившие статус участника специального административного района, организации, осуществляющие деятельность по проектированию и разработке изделий электронной компонентной базы и электронной (радиоэлектронной) продукции.

Данную проблему также выделяет Д.Ю. Медня, характеризуя классификацию налоговых расходов, закрепленную в методике оценки. Автор указывает, что в ряде субъектов Российской Федерации, среди которых Республика Башкортостан, Забайкальский край, Новосибирская и Костромская области, действуют налоговые льготы по транспортному налогу для собственников транспортных средств, использующих природный газ в качестве моторного топлива. Указанные преференции были введены в 2013–2014 гг. в целях исполнения Распоряжения Правительства Российской Федерации от 13 мая 2013 г. № 767-р «О расширении использования природного газа в качестве моторного топлива». Учитывая, что инициатива предоставления данных преференций берет свое начало из поручений, их эффективность изначально обусловлена факторами, не относящимися к стимулированию экономической активности. Узконаправленные преференции являются специфическими, действуют не во всех регионах и не подпадают под цели государственной программы [7, с. 240].

Т.А. Логинова и Т.И. Семкина, наоборот, отмечают, что при определении налоговой льготы в качестве налогового расхода необходимо рассматривать вопрос о соответствии преференции целям государственной программы. При этом авторы также указывают на проблему не включения налоговых расходов в перечень по налогу на добавленную стоимость, указанных в подп. 3, 4, 17.2, 20 п. 2 ст. 149 НК РФ, а также по транспортному, земельному и налогу на имущество организаций [8, с. 30].

Рассуждая о противоречии в части отнесения конкретных преференций к налоговым расходам следует отметить, что подход, при котором налоговых расход должен соответствовать государственной программе, предполагает оценку преференций с временным характером действия, что существенно сужает перечень налоговых расходов. Безусловно, существующие преференции должны способствовать экономическому развитию, поддержке определенных слоев населения, однако подход, при котором в перечень налоговых расходов будут включены налоговые льготы и иные преференции без определенного срока действия, не может быть основан на оценке расходов по критерию соответствия государственным программам. В текущих реалиях наиболее целесообразным решением будет проведение оценки объема и эффективности всех льготных положений, не относящихся к базовой структуре налогов, вне зависимости от целей государственных программ.

Оценка налоговых расходов в современных реалиях является необходимым институтом финансового права, позволяющим сформировать полноценную картину влияния предоставляемых преференций на экономику. Критерии оценки налоговых расходов предполагают проведение оценки по различным показателям, позволяющим сделать вывод об их эффективности. Оценка налоговых расходов широко применяется международным сообществом, специфика ее проведения зависит в большей степени от национального устройства налоговой системы и имеет множество вариаций. Изучение практики международного сообщества и национальных исследований показало, что признак соответствия налоговых расходов целям государственных программ не является обязательным, оценка по критерию соответствия налоговых расходов не применяется. Изучение национальной практики проведения оценки налоговых расходов позволяет сделать вывод о наличии недочетов при применении критерия соответствия налоговых расходов целям государственных программ, поскольку налоговые расходы, не подпадающие под цели конкретной программы, оценке не подлежат. Таким образом, указанный критерий является избыточным.

Библиографический список

1. *Stanley S. Surrey & Paul R. McDaniel. The Tax Expenditure Concept: Current Developments And Emerging Issues. Boston College Law Review. 1979. Volume 20. Issue 2. 1979. P. 225–355.*
2. *Лукьяненко З.Б., Югова Н.В. Программно-целевой метод в государственном управлении бюджетной сферой // Федеральная политика и управление. 2014. № 2. С. 72–78.*
3. *OECD. Tax Expenditures in OECD Countries. OECD Publishing. Paris. 2010. 242 p.*
4. *Малинина Т. Оценка налоговых льгот и освобождений: зарубежный опыт и российская практика. М.: ИЭПП, 2010. 212 с.*
5. *Майбуров И.А. Оценка налоговых расходов и эффективности налоговых льгот: методология, решения, задачи // Общество и экономика. 2013. № 4. С. 71–91.*
6. *Попова Е.М., Гусейнова Г.М. Совершенствование методологической базы по идентификации налоговых расходов // Финансы и управление. 2020. № 1. С. 23–37.*
7. *Медня Д.Ю. Особенности определения категории налоговых расходов в процессе оценки бюджетной эффективности действующих налоговых льгот субъекта российской федерации // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2021. № 19. С. 2399–2408.*
8. *Логинова Т.А., Семкина Т.И. Налоговые расходы (налоговые льготы): Проблемы налогов на имущество и НДС // Налоги. 2019. № 6. С. 30.*

References

1. *Stanley S. Surrey & Paul R. McDaniel*. The Tax Expenditure Concept: Current Developments And Emerging Issues. *Boston College Law Review*. 1979. Volume 20. Issue 2. 1979. P. 225–355.
2. *Lukyanenko Z.B., Yugova N.V.* Program-Target Method in Public Administration of the Budgetary Sphere // *Federal policy and management*. 2014. No. 2. P. 72–78.
3. OECD. *Tax Expenditures in OECD Countries*. OECD Publishing. Paris. 2010. 242 p.
4. *Malinina T.* Assessment of Tax Benefits and Exemptions: Foreign Experience and Russian Practice. Moscow: IEPP, 2010. 212 p.
5. *Maiburov I.A.* Assessment of Tax Expenditures and Efficiency of Tax Benefits: Methodology, Solutions, Tasks // *Society and Economics*. 2013. No. 4. P. 71–91.
6. *Popova E.M., Huseynova G.M.* Improving the Methodological Base for the Identification of Tax Expenditures // *Finance and Management*. 2020. No. 1. P. 23–37.
7. *Mednya D.Yu.* Features of Determining the Category of Tax Expenditures in the Process of Assessing the Budgetary Effectiveness of Existing Tax Benefits of the Subject of the Russian Federation // *Accounting in Budgetary and Non-Profit Organizations*. 2021. No. 19. P. 2399–2408.
8. *Loginova T.A., Semkina T.I.* Tax Expenditures (Tax Benefits): Problems of Property Taxes and VAT // *Taxes*. 2019. No. 6. P. 30.

ИНЫЕ ОТРАСЛИ ПРАВА

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-279-282

УДК 343.85

Н.Н. Ковалева

СТРУКТУРИРОВАНИЕ ДАННЫХ, ОБРАБАТЫВАЕМЫХ СУБЪЕКТАМИ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ*

***Ведение:** в статье рассмотрены подходы к структуризации данных в федеральных государственных информационных системах субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Российской Федерации (далее — ФГИС), нормативно-правовые акты, которыми устанавливаются виды и категории таких данных, в том числе персональных данных граждан. **Цель:** выявить основные направления структуризации данных во ФГИС. **Методологическая основа:** совокупность общенаучных методов, формально-юридический метод, метод системного анализа. **Результаты:** настоящее исследование имеет возможность практического применения при формировании подходов к разработке ФГИС. **Выводы:** в заключении хотелось бы сказать о необходимости определения внутренней структуры ФГИС и обоснования показателей, обеспечивающих решение задач по автоматизации деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.*

***Ключевые слова:** несовершеннолетние, профилактика безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, комиссии по делам несовершеннолетних и защиты их прав, учет несовершеннолетних, автоматизированные информационные системы.*

N.N. Kovaleva

STRUCTURING OF DATA PROCESSED BY THE SUBJECTS OF THE SYSTEM OF PREVENTION OF CHILD NEGLECT AND JUVENILE DELINQUENCY

***Background:** the article considers approaches to data structuring in the federal state information systems of the subjects of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency of the Russian Federation (hereinafter — FGIS), regulatory*

© Ковалева Наталия Николаевна, 2022

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: kovaleva.natalia@mail.ru

© Kovaleva Natalia Nikolaevna, 2022

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies (Saratov State Law Academy)

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00656.

legal acts, which establish the types and categories of such data, including personal data of citizens. Objective: to identify the main directions of data structuring in the FGIS. Methodology: a set of general scientific methods, formal legal method, method of system analysis. Results: the present study has the potential for practical application in the formation of approaches to the development of FGIS. Conclusions: in conclusion, I would like to say about the need to define the internal structure of FGIS and the justification of indicators to ensure the solution of problems in automating the activities of the subjects of the system of prevention of child neglect and juvenile delinquency.

Key-words: minors, prevention of neglect and juvenile delinquency, commissions on juvenile affairs and protection of their rights, registration of minors, automated information systems.

Одной из важнейших задач совершенствования информационных систем, используемых в настоящее время в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, является задача установления единых протоколов и стандартов взаимодействия различных автоматизированных информационных систем, используемых в государственном управлении.

Потоки данных в деятельности субъектов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних (далее — Система профилактики) возникают в различных группах правоотношений, в силу чего необходимо определение внутренней структуры ФГИС субъектов Системы профилактики и обоснование показателей, обеспечивающих решение задач по координации деятельности субъектов Системы профилактики.

В целях формирования базы данных о несовершеннолетних, их родителях (законных представителях), в отношении которых осуществляют деятельность субъекты Системы профилактики, ФГИС должна содержать следующие разделы: «Несовершеннолетние» — база данных о несовершеннолетних, признанных находящимися в социально опасном положении или проживающих в семьях, признанных таковыми; «Родители, законные представители» — база данных о родителях (законных представителях) несовершеннолетних; «Семьи» — база данных о семьях, признанных находящимися в социально опасном положении.

В Федеральном законе № 152-ФЗ¹ перечислены несколько категорий сведений, отнесенных к персональным данным, которые подразделяются на общие, биометрические и особые. К общим относятся данные о фамилии, имени, отчестве, образовании, месте жительства, занятости и доходе. К биометрическим относятся сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, по которым можно установить его личность. Специальная информация личного типа — данные, которые позволяют полностью охарактеризовать человека (например, раса, убеждения, сведения о состоянии здоровья).

Особенностью существующего регулирования по обеспечению конфиденциальности персональных данных несовершеннолетних является отсутствие минимальных стандартов, кроме общих предписаний возраста согласия и требований для удаления данных. Это особенно проблематично в связи с тем, что обеспечение конфиденциальности посредством анонимизации и агрегирования сомнительно [1]. Предоставление данных в агрегированной форме не исключает возможности их деанонимизации или дезагрегирования [2; 3].

¹ См.: Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 14 июля 2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. I), ст. 3451.

Возможность деанонимизации и дезагрегирования сведений о несовершеннолетних может оказывать негативное влияние на них на протяжении всей жизни, создавая сложности при получении образования, трудоустройстве и использовании финансовых сервисов, повышая риски дискриминации. По мере развития технологий и сбора, коммерциализации, анализа и применения большего объема данных будут увеличиваться и риски неправомерного использования этих данных.

Сведения о наличии инвалидности, наблюдении у психиатра и (или) нарколога относятся к специальной категории данных в соответствии со статьей 10 Федерального закона № 152-ФЗ, при несанкционированном использовании которых могут возникать неблагоприятные последствия для субъектов этих данных [4]. К основаниям обработки рассматриваемых данных (применительно ко ФГИС) относится предоставление субъектом персональных данных соответствующего согласия в письменной форме, соблюдение при обработке этих данных запретов и условий, установленных законодательством.

Цели создания ФГИС не должны ограничиваться списком функциональных возможностей системы, указанием на сферу ее использования, перечнем обрабатываемой информации. Возможны различные категории пользователей с различным правовым статусом и доступом к информации. Применительно к специальным категориям персональных данных представляется необходимым дифференцировать права пользователей на доступ к хранимой информации через характеристики самих сведений.

При определении правового статуса пользователей необходимо учитывать использование ФГИС для решения конкретных задач. То есть цели создания системы должны быть взаимно обусловлены правовым статусом пользователей и целями обработки данных. Учитывая особенности информации ограниченного доступа в виде специальных категорий персональных данных, а также то, что ФГИС будут содержать различные виды информации, представляется необходимым произвести четкую категоризацию всей информации и категоризацию пользователей такой информации, установить, каким пользователям и на каких условиях предоставляются сведения, относящиеся к персональным данным рассматриваемой направленности.

На этом основании представляется необходимым обосновать в соответствии с целями функционирования информационной системы цели обработки рассматриваемых категорий персональных данных. Рассматривая необходимость учета вышеперечисленных принципов, требуется провести анализ смежных автоматизированных информационных систем для определения возможности выгрузки данных из них во ФГИС. Особое значение при разработке ФГИС имеет обеспечение возможности фильтрации по основаниям, указанным в п. 1 ст. 5 Федерального закона № 120-ФЗ¹.

С учетом вышеуказанных факторов целесообразно провести работы по созданию единой информационной системы, построенной на принципах использования отечественного программного обеспечения и гибкой настройки функциональных возможностей работы отдельных пользователей, структурирование которой будет происходить с учетом описанных выше особенностей информационных ресурсов, используемых в работе органов Системы профилактики.

¹ См.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (в ред. от 24 апреля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 26, ст. 3177; 2022. № 29 (ч. II), ст. 5229.

Библиографический список

1. *Boyd D., and Crawford K.* Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // *Information, Communication & Society*. 2012. № 15. P. 662–679.
2. *Howard A.* “Open Government Experts Raise Concerns about ‘Mosaic Effect’ in Open Data Policy” // *E Pluribus Unum*. 2013. May 20. 37 p.
3. *Boyd D.* Taken out of Context: American Teen Sociality in Networked Publics. PhD Ph.D. diss. ... University of California, Berkeley. 2008. 393 p.
4. *Зайкова С.Н., Архипова Е.С.* Правовые основы взаимодействия уполномоченных органов по проведению профилактической работы с несовершеннолетними, употребляющими наркотические средства без назначения врача // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2022. № 5 (148). С. 132–141.

References

1. *Boyd D., and Crawford K.* Critical Questions for Big Data: Provocations for a Cultural, Technological, and Scholarly Phenomenon // *Information, Communication & Society*. 2012. № 15. P. 662–679.
2. *Howard A.* “Open Government Experts Raise Concerns about ‘Mosaic Effect’ in Open Data Policy” // *E Pluribus Unum*. 2013. May 20. 37 p.
3. *Boyd D.* Taken out of Context: American Teen Sociality in Networked Publics. PhD Ph.D. diss. ... University of California, Berkeley. 2008. 393 p.
4. *Zaikova S.N., Arkhipova E.S.* Legal Bases of Interaction of Authorized Bodies for Carrying out Preventive Work with Minors Who Use Narcotic Drugs Without a Doctor’s Appointment//*Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2022. No. 5 (148). P. 132–141.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-283-288

УДК 004

Л.Н. Бокова

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНТЕГРИРОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ И ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС

Введение: применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий позволяет решить вопрос с доступностью и в способствует реализации права на образование, но для интегрирования их в современный образовательный процесс необходимо создать условия и внести изменения в некоторые нормативно-правовые акты. **Цель:** оценить организационно-правовое обеспечение доступности и качества образования, проанализировать понятие «дистанционное обучение», рассмотреть организационно-правовые составляющие электронного обучения и дистанционных образовательных технологий в образовании, сформулировать предложения по законодательным изменениям, которые будут способствовать интеграции ЭО и ДОТ в образовательный процесс. **Методологическая основа:** в рамках исследования использовались общенаучные и эмпирические методы, анализ норм действующего законодательства. **Результаты:** аргументирована авторская позиция относительно создания необходимых нормативных изменений для полноценного интегрирования ЭО и ДОТ в образовательный процесс, выделены основные тенденции поддержки развития востребованных технологий на отечественном рынке, обеспечивающие успешное развитие и применения ЭО и ДОТ. **Выводы:** подчеркнута важность государственной политики по стимулированию развития новых информационных технологий, в том числе отечественных, как фактора конкурентоспособности национального образования.

Ключевые слова: электронное обучение, единое информационное образовательное пространство, цифровые образовательные ресурсы (ЦОР), ЭОР (электронные образовательные ресурсы).

L.N. Bokova

ORGANIZATIONAL AND LEGAL ASPECTS OF INTEGRATING E-LEARNING AND DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES IN THE EDUCATIONAL PROCESS

Background: the use of e-learning and distance learning technologies in education makes it possible to solve the issue of accessibility of education and fully contribute to the realization of the right to education, but in order to integrate them into the modern educational process, it is necessary to create conditions and make changes to some regulatory legal acts. **Objective:** to assess the organizational and legal provision of accessibility and quality of education, analyze the concept of “distance learning”, consider the organizational and legal components of e-learning and distance learning

© Бокова Людмила Николаевна, 2022
Проректор по профессиональному образованию (Московский государственный областной университет (МГОУ)); e-mail: LN.Bokova@mgou.ru
© Bokova Lyudmila Nikolaevna, 2022
Vice-Rector for Professional Education (Moscow State Regional University (MSOU))

technologies in education, formulate proposals for legislative changes that would facilitate the integration of e-learning and DOT in the educational process. Methodology: in the framework of the study general scientific and empirical methods, analysis of the norms of the current legislation were used. Results: the author's position on the creation of necessary regulatory changes for the full integration of e-Learning and DOT in the educational process is argued, the main trends in supporting the development of in-demand technologies in the domestic market, ensuring the successful development and application of e-Learning and DOT are highlighted. Conclusions: the importance of state policy to stimulate the development of new information technologies, including domestic ones, as a factor of competitiveness of national education is emphasized.

Key-words: *e-learning, unified information educational space, digital educational resources (CSR), EOR (electronic educational resources).*

Многими исследователями отмечается, что в настоящее время в России около полумиллиона государственных и муниципальных служащих нуждаются в переподготовке, и с помощью как раз традиционных технологий проблема решена быть не может [1].

Вопрос удовлетворения потребности органов власти в высококвалифицированных специалистах чрезвычайно важен и требует скорейшего разрешения, учитывая динамику развития законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе, и стоящие перед государством и обществом неотложные задачи.

К этому стоит добавить сокращение расходов из федерального бюджета, предусматривающих финансирование бюджетных мест и заметную динамику увеличения количества мест на платной основе по целому ряду важных направлений.

Чрезвычайно затруднена реализация права на образование детей школьного возраста, проживающих в отдаленных сельских районах. В условиях, когда идет закрытие школ по причине их малокомплектности, на смену школе приходит Интернет и благодаря его доступности, он превращается в эффективный альтернативный инструмент для получения образования. Попытки решения названной выше проблемы, в частности, посредством введения ЕГЭ, положительно сказываются на мобильности обучающихся, но не устраняют потребности доступа к качественной образовательной среде.

Не секрет, что объем школьной программы несколько меньше, чем уровень знаний, требуемый от абитуриента для успешной сдачи Единого государственного экзамена. Налицо, таким образом, потребность в устранении информационного пробела.

Применение информационных технологий влияет и на решение вопросов материального характера.

Материальные аспекты очень важны не только для школьного образования — новые образовательные технологии позволяют беречь ресурсы при обучении самых разных категорий.

В рассматриваемом случае вопрос может быть достаточно успешно решен, в том числе, с применением новых информационных образовательных технологий и систем, влекущих серьезное снижение стоимости обучения без снижения его качества, разумеется, при разумном подходе.

В этом контексте огромным преимуществом электронного обучения и дистанционных образовательных технологий перед традиционными формами яв-

ляется гибкость и способность оперативно учитывать меняющиеся требования к содержанию образовательных программ.

Отсутствие непосредственного контакта между учеником и учителем, на первый взгляд, является достаточно весомым недостатком процесса дистанционного обучения, но современные технологии вполне в состоянии в большинстве случаев предоставить указанным субъектам возможность общения в реальном времени.

Безусловно, нельзя игнорировать тот факт, что в современном «виртуальном образовательном пространстве», по выражению Л.А. Деминой, «можно найти что угодно, но если это плавание „без руля и ветрил”, то эффект такого поиска и такого плавания будет почти что нулевой» [2].

При успешном преодолении сложностей организационного и технического характера, которые могут возникать в процессе реализации модели электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, внутренняя структурированность такого обучения позволяет поэтапно осуществлять его для разных образовательных программ.

Данная проблематика поднималась в работах многих известных ученых. Но отдельные работы представляют собой ценные в научном плане сравнительно-правовые исследования российского и зарубежного законодательства в данной сфере. Среди них можно выделить работу Т.А. Поляковой, в которой исследуются особенности информационных правоотношений при построении информационного общества и С.О. Сухотина, проводившего углубленное исследование на эту тему в своей диссертационной работе «Организационно-правовые основы использования информационных технологий в образовательной сфере» [3].

Однако следует, опираясь на анализ действующих норм, обратить внимание на некоторые термины и конкретизировать их понимание.

Так, п. 2 Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ¹ устанавливает, что такое применение допустимо при проведении учебных занятий, практик, текущего контроля успеваемости, промежуточной, итоговой и (или) государственной итоговой аттестации обучающихся.

Следовательно, стоит отметить, что понятия «дистанционное образование» и «дистанционное обучение» — не тождественны и «дистанционное обучение» может рассматриваться как составная часть традиционного образовательного процесса [4; 5].

Такой подход вполне обоснован, поскольку в современных условиях переход полностью на дистанционное образование вряд ли осуществим.

Учитывая то, что главный критерий эффективности образования — это востребованность государства и общества в соответствующем специалисте, при наличии у лица должной мотивации и стремления к получению знаний с применением дистанционных технологий, такой критерий вполне заслуживает право на существование.

Более того, достаточно простым видится и поддержание таким специалистом своего образовательного уровня.

¹ См.: Приказ Минобрнауки России от 9 января 2014 г. № 2 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Если рассматривать организационно-правовые составляющие электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, то следует отметить, что существуют сложные информационные процессы, такие, как: использование, группировка, распространение, сортировка, кодирование, шифрование, обработка сообщений и другие.

Технология операций с текстами, графикой, презентациями, числовыми, мультимедийными и другими данными с помощью компьютеров называется информационной технологией. Другими словами, информационные технологии описывают особенности реализации информационных процессов с помощью компьютерных технологий.

Цель информационных технологий — создание и обработка информационных ресурсов, которые включают программы, документы, графику, аудио- и видеоданные, веб-страницы и т.д. Для реализации отдельных сложных информационных технологий создаются информационные системы. Набор взаимосвязанных элементов, предназначенный для реализации информационных процессов, называется информационной системой.

В настоящее время в рамках реализации Федерального проекта «Цифровая образовательная среда» национального проекта «Образование» достигнуты существенные результаты по формированию материально-технической базы образовательных организаций.

Однако текущие информационные системы обладают значительными недостатками, в частности, большая часть текущих информационных систем обладают децентрализованной архитектурой, имеет зависимость от иностранного программного обеспечения и дублируют функциональные возможности друг друга.

Одновременно в Российской Федерации назрела необходимость адаптации сферы образования к новым цифровым реалиям с учетом возможностей цифровых технологий, лучших мировых и отечественных практик государственного управления.

И, прежде всего, необходимо систематизировать электронные образовательные ресурсы посредством создания системы управления, чтобы обеспечить формирование единого пространства для взаимодействия всех заинтересованных сторон.

Дополнительную актуальность задаче цифровой трансформации сферы образования придает государственная политика о необходимости применять современные технологии в образовательном процессе, обозначенная в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 г.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 одним из целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей к 2030 г. в рамках национальной цели «Цифровая трансформация», является достижение «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы. Также необходимо подчеркнуть, что с 1 января 2023 г. должны быть подготовлены законодательные изменения об исключительном применении государственных информационных систем (ресурсов) при реализации основных общеобразовательных программ и образовательных программ среднего профессионального образования с использованием электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, сопряженных с обработкой персо-

нальных данных обучающихся, как следует из перечня поручений Президента РФ В.В. Путина по итогам заседания Президиума Государственного Совета¹.

Безусловно, потребуется внесение изменений в действующие акты.

Так, необходимо разграничить такие понятия как «информационный сервис» и «информационные ресурсы», применяемые в системе образования. В настоящее время используется наиболее общий термин — электронные образовательные ресурсы (ЭОР). Под этим термином понимаются средства обучения, которые разработаны и реализуются на базе компьютерных технологий. Современные технологии обладают новыми возможностями для обработки и записи информации, в том числе созданные и функционирующие на базе цифровых технологий.

Таким образом, современные цифровые образовательные ресурсы (ЦОР) являются частным случаем ЭОРов.

Целесообразно нормативно уточнить перечень информационных сервисов и информационных ресурсов, которые направлены на решение образовательных задач за счет интерактивности и создают возможность использования цифровых образовательных технологий, а лицензионные требования должны предусматривать возможность создания образовательных организаций, изначально ориентированных на реализацию образовательных программ с применением исключительно ЭО, и ДОТ.

Должен применяться специальный набор показателей аккредитационной экспертизы для образовательных программ, которые в полном объеме или отдельные части которых реализуются исключительно с применением ЭО, ДОТ. Набор показателей должен исключать применение требований, которые не имеют значения при реализации программы с применением ЭО, ДОТ (в частности, площадь помещений в расчете на одного обучающегося, наличие пунктов питания и медицинской помощи и т.п.), но должен предусматривать ряд требований, которые обеспечивают функционирование информационных технологий и систем для реализации процесса электронного обучения и подтверждают качество реализации подобного учебного процесса.

Необходимо формирование рекомендаций по реализации идентификации абитуриентов и обучающихся с применением современных информационных технологий и систем. Помимо личного предъявления документов, в качестве таких процедур могут быть предусмотрены технологии, использующие веб-камеры, «электронный почерк», биометрию и т.п.

Электронное обучение, обеспечивающее фиксирование образовательных достижений обучающихся, способно обеспечить новый уровень прозрачности образовательного процесса и достоверности документов об образовании. Формирование рекомендаций для образовательных организаций по созданию, хранению и обеспечению доступа к электронным портфолио обучающихся может обеспечить рост общего уровня доверия к результатам электронного обучения, а также способствовать развитию академической мобильности.

Должна быть предусмотрена возможность привлечения тьюторов и особенности организации обучения с применением ЭО, ДОТ в части соотношения количества педагогических работников и студентов.

Трудовое законодательство разрешает прием на работу сотрудников для последующей дистанционной работы, однако не решен вопрос относительно получения виз с разрешением на работу.

¹URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/66780> (дата обращения: 17.11.2022).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. Право на образование и получение образования требует уточнения в части условий для их получения в цифровом образовательном пространстве и цифровой образовательной среде. Федеральные законы не содержат необходимых понятий и терминов, наполненных «цифровым» содержанием.

2. В современный период образовательные организации используют потенциал электронного обучения, а также необходимые платформы и сервисы, но требуется закрепления таких механизмов в смежных федеральных законах.

3. Единое информационное образовательное пространство требует нормативного регулирования в полном объеме с учетом интересов всех участников образовательных отношений, их взаимодействия в единой информационной среде, обеспечения защиты их прав с целью исключения злоупотребления такими правами со стороны недобросовестных иных участников образовательной среды, не являющимися субъектами образовательного права. Все это позволит обеспечить благоприятный правовой режим образовательной деятельности и комфортные условия для получения образования с учетом развития ЭО и ДОТ.

4. Отечественный рынок информационных услуг, с одной стороны, имеет в наличие небольшого количества информационных кампаний, способных предоставлять квалифицированные информационные услуги, а с другой — существует стремительный рост и дифференцированный спрос на информацию, в том числе образовательный контент, необходимый для реализации электронного обучения, что является фактором роста рынка информационной инфраструктуры.

Библиографический список

1. *Сухотин С.О., Белявский А.А.* Организационно-правовое обеспечение электронного обучения с использованием дистанционных образовательных технологий // Информационное право. 2013. № 3. С. 29–30.

2. *Демина Л.А.* Духовные императивы профессионализма в свете вызовов информационного общества // Юридическое образование и наука. 2014. № 3. С. 17–21.

3. *Сухотин С.О.* Организационно-правовые основы использования информационных технологий в образовательной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 22 с.

4. *Гинзбург И.В., Трошкина Т.Н.* Дистанционное образование в Российской Федерации: понятие и вопросы правового регулирования // Реформы и право. 2013. № 2. С. 50–56.

5. *Пронина Е.Н., Леванов В.М.* Вопросы правового регулирования дистанционного образования в медицинских вузах // Медицинское право. 2014. № 4. С. 52–56.

References

1. *Sukhotin S.O., Belyavsky A.A.* Organizational and Legal Support of E-learning Using Distance Learning Technologies // Information law. 2013. No. 3. P. 29–30.

2. *Demina L.A.* Spiritual Imperatives of Professionalism in the Light of Challenges of the Information Society // Legal education and science. 2014. No. 3. P. 17–21.

3. *Sukhotin S.O.* Organizational and legal bases of the use of information technologies in the educational sphere: abstract of the dissertation ... cand. jurid. M., 2014. 22 p.

4. *Ginzburg I.V., Troshkina T.N.* Distance Education in the Russian Federation: the Concept and Issues of Legal Regulation // Reforms and law. 2013. No. 2. P. 50–56.

5. *Pronina E.N., Levanov V.M.* Issues of Legal Regulation of Distance Education in Medical Universities // Medical law. 2014. No. 4. P. 52–56.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-289-297

УДК 343.231

В.А. Зоз, А.С. Лагуточкина

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕТЕВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Введение: в статье раскрывается вопрос о правовом генезисе проблем связанных с преступностью несовершеннолетних, которые используют в своей повседневной, в том числе, и преступной деятельности современные средства телекоммуникаций и Интернет. **Цель:** комплексное изучение рассматриваемой темы, проанализированы мнения ученых относительно понимания сущности правового регулирования сетевой безопасности цифровой среды, его цели и задачи. Акцентировано внимание на значимости противодействия преступлениям совершаемым в отношении детей с использованием цифрового пространства сети Интернет. **Методологическая основа:** ее основу составляют теоретические и эмпирические методы исследования. **Результаты:** выяснено, что сегодня современная информационная сфера представлена возникновением и распространением информационно-телекоммуникационной сети Интернет, который является наиболее удобным и оперативным средством поиска, формирования, распространения и использования информации. Подростки используют Интернет реализуя свои потребности: в социальном внимании, как средство заработка и отвлечения от повседневности проблем. **Выводы:** эффективность деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности несовершеннолетних зависит от ряда факторов, в том числе, от совершенствования, действующего законодательства в части обеспечения цифровой безопасности детства.

Ключевые слова: оперативные подразделения органов внутренних дел, конституция, несовершеннолетние, правоохранительная деятельность, Интернет, социальная сеть.

© Зоз Владимир Александрович, 2022

Старший преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники, подполковник полиции (Крымский филиал Краснодарского университета МВД России); e-mail: spec13_47@mail.ru

© Лагуточкина Анастасия Сергеевна, 2022

Оперуполномоченный отдела уголовного розыска отдела полиции № 1 «Железнодорожный», старший лейтенант полиции (УМВД России по г. Симферополю); e-mail: lady.ana2014@yandex.ru

© Zoz Vladimir Aleksandrovich, 2022

Senior Lecturer of the Department of Investigative Activity and Special Technology, Lieutenant Colonel of Police (Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

© Lagutochkina Anastasia Sergeevna, 2022

Criminal Investigation Officer of Police Department No. 1 "Zheleznodorozhny", Senior Lieutenant of Police (Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Simferopol)

V.A. Zoz, A.S. Lagutochkina

ON CERTAIN DIRECTIONS OF LEGAL REGULATION
OF NETWORK SECURITY OF THE DIGITAL ENVIRONMENT
IN THE CONTEXT OF COUNTERING JUVENILE DELINQUENCY

Background: the article reveals the question of the legal genesis of the problems associated with juvenile delinquency, which modern means of telecommunications and the Internet use in their daily, including criminal activity. **Objective:** a comprehensive study of the topic under consideration, analyzed the opinions of scientists regarding the understanding of the essence of the legal regulation of network security of the digital environment, its goals and objectives. Attention is focused on the importance of combating crimes committed against children using the digital space of the Internet. **Methodology:** It is based on theoretical and empirical research methods. **Results:** it was found that today the modern information sphere is represented by the emergence and spread of information and telecommunication network Internet, which is the most convenient and rapid means of finding, forming, distributing and using information. Teenagers use the Internet to realize their needs: in social attention, as a means of earning money and distraction from everyday problems. **Conclusions:** the effectiveness of law enforcement agencies in combating juvenile delinquency depends on a number of factors, including the improvement of existing legislation to ensure the digital security of children.

Key-words: operational units of internal affairs bodies, constitution, minors, law enforcement, Internet, social network.

Специфика подросткового интереса к открытым социальным сетям, а также подверженность детской психики влиянию разнообразного контента выступают благоприятной почвой для роста преступности в социальных сетях и принимают особую форму девиации, пока не получившей глубокого и всестороннего изучения. В частности, доказано, что 69% среднестатистических подростков от 13 до 18 лет проводят в социальных сетях более 5 часов в день, обновляя информацию каждые полчаса. Уточним, что таким образом несовершеннолетние не только становятся жертвами преступников, но и могут сами совершать противоправные деяния.

В частности, согласно статистике, активными пользователями отечественного сегмента сети Интернет в 2021 г. стали более 88 млн граждан, то есть 72% населения страны, а среди несовершеннолетних — от 95 до 100% в зависимости от возрастных категорий¹.

Таким образом, становится очевидным, что дети и подростки составляют основную часть пользователей Интернет-пространства, и не случайно. Интернет сегодня представляет из себя наиболее прогрессивную образовательную и культурную платформу. Научно-исследовательские и художественные организации всероссийского и международного уровня открывают виртуальный мир, предоставляя детям и подросткам широкий спектр возможностей для самореализации и последующей социализации в обществе, раскрытия потенциала в области образования. Широкий простор для выражения индивидуальности, развитие и совершенствование образовательных платформ, преодоление традиционных

¹ См.: WebCanape. URL: statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/ (дата обращения: 01.02.2022).

географических барьеров для виртуальной коммуникации — основные причины возрастания количества несовершеннолетних пользователей Интернет-ресурсов.

Однако позитивные моменты, связанные с возникновением и последующим распространением возможностей Интернет-ресурсов для детей и подростков, одновременно порождают современные угрозы в сфере безопасности несовершеннолетних в виртуальном пространстве. Исследование содержимого информационного пространства глобальной сети невольно приводит к выводу о том, что Интернет имеет двойственный характер: с одной стороны, с созданием и распространением сети у населения планеты появились колоссальные возможности по обеспечению информационного обмена, а с другой — появились проблемы, связанные с распространением информации, оказывающей криминогенное влияние на несовершеннолетних пользователей.

Так, результаты исследований интернет-угроз Лаборатории Касперского позволили сделать вывод о том, что на сегодняшний день Россия является одной из лидеров антирейтинга по доле опасного контента в сети. Специалисты утверждают, что значительная часть угроз для детей и подростков содержится на сайтах «для взрослых», онлайн-казино и сайтах, содержащих информацию об оружии¹.

Однако негативное содержание вышеуказанных Интернет-ресурсов — не единственная угроза, преследуемая молодое поколение. Основная проблематика, в первую очередь, заключается в открытых возможностях трансграничного оборота информации, активно используемого для достижения криминальных и иных антиобщественных целей, направленных на самую незащищенную аудиторию — детей и подростков.

В представленной ситуации невольно встает вопрос о формировании методов и способов регулирования сети и ее использования несовершеннолетними. Осуществление политики в области безопасности несовершеннолетних в сети — приоритетное направление не только для Российской Федерации, но и для всех динамично развивающихся и развитых стран.

Исследование практики международных государств позволяет выделить на сегодняшний день три возможных способа само- и саморегулирования отношений, возникающих в Интернет-пространстве:

Государственный (заключается в выработке официально-правовых механизмов, имеющих властный характер и направленных на регулирование пользователей Интернет-пространства);

Саморегулирование, применяемое в странах с наиболее высокой «цифровой культурой» пользователей (в данном случае регулирование процессов, возникающих в области использования глобальной сетью, осуществляется опытными Интернет-провайдерами, контент-провайдерами и непосредственно пользователями);

Комплексный (механизм, основанный на системном регулировании отношений, возникающих в сети путем объединения государственного способа и саморегулирования).

Из представленных вариантов регулирования информационного потребления в отечественной практике закрепился комплексный. Таким образом, обеспечение информационной безопасности детей и подростков в современной России

¹ См.: Отчет Лаборатории Касперского 2019: «Чем интересуются дети в сети?». URL: <https://www.kaspersky.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).

реализуется путем взаимоувязанных нормативных, организационных, оперативно-разыскных, информационно-аналитических и иных средств, которые направлены на прогнозирование, обнаружение, сдерживание, предотвращение, отражение информационных угроз и ликвидацию последствий их проявления.

Отметим, что основополагающей мерой, направленной на регулирование несовершеннолетних пользователей глобальной сети, является создание устойчивого правового пространства, являющегося базисом всех отношений, возникающих в области обеспечения безопасного информационного потребления.

В рамках исследования вопроса о правовом регулировании процесса использования Интернет-пространства нами будет использован концептуальный аспект термина «безопасность несовершеннолетних», который рассматривается специалистами как «совокупность условий и факторов, обеспечивающих жизнедеятельность и устойчивое развитие молодого поколения, способного противостоять социальным и индивидуальным угрозам окружающей среды, целенаправленно реализуя свои основные социальные функции, как ресурс и потенциал общества» [1].

Итак, основным нормативным правовым актом, устанавливающим защиту несовершеннолетних в качестве приоритетного направления, является Конституция Российской Федерации, которая устанавливает в ст. 38 следующее положение: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства», а также «забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей»¹.

Руководствуясь данным положением, можно прийти к выводу о том, что в обязанность родителей несовершеннолетних детей и подростков в том числе входит координация их деятельности в Интернет-пространстве.

В частности, в докладе «Детский Рунет — 2019»², подготовленный Институтом исследования Интернета под эгидой Минкомсвязи РФ, были представлены цифры, свидетельствующие о степени родительского контроля за несовершеннолетними пользователями Интернет-пространства. Благодаря исследованию удалось выяснить, что в среднем 80% родителей осуществляют мониторинг активности детей в Интернет-пространстве. Согласно информационным данным, 90% родителей детей в возрасте менее семи лет следят за их действиями в сети, в возрастной группе 8–10 лет этот процент ниже — 87%, 11–13 лет — 81,6%, 14–17 лет — 60,8%.

Среди наиболее популярных механизмов ограничения информационного потребления несовершеннолетними родители назвали запрет пользоваться интернетом (17%), ограничение по времени (11%) и программы родительского контроля (9%). Беседами и убеждениями пытаются повлиять на своих детей в 7% случаев, а установкой паролей лишь в 2%. Лишь 5% родителей вовсе не слышали о такой проблеме.

На сегодняшний день наиболее популярным способом обеспечения родительского контроля являются специализированные программы, позволяющие ограничить доступ ребенка к некачественным приложениям, сайтам и негативной информации, а также регулировать время, на протяжении которого несовершен-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² См.: Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. URL: <https://digital.gov.ru/ru/> (дата обращения: 01.02.2022).

нолетний может осуществлять деятельность в сети. В частности, большинство родителей, согласно исследованию, на сегодняшний день доверяет специальному продукту для детской безопасности в сети, разработанному «Лабораторией Касперского» — Kaspersky Safe Kids.

Таким образом, мы видим положительную динамику мониторинга за безопасностью детей и подростков в сети.

Однако уточним, что при условии успешного контроля за использованием несовершеннолетними глобальной сети со стороны родителей, необходимость государственного регулирования не была бы настолько актуальной. Процессы, связанные с влиянием негативной информации или воздействием преступных элементов на несовершеннолетних крайне сложно отследить и своевременно ликвидировать.

В частности, советское и Российское информационное сообщество федерального уровня ТАСС поставило под сомнение эффективность мониторинга пользования Интернет-контента несовершеннолетними со стороны родителей, ведь осуществило социологический опрос детей и подростков с целью выяснить, с какими угрозами сталкивались несовершеннолетние респонденты. Согласно социологическому опросу удалось выяснить, что 34% несовершеннолетних сталкивались в порнографическом контентом, 26% — с кражей аккаунтов; 18% — с вирусами; 12% совершали случайные покупки; остальные 10% сталкивались с навязчивыми попытками знакомства со стороны взрослых незнакомцев, спамом различного характера и иными угрозами¹. Становится очевидным, что каждый из несовершеннолетних пользователей Интернет-ресурсами в процессе информационного обмена как минимум несколько раз сталкивался с неблагоприятными угрозами.

Именно поэтому контроль за обеспечением защиты несовершеннолетних в сети Интернет возлагается на государство, в соответствии с приведенной выше статьей Конституции РФ.

Отметим, что в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646, подчеркивается, что в современном мире происходят процессы усиления влияния на представителей молодого поколения негативной информации, в результате чего национальные нравственные ценности размываются².

Таким образом, в нормативном правовом акте подчеркивается, что в современных условиях расширения информационного пространства именно молодежь в возрасте до 18 лет в настоящее время нуждается в особой государственной защите.

Для реализации заданного курса необходимо, прежде всего, формулирование основных положений в сфере информационной безопасности детей и подростков. Официальные теоретические положения на сегодняшний день представлены в специальном Федеральном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ³. В частности,

¹ См.: Официальный сайт Российского информационного агентства ТАСС — Статистика. URL: <https://tass.ru/tag/statistika> (дата обращения: 01.02.2022).

² См.: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 50, ст. 7074.

³ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 48.

в указанном нормативном акте раскрыто понятие «информационная безопасность детей», которая представляет из себя «состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью и (или) физическому, психическому, духовному, нравственному развитию».

Кроме того, перспективной, на наш взгляд, является поправка в ч. 1 и ч. 5 ст. 15, определившая перечень информации, распространение которой в России находится под запретом. Указанная поправка также ввела Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты, содержащие запрещенную информацию, в целях ограничения доступа к ним.

В ч. 1 ст. 5 указанного нормативного акта содержится исчерпывающий перечень информации, причиняющий вред и ущерб здоровью несовершеннолетних и, следовательно, запрещенный к обороту в сети. Его список постоянно обновляется, а статья претерпевает редакции. В частности, в список такой информации были включены данные, побуждающие детей к совершению суицида; информация, оправдывающая жестокое обращение к людям и животным. Однако, по нашему мнению, законодательный акт в данной части содержит существенный пробел и не отвечает новым угрозам, содержащимся в глобальной сети Интернет.

Итак, психологические особенности несовершеннолетних определяются склонностью к самовыражению, достигаемому различными способами. Сегодня самореализация детей и подростков достигается пропагандой и романтизацией различных субкультур, которые характеризуются разветвленной сетевой структурой с высоким уровнем Интернет-координации. Примером подобной организации, основной костяк которой образуют несовершеннолетние, может случить движение АУЕ — «Арестантское уголовное единство» (в 2020 г. насчитывало 34 тыс. приверженцев из 40 регионов России¹), содержанием которой является пропаганда и романтизация криминального мира среди детей и подростков. Угроза, исходящая от данного движения скрыта в вовлечении несовершеннолетних в преступный мир — подражая арестантскому укладу, дети и подростки зачастую начинают вести соответствующий образ жизни [2].

По данным СМИ, в период с 2017 по 2020 гг. по всей России сотрудники органов внутренних дел и спецслужб пресекли деятельность более 30 группировок АУЕ. Было выявлено свыше 4,2 тыс. сетевых сообществ АУЕ-тематики, в которых числилось 13,25 млн пользователей². В 2020 г. Верховный суд России вынес постановление, запрещающее деятельность АУЕ, признав его организацией экстремистской направленности³.

Однако отметим, что на сегодняшний день поток информации «ауешного» характера не прекращается в социальных сетях. Следовательно, можно прийти к выводу о низкой степени организации контроля за подобными преступными проявлениями.

¹ См.: Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ — Противдействие экстремизму и терроризму. URL: <https://мвд.рф/news/rubric/12/> (дата обращения: 01.02.2022).

² См.: Официальный сайт Российского информационного агентства ТАСС — Деятельность правоохранительных органов в 2017–2020 гг. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9219115> (дата обращения: 01.02.2022).

³ См.: Официальный сайт Верховного суда РФ — Документы. URL: <https://www.vsrif.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).

К иным подобным организациям, продвигающим моду неформальных преступных группировок, являются организации «поясни за шмот» (агрессия к каждому, кто одевается «неподобающим» для приверженцев группы образом); «фашисты» (название говорит само за себя); «около футбола» или «футбольные хулиганы» (еще одна группа, романтизирующая жестокость преступного мира, оправдывая противоправные деяния футбольными пристрастиями) и многие другие.

Таким образом, перечисленные нами криминальные субкультуры, активно продвигаемые в глобальной сети и создающие опасность не только для подростков, но и для мирного населения — бич на теле общества. Отметим, что, несмотря на запрет движения АУЕ, иные нормативные акты (в частности, уже упомянутый нами Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»¹) не закрепляют запрет на его продвижение и распространение в сфере обмена информации. Не регламентируют они запрет на иные подобные и активно развивающиеся организации, что, по нашему мнению, является весомым упущением в рамках правотворческой деятельности, требующей немедленного решения.

Далее отметим, что в содержании вышеуказанного нормативного акта существует еще один существенный пробел, не позволяющий осуществить профилактику новой онлайн-угрозы, связанной с совершением преступлений в отношении несовершеннолетних в онлайн-играх. Итак, 1 июня 2020 г. в Следственном комитете Российской Федерации заявили о новой угрозе современности — об «увеличении рисков, исходящих от популярных онлайн-игр»².

Основные риски связаны с присутствием элементов насилия и жестокости в онлайн-играх, которые значительным образом влияют на психику детей и подростков. В частности, еще в середине прошлого века в США были проведены обширные исследования влияния онлайн-игр на детей; было доказано, что несовершеннолетние зачастую копируют увиденное и используют это при общении с ровесниками [3].

Вторая угроза связана с вовлечением детей и подростков в действия сексуального характера посредством популярных онлайн-игр. Факт был доказан неравнодушными специалистами информационного портала Live.ru, которые провели исследование посредством создания фейковых аккаунтов несовершеннолетних с их последующим внедрением в популярные Интернет-игры: «Аватария», «The Sims», «Мой мир». Главная задача персонажей представленных игр заключается в знакомстве и взаимодействии с другими участниками игры. В течение нескольких часов на каждую из фейковых страниц откликнулись «несовершеннолетние», призывающие к действиям сексуального характера (обмену фотографиями, общению по видеосвязи, покупкой фото- и видеоматериалов сексуального характера и т.д.), оказавшиеся при мониторинге их личности взрослыми мужчинами в возрастном диапазоне от 35 до 45 лет³.

¹ См.: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1, ст. 48.

² См.: Официальный сайт Следственного Комитета Российской Федерации — Взаимодействие со СМИ. URL: <https://sledcom.ru/> (дата обращения: 01.02.2022).

³ См.: Информационный портал «Live.ru» — Расследования. URL: <https://life.ru/s/rassledovaniya> (дата обращения: 01.02.2022).

Кроме того, исследователи заметили удивительную активность детей и подростков в таких взрослых онлайн-играх как «Целуй и знакомься», «Бутылочка», «Знакомства», предусмотренных для более взрослой аудитории. Участие детей и подростков в подобных играх также является угрозой, влекущий к последствиям, представленным нами выше.

По нашему мнению, отсутствие в нормативной базе положения об обявзывании производителей и распространителей особых экспертиз (социальных, психологических, педагогических) в рамках онлайн-игр на предмет насилия и агрессии, а также мониторинг возраста и деятельности участников таких игр — значительный пробел в законодательстве, способный привести к опасным последствиям.

Еще одним правовым актом в сфере обеспечения безопасности несовершеннолетних в сети можно отнести Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹, в котором указаны основные задачи уполномоченных органов в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних, в том числе: обеспечение защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, а также выявление и пресечение случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение противоправных деяний и случаев склонения их к суицидальным действиям.

Для реализации этих целей была создана специализированная Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав практически в каждом субъекте Российской Федерации. В частности, в Московской области была создана Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав района Савелки города Москвы (далее — КДНиЗП) по профилактике негативных тенденций среди детей и подростков в наиболее популярной сети «ВКонтакте». Основопологающей задачей созданной Комиссии является осуществление постоянного мониторинга социальных сетей с целью выявления противоправных фактов и направления информации о них по подведомственности.

Отметим, что в субъектах Российской Федерации, и даже в Московской области, реализация повсеместного мониторинга сети комиссиями не находит широкого применения. Практике известны случаи, когда подростки, совершающие преступные деяния, ранее опубликовывали в сети желание их совершить.

К основам правового регулирования в сфере безопасности несовершеннолетних пользователей глобальной сети мы считаем наиболее целесообразным отнести Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», в частности, статью 20 «Экспериментальная и инновационная деятельность в образовании», в которой закреплены направления по модернизации учебных стандартов и их перехода к современному типу передачи информации с учетом социально-экономического развития Российской Федерации.

Однако, по нашему мнению, существенным упущением в рамках данной статьи является отсутствие специального положения о закреплении особой компетенции у представителей образовательных организациях в рамках формирования у обучающегося медиаграмотности и безопасности в информационной

¹ См.: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999 г. № 26, ст. 3177.

среде, как необходимого условия стабильного существования в рамках непрекращающихся угроз в данной сфере.

Еще одной группой наиболее важных нормативных актов в сфере обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних являются Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, которые на сегодняшний день выступают материальным и процессуальным правовым основанием для пресечения уже совершенных преступлений в данной сфере. Для реализации задач уполномоченными органами в содержание акта были включены следующие статьи: статья 110 — «Доведение до самоубийства»; статья 119 — угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; статья 128.1 — «Клевета»; статья 150 — «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления»; статья 159 — «Мошенничество» и другие статьи.

Содержание отмеченных нормативных правовых актов по рассматриваемому направлению, в целом соответствуют сегодняшним реалиям, но по ряду вопросов являются «догоняющими», не соответствуют современным цифровым требованиям обеспечения безопасности детей и подростков в процессе обмена информации в Интернет-пространстве. Проблема не в непонимании законодателями выявляемых ситуаций требующих правовой реакции, а в неповоротливости системы, способной экстренно реагировать и вносить своевременные правки в существующие статуты.

Библиографический список

1. *Бештоков М.В.* Компьютерно-интерактивная социальная система как среда социализации российской молодежи: структура, потенциал и социализационные риски: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов Н/Д, 2018. С. 12.
2. *Иванов С.И.* Нарушение прав и свобод человека и гражданина сотрудниками уголовного розыска в условиях раскрытия неочевидных преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3 (29). С. 44–47.
3. *Полякова О.О.* Особенности компьютерной игровой активности подростков // Поволжский педагогический вестник. 2018. № 1 (18). С. 13.

References

1. *Beshtokov M.V.* Computer-Interactive Social System as the Environment of Socialization of Russian Youth: Structure, Potential and Socialization Risks: extended abstract of diss. ...cand. of sociological sciences. Rostov N/D, 2018. P. 12.
2. *Ivanov S.I.* Violation of the Rights and Freedoms of Man and Citizen by Employees of Criminal Investigation in the Conditions of Disclosure of Non-obvious Crimes // Bulletin of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. No. 3 (29). P. 44–47.
3. *Polyakova O.O.* Features of Computer Game Activity of Teenagers // Povolzhsky pedagogichesky vestnik. 2018. No. 1 (18). P. 13.

DOI 10.24412/2227-7315-2022-6-298-302

УДК 347.73

И.А. Силантьева

НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Введение: процесс внедрения электронно-цифровых технологий в бюджетную сферу требует своевременного правового регулирования, в связи с чем в статье последовательно рассматриваются различные точки зрения на понятие «бюджетная сфера», определяются тенденции развития цифровизации управления государственными финансами, анализируются нормы, регулирующие информационное обеспечение функционирования бюджетной сферы на современном этапе. **Цель:** провести анализ нормативного правового регулирования повсеместно внедряемых в бюджетную сферу новых информационных технологий, в том числе функционирования отраслевых информационных систем. **Методологическая основа:** использовались как общенаучные, так и специальные методы исследования, среди которых анализ, синтез, формально-юридический метод и др. **Результаты:** выявлено, что на современном этапе цифровизация развивается быстрее, чем правовое регулирование этого процесса, что приводит к значительным законодательным пробелам означенной сферы общественных отношений, и, прежде всего, это отсутствие в законодательстве необходимой терминологии. **Вывод:** выявлена необходимость совершенствования правового регулирования цифровизации бюджетной сферы, в том числе систематизации нормативных технических требований подзаконного характера, приведения региональных и муниципальных правовых актов в соответствие с федеральным законодательством.

Ключевые слова: бюджетная сфера, цифровизация, «цифровой» бюджет», бюджетный процесс, цифровой рубль.

I.A. Silantieva

REGULATORY REGULATION OF DIGITALIZATION OF THE PUBLIC SECTOR: CURRENT STATE AND PROSPECTS

Background: the process of introducing electronic digital technologies into the budgetary sphere requires timely legal regulation, in connection with which the article consistently examines various points of view on the concept of “budgetary sphere”, identifies trends in the development of digitalization of public finance management, analyzes the norms regulating the information support of the functioning of the budgetary sphere at the present stage. **Objective:** to analyze the regulatory legal regulation of new information technologies being introduced into the budgetary sphere everywhere, including the functioning of industry information systems. **Methodology:** both general scientific

© Силантьева Инна Александровна, 2022

Старший преподаватель кафедры финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой (Саратовская государственная юридическая академия); e-mail: silainna@yandex.ru

© Silantieva Inna Aleksandrovna, 2022

Senior Lecturer of the Department of Financial, Banking and Customs Law named after Professor Nina Ivanovna Khimicheva (Saratov State Law Academy)

and special research methods were used, including analysis, synthesis, formal legal method, etc. Results: it is revealed that at the present stage digitalization is developing faster than the legal regulation of this process, which leads to significant legislative gaps in this sphere of public relations, and, first of all, this is the absence of the necessary terminology in the legislation. Conclusion: the necessity of improving the legal regulation of digitalization of the budgetary sphere, including the systematization of regulatory technical requirements of a subordinate nature, bringing regional and municipal legal acts in line with federal legislation, has been identified.

Key-words: budget sphere, digitalization, “digital” budget”, budget process, digital ruble.

Цифровая трансформация выделена в качестве одной из пяти национальных целей развития, которые определены Президентом Российской Федерации на период до 2030 г.¹ Для достижения названной цели установлены определенные целевые показатели, среди которых в том числе «достижение „цифровой зрелости” государственного управления, которое, в свою очередь, объективно связано с функционированием механизма государства как самостоятельного социального института» [1, с. 7].

Бюджетная сфера, являясь «одним из важнейших фундаментов государства и основной финансовой базой его функционирования» [2, с. 10], несомненно, видится «одной из удачных площадок для выработки и отработки новых информационных технологий, формирования правовых режимов их регулирования» [3, с. 128]. В отсутствие законодательно закреплённого определения бюджетной сферы, ученые неоднократно обращались к исследованию этого понятия. В целом обобщая различные точки зрения, можно условно разделить их на несколько групп. Так, одни (например, Д.Ю. Рустамов), определяют бюджетную сферу как «совокупность общественных отношений, возникающих в рамках бюджетного процесса на всех его стадиях» [4, с. 27], то есть включают в нее отношения, регламентируемые исключительно бюджетным законодательством. Другие, среди которых можно назвать Н.В. Омелехину, помимо бюджетных правоотношений включают в бюджетную сферу управленческий аспект [5, с. 78]. И, наконец, представляется наиболее верной точка зрения третьей группы ученых (Ю.А. Крохина, Т.А. Вершило и др.), рассматривающих бюджетную сферу как понятие, «включающее в себя не только отношения, регулируемые бюджетным законодательством, но и другие, опосредованно связанные с бюджетом, регулируемые, в том числе и иным законодательством, предусматривающим финансовые обязательства физических и юридических лиц перед государством (муниципальным образованием), с одной стороны; государства (муниципального образования) перед физическими и юридическими лицами, с другой стороны» [6, с. 140].

На необходимость «нормативно-правового регулирования отношений, возникающих в информационно-бюджетной сфере» неоднократно обращали внимание представители науки финансового права [7, с. 10], что видится совершенно справедливым, ведь с развитием цифровизации «трансформации подвергается и правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением управления

¹ См. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 30, ст. 4884.

публичными финансами, бюджетным процессом, функционированием национальной платежной системы, налоговым контролем и т.д.» [8, с. 3]. Несмотря на то, что проблема отсутствия общих норм, регулирующих информационное обеспечение функционирования бюджетной сферы относительно не нова, приходится с сожалением констатировать, что до настоящего времени в полной мере она так и не решена. Действительно, на современном этапе вполне успешно функционирует достаточное количество отраслевых информационных систем, в том числе информационные системы Минфина РФ, Федерального казначейства, главных администраторов средств бюджетов, финансовых органов публично-правовых образований. Вместе с тем отсутствие специальных норм, касающихся информационного обеспечения бюджетного процесса зачастую приводит к тому, что на «практике денежные средства остаются неиспользованными, причем в больших объемах» [9, с. 11].

Говоря о цифровизации бюджетной сферы в целом, в первую очередь, необходимо обратиться к так называемому «цифровому» бюджету как «одному из базовых и необходимых элементов государственного механизма» [10, с. 9]. Отметим, что именно с принятия в 2011 г. Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами «Электронный бюджет»¹ фактически и началась цифровизация бюджетной сферы, что качественно повлияло на уровень прозрачности, открытости и доступности показателей бюджета для граждан, а также положительно сказалось на качестве управления государственными и муниципальными (общественными) финансами в целом. Соглашаясь с Н.А. Поветкиной относительно того, что «„цифровой” бюджет — это бюджет, который формируется и исполняется с использованием различных цифровых (информационных, электронных) технологий» [10, с. 10], отметим возможность использования в бюджетном процессе технологии распределенных данных блокчейн, которая уже с успехом применяется в других областях, например, в избирательном процессе. Вместе с тем внедрение данной технологии требует детального правового регулирования, отражающего, в том числе, особенности ее использования для целей бюджетного процесса. Еще одним аспектом, на котором необходимо акцентировать внимание, — это ближайшая перспектива внедрения цифровой национальной валюты — цифрового рубля². Это решение также потребует исполнения ряда вопросов правового характера, и в первую очередь корректировки бюджетного законодательства, например, в части закрепления особенностей порядка бюджетного финансирования с участием цифровой национальной валюты.

Можно констатировать, что на современном этапе цифровизация развивается быстрее, чем правовое регулирование этого процесса, что и приводит к значительным законодательным пробелам. Прежде всего — это отсутствие в законодательстве большинства терминов, связанных с внедрением современных цифровых технологий в различные сферы жизни. Так, до настоящего времени в российском законодательстве не сформирована дефиниция термина «цифровиза-

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 20 июля 2011 г. № 1275-р «О Концепции создания и развития государственной интегрированной информационной системы управления общественными финансами „Электронный бюджет”» (в ред. от 1 ноября 2021 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 31, ст. 4773; 2011. № 31, ст. 4773; 2021. № 46, ст. 7699.

² См.: Концепция цифрового рубля (апрель 2021 г.) // Банк России. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400459652/> (дата обращения: 28.11.2022).

ция», но в подзаконных актах данное понятие употребляется. А вот в некоторых из них предприняты попытки сформулировать данное определение, например, в Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 г., в числе ключевых действий, которые будут осуществляться Правительством РФ, названы «меры по внедрению цифровых технологий и платформенных решений („цифровизации”)»¹. Но в то же время отсутствует единое понимание данного термина в юридической литературе. Анализируя предложенные представителями отраслевых наук дефиниции цифровизации, представляется возможным согласиться с позицией Л.Н. Васильевой, А.В. Григорьева относительно того, что «правом цифровизация в большей мере воспринимается как продолжение информатизации „в цифре»» [11, с. 42].

Резюмируя изложенное, отметим, что на современном этапе нормативное регулирование бюджетной сферы нуждается в совершенствовании по ряду направлений, в числе которых: внедрение новых цифровых технологий, т.е. технологий больших данных и др., которые должны сопровождаться своевременным нормативным регулированием на федеральном уровне путем формирования законодательных дефиниций основных понятий, связанных с цифровой трансформацией всех сфер жизни общества и бюджетной в частности; гармонизация бюджетного законодательства с целью разработки общих норм, регулирующих информационное обеспечение функционирования бюджетной сферы; приведение в соответствие с федеральным законодательством большого массива региональных и муниципальных правовых актов, регулирующих означенную сферу отношений.

Таким образом, считаем вопросы цифровизации управления финансами, актуальными и требующими своевременных и взвешенных решений, особенно в части обработки больших баз данных.

Библиографический список

1. Андрюхина Э.П., Ахрем И.В., Бакурова Н.Н. и др. Правовое обеспечение государственного управления и исполнительная власть: учебник для магистров / под ред. С.А. Старостина. М.: Проспект, 2017. 336 с.
2. Крохина Ю.А. Бюджетное право России: учебник для бакалавриата и магистратуры. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2019. 345 с.
3. Омелехина Н.В. Цифровизация бюджетной сферы как предмет правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 127–140.
4. Рустамов Д.Ю. Организационно-правовые основы государственного финансового контроля в сфере бюджетных отношений Республики Таджикистан: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 235 с.
5. Омелехина Н.В. Финансовые риски в бюджетной сфере: доктринальное понимание сущности и видового разнообразия // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 77–88.
6. Вершило Т.А., Вершило Д.Н. Бюджетная сфера и государственное управление // Реализация Конституции Российской Федерации: состояние и перспективы: материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД. Омск, 2021. С. 138–142.

¹ См.: Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утверждены Правительством РФ от 29 сентября 2018 г. № 8028п-П13). URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/utverzhdenu_osnovnyye_napravleniya_deyatelnosti_pravitelstva_do_2024_goda.html?ysclid=lc6d5cuo31941206611 (дата обращения: 28.11.2022).

7. *Леднева Ю.В.* Понятие цифрового бюджета по российскому законодательству // *Финансовое право*. 2019. № 9. С. 9–14.
8. *Бакаева О.Ю., Семенов К.О.* Основные направления совместной деятельности налоговых и таможенных органов в условиях цифровой экономики // *Налоги*. 2019. № 4. С. 3–7.
9. *Вершило Т.А.* Прозрачность (открытость) бюджетных отношений в условиях цифровой экономики // *Финансовое право*. 2018. № 8. С. 8–11.
10. *Поветкина Н.А.* «Цифровой» бюджет: будущее или настоящее? // *Финансовое право*. 2019. № 8. С. 8–11.
11. *Васильева Л.Н., Григорьев А.В.* Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // *Журнал российского права*. 2020. № 10. С. 40–58.

References

1. *Andriukhina E.P., Akhrem I.V., Bakurova N.N.* et al. Legal provision of public administration and executive power: textbook for masters / edited by S.A. Starostin. M.: Prospect, 2017. 336 p.
2. *Krokhina Yu.A.* Budget law of Russia: textbook for undergraduate and graduate studies. 6th ed., reprint. and additional M.: Yurayt, 2019. 345 p.
3. *Omelekhina N.V.* Digitalization of the budgetary sphere as a subject of legal impact // *Journal of Russian Law*. 2020. No. 8. P. 127–140.
4. *Rustamov D.Yu.* Organizational and legal bases of state financial control in the sphere of budgetary relations of the Republic of Tajikistan: dis. ... cand. jurid. M., 2019. 235 p.
5. *Omelekhina N.V.* Financial risks in the budgetary sphere: a doctoral understanding of the essence and species diversity // *Journal of Russian Law*. 2018. No. 8. P. 77–88.
6. *Vershilo T.A., Vershilo D.N.* Budgetary sphere and public administration // Implementation of the Constitution of the Russian Federation: state and prospects: materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs. Omsk, 2021. P. 138–142.
7. *Ledneva Yu.V.* The concept of a digital budget in Russian legislation // *Financial law*. 2019. No. 9. P. 9–14.
8. *Bakaeva O.Yu., Semenov K.O.* The main directions of joint activities of tax and customs authorities in the digital economy // *Taxes*. 2019. No. 4. P. 3–7.
9. *Vershilo T.A.* Transparency (openness) of budgetary relations in the digital economy // *Financial law*. 2018. No. 8. P. 8–11.
10. *Povetkina N.A.* “Digital” budget: the future or the present? // *Financial Law*. 2019. No. 8. P. 8–11.
11. *Vasilyeva L.N., Grigoriev A.V.* Digitalization of society and prospects of constitutional development // *Journal of Russian Law*. 2020. No. 10. P. 40–58.

ИНФОРМАЦИЯ

В ДИССЕРТАЦИОННЫХ СОВЕТАХ In Dissertation Councils

В октябре 2022 г. — декабре 2022 г. в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» защищены диссертации:

на соискание ученой степени доктора юридических наук

21 декабря 2022 года — Герасимовым Александром Михайловичем на тему «Теория уголовного правонарушения».

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор Б.Т. Разгильдиев.

26 декабря 2022 года — Колесниковым Андреем Владимировичем на тему «Органы местного самоуправления в единой системе публичной власти: организационно-правовые аспекты».

Специальность 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

Научный консультант — доктор юридических наук, профессор А.Ю. Соколов.

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

14 октября 2022 года — Якубьяк Юлией Юрьевной на тему «Процессуальный порядок реализации мер гражданско-правовой ответственности должника за неисполнение судебного решения».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.В. Юдин.

14 октября 2022 года — Карповой Анастасией Алексеевной на тему «Процессуальные особенности рассмотрения дел о признании сделок недействительными и применении последствий недействительности сделок в гражданском судопроизводстве».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.В. Юдин.

9 декабря 2022 года — Тумановой Дарьей Сергеевной на тему «Общие и специальные порядки судебного производства по гражданскому делу».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор С.Ф. Афанасьев.

9 декабря 2022 года — Кобзаренко Еленой Михайловной на тему «Особенности судопроизводства по спорам о диффамации в судах общей юрисдикции».

Специальность 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор О.В. Исаенкова.

22 декабря 2022 года — Родиной Екатериной Анатольевной на тему «Противодействие криминальной виктимизации пользователей сети «интернет» в киберпространстве».

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Научный руководитель — доктор юридических наук, профессор А.Н. Варыгин.

ИНФОРМАЦИЯ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ»

1. Редакция принимает от авторов рукописи и сопутствующие им необходимые документы в следующей комплектации (все позиции обязательны!).

1.1 Отпечатанный (четкой качественной печатью на белой бумаге) 1 экземпляр рукописи, сшитый отдельно скрепкой. Объем статьи 8–10 страниц; научного сообщения — до 3 страниц; рецензии, обзора — 3–5 страниц; анонса — 1–2 страницы. Требования к компьютерному набору: формат А4; кегль 14; шрифт Times New Roman; межстрочный интервал — 1,5; нумерация страниц внизу по центру; поля все 2 см; абзацный отступ — 1,25 см.; библиографические ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника и страница. В списке литературы нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте (например: [5, с. 5]). Библиографический список размещается в конце статьи. В нем перечисляются все источники, на которые ссылается автор, с полным библиографическим аппаратом издания (место издания: издательство, год издания, общее кол-во страниц. Например: М.: Юридическая литература, 2010. 200 с.) Ссылки на нормативно-правовые акты и электронные ресурсы оформляются как постраничные сноски.

Электронный вариант материала и сведений об авторе может быть прислан по электронной почте на адрес редакции журнала: vestnik@ssla.ru или vestnik2@ssla.ru (все требования к компьютерному набору полностью сохраняются).

1.2. Отпечатанные (четкой качественной печатью на белой бумаге) сведения об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, адрес электронной почты, контактный телефон (все параметры обязательны); название.

1.3. CD диск (или флеш-карта) с электронным вариантом рукописи в Word (файлу присваивается имя по фамилии автора, например: «Иванова М.И._статья»); и сведениями об авторе: Ф.И.О. (полностью), ученая степень, научное звание, должность, место работы, электронная почта, контактный телефон (все параметры обязательны).

2. Каждая статья или другие материалы (см. п. 1.2) должна начинаться:

а) индексом УДК; б) фамилией, именем и отчеством (полностью) автора (авторов); в) названием; г) местом работы автора (авторов); д) электронным адресом автора (авторов); е) аннотацией содержания рукописи (100–150 слов, не должны повторять название); ж) списком ключевых слов или словосочетаний (7–10).

Все пункты обязательно должны быть переведены на английский язык.

3. Рисунки и схемы вставляются в тексте в нужное место. За качество рисунков или фотографий редакция ответственности не несет.

4. Оформление рисунков и таблиц.

4. 1. Таблицы (рисунки) должны иметь заголовки (названия) и сквозную порядковую нумерацию в пределах статьи, содержание их не должно дублировать текст. Заголовок размещается над полем таблицы (для рисунков – под рисунком). Все сокращения, использованные в таблицах и рисунках (кроме общепринятых), поясняются в примечании. Если в тексте приводится одна таблица, рисунок или формула, они не нумеруются, если более одной, то нумерация обязательна.

5. Авторское визирование: а) автор несет ответственность за точность приводимых в его рукописи сведений, цитат и правильность указания названий книг в списке литературы; б) после вычитки отпечатанного текста и проверки всех цитат автор на последней странице собственноручно пишет: «Рукопись вычитана, цитаты проверены, объем не превышает допустимого и составляет: (указать количество страниц) [дата, подпись]».

6. Все рукописи, принятые редакцией журнала к рассмотрению, подлежат обязательному рецензированию. Рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии журнала. Редакция использует принцип анонимного рецензирования (double-blind peer-review): рецензент и авторы не знают фамилии друг друга. Копия рецензии может быть направлена автору (соавтору) статьи по его запросу.

Примечания:

1. Рукописи, оформленные в нарушение настоящих требований, не рассматриваются и не возвращаются.

2. Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдаче рукописей, принимаются по тел.: (8452) 29-90-87 или по адресу: vestnik@ssla.ru, vestnik2@ssla.ru.

3. По другим вопросам и в частную переписку с авторами редакционная коллегия не вступает.

4. В случае отклонения рукописи решением редакционной коллегии (по результатам внутреннего рецензирования) автору направляется мотивированный отказ, отклоненные рукописи не возвращаются.

5. Если статья (материал) направлялась в другое издание, автор обязан поставить редакцию в известность.

6. С образцом оформления материалов можно ознакомиться на сайте.

7. Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается. Гонорар не выплачивается.

Адрес редакции журнала «Вестник Саратовской государственной юридической академии»:

410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1, к. 216.

Тел.: (845-2) 29-90-87. E-mail: vestnik2@ssla.ru, vestnik@ssla.ru

Сайт: <http://www.ssla.ru/showl.phtml?vestnik-arhiv>